

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главное качество, которое я ценю в личности филолога-русиста (я знаю это по жизни и деятельности моего учителя академика В.В. Виноградова) – необыкновенная любовь к русскому языку. Это чувство невыразимо в словах, но оно ясно ощущается в трудах различных поколений русистов, равнодушно пишущих о русском языке. Любовь к русскому языку нас поддерживает и объединяет в этой непростой жизни.

Я наблюдаю творчество Владимира Ивановича Аннушкина более тридцати лет и с уверенностью могу сказать, что разносторонность, казавшаяся мне иногда разбросанностью, обернулась многообразием творчества в разных областях. Читатель поймет это, едва прочитает оглавление книги, которая составлена из статей, представляющих собой цельный взгляд на мир, науку, события общественной и культурной жизни.

Автор несомненно талантлив, одарен музыкальным слухом, врожденным литературным вкусом и тонким чутьем языка. Но талант не состоится без огромного трудолюбия, трудолюбие же рождается из любви к предмету, а наш предмет – русский язык. В науке о русском языке автор занял вполне определенное место, связав свое творчество с риторикой и словесностью, изучением их истории, а затем продолжив исследованиями современной русской речи. От риторики и словесности оказался прямой путь к более широким обобщениям относительно сущности филологии и задач русистики в целом.

В.И. Аннушкин – замечательный педагог и организатор науки, привлекающий на свои позиции многих сторонников. Это происходит потому, что у автора имеется собственный стиль мысли и слова – средостение филологического труда. Стиль Аннушкина состоит в уважительности к классической традиции и требовательности к современному использованию языка в жизни. Несмотря на то, что вопросы ставятся остро и решаются иногда без острой критики, книга радует и внушает оптимизм.

Лучшее внимание к автору – критика его сочинений, свидетельствующая о неравнодушном прочтении. Могу свидетельствовать, что все написанное в этой книге неравнодушно и потому ждет к себе такого же отклика.

«Хочется поговорить с кем-нибудь о русском языке», – писал академик Виноградов из Тобольска в военные годы. Эта книга – один из таких научных разговоров. Он – интересен.

*В.Г. Костомаров, академик РАО,
президент Государственного института
русского языка имени А.С. Пушкина,
лауреат премии Президента России*

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Как всякая книга, эта – некоторый итог. Только некоторый, поскольку мало ли что накоплено в наших авторских архивах... Но надо уметь ставить точку и без боязни выставить на суд читателя то, что писалось десятилетиями и разбросано веером по быстро забываемым журналам, газетам и сборникам научных статей.

Как всякая книга, данная – претенциозна... В смысле претензии на продолжение традиций определенной научной школы и утверждение собственной точки зрения. Ее название претенциозно вдвойне: это Н.В. Гоголь писал о нашем великом языке «живой как жизнь», К.И. Чуковский повторил в названии своей замечательной книги, академик В.Г. Костомаров продолжил «Жизнью языка»... Поскольку язык в нашей жизни – общественной, политической, культурной, личной – недооценивается, автор давно вынашивал собственное слово-сложение.

Языковая жизнь современного общества бывает то клипогламурной, то агрессивной, то суетно поднимающей «ветр от лица земли», но все мы не можем не видеть и не чувствовать, как на наших глазах творится новый информационный мир, новый стиль жизни, и творится по преимуществу словом. Вопрос «куда ж нам плыть?» как? и на чем? – вопрос новой фактуры речи и изобретения нами новых идей, нового содержания жизни, которая всегда фиксирована и выражена в языке и Слове.

Как не всякая книга сегодня, эта – оптимистична. Несмотря на известную долю критики и печальной язвительности, которые читатель безусловно обнаружит, автор убежден и уверен, что его критика нашей эпохи – не «на грани нервного срыва», она внутренне весела и призывна, потому что тот пласт культуры, этики, философии, на котором мы основываем жизнь, требует «радоваться и веселиться» даже тогда, когда культуру «злословят и изгоняют»... Злословцы и гонители, полонящие нынешнюю массовую культуру, – жертвы собственного тщеславия и невежества,

ибо не ведают что творят. «Не плоть, а дух растлился в наши дни, / и человек отчаянно тоскует...» (эта тоска растворена в радиотелевизионных «воздухах»), «Он рвется к свету из ночной тени / И, свет обретши, ропщет и бунтует» – удивительно, как многие не хотят видеть благорастворенного Света: надо только настроить мысли, ободрить чувствования, представить жизнь в прозрачном, чистом и честном языке.

Сознаю, что статьи книги неровны и не равны. Строгость научного рассуждения с попыткой точно определить предметы филологии, словесности, риторики, ораторики, красноречия, будет меняться критической публицистикой с экспрессивной оценкой наиболее острых понятий вроде *толерантности* или *политкорректности*. Впрочем, все объединено единым авторским взглядом – тем, что В.В. Виноградов точно назвал «образом автора». За него автору и отвечать.

Дальше – тишина авторского собеседования с читателем...

Прежде чем она начнется, не могу не сказать об учителях, вдохновенным трудом и словом которых я пользовался и пользуюсь. Иногда кажется, что это – все культурное человечество, ибо мы все ведем собеседование с Платоном, Аристотелем и Цицероном. Но есть и конкретные дорогие лица: это Юрий Владимирович Рождественский, академик РАО, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, не заставивший, а направивший авторские интересы в сторону риторики и побудивший ее «утверждать». В этом году десять лет, как Учитель принадлежит вечности, но его вдохновенная энергия, идущая от любви к науке и постижению истины, заставляет и нас напряженно трудиться «до той минуты, пока язык не свяжешь». Мои учителя – коллеги Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, незаметно превратившие институт русского языка для иностранцев в своеобразный (без обиды для других) флагман отечественной филологии. А разве не учителя – исследователи, преподаватели и учителя риторики, объединившиеся в Российскую ассоциацию, с кем ведется напряженный научный диалог вот уже более двенадцати лет?..

Как сказано неизвестным учителем в конце вступления к первому на Руси риторическому сочинению начала XVII века: «В сем поставлении – Здравствуйте!»

В.И. Аннушкин

РУССКИЙ ЯЗЫК

РУССКИЙ ЯЗЫК И ДУХОВНОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА¹

Объявлен (а теперь уже в прошлом) «Год русского языка». Но что значит «год русского языка» и что такое «русский язык» для общества и каждого из нас? Иван Ильин, оторванный от России, писал: «И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык. В нем вся она, наша Россия...». Представить бы эту мысль реально: вся Россия – в ее языке! Но русский язык воспринимается общественным большинством либо как скучный свод грамматических правил, либо как не очень интересный школьный предмет. И мыслей, слов в защиту родного языка, свидетельств понимания роли Слова как инструмента творения современного мира, управления общественными процессами и всеми формами жизни мы, филологи, как правило, не находим...

Между тем, язык – средоточие и выражение народного духа, настроения, стиля жизни современного общества. Для того чтобы понять что такое **язык – речь – слово** для современного общества, надо воспринять всей душой классическое понимание Слова:

¹ Статья создана на основе лекции, прочитанной в Рязанском Государственном университете 27 февраля 2007 года. В сокращенном виде опубликована в «Литературной газете» 12–18 сентября 2007 года, № 36 (6136).

«В начале было Слово...» Слово есть Бог. Слово есть Дух. Слово творит мир. Слово человеческое подобно Слову Божию. Если Бог есть Дух, Слово, Любовь, то и деятельность человека прежде всего включает эти понятия, которые выражены в главном отличии человека от других одушевленных созданий – его Слове, языке, речи.

Здесь не обойтись без наших великих предшественников, ибо без «света ушедших умов» (акад. В.В. Виноградов) нам не будет видна дорога в будущее. В предрассветных сумерках лингвистики XXI века один из таких источников света – выдающийся филолог-русист Измаил Иванович Срезневский, классические мысли которого о языке сегодня нельзя не повторить: «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может...»

Народ выражает себя в языке своем. Народ действует; его деятельностью управляет ум; ум и деятельность народа отражаются в языке его. Деятельность есть движение; ряд движений есть ряд изменений; изменения, происходящие в уме и деятельности народа, также отражаются в языке.

Сегодня это значит: народное благополучие, здравие, благоденствие, все формы народной жизни связаны с устройством современного языка. Придется ответить на вопрос: как мы, филологи, и наше общество в целом понимаем: что такое *язык – речь – слово*? Что такое современный русский язык, современная русская речь, современное русское слово в их обширном значении, включающем и охватывающем все стороны жизни современного общества?

Включишь телевизор – там один язык (очень разный!), войдешь в храм – там услышишь со-временный молитвенный язык (молитвословие), выйдешь в парк – и услышишь, проходя мимо симпатично одетых молодых людей обоего пола, мирно звучащее... сквернословие. И все это современный нам русский язык. Язык – это прежде всего тексты, словесная действительность, средство общения и взаимодействия, организации нашей жизни во всех ее сферах. Совокупность словесных текстов составляет науку словесности, но попробуйте обозреть современную словесность – задача покажется непосильной, однако не решать ее нельзя, ибо все мы чувствуем, что живем в едином и вполне определенном мире мыслей, настроений, стиле, который формируется прежде всего языком.

Проблема в частных сферах общения выглядит так: можно ли построить счастливую личную жизнь (читай: реализовать национальный проект демографии через построение здоровой семьи),

если образцов хорошей семейной речи не представляет основной пропагандист современного вкуса – телевидение? Можно ли решить проблему построения эффективной экономики, если не выработан деловой язык документа (гнет вала документов – одна из отметин современного информационного общества), риторическая этика как основа построения честных деловых, партнерских отношений? Можно ли создать благополучное существование, если язык большинства СМИ нарочито настроен на пессимистическое и критическое освоение действительности, что и выражается в соответствующем словесном стиле?

Вот несколько постулатов, которые, на мой взгляд, филологам следует внушать и отстаивать в общественном сознании:

1. Каков язык, такова и жизнь. Именно языком как сознательно управляемым орудием взаимодействия людей, средством выражения либо благотворной, либо злотворной мысли создается определенный образ жизни. Здесь есть о чем поспорить: противоположная позиция, мол, мы только наблюдатели, а не творцы, и разве можно диктовать языку свои законы, уж, куда он, язык, захотел, туда и повернулся... Реально это выглядит так: лезет в нашу жизнь словесная непристойность – да разве с ней справишься? Такова жизнь... Но всякая жизнь требует сознательного управления, и управлять приходится прежде всего своим сердцем, где и рождаются мысли (либо пристойные, либо непристойные). Тогда и жизнь, создаваемая языком, словом, становится либо благодеянием, либо бедствием. Это закон активного формирования языком образа жизни общества.

2. Каков язык, таков и человек. Необходимо вселять в сознание каждого человека (и почаще об этом говорить, особенно в школе), что через язык выражается вся сущность человека: мысли, чувства, воля, дела. Встречают по одежке, провожают по уму, выраженному через слово. Скажи мне слово – и я скажу, кто ты. Классическая формула определения человека во всех гимназических учебниках словесности: человек – создание словесное, а «сила ума и дар слова», по словам главного учителя Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанского, – главное отличие человека от других одушевленных созданий.

3. Культура выражает себя через язык, а хорошая речь может основываться только на культуре. Культура обобщает положительный опыт речевого творчества, указывает способы оптимального пользования речью. Общественное непонимание этого простого постулата лучше всего иллюстрируется отсутствием на телеканале «Культура» какого-либо намека на передачу о русском языке.

4. **Стиль жизни формируется стилем речи.** Мы ясно ощущаем, что живем в новом стиле, но, кажется, абсолютно не понимаем, что бессмыслица идей и безвкусица слова способны испортить всякое благое намерение. Для этого достаточно послушать, как говорят в современном «автомобильном» радиоэфире, отданном на потребу массовому вкусу. Мы живем как в воду опущенные оттого, что сами себя опустили в бездну мысле-словесного бескультурия.

5. **Стиль речи создает общественный настрой.** Основания такого настроения – в наших скрытых помыслах и страстях, а «основания красноречия – страсти» (М.М. Сперанский). Общество, слушающее безвкусные шутки Comedy club и воспитанное на криминальных сериалах, не может реализовать национальные проекты. Отсюда «грусть-тоска» в глазах молодежи, ибо жизнь как «ржачка» не веселит, а криминала выплеснуто столько, что он уже и не волнует. Хотим сменить настрой – надо менять стиль мысли и речи.

Именно в этом предмет филологии. Цель филологии – систематизация словесного творчества, классификация родов, видов и жанров современной словесности, отбор среди них лучших образцов и направление усилий общественно-речевого творчества. Попробуем оценить основные стороны российской языковой действительности.

Язык и семья. Всякое счастье рождается от качества *мысли – слова – дела*. Общество замыслило решение демографической проблемы, желая своим гражданам прежде всего личного семейного счастья, и продолжает вести ... антисемейную пропаганду большинством доступных речевых средств. Из них, конечно, первое – телевидение. Видели вы за последние годы какой-либо фильм, телепередачу, где преследовалась бы элементарная цель – показать просто хорошую современную семью (а таковых вокруг много!), но телевидение, словно осатаневшее, ищет «столкновения страстей», конфликтных ситуаций (это, кстати, реликт художественного воспитания наших молодых теледеятелей, воспитанных соцреализмом), кормит зрителя мифическими сериалами о сытой, довольной жизни, где жизненные проблемы ограничены сексом, вымогательством денег, угонами, захватами, обманами, перестрелками. Но главное, почему этим фильмам не грозит успех, – ужасный, банальный, скучный до ломоты в челюстях, примитивный язык.

Язык и дело. Экономические и социальные реформы не действуют вследствие речевой и культурной неустроенности общества. Всякий социальный и экономический труд – труд речевой,

предполагающий эффективные коммуникации в деловой сфере. Вне активных речевых действий, полученных вследствие риторического образования, невозможно обеспечить общественный диалог и оптимальное руководство деловым сообществом. Сегодня стоит спросить: стала ли деловая жизнь с ликвидацией прежних структур (например, партийных) более эффективной? Каков результат «капитализации» производственных отношений и так ли уж они «капитализированы»? Очевидно, что наши экономические реформы не имели ясного обоснования, выраженного вообще в каком-либо тексте, и не стали предметом демократического обсуждения – а потому они и провалились. Когда замысел неясен обществу, когда разъяснению экономических реформ («связям с общественностью») не уделено внимания, то естественно, что их проведение «сверху» антидемократично, если вкладывать в слово *демократия* понятия уважения к народу и учета его мнения и, значит, собеседования с ним.

Простой пример «капитализации» сегодняшних речевых отношений в деловом коллективе. Если раньше деятельность руководителя контролировалась и была отчасти подотчетна партийному, государственному и профсоюзному начальству, то нынешняя производственная организация поставила во главе многих коллективов людей, деятельность которых бесконтрольна при пассивном отношении со стороны самих работников. Ослабление речевой «спайки» общества (русской коллективности и соборности), отсутствие честного и продуманного замысла реформаторов, отсутствие связей с общественностью и провалы в экономике – звенья одной цепи.

Всякая интеллектуальная деятельность – деятельность словесная, а труд политика, юриста, ученого, педагога, священника, врача, военного, предпринимателя – труд речевой, и, если такой человек не владеет речью, родным языком, его деятельность не может быть продуктивной. Насколько каждый из специалистов получает у нас должную речевую подготовку? В вузах введен предмет «Русский язык и культура речи», но его программа ограничивается изучением норм литературного языка (как правильно говорить: «звонит» или «звонит», какое слово выбрать из ряда синонимов). Обучать следует речевому творчеству, которое необходимо каждому человеку как гражданину общества и профессионалу-специалисту.

Язык и школа. Языковая подготовка пронизывает насквозь весь школьный учебный процесс – в классической русской школе (например, Царскосельском лицее) существовало требование владения хорошим русским языком ко всем педагогам-специалистам.

И этому есть объяснение: каждый учитель выражает знания и общается только на русском языке, а воспитание возможно только с помощью слова. Какие же могут быть знания, если педагог и учащиеся не владеют языком? В сущности, методика есть педагогическое красноречие, ибо подготовка хорошего преподавателя всегда выражена в том, как он общается со своими учениками. Увы, ни пропаганда хорошего языка, ни обучение педагогической риторике как искусству общения с учениками не находятся в светлой точке сознания нынешнего педагогического сообщества.

Язык и политика. Эта сфера будет в ближайший год едва ли не важнейшей вследствие предстоящих думских и президентских выборов. Кто на эту тему что-нибудь внятное произнес или написал? Всякий политик – прежде всего ритор, т.е. мастерский оратор и писатель. «Политика есть общение...» (Иван Ильин). Что у нас написано о политической риторике как искусстве организации политической жизни общества с помощью Слова (речи, языка)? Между тем, в самое ближайшее время нас ждут «слова, слова, слова...». Но наши политики даже начального риторического образования не имеют, до всего доходя «опытным» путем. Конечно, «ораторами становятся», как говорили в древности, но не потому ли так несовершенна наша демократия, что не понимает: в основе политических процессов, воспитания политика-профессионала лежит осознание речевых отношений в обществе, а в основе подготовки политика лежит язык?

Язык и СМИ. Это центр сегодняшней речевой и идеологической жизни общества. СМИ стали «первой» властью вследствие авторитетности по степени влиятельности на умы людей, на создание настроения и стиля как материальной, так и духовной жизни. Этому находится ясное филологическое объяснение: речь СМИ – коллективный вид языкового творчества, результаты которого представляются миллионной аудитории, которая, словно замороженная, внимает и доверяет сказанному. В то же время текст СМИ не храним в культуре (не «культурный» текст), поскольку результаты этого труда не хранятся в памяти аудитории: мы легко забываем то, что смотрели по ТВ, едва ли не на следующий день. Коллективность творчества, авторитетность, нехранимость в культуре создают из СМИ и массовой коммуникации в целом монстра, спрута, чудовище, совладать с правилами поведения которого не представляется возможным... По-видимому, существует какая-то таинственная сила или инертность (не будем все валить на деньги!), которая не позволяет поменять сетку вещания на ТВ, т.е. на Первом канале или на «России», в воскресенье вечером показать что-либо иное, кроме до тошноты надоевших американ-

ских фильмов, «Кривого зеркала» и подобной продукции, от которой стонет стоном и криком кричит всякий здравомыслящий человек.

Стон стоит от многого в государственных СМИ... Сколько сломано копий в блестяще написанных статьях, сколько высказано предложений от самых авторитетных людей и ведомств, но воз почти не движется... Такова цена Слова в демократическом сообществе, и это, в некотором смысле, качество нашей демократии: говорить можно, но эффекта от сказанного почти никакого. Конечно, капля камень точит, но какое коллективное сообщество должно выразить мнение о том, чтобы в России было позволено по воскресеньям (не дважды в году – на 23 февраля и на 9 мая) видеть на государственных каналах не пошлейше развлекательную программу и не фильм-подарок от дяди Сэма? Кто на молодежных радио и телеканалах осмелится изменить тотально навязанный стиль интеллектуально-музыкального примитива и безвкусицы? Только в тоталитарном обществе можно представить, что в эфир не будет допускаться, скажем... русский романс. Согласитесь, что это так, ибо не могут – по идеологическим соображениям – МузТВ или «Русское радио» позволить Шаляпину или Козловскому звучать для нашей молодежи.

Демократия – это было понятно античным риторам – есть прежде всего форма речи. Благоденствия достигает то общество, в котором созданы эффективные межчеловеческие отношения через право каждого человека на речь, которая будет осмыслена, достойна и эстетична.

Как-то наш президент (а именно он главный «ритор» страны) сказал, будучи на Афоне: «Ведь и святой Георгий Победоносец побеждает не копьем, а словом». Но что есть Слово и русский язык, проникающие во все области науки, политики, искусства, культуры, производства, личного бытия? Практическо-прикладного осознания этой проблемы в обществе до сих пор нет и эта «вечная» тема слабовато обсуждается в «Год русского языка». Хотя – «всех долговечней царственное Слово», – и только «от плодов уст своих», согласно Соломону, человек «вкушает добро».

КОГДА ЯЗЫКИ, РАСПРИ ПОЗАБЫВ...¹

Ну, конечно, *народы* должны распри позабыть. Но, во-первых, «народы» и значит «языки» (ударение приходилось раньше на второй слог), а, во-вторых, всякая между-народная распря начинается с конфликта в языке – и если бы народы понимали, что изначально было Слово, мудрое, честное, примиряющее, человечество жило бы спокойнее! Характеристикой же любого народа, объединяющей его в единую общность, является, конечно, *язык*. И от действий в языке зависит не в последнюю очередь благополучие любого государства.

Россия – уникальная страна. Уникальная своим многоязычием, или, в переводе на научный язык, полилингвизмом. Как и каждый человек – «столько раз человек, сколько языков он знает». Понимание этих простых до банальности истин, должно бы, казалось, привести современное общество в состояние всеобщего благоденствия, однако на практике они не только не ценятся, но искажаются и извращаются. Чего стоит одно стремление создать из сегодняшнего населения Украины «моноязычную» нацию, отбрасывая страну и ее культуру на столетия назад, прикрываясь стремлением «войти в Европу». Но всякое забвение или искажение собственной культуры (а знание языков и есть самая что ни есть культура!) в составе других народов-языков не может не отразиться на сегодняшнем внутреннем состоянии и будущем благополучии народа.

А чего стоит политика мировой глобализации с желанием подравнять всех под единый американский стиль жизни, который, конечно, проявляется прежде всего в «американизации» языка. Причем, на словах можно провозглашать, как это делается сейчас в Косове, равноправие всех «шести национальностей», или на

¹ Статья опубликована в «Литературной газете» 23–29 апреля 2008 года. – № 17 (6169).

Украине (где формально все объясняется заботой о возрождении родного языка), на деле же получается полная неразбериха и нестроение. Смею предположить, что это нестроение происходит не только вследствие дурных помыслов радетелей о благе своего народа, но и вследствие элементарной филологической безграмотности, которая сегодня оборачивается против языковых реформаторов болезненными ударами и по их собственным интересам, и по благоденствию и спокойствию их детей и потомков.

Национализм – это хорошо. Если он представляет собой развитие национальной культуры и существует не в ущерб развитию культуры других народов. Академик РАО Юрий Владимирович Рождественский, анализируя дела в нашем языковом образовании в начале 90-х, писал, что национализм отличается от шовинизма тем, что национализм есть развитие национальной культуры, а «шовинизм практикует унижение других культур и этим наносит ущерб собственной культуре».

Мы наблюдали парад национализма в нашей стране (особенно в связи с развалом Советского Союза), который должен был осуществляться во благо каждой нации, получившей «право на самоопределение». Почему же нет желанного благоденствия ни на Украине, ни в Латвии? С точки зрения духовной морали ответ прост: хоть «счастье было так возможно...», его невозможно построить на несчастье другого. Тогда неминуем хаос, поскольку все стороны, участвующие в разрешении ситуации, не могут не ощущать несправедливости происходящего. Впрочем, оптимистический взгляд на историю показывает, что зло не может процветать и господствовать долго: гордые и надменные падут, а униженные и кроткие «наследуют землю»...

Что же подсказывает наука о языке? Существует ряд положений, с которыми нельзя не считаться в планировании языковой политики. Эти положения выработаны историей языкового образования и положительным опытом языковой политики различных государств.

Первое. Должны развиваться *все* языки, существующие на данной территории. Не может быть альтернативы «или – или», должно быть «и..., и...». Худо-бедно ли, но в советское время реально ставилась и решалась задача развития языков малых народов, тем более, языков союзных республик. Сегодня можно говорить о том, что не все в этой политике было совершенно, но очевидна изначальная правильность языковой политики: развиваться должны *все* языки и литературы.

Второе. Юридическое «равноправие» языков не означает их «равенства». Не-«равенство» проявляется в различной степени

развитости языков (Ю.В. Рождественский). Академик РАО, президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина В.Г. Костомаров говорит, что языки «равноправны», но не «равноценны». В этом нет ничего обидного или оскорбительного: есть языки, на которых существует только устная речь (таков язык какого-нибудь племени, не имеющего необходимости в письменной речи, но представителю такого племени надо дать возможность в международном суде защищать свои интересы). Есть малые народы, получившие письменность (таковы малые народы России), но не имеющие развитой художественной литературы и науки – тогда, «распри позабыв», необходимо, чтобы малый народ подтягивался до «старшего брата», не испытывая при этом ни чувства унижения, ни комплекса неполноценности.

Третье. Более развитые языки становятся образцами речевой деятельности для языков менее развитых, оказывая на последних культурно-стилевое влияние в разных областях жизни. Так происходит заимствование не только слов, но и идей, разных форм жизни. В советское время на СССР идеологически ориентировались страны Восточной Европы, но стилистически мы были беспомощны вследствие слабости нашей филологии, ибо образ советского человека (увы, в некотором смысле бессловесного и некоммуникабельного) был непривлекателен для поляков, венгров, чехов... Образ же не столько сытого, сколько риторически раскрепощенного американца привлекал и манил. Полагаю, что мы проиграли холодную войну не столько экономически, сколько риторически, пропагандистски, ведь психологическая война велась речевыми средствами, но искусство риторики по-прежнему *terra incognita* для большинства нашей интеллигенции. Сегодня же властвует английский язык, что проявляется в навязывании как экономических реалий (Макдоналдс, Кока-кола), так и культурно-информационных (копирование западных телепередач, музыки, моды и т.п.), образовательных, развлекательных. Впрочем, так происходит передача культурного опыта, только вот каждая страна вправе спросить: то, что нам передается есть действительно культура или пена, взбитая массовой информацией?

Кстати, русская культура и язык всегда были открыты для таких контактов и заимствований. Ведь наш язык сложился из многообразия «языков»: письменность мы восприняли из церковнославянского, почему весь наш высокий стиль богат «славянщицей», а сам язык в XVIII веке назывался «славенороссийским»; в период татаро-монопольского нашествия наш язык заимствовал тюркизмы, а затем обогащался и грецизмами, и латинизмами, и польскими словами, в петровское время – голландскими, немец-

кими, затем – французскими. Таким образом, наш язык изначально восприимчив к чужому, а вот далее есть два пути: один – смешать французское с нижегородским, слепо копировать чужестранное и то, что странно для нашего сознания; второй (и так бывает в периоды одушевленного и ясного народного сознания) – отбирать все лучшее, что было в культуре-источнике, и на этой основе создать новый стиль. Впрочем, для второго пути требуется напряженность и вдохновение мысле-волевого усилия, которое должно быть разлито в общественном сознании и личном творчестве. Пример первого слепого копирования – наша перестройка, списанная с западных советов; примеров второго творческого созидания – множество: Петр Великий в разных областях деятельности; или создание Словаря Академии Российской – с одной стороны, по примеру французской, с другой, отбирая только русские слова, с гордостью за великий «славенороссийский» язык.

Заимствуемые языки обычно становятся *языками образования*, то есть на них обучают, они входят в учебный процесс, как, например, на латинском, греческом, немецком, французском, итальянском, английском произносились речи в торжественных актах Московского университета второй половины XVIII века. И это при том, что, начиная с первой лекции М.В. Ломоносова на русском языке, в российском обществе все время происходит борьба за русский язык, слышатся требования беречь и защищать его. Итак, наблюдаем ту самую бердяевскую антиномию: при вящей подражательности мы удивительно самостоятельны и изобретательны, но часто последнее свойство просыпается у нас только тогда, когда становится тошно от передразнивания чужого и чуждого, как это происходит сегодня в наших СМИ.

Сегодняшние связи русского языка целесообразно рассмотреть в трех направлениях его контактов: контакты с международными развитыми языками (прежде всего, с английским), восстановление связей на постсоветском пространстве (прежде всего, положение русского языка на Украине и в Прибалтике), русский язык для малых народов России.

Есть ли у нас «распря» с великим англо-американским языком, завладевшим сегодня миром (а, значит, и владеющим умами и стилем жизни)? Несомненно. Только мы настолько мирные люди, что не протестуем, хотя внутреннее возмущение давно мучит общество и всех нормальных людей: кто может спокойно выдерживать пресс американской кинопродукции в воскресный вечер? Кто не заметит, что из 27-ми песен, представляемых на конкурс

Евровидения, 25 поются на английском языке? Кто не заметит, что новый телеканал 2 × 2 отдан не образовательным передачам, не отечественной кинопродукции (которой так много за пределами нашего ТВ – один кинофестиваль «Семья России» чего стоит!), а дешевым мультикам с явно пошлым и безнравственным душком? У кого нет в почтовых ящиках призывных писем изучать «English first» (прозрачная двусмысленность, утверждающая приоритет английского над всеми остальными языками)? Тем не менее, мы мирно дремлем, народ и общество безмолвствуют, выжидая в богатырской неповоротливости: а что же еще будет? какую мерзость (из области человеческих извращений – садистских или сексуальных) покажут нам в воскресный вечер? К сожалению, наши управленческие механизмы (а управление – это язык!) настолько несовершенно, что мы попросту не знаем, какими путями можно высказать мнение так, чтобы оно было услышано?

Кстати, всей этой пассивности несомненно есть объяснение в нашем менталитете: мы – великая нация, сложившая великий язык из многообразия заимствованных ею не просто слов, а самих «языков». Претерпели многое, перетерпим и это. Только под лежащий камень вода не течет. Ждем смены стиля, который, скорее всего, пойдет от нового президента. Как ни был решителен в утверждении своих идей Путин, но с нашими СМИ действующий не смог сделать ничего, ибо это такой сложный речевой механизм, к которому попросту не знают, как подступиться.

Каковы же наши отношения с «языками-соседями» по СНГ? В 90-е годы большинство из них стояли в позе обиженных на великого соседа, всячески лягали ослабевшего льва, пытались диктовать дикие правила, противоречившие логике нашего языка. Так появлялись «Таллинн» и «Кыргызстан», хотя никому не придет в голову предлагать англичанам или французам писать Moscow или Moscva. Были в этом, конечно, тайная зависть и желание унижить близкого родственника по крови с помощью далекого заокеанского дяди... Может быть, есть и здоровое желание поднять свою культуру и язык, только нет понимания, что великая культура не создается по президентскому приказу и одновременно. Так, националистические силы пытаются выстроить на украинском языке разные области науки и образования, во все области жизни ввести украинский язык (например, создать устав воинской службы на украинском) – только дело в том, что культура просто так не создается. Здесь надо бы поучиться на хорошем опыте, а опыт такой имеется как раз у наиболее *развитых* куль-

тур. Придется признать, что человечество знает немного таких культур, которые являются не только примерами и образцами, но и обладают объединяющей силой для других наций, став средством коммуникации и организации социальной, экономической и духовной жизни. Русский язык принадлежит к таким культурам.

Примером построения культурных отношений с другими языками и народами являлись факты активных литературных контактов всех национальных культур и литератур в бывшем Советском Союзе. Пусть эти контакты имели несколько официальный принудительный характер, но ведь культура, образование и воспитание – вообще дело принудительное. Много ли выиграли народы постсоветских республик вследствие образовавшейся «свободы»? Могут ли они похвастаться тем, что их литературу читают, а культуру «почитают» на Западе так, как их читали и почитали в Советском Союзе? Разве не потеряли прибалтийские писатели-литераторы возможности прочтения и слушания всеми другими народами на русском языке? Честно говоря, с упоением и известной долей ностальгии по советским временам читаешь в «Евразийской музе» ЛГ стихи разнонациональных поэтов бывшего Союза, отмечая национальные колориты латышей, белорусов, армян, азербайджанцев, молдаван... Можно спорить со сказанным, но если культурное достижение уничтожается, это квалифицируется в культурологии однозначно: вандализм, т.е. разрушение культуры.

Конечно, правды ради стоит сказать, что на филологическом факультете МГУ, где преподавался курс «литературы народов СССР», у студенчества к нему было слегка скептическое отношение, но это простительно лишь для студентов: на фоне *развитой* античной или зарубежной классики писатели советских республик, конечно, проигрывали. Однако кто может сказать, что к этой литературе было неуважение или ее дискриминация? Общество понимало, что дружба народов есть долг, и нельзя сказать что-то оскорбительное или унижительное в адрес человека другой национальности, либо же с очевидностью нарушать эти права, как это делается в «без-умии» языковых новаций на Украине или в Прибалтике.

«Без-умие» я написал не в оскорбительном смысле, а в смысле делания «без ума». Ведь мы не столько негодуем по поводу запретов на русский язык на Украине, сколько огорчаемся несурзости и глупости происходящего: как можно запретить человеку «думать» на родном языке? А происходит именно это, когда президент Ющенко (я как раз был свидетелем этой новации в июле 2005 года при его беседе со студентами крупнейших вузов)

предлагает: «думайте по-украински...». Но что мне делать, если я человек другой культуры и изначально думаю на другом языке? И ведь никому в советское время (как и никому на западе, который им должен «помочь») в голову не придет сказать в Бельгии, большая часть которой говорит по-французски: «думайте по-фламандски». Хочется сказать словами профессора Горностаева из «Любови Яровой», обращенными к матросу Кошкину: «Товарищ комиссар народного просвещения, вы неграмотны!...»

Еще большее «без-умие» – нарушить принцип теории именования, на котором держится вся восточная и западная филология – он зафиксирован как Сократом, так и Конфуцием: «если имя вещи дано верно, то дело ладится. Если имя дано неверно, дело придет в нестроение». Человеку имя дается от рождения, он сросся со своим именем, оно – его, личное. На Украине же считают возможным «отнять» имя и в паспорте дать человеку другое – и никакая демократия не вступится... Хотя хорошо известно из языковой практики всех народов, что имена собственные не переводятся: если вы из русского Николая делаете в паспорте «Миколу», то почему президент Франции не «Микола Саркази»? Если вы меняете «Скворцова» на «Шпака», то почему не называете «Джорджа Буша» «Георгием (или Жорой) Кустовым» (Буш, как известно, куст)? Разве это не политика двойных стандартов?

А к чему может привести запрет фильмов на русском языке под предлогом развития языка украинского? Самое главное: чем может помешать один язык другому? Почему не развивать оба языка? Зачем вносить в жизнь людей разьединение, разрыв, раскол? «Политика есть искусство объединять людей» (И.А. Ильин). Глядя со стороны на политику украинской власти, читая статьи иных украинцев в Интернете, изумляешься искривленности сознания: люди действуют и пишут словно не подозревая, что все их хитрости и искривления в пользу своего «украинского» в ущерб русскому (российскому) и в реверанс западному шиты белыми нитками?

Вот лишь один пример, взятый из Интернета. С каким профессиональным упоением Пантелеймон Василевский пишет в статье 2005 года, что «творчество украинца Николая Гоголя» «было “пропитано” Украиной, где бы он ни был!» Кто же будет спорить?! Раньше этому радовались и умилялись, сегодня же это предмет для «распри», т.е. разговора о том, что проклятые «москали» ходу не давали переводам Гоголя на украинский язык. Василевский рассказывает о том, что «Тарас Бульба» был впервые переведен на украинский вовсе не в 1935 году, как это указано в библиографическом указателе АН СССР «Гоголь и Украина»

1952 года, а гораздо раньше – во Львове в 1850 году. Порадоваться бы этому открытию да поудивляться вместе, так ведь нет – весь тон статьи говорит о том, что умышленно-де такие факты скрывались...

Однако таких противоречий в науке предостаточно. У меня свежая аналогия с тем же 1952-м годом относительно великого Ломоносова: при всем совершенстве текстологического издания «Краткого руководства к красноречию» (см. ПСС 1952 года) ну не указывают советские издатели достаточно полно зарубежных (немецких и французских) источников, которыми руководствовался и с которых переводил ученый свои тексты. Хотя такая работа была начата еще до революции академиком И.И. Сухомлиновым. Радуюсь и веселюсь оттого, что исследование зарубежных и отечественных источников творчества Ломоносова еще предстоит как доказательство творческих «заимствований» великого русского ученого и человека...

Вспоминает Василевский и Пыпина, писавшего в «Истории русской литературы», что «Гоголь был малороссом до мозга костей...» и Д.И. Овсяннико-Куликовского, писавшего о произведениях Гоголя, что, «читая их, нельзя избавиться от иллюзии, будто это перевод с украинского». Не хватает только слов президента Ющенко, что и «думал»-то Гоголь «по-украински»... Эх, да вот писал-то почему-то по-русски. А я вот думаю, что психолингвистический анализ билингва Гоголя с очевидностью говорит о том, что «мыслил» он наверняка и по-русски, и по-малороссийски (кстати, последнее слово на Украине запрещено или не рекомендовано – так во всяком случае мне было подсказано еще в 1993 году, когда я, исследователь риторик Киевской Духовной академии, выступал с докладом на Международной конференции, посвященной ее юбилею).

Язык есть ключ к мироощущению человека в жизни. Заставить человека говорить на другом языке, забыв родной, – значит перестроить всю его духовную природу, его суть, корни, унижить и растоптать его личность. Забыть родной язык – значит предать и свою историю, и своих предков. И в то же время что благодатнее для каждого народа и каждого человека, нежели попытаться воспринять и понять живущего с тобой рядом человека или народ (через забор или через границу), расположиться к нему всем сердцем, понять образ его бытия – а он-то как раз всегда выражен в языке, сдружиться, осмыслить его характер, способ чувствования и рассуждения!

А как у нас, в России? Не гнетем ли и мы свои малые народы-языки? И на этот вопрос можно найти разные ответы. Все зависит от того, на какую точку зрения встать и какими философско-мировоззренческими взглядами руководствоваться. Можно начать национально-языковую «распрю» под видом того, что-де плохо развиваются у нас языки малых народов России. И кому-то очень нейдет (или хотелось в девяностые годы) посеять рознь между русским и татарским, между русским и бурятским, между русским и якутским, алтайским, чувашским, эвенкийским – продолжать придется долго, поскольку только языков, занесенных в Красную Книгу языков народов России, находящихся под угрозой исчезновения, у нас более 60-ти.

Когда начался парад национализма в 90-е годы, кому только не хотелось повернуть корабль в сторону от России, да сами народы голосуют своим умом (не без-умием) за то, чтобы учить науки на русском языке, чтобы обращаться к русской литературе и культуре, чувствуя себя в «семье единой», а не разобщенной... Ведь если не с Россией, то с кем? С каким из царственных «львов»? С британским? Или с американским орлом взлететь в небо? Грузия уже взлетает... Или, побывав в Болгарии (теперь в Грузию не попадешь), услышал я от бывших «братьев», что, мол, не построили им обещанной Швейцарии ни американцы, ни европейцы, а вы, мол, русские, отвернулись... Но какой благодарностью начинают гореть глаза, когда начнешь лекцию с напоминания о надписи на дверях Храма Александра Невского в центре Софии о том, что русские и болгары «братья навеки»!

Знаете, как вернее всего оценивается благосостояние умов и сердец в бывших соцстранах и советских республиках? По глазам. Когда боролись с советским влиянием (а это было также влияние русского языка, изучение которого наши чешские и польские братья специально доводили до абсурда, преподавая его в детских садах и аптеках), но у них был блеск в глазах. Сейчас же все отмечают, что потеряно главное – интерес к жизни, жить стало не для чего... Значит, трудности воодушевляют: нет скорбей – нет и спасения.

Вопрос же развития языков малых народов действительно серьезный. У нас созданы письменности для большинства народов, населяющих Россию, однако процесс развития этих языков тормозится естественным желанием многих народов примкнуть к более развитому и авторитетному языку, пользоваться плодами его великой культуры и словесности в целом. Однако противоречия здесь никакого нет. Все зависит от умонастроений самих рос-

сиян: как русских, так и других народов. Как чуваш, алтаец, эвенкиец, бурят должны чувствовать в русском человеке брата, так и русские с уважением и любовью обязаны относиться к представителю любой малой народности России. Здесь самое главное – не впасть в пессимизм, критицизм, скептицизм, столь характерный для некоторых людей, любящих «свободу» проявления вседозволенных эмоций. Любовь и дружба между народами есть долг, и наша святая обязанность всеми средствами оберегать священный «языковой» союз, который завещан нам нашими историческими предками.

И последнее: в отличие от монолингва, живущего себялюбиво и замкнуто, человек-полилингв существует радостно и комфортно. Он много знает, ему знакома легкость перехода с одного языка на другой, он подлинно терпелив к человеку другой культуры и психологии. Надо только развивать, а не «гнобить» человека, желающего говорить на родном языке и вынужденного стоять с плакатами (как это происходит сегодня в Крыму), чтобы требовать элементарного – учиться на родном языке.

Не вспомнить ли нам сегодня графа Льва Николаевича Толстого, который писал: «Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись от такого слова, которое разъединяет людей». А начинается такое слово, конечно, в глубинах сердечных, где должны быть благорасположенность и непамятозлобие по отношению к другому человеку, которого нужно «возлюбить как самого себя» и высказать эту любовь на любом языке.

ЯЗЫК – РЕЧЬ – СЛОВО В ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ¹

О реальной силе человеческого слова, роли и значении языка в нашей педагогике говорится мало и, как правило, невыразительно. Тем более мало говорится о благодатном воздействии слова как отражении вочеловечившегося Слова – Бога-Слова. Однако тема эта наиважнейшая, поскольку является средостением человеческой греховной природы, устремленной к Божественному, и Образа Божия, требующего воплощения в образе человека. Слово Божие, лежащее, по словам евангелиста Иоанна, «в начале» всего сущего, явилось инструментом творения и нашло отражение в человеке – создании разумном и словесном. Человек и определяется в духовной литературе как «животное словесное», «тварь словесная» – одушевленное Божие творение, наделенное даром разума и слова:

«Человек есть вещь дивная, велия и прекрасная, дивно от предивнаго Бога осуществованная, ... от души невещественныя и от плоти вещественныя пречюдне сложенная. Человек – преизрядное Владычне создание, яко всесвятыма и неописанныма рукама Божиима сплесканное, тако всесвятым и животворящим дунованием Его оживленное. Человек – предизбраннейшее живущее, елико добротою живота, силою двизания и благолепием чювствования изобилно украшенное, толико светлостию словесньства и ясностию разума пребогато сияющее» (Слово о человеце. Рукописные речи при обучении риторике учеников Выговской литературной школы. Начало XVIII века, цит. по: [Аннушкин 1998: 138]).

Идеями величия человека как существа, наделенного способ-

¹ Статья представляет собой полный текст доклада, прочитанного на Сергиевских чтениях в МГУ им. М.В. Ломоносова и на III юбилейных Свято-Филаретовских чтениях в декабре 2008 г.

ностями мыслить и говорить, начинаются лучшие отечественные учебники, обучающие «словесным наукам». Н.Ф. Кошанский, учитель Пушкина в Царскосельском лицее, вдохновляет учеников, приступающих к изучению риторики и словесности, следующим рассуждением: «Ничто так не отличает человека от прочих животных, как *сила ума* и *дар слова*. Сии две способности неразлучны; они образуются вместе, взаимно и общими силами ведут человека к совершенству, к великой, небом ему указанной цели» [Кошанский 1829: 1].

Однако подобно тому, как с первородным грехом человеческая природа соединяет антонимические божественное и дьявольское начала, столь же антонимична будет оценка языка и словесных поступков человека. Поэтому, с одной стороны, сияет всесовершенное Божественное Слово (именно оно для христианина будет «речевым идеалом»), с другой стороны, языку и человеческому слову будет даваться оценка как «неудержимому злу, исполненному смертоносного яда» (Иак. 1, 26; 3, 5–10). Устремление человека к Богу требует совершенства словесного. Словом «уподобляется человек Богу, имеющему свое Слово. Слово человеческое подобно Слово Божию» [Святитель Игнатий Брянчанинов 1999: 7]. Конечно, святитель имеет в виду долженствование: подобие не означает равенство, но сходство и устремление к уподобляемому. Там, где слово человеческое НЕ подобно Слово Божию, проявлена греховная человеческая природа, а грехи, как правило, будут словесно-речевые – от «языка» и «уст».

Раскрыв «Молитвослов», увидим, что грехи имеют обычно словесную природу, ибо каждое из согрешений либо прямо указывает на «слово» (*злословие, прекословие*), либо связано с речевым действием (как *осуждение* или *укорение*), либо через недолжные страсти соединено со словом (каковы *гнев* и *ненависть*):

«Согрешил: осуждением всех людей – живых и мертвых, злословием и гневом, памятозлобием, ненавистью, зло за зло воздаянием, оклеветанием, укореием, лукавством, леностью, обманом, лицемерием, пересудами, спорами, упрямством, нежеланием уступить и услужить ближнему; согрешил злорадством, зложелательством, злосетованием, оскорблением, надсмеянием, поношением и человекоугодием» [Молитвослов 1998: 124]. Из других согрешений также выделяются «речевые»: *празднословие, смехотворство, соблазнительное поведение с желанием нравиться и прельщать других, оскорбление, раздражение и осмеяние, непримирение, вражда и ненависть, прекословие* и т.д.

Насколько ограничен этот пространственный ряд? Можно ли привести его в систему? Что противостоит этим «темным» словам?

Этот ряд «грехов» реально ограничен текстом, в котором одни понятия встречаются чаще, а другие реже. Он приводится в систему соотносящихся между собой качеств и поступков, иерархия которых выстраивалась не раз в духовной литературе как перечень грехов (пороков, страстей) и добродетелей. Поэтому и всякий практический анализ применения языка и слова, речи и уст будет содержать в себе и гимн языку, и осуждение.

Язык и словесная способность приобретают теперь ту двойственную противоположность, которая будет свойственна всему, что касается до человека. Язык может стать и добром, и злом, и благом, и несчастьем. Антонимические оценки языка (слова, речи, уст) пройдут через все роды, виды и жанры словесности, но содержательные и стилистические качества этих оценок будут существенно различаться в зависимости от философско-этической позиции авторов. Различными будут степень глубины оценки и стилистическое качество попыток рассматривать языковую действительность, но мысль о том, что «язык есть самый благодетельный и самый вредный орган у человека» пронизывает все сентенции о нем [Цветник духовный... 1909: II, 141].

Этот материал требует не только прояснения, но и систематизации. Ответить необходимо, по крайней мере, на следующие вопросы: где искать *материал* для раскрытия этой темы? Как организовать *словесное обучение*, воспитать человека, умеющего пользоваться словом? Какие *науки* занимаются практическим воплощением идей словесного воспитания, подготовки человека, умеющего владеть словом?

Термины *язык, речь, слово, уста* нередко употребляются в духовной литературе как синонимы. Во всяком случае в духовной литературе *язык, слово, речь, уста* обычно понимаются в значении инструмента (орудия) человеческого общения, передающего мысли и связующего нас друг с другом ради взаимных контактов. Человеческое слово – инструмент для создания единомыслия и единосердечия.

Если Слово Божие есть инструмент творения мира, то слово человеческое есть инструмент организации любой совместной деятельности. Очевидно, что наша жизнь приобретает либо божественную, либо греховную окраску в зависимости от того, каким становится наше слово (язык, речь, уста). Архиепископ Сергей Пражский пишет: «Наше слово ослабляется нашей греховностью и не приходит в жизнь полным звуком. Только отсеянное от греха слово является в полной силе, так как оно соединено тогда со Словом, сотворившим мир. Наше слово, исходя из тайников нашей души, неослабленное в своем исхождении греховностью, в

силе потенциального добра, находящегося в нас, попадая во вне, несет в себе добро и свет, поскольку оно соединено с источником света Богом-Словом. Оно воплощается» [Сергий Пражский 1981: 4].

Опыт словесного образования и воспитания лежит в основе формирования *личности*. Вот почему так важно разобраться в опыте, накопленном тысячелетиями духовного развития человечества, правильно оценивая достижения дохристианской речевой педагогики (фольклор, античность) и трезво представляя картину современной словесности, осложненной новыми «речевыми технологиями», как жизни человека в слове. Увидеть во всем этом историческом движении промысел Божий, покориться ему и направить человеческую волю к творческому созиданию совершенной личности – в этом вера и надежда сегодняшнего педагогического движения. Становление *личности* неотделимо от *слова* как основного инструмента передачи знания, воплощения мысли, чувства и воли, средства взаимообщения учителя и ученика.

Созидание мира через активную словотворческую работу представлено в опыте теории именования, смысл которой состоит в создании действительности посредством правильного и адекватного именования предметов. Краткое выражение этой формулы: «если имя дано верно, то дело повинуется». Эта формула характерна как для западной цивилизации (см. диалог Платона «Кратил»), так и для восточной (Конфуций). Наиболее совершенное ее выражение – в начальных строках Священного Писания, где замысел, Слово Божие и деяние объединены формулой «И сказал Бог». Сказанное Творцом воплощается в образе совершенного мира – так осуществляется классическое единство замысла, слова и деяния.

Сотворенный «по образу Божию» человек «нарекает имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт 1, 27; 2, 20) – и его деяния в этот момент совершенны, поскольку сделаны до первородного греха. Падение и изгнание из рая означают для человека и лишение совершенной словесной способности. Слово становится свидетельством и носителем греховности, более того, его основным выразителем.

Материал, касающийся всесторонней оценки *слова – языка – уст*, требует в педагогических целях не столько прояснения, сколько систематического и выразительного описания. Так, современному педагогу представляется достаточно понятной и ходячей мысль о значении и роли языка, но он не находит (а учебники не дают) греющих и вдохновенных мыслей о Слове. Возникает эта ситуация, конечно, вследствие отсутствия обращения к

опыту духовной литературы и духовного образования в целом. Между тем, языковое и духовное образование едины. Язык и формирование языковых способностей человека готовят выражение духовной сущности человека. Духовное образование как возвращение в человеке образа Божия, пользуясь средствами языка, обрабатывает и создает в ученике его внутреннюю, религиозную, возвышенную сторону, формирует его дух и душу.

Результат современных педагогических деяний в сфере воспитания языка и духа бывает различен. Если при обучении язык представляет собой механический набор правил орфографии, орфоэпии и пунктуации («выучил – и забыл»), набор склонений и спряжений, плохо ассоциируемый с практикой речи, то у среднего выпускника наших школ и университетов возникает сомнение относительно самой необходимости в языковом обучении.

Начала вульгарного отношения к языку и слову – в непонимании их практической ценности и духовной природы. Практическая ценность языка должна объясняться ученику с позиции всеобщности языка, охватывающего все сферы человеческой деятельности. От того, как человек владеет языком – инструментом организации деятельности – зависит и результат конкретной деятельности, и благополучие существования в целом.

Первоначальные дохристианские оценки языка и слова имеют в фольклоре как форме культурно-ценностных высказываний, которые народная память сохраняет как ценностную и руководящую к действию. В десятках образных выражений народная мораль фиксирует антонимичность оценок языка. С одной стороны, язык опасен («язык мой – враг мой», «с коротким языком жизнь длиннее»), неумеющий пользоваться языком попадает в сложные ситуации (поэтому «лучше захромать на ногу, чем на язык»); с другой стороны, именно владение языком обеспечивает в жизни практический успех: «язык – стяг, дружины водит», «языком – что рычагом», «язык до Киева доведет» и т.д.

В фольклоре речь идет о достижении практического (обычно личного) успеха. С позиций обыденной морали это – начало языкового образования, и каждый человек постигает эти сведения еще в детстве. Затем (пользуясь этими правилами ежедневно и ежечасно!) человек как бы забывает о правилах речи, хотя именно ими организуется и проверяется всякая его деятельность. Общие правила ведения речи распространяются на все ситуации обыденной жизни и группируются в нескольких смысловых группах: соответствие *мысли – слова – дела* («Сначала подумай – потом говори», «Сказано – сделано»); правила речевых отношений (основываются на вежливости: «доброе слово лучше мягкого пиро-

га»; говорят о соблюдении темы беседы: «я – про сапоги, а ты – про пироги», требуют правильного выслушивания: «язык – один, уха – два, раз скажи – два раза послушай» и т.д.); вычленяются правила для слушающего и правила для говорящего. Эти правила впервые были систематизированы академиком РАО Ю.В. Рождественским [Рождественский 1979: 20–36].

Фольклорные правила речи оказываются значимыми и фундаментальными для всех последующих видов словесности. Так, правило соответствия мысли, слова и дела будет одинаково значимо для всех видов речи и для всякого человека, какой бы профессии он ни был. Исторически известна формула «слова и дела», политики постоянно укоряют друг друга расхождением в соответствии слов и дел. Наиболее простой пример современен: «Если сказал, что при невыполнении своих обещаний «ляжешь на рельсы», ложись...». Но если говорить серьезно, то та же формула «мысль – слово – дело» неоднократно зафиксирована в православной молитве: «Господи, умом ли или помышлением, словом или делом согреших, прости мя».

Возможна систематизация правил и суждений о языке, зафиксированных в текстах Священного Писания. Наметим контуры этой систематизации через анализ фрагментов Ветхого и Нового Заветов. Предлагаемый анализ правил речи считаем возможным назвать *религиозной этикой речи*, поскольку духовная мораль, выраженная в этих текстах, будет говорить о нормах и рекомендациях в обращении с языком.

Религиозная этика речи создает свои построения не на основе практической морали, радеющей об интересах личного успеха, а на основе *духовной морали*, которая предполагает организацию духовного единства всех людей, установления мира, любви, прощения, терпения, великодушия. Взгляды на мир и принципы поведения человека оказываются другими, ценностными оказываются другие категории, которые, может быть, и звучали в практической морали, но были только «лично» выгодны. В религиозной морали все направлено на личность другого человека – «ближнего твоего», которого необходимо чувствовать «как самого себя» в неложном стремлении ко всеобщему союзу любви и всепрощения, единомыслия и единочувствования.

Анализ текстов Ветхого Завета возможно начать с «Книги притчей Соломоновых», где изложена этическая система взглядов на поведение человека вообще и речевое поведение, в частности. При этом сама проблематика «языка» или «уст», встречаясь в трети всего корпуса притч, находится как бы в стороне; отношение к «языку» как инструменту выражения страха Господня, муд-

рости и истины необходимо разглядеть в общей доктрине религиозного текста. В основе любого рассматриваемого ниже текста будет лежать не самодостаточный взгляд на язык, а православно-философская концепция взглядов на мир, место человека в мире, ценностные качества человека (то, что называется замечательным словом «добродетель»). Только уяснив эти философско-этические позиции, следует переходить к правилам самой речи, словесного убеждения, языковых поступков.

Последовательное прочтение «Книги притчей» показывает, как обращение к философии («мудрости») постоянно соединено с действиями в языке. Одно как бы не существует без другого. Многообразие ситуаций, образно описанных в притчах, ведет к тому, что множество сентенций будут повторяться, однако богатство образов требуется для того, чтобы обратить читателя к целостной и неперемняемой системе взглядов.

Почитаем «притчи Соломоновы» глазами педагога, комментирующего текст на уроке современной риторики (словесности, русского языка или литературы – этот материал достаточно широк в своем педагогическом применении):

«Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум, – потому что приобретение ее лучше серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота» (3, 13–14). Обращение к мудрости, внимание к внутренней стороне человека, чистоте его сердца имеет прямое отношение к языку, является основой дальнейших рассуждений. Мудрость – основа красноречия. Практическая польза духовных наставлений – не сиюминутна, как от «золота», но вечна.

«Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что от него источники жизни. Отвергни от себя лживость уст и лукавство языка удали от себя» (4, 23–24). Чистота сердца дает человеку жизнь, долголетие, опору в существовании. «Лживость» и «лукавство» дают жизнь лишь «на мгновение». Антиномия истины и лжи, идущих от «языка», будет постоянно обсуждаться в разных сентенциях.

«Сын мой! внимай мудрости моей и приклони ухо твое к разуму моему, чтобы соблюсти рассудительность, и чтобы уста твои сохранили знание» (5, 1). Кроме многократного возврата к мудрости здесь и обучение искусству слушать (речевое качество), и результат такого «внимания»: ты приобретешь «рассудительность», а «уста твои» – знание. Рассудительность как искусство говорить и «знающие» уста основываются на мудрости.

Систематизация правил, касающихся этики речи в «Книге притчей Соломоновых», возможна через выделение опорных

слов-понятий, которые выражают основную идею изречения. При этом выясняется, что многие предложения синонимичны, взаимопроникают друг в друга. Поэтому с педагогической точки зрения здесь требуется корректный комментарий, пытающийся обобщить этот сгущенный мудростью текст. Ср.:

Многословие – сдержанность: *При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои разумен* (10, 19).

Уместность, действие речи: *Радость человеку в ответе уст его, и как хорошо слово вовремя!* (4, 23).

Пустословие – врачевание мудрым языком: *Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых врачует* (12, 18).

Действие гнева как риторической эмоции: *У глупого тотчас же выскажется гнев его, а благоразумный скрывает оскорбление* (12, 16).

Ложь противопоставлена истине: *Мерзость пред Господом – уста лживые, а говорящие истину – благоразумны Ему* (13, 22). *Уста праведного пасут многих, а глупые умирают от недостатка разума* (13, 32).

Действие кротости на гнев: *Кроткий ответ отвращает гнев, а оскорбительное слово возбуждает ярость* (15, 1) и др.

Анализ «Книги притчей» с точки зрения встречающихся слов-синонимов, обозначающих «слово», показал следующее частотное расположение: уста (67), слово (27), язык (26), речь (6). Самым частотным оказалось слово «уста» – они являются как бы рупорами, непосредственными действующими лицами языка, – и эту метонимию будут продолжать многие православные писатели.

Педагог, работающий с учениками, может просить выписать и прокомментировать притчи, где употребляются данные слова. Например, перечень притчей со словом «уста» обретет следующий ряд предложений:

1. *Ибо Господь дает мудрость; из уст Его – знание и разум.* (2, 6).

2. *Долгоденствие – в правой руке ее, а в левой у нее – богатство и слава; [из уст ее выходит правда; закон и милость она на языке носит]* (3, 16).

3. *Приобретай мудрость, приобретай разум: не забывая этого и не уклоняйся от слов уст моих* (4:5).

4. *Отвергни от себя лживость уст, и лукавство языка удали от себя* (4, 24).

5. *Человек лукавый, человек нечестивый ходит со лживыми устами* (6, 12).

6. *Все слова уст моих справедливы; нет в них коварства и лукавства* (8, 8).

7. *Страх Господень – ненавидеть зло; гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста я ненавижу* (8, 13).

Характерны эпитеты, которые сопровождают антонимические оценки языка: среди положительных эпитетов к словам *слово, язык, речь, уста* находим: *мудрый, разумный, умный, непорочный, праведный, правдивый, вдохновенный, добрый, верный, сказанный прилично, кроткий, мягкий, сладкий, приятный, важный* и т.д.; Среди отрицательных эпитетов выявляются: *глупый, нечестивый, лживый, лукавый, льстивый, коварный, беззаконный, законопреступный, злой, оскорбительный, зловредный, тайный, пагубный, пламенный* и т.д.

Перечень этих эпитетов неформален. Из них выводятся следующие рекомендации: практическая речь должна быть прежде всего мудрой, а не глупой; правдивой, а не лживой; полезной, а не зловредной; кроткой, а не гордой и необузданной. Эти рекомендации даются не как догма, а как размышление и творческое направление.

Трудность анализа данного материала (в этом же его красота) состоит в том, что читатель постепенно напитывается образными синонимическими оценками мудрости и истины, выраженными устами и языком.

Новый образ человека и его словесного поведения (по сравнению с дохристианской культурой) выстраивается в Святом Евангелии. Чтобы понять эволюцию в учениях о речи, совершенную с приходом христианства, возможно сопоставить два текста: рассуждение о счастье и благе у Аристотеля в «Риторике» и Заповеди блаженства. Аристотель называет счастье «целью» всякого человека, и поэтому все разговоры, речи, «уговаривания или отговаривания касаются счастья». Выразительна его формула счастья: «Определим счастье как благосостояние, соединенное с добродетелью, или как довольство своей жизнью, или как приятнейший образ жизни...» [Аристотель 1978: 29]. Аристотелем описаны (именно в риторике как учении об убедительной речи) виды благ, дано определение понятий и видов добродетелей. Любопытен их перечень, соотносимый с категорией прекрасного в человеке: справедливость, мужество, благоразумие, щедрость, великодушные, бескорыстие, кротость, рассудительность, мудрость [Там же: 43].

Христианское учение о блаженстве, вовсе не отвергая принципы практической морали, лежащие в основе речевого учения Аристотеля, тем не менее, кардинально меняет представление о человеке, смещает всю систему ценностей, предлагает иной характер поведения, в том числе, речевого.

В основание речемыслительного поведения и общения между людьми кладутся две формулы: (отношение к Богу) «Возлюби Господа Бога твоего сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»; (отношение к человеку в общении с ним) «Возлюби ближнего твоего как самого себя». Таким образом, религиозная этика закладывает любовь как основную речевую эмоцию в основание межличностного общения.

Поскольку в основании культуры лежит запрет, формулируется запрещение на определенные поступки: «не убий», «не прелюбы сотвори», «не укради». Иные запреты связаны с речевыми действиями: «не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна», другие налагают запрет если не на речь, то на ее психологическое основание – помысл или замысел: «не пожелай жены искренняго своего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, и вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего».

Как принципиальное обновление человеческих взаимоотношений должно быть оценено «открытие Христианством личности в человеке», когда было провозглашено: «Каждый человек бесконечно ценен и важен, уникален и неповторим, послан Богом на дело, которого за него никто другой не может исполнить и не исполнит». Христианство увидело в каждом человеке «уникальную индивидуальность, неистребимый никакими испытаниями и унижениями образ Божий...» [Алексий II 1999: 4–5.] Главнейшей задачей образования становится с тех пор «формирование человека, цельной и целомудренной, нравственной личности» [Там же: 3].

В настоящее время, пожалуй, можно лишь обозреть проблему в целом. Оценка «языка», «речи», «слов», «уст» содержится в Священном Писании, проповедях отцов церкви, в разных жанрах духовной литературы. Причем, оценки «языку» даются как бы внезапно, в контексте общего взгляда на мир. С одной стороны, россыпь этих материалов могла бы составить целый том отдельных сентенций и высказываний, с другой стороны, поражает единство общего взгляда на «язык», который наверняка в будущем можно будет систематизировать более точно.

Сила и влияние Священного писания как основного нравственно формирующего, культурно значимого текста европейской цивилизации были настолько велики, что вся последующая культура так или иначе основывается на них. В результате двухтысячелетнего развития выстроено цельное здание, в котором нижние «ранне-исторические этажи» (с мыслями отцов церкви или средневековых подвижников, например, Аввы Дорофея

или Исаака Сирина) гармонично соседствуют с «верхнеисторическими», где православные подвижники последних двух столетий (святитель Филарет Московский, святой Иоанн Кронштадтский) продолжают наращивать многомысленные и словесноукрашенные этажи. В этом Доме Божиим царствует удивительная стилистическая гармония, поскольку мысли св. Иоанна Кронштадтского будут ясно перекликаться (но не повторяться!) с мыслями Исаака Сирина или Иоанна Лествичника, а рассуждения Сергия Пражского или старца иеросхимонаха Сампсона (Сиверса), или отца Александра Ельчанинова – с мыслями и рассуждениями Василия Великого или Григория Богослова. Понятно происхождение этого чудодейственного мысле-словесного согласия – оно исходит из общего источника: совершенного Слова Божия, воплощенного в текстах Священного Писания.

Взглянем же на ветви этого густого древа духовного красноречия, превосходного сада духовной словесности, благоуханием которого дышит и живет наш современный язык. Это – не преувеличение: современный русский язык в его совокупности – это не только новые речевые технологии, телевизор, компьютер, массовая пресса; это – и его церковно-славянская основа, глубоко-мыслие и сердечная сосредоточенность молитвы, богослужения, проповеди, всякий содержательно и стилистически значительный текст, обращенного к Духу и душе человека.

В настоящей статье возможен лишь конспективный просмотр страниц великих книг, в которых современный исследователь или педагог может обрести материалы для изучения проблем языка и слова. Это – лишь первая попытка привести в систему огромный материал. Вот что пишет Василий Великий в «Беседе о смиреномудрии»:

«Да не будет у тебя софистических прикрас в слове ... речей горделивых и решительных, но во всем отсекай величавость» [Василий Великий 1998: 95]. Какой совет выносится здесь? Удалить из речи лишние красоты, отсесть гордость, решительность и излишнюю величавость, умаляющие достоинство других и мешающие общению. И далее:

«Будь добр с другом, кроток со слугою, непамятозлобив на дерзких, человеколюбив к смиренным, утешай злосчастных, совершенно никого не презирай...» [Там же: 95]. Вновь в основание кладутся душевные качества («добродетели»), которые не только готовят человека к общению, но и задают характер самого общения.

И лишь затем следуют речевые советы: «...приветствуй с приятностью, отвечай со светлым лицом, ко всем будь благосклонен,

доступен, не пускайся в похвалы самому себе, не вынуждай и других говорить о тебе, прикрывай, сколько можно, свои преимущества, а в грехах сам себя обвиняй и не жди обличения от других. Не будь тяжел в выговорах, обличай не скоро и не со страстным движением, ибо это признак высокомерия; не осуждай за маловажное, как будто сам ты строгий праведник...» [Василий Великий 1998: 95].

По этим советам, сделанным более полутора тысячелетий назад, можно узнать недостатки и нашего общения: приветствуем ли мы сегодня друг друга с «приятностью» (удивительное слово, означающее «приятие» другого человека)?; «светлы» или сумрачны наши лица, когда мы отвечаем на обращенное к нам слово?; ко всем ли мы благосклонны или только к близким и друзьям, к тем, кто нам нравится?.. Какой тренировки сердца и выдержки требует такая благосклонность! Разве не распускаем мы себя и свой язык, позволяя то тут, то там сказать резкое, недозволенное слово? Зато, когда человек становится таким благосклонным, он обретает уверенность и спокойствие в жизни.

Многочисленные советы относительно языка и уст находим в учениях Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Аввы Дорофея. Изложению этого материала необходимо посвятить отдельные исследования. Эти советы могут быть систематизированы тематически. Например, все авторы будут писать о *многоглаголании*:

«В какой мере язык воздерживается от многоглаголания, в такой озаряется ум к различению помышлений, а многоглаголанием приводится в замешательство и самый рассудительный ум» (Авва Дорофей) [Дорофей 1991: 39].

«Корень зла в многоглаголании, которое происходит от того, что человек не обдумывает своих мыслей и не управляет своим языком, – и таким образом делается неосторожным в слове, а вследствие этого удобопреклонным к злословию, лжи, насмешкам, которыя уже сами по себе весьма тяжкие грехи...» (Иоанн Лествичник) [Лествица добродетелей... 1996: 32–33].

Даются речевые советы к пользованию языком:

«Пусть язык твой будет кроток, и никогда не встретится с тобою бесчестие. Прибери уста сладкие, и все будут тебе друзьями. Не хвались никогда в речах своих делами своими, чтобы не быть посрамленным» (Авва Исаак Сирин) [Исаак Сирин 1993: 294.].

Современный педагог обнаружит, как современен психологический анализ конфликтного диалога у христианских подвижников: «По тщеславию (человек) не может слышать слово от брата своего. Иной, когда услышит одно слово, смущается или отвечает пять слов или десять на одно слово, и враждует и огорчается.

И когда спор прекратится, он продолжает иметь помыслы на сказавшего ему оное слово, и помнит зло, и жалеет, что он не сказал более того, что сказал, и готовит в себе еще худшие слова, чтобы сказать ему. И постоянно говорит: «Зачем я не сказал ему того-то, зачем он мне это сказал, и я ему то-то скажу,» и постоянно гневается ... Это значит, что зло обратилось в навык. Бог да избавит нас от такого устройства» (Авва Дорофей) [Дорофей 1991: 128].

Приведенные выше фрагменты лишь намечают данную тему. Продолжается она обращением к древнерусской литературе, где изучение образа человека в Древней Руси должно быть предпринято именно с позиций анализа образа человека говорящего, общающегося, иными словами, как воспроизводит себя древний русич в словесном общении со своим окружением.

Возможны, на наш взгляд, два направления исследований (оба используются в педагогической практике). Первый – изучение оценок языка и речи в разных сочинениях древнерусской литературе. Например, правила речи описаны в «Пчеле» XIII–XIV веков (сборник афоризмов и пословиц). Вот какие комментарии извлекаются из приводимых «Пчелой» сентенций:

– человек весь выявляется и просвечивается его речью («Фотий: Слово подобно зеркалу – как тем образ телесный и личный является, также и беседою душевный образ выражается...»);

– правильная жизнь в слове делает человека благополучным («Слово как благим житием одевает душу образом... ласточки тишину проповедают весеннюю, а мудрые слова – беспечалие»);

– в речи надо предпочитать слушание перед говорением («Апостол рече: будь всяк человек скор на послушание, а ленив на глаголение»);

– не празднословь, запрети пустые и праздные речи («Пифагор: удобнее камень все пустити, нежели слово праздно»);

– воспитывать надо не столько словом, сколько личностью и «делами» («Уча, учи нравом, а не словом: кто словом мудр, а дела его несовершенны, тот хром есть»; «учитель нравом да покорит ученика»);

– в правильном действии словом – оружие и защита человека: «То же его знаменье, то же его град, то же его сила, то же его стена» [Семенов 1893: 135, 154].

Подобный анализ можно предпринять по множеству сочинений: «Домострою», сочинениям ораторской прозы и др.

Второе направление – реконструкция образцовых, рекомендательных качеств речи в сочинениях Древней Руси. Пытаясь представить образ древнерусского Древней Руси, нами был предпринят анализ слов, называющих образцовые качества речи. Дело в

том, что при переводе определения науки риторики в первом отечественном учебнике 1620 года учитель-переводчик делал свои комментарии и назвал 6 (!) русских синонимов словам *риторика* и *красноречие*. Во всех этих словах фиксировалось определенное ценное качество речи : «Риторика есть яже научает пути правого и жития полезного *добрословия*. Сию науку *сладкогласием* или *краснословием* нарицают, (далее – учительское дополнение – *В.А.*) понеже красовито и удобно глаголати и писати научает». Затем ритор назван «учителем *благословия*», Димоньтен – «*хитроречивым*», а Кикерон – «началником латинского *хитрословия*».

Анализ слов подобного рода позволил выявить наиболее ценные качества речи. Самыми частотными оказались слова с корнем *благо-* (благословие, благословесие, благоглаголание, благоязычие, благоречие, благоустие, благовестие, благовещание и т.д. – этим списком количество корней не исчерпывается). Несомненно синонимичными ему являются сложные слова с корнем *добро-*: доброречие, добробеседование и т.п.

Любопытно, что слова с корнем *красно-* начинают активно употребляться не ранее второй половины XVII века, хотя красогласование имеется уже в Хронике Георгия Амартола. *Красноглагольником* Андрей Курбский называет Иоанна Грозного, «красноглаголанием...» жен «прельщаются человецы», но сам термин *красноречие* впервые употреблен хулителем красноречия протопопом Аввакумом. Так что красота речи оценивается (как и всякая мирская красота) двояко.

Анализ качеств речи, выраженных словами типа доброречие, краснословие показал, что в древнерусском языке XVII века было не только около 20-ти синонимов слову риторика, но положительным качествам речи противостоят отрицательные, причем в количестве корней ничуть не меньшем, чем положительные. Все эти слова, конечно, показывают требования к речи и они систематизируются следующим образом:

1) благо ↔ зло (благословие, доброречие ↔ злословие, злоязычие, пагубословие, срамословие);

2) красота ↔ некрасота (красноречие, златоустие ↔ нелепословие, гнилословие);

3) правдословие, истиннословие ↔ лжесловие, плетословие, кривоглаголагие, блядословие;

4) способность к речи ↔ бессловесие, безгласие (многовещание оценивается и как способность к речи, и как дурное многоглаголание);

5) «краткословие, потребное везде» (Максим Грек) ↔ много-речие, велегласие, велеречие, долгословесье;

6) содержательность речи ↔ пустота речи (суемыслие и суесловие, празднословие, тщесловие);

7) согласие, совет ↔ прекословие, супротивословие;

8) восхваление ↔ хула (славословие ↔ вредословие, кощунословие, грубословие);

9) громкость ↔ неблагозвучие (многогласие ↔ негладкогласие);

10) сладость словесная ↔ грубость (сладкогласие, сладкоязычие ↔ пагубословие, жестословие);

11) остроумие (остроязычество) ↔ косноязычие, косноглаголанье (подробный анализ этих слов с примерами из древнерусских текстов см. в кн.: [Аннушкин 1998: 18–32]).

Духовная литература и педагогика XIX века продолжают развивать традиции, заложенные святоотеческой литературой. Выше мы писали о той поразительной цельности и преемственности идей, которыми наполняется наша духовная литература. В данном случае представляется важным не просто перечень авторов (их много и они весьма разнородны стилистически), а анализ проблем, которые ставятся духовными писателями в отношении человеческого и Божественного Слова.

Эти проблемы, которые точнее назвать антиномиями слова, можно показать, обращаясь к классическим авторам духовной словесности:

1. Антиномия *уединения / общения*. С одной стороны, православная этика речи рекомендует уединение, ибо собеседование с Богом возможно только в сердечном уединении. Этого сердечного уединения и следует держаться даже в обществе, творя повсеместно молитву Иисусову. С другой стороны, «общительность является обязательной добродетелью христианина» [Язык мой... 1999: 48] – в подтверждение этой мысли приводятся слова апостола Павла к Тимофею, «чтобы они (богатые – авт.) благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны» (1 Тим. 6, 18). Антиномия подтверждается словами Исаака Сирина: «Будь дружен со всеми, а мыслью пребывай один».

2. Антиномия *молчания / доброречия*. Молчание требуется для того, чтобы формировать духовную сосредоточенность, устремленность к Божественному, но молчание не должно перейти в «молчаливость, соединенную с ограниченностью – скудостью душевного содержания и нелюдимостью» [Язык мой... 1999: 40]. Проявление же доброты как основного качества христианина непременно требует доброречия как ответственного и нравственного отношения в слове к своему собеседнику или аудитории.

3. Антиномия *бесстрастия / чувствования*. Духовная этика

речи, по-видимому требует нормализации жизни чувства с запретом на умышленное возбуждение ложных страстей в человеке (чем особенно грешит современная речевая действительность, стремящаяся всячески воздействовать на страстную сторону души). История слов «страсть» и «чувство» требует особого рассмотрения. Здесь лишь укажем, что страсть положена в основу речевого воздействия классическими теоретиками риторики. «Вся сила и мощь красноречия состоит в возбуждении страстей» [Цицерон 1972]. «Основание красноречия суть страсти» [Сперанский 1844: 1]. Лучшие страницы, посвященные анализу «возбуждения и утоления страстей», имеются в «Кратком руководстве к красноречию» М.В. Ломоносова – ср. то, что пишет М.В. Ломоносов о любви: «Любовь есть склонность духа к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение. Сия страсть по справедливости может назваться мать других страстей... и т.д.» [Ломоносов 1952: 176]. Отрицать этическую компоненту в этих авторитетных для отечественной культуры текстах было бы невозможно. В то же время «страсть» в православной этике является синонимом греха и порока – поэтому в молитвенных обращениях найдем: «Господи, покрый мя от человек некоторых, и бесов, и страстей...»; «погаси пламень страстей моих»; (к Богородице) «Жизнодателя Бога рождающая, умерщвлена я страстями оживи... уврачуй души моя многолетняя страсти» и т.п.

«Чувства» же не только не запрещаются, но требуют всякого развития. Поэтому: «Господи, избави мя ... окамененного нечувствия». Таким образом, рекомендуется «уставление страстей» и чувств, которые могут быть следствием правильно построенных речевых отношений.

Анализ и систематизацию правил и суждений о *слове – языке – речи* целесообразно начать с текста, где Словом Божиим в Евангелии выстраивается *новый образ человека и его словесного поведения* (особенно в сравнении с дохристианской культурой). При этом феномены *слова – речи – языка* подчас скрыты или выражены неявно, однако очевидно, что все, сказанное Господом, есть Слово Божие, обращенное к «словесной» сущности человека.

Возьмем для анализа фрагмент одного из основных мест Евангелия – Заповеди блаженства (Матф., 5, 3–16). Кажется, что здесь ничего не говорится о языке или слове, но в некотором смысле дается большее, ибо предлагается этическая основа для действия *языком – речью – словом*. Иначе говоря, там предлагается новый образ «словесного» человека. Для всей предшествующей

шей истории человечества, как впрочем, и для современного «мира», этот образ будет слишком неожидан и нов, он перевернет все представления о правилах поведения, в том числе речевого: то, что было лишь намечено античными философами – «стихийными христианами», теперь обретает глубокое и простое выражение через Слово Божье. Именно неожиданная глубина и простота, внушаемость кратких и вечных истин определяют существо сказанного, требуя от воспринимающих правильности истолкования.

Мы слышим: «Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие...». Оказывается, блаженны не гордые, веселящиеся и наглые, а смиренные и скромные – они получают в награду и «царствие небесное», и «наследуют землю». Эти парадоксальные мысли кардинально изменили духовную жизнь человечества – при отсутствии «фактов и логики доказательств» (чего требуют десять академиков, написавших открытое письмо президенту РФ).

Переворот, преосуществление духа и плоти состояли в изменении внутреннего настроения на бытие, а это – основа для предстоящего человеку вступления в общение с его «ближними». Эта основа – в «чистоте сердца» и «милости», т.е. прежде чем не очистишь сердце свое, не вступай в языковой контакт: «пойди, прежде примиришься с братом твоим...». Мысль о сердечной чистоте и миротворении будет неоднократно проговорена духовными писателями: «В момент рождения слова надо призывать Бога...» (архиепископ Сергей Пражский). Лицезрение Бога, стояние пред Божьими очами, когда очи «Бога узрят», и есть должное внутреннее устремление, предречевой духовный настрой.

После утверждения образа человека начинается образ его речи. Выход в *речь* – *язык*, видимо, начинается там, где появляются глаголы речевого действия: «блаженны *изгнанные* правды ради...» (изгоняют не столько плетью, сколько речью); «блаженны вы, когда будут *поносить* вас и *гнать*, и всячески неправедно *злословить* за Меня» (Матф., 5, 10–11). Это уже вступление в языковое общение с миром, где Господь не обещает мира, покоя и тишины, развлечения и удовольствия, но предупреждает: мир будет «злословить вас».

Все парадоксально в этих новых этических правилах, готовящих образ общения с миром и людьми: вас будут «изгонять», но вы «блаженны», вас будут «поносить и злословить», а вы «радуйтесь и веселитесь» – не в буквальном смысле, но в смысле стойко-стержневого душевного настроения.

Люди, принявшие этот образ, суть «соль земли» (13): не богатые и гордые, изнемогающие от материальной сытости «олигар-

хи», а «нищие духом»; не смехотворцы из Comedy Club и «куршевельцы», а «плачущие» и «милостивые»; не гордые и наглые, последовательно истребляющие друг друга (их сверкающими памятниками уставлены наши кладбища), а «кроткие», наследующие *эту* землю еще в *этой* жизни; не манипуляторы сознания, по всем средствам массовой и личной информации советующие, как незаметно и «благородно» обхитрить, одурачить, облапошить ближнего своего, а «алчущие и жаждущие правды», причем, предрекается, что первые так и будут продолжать «гнать ложь» в суетной ненасытности, а вторые – «насытятся».

Парадоксально, но именно этот образ человека – «кроткого, плачущего, алчущего правды, милостивого, гонимого за правду» и одновременно «радующегося и веселящегося», делает жизнь к чему-либо «годною», «освещая» этот мир и «светя всем в доме». Противоположный образ бытия делает жизнь «негодною – как разве выбросить ее вон на поспание людям» (13–15).

Далее Господь призывает к общению: «Так да светит свет ваш пред людьми» (16). Это может быть даже не прямое речевое общение, а незримый, духовный «словесный» свет, который безмолвно и молчаливо (но не безгласно и «бессловесно, то есть скотски») излучается от всякого, кто духовной работой, молитвой за мир чудесным образом преображает его. «Да не будет слово твое праздно, да не будет молчание твое бессловесно» (Филарет Дроздов, митр. Московский). Уметь через *слово – язык – речь* организовать жизнь – священный долг и обязанность каждого человека, ощущающего свою ответственность перед Богом и людьми.

Литература

Дорофей. Авва Дорофей. Поучения, послания, вопросы, ответы. Репринтное издание. – М., 1991.

Исаак Сирин. Аввы Исаака Сирина. Слова подвижнические. – М., 1993.

Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов вузов. – М., 1998.

Аристотель. Риторика // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. – М., 1978.

Кошанский Н.Ф. Общая риторика. – СПб., 1829.

Лествица добродетелей. Уроки христианского усовершенствования, по руководству «Лествицы» преподобного отца нашего Иоанна, игумена синайской горы, Лествичника. – М., 1996.

Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // ПСС. – М.; Л., 1952. – Т. VII. – С. 89–378, 805–839.

- Молитвослов. Молитвы на всякую потребу. – СПб., 1998.
- Рождественский Ю.В.* Введение в общую филологию. – М., 1979.
- Святитель Игнатий Брянчанинов.* Рассуждение о человеческом слове в сравнении со Словом Божиим // Язык мой – враг мой. – М., 1999.
- Василий Великий.* Духовные наставления. – М., 1998.
- Семенов В.В.* Древняя русская пчела по пергаменному списку. – СПб., 1893.
- Сергий Пращский, архиепископ.* О подвиге общения. New-York, 1981.
- Алексий II.* Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Седьмых Рождественских чтениях. – М., 1999.
- Сперанский М.М.* Правила высшего красноречия. – СПб., 1844.
- Цветник духовный. Назидательные мысли и добрые советы, выбранные из творений мужей мудрых и святых: В 2-х ч. – М., 1909. – Ч. 2. (репринтное издание. – М., 1992).
- Цицерон Марк Туллий.* Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972.
- Язык мой – враг мой. – М., 1999.

ЯЗЫК И ДУХ НАРОДА КАК РЕАЛЬНОСТЬ СЕГОДНЯШНИХ СМИ

Роль и значение языка, речи, Слова для народной жизни, здравия и благоденствия не понимается народом, обществом, творческой интеллигенцией катастрофически.

Включаешь телевизор – и творческие интеллигенты, создатели фильмов, показывают вам очередной шедевр, где убивают, насилюют, но, самое главное – диалоги героев, которые не говорят... В минуты отдыха от драк, сцен насилия, секса и иных «потрясок» они орут: дед-ветеран орет на внучку, внучка орет на отца-милиционера и деда, мать бросается с кулаками на дочь, не в силах ее перекричать. По мнению создателей фильма (конечно, интеллигентов), так говорят в типичной современной семье.

«Совковость» современных режиссеров, этих создателей дешевых сериалов с пышной обстановкой нуворишей, являет их творческий метод – отражать действительность такой, как она, по их мнению, есть. Это достойные продолжатели дела социалистического реализма, не имеющие духовных идеалов, не способные заглянуть дальше коммунальной кухни, не видящие в русском человеке ни способности верить, ни умения любить, не оставляющие им и надежды... – россияне в этих новореалистических фильмах только и делают, что орут, бросаются с кулаками друг на друга...

Да, у нас есть сейчас конфликт поколений, потому что новому поколению властно вправляют мозги (похлеще комсомольских семинаров!), на них брошен незримо вползающий, вкрадывающийся в сердца змий телевизионной страсти. Помните, у Георгия Иванова: «В громе ваших барабанов я спокойно проходил / В стадо золотых баранов не попал, не угодил...» Или у Брехта: «Идут бараны, бьют в барабаны, / а кожа барабанов из самих же баранов...». И в советское время мы были на стороне тех, кто против этих служителей массовых баранов. Но стиль сегодняшних шоу-

барабанов, формирует зомби-баранов однообразным вдалбливанием одинаковых слов, однообразной ритмикой, агрессивно-навязчивым воздействием на все виды чувств.

Затем показывают юных подонков, желающих позабавиться с юной героиней, впрочем есть и положительный герой, который почему-то не воспользовался ее положением, сказав отцу: «Вы, что не верите в человеческую порядочность?»

Но эта линия не может продолжаться в современном российском телекинематографе – ведь это вам не американский фильм, где благородный рыцарь воюет и побеждает. У нас все словно сговорились гнать тяжелую, убивающую всякую надежду «правду-матку», которая, по мысли горе горюющих интеллигентов, в том, чтобы орать, спорить, не договариваться, затем резать вены и со слабой надеждой продолжать жить.

Двумя днями раньше показали фильм о том, как мать едет в Чечню разыскивать сына. По дороге она встречает некую девушку, которая на груди носила фотографию этого парня. Девушка убивает проводника, вместе с матерью они прыгают с мчащегося поезда, девушка умирает на рельсах, мать воет в конце фильма, размазывая слезы по щекам. Конец фильма. Застрелиться и не жить.

Тут же, по той же программе начинается американский фильм: энергичный, деловой, прагматично-проблемный и внутренне оптимистичный. Вы чувствуете, что он сделан с опорой на нравственные ценности общества, в котором живут герои, и видите, что эти ценности не порушены. А когда сюжет фильма закрутится так, что, кажется, далее героям уже деваться некуда, тут-то и придет в американском фильме спасение, обязательный хэппи-энд с обязательной в конце глупой шуткой.

Не пора ли остановиться?

Роль современных СМИ, их воздействия на души людей, настроение – вопрос национальной безопасности и народного здоровья. Мы живем в новую эпоху, когда новые виды речевого общения – СМИ – не регламентированы законом, поэтому невозможно сказать, что можно и чего нельзя.

Вопрос нравственных ценностей становится вопросом национальной безопасности. Как-то вы обмолвились, господин президент, что «ведь и на иконе Георгия Победоносца написано было, что побеждает он змия Словом...». Так каково же будет наше слово: поведет ли оно нас к миру, согласию, мудрости, благополучию или по-прежнему будет вносить пессимизм, раздор, внутреннюю разруху, ненавистный «страх розни мира сего» (Сергий Радонежский)?

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – СЛОВО – ЛОГОС

ПРЕДМЕТ ФИЛОЛОГИИ КАК НАУКИ (обзор концепций)¹

В современной филологической науке и образовании сложилась парадоксальная ситуация: на филологических факультетах не читается курс «филологии» – ср. с другими факультетами, где невозможно не найти разных курсов по факультетской классификации, например, на историческом факультете – различных курсов истории (общей истории, истории России, истории других стран), на философском – философии (разных времен и авторов); то же самое обнаружится относительно химии, физики, биологии и др. Пожалуй, только в филологическом образовании отсутствуют курсы *введения в филологию*. Конечно, их заменяют фундаментальные и необходимые курсы введения в языкознание и литературоведение. Но филология ли это?

Предмет филологии в научной теории и педагогической практике недостаточно ясно отличен от языкознания. Несовершенство

¹ Данный обзор основывается на статье: Филология – словесность – языкознание в классической русской традиции и современном научно-педагогическом процессе // К 80-летию Ю.В. Рождественского / Под ред. А.А. Волкова, А.Ю. Овчинникова, О.Э. Хазановой. – М., 2006. – С. 53–79.

понимания филологии как конгломерата языкознания (лингвистики) и литературоведения, либо как совокупности дисциплин – вне точной определенности научного предмета – очевидно для многих и требует ясного ответа: каков предмет филологии?

Проанализируем, как филология определяется в популярных и профессиональных словарях. В «Словаре» С.И. Ожегова филология объясняется как «совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве» [Ожегов, Шведова 2005: 852]. Понятно, что самостоятельность предмета филологии в данном определении отсутствует, а филология ограничена «языком и литературой». Ю.С. Степанов называет филологией «область гуманитарного знания, имеющую своим непосредственным объектом главное воплощение человеческого слова и духа – *текст*. Ф. характеризуется совокупностью научных дисциплин и их взаимодействием – как общих: языкознание (гл. обр. стилистика), литературоведение, история, семиотика, культурология, так и частных, вспомогательных: палеография, текстология, лингвистическая теория текста, теория дискурса, поэтика, риторика и др.» [Степанов 1996: 592]. Хотя определен главный объект филологии – текст, филология вновь объясняется как «совокупность» дисциплин, куда вошли и история, и семиотика, и культурология – научные дисциплины, предметы которых хотя и могут соединяться, но достаточно самостоятельны.

Характерен вывод Ю.С. Степанова: «Современная филология стремится к «партикуляризму», основанному на принципе «каждый язык – как никакой другой»; т.о., в отличие от языкознания, нет «универсальной, или общей, Ф.», но есть единство разных Ф.» [Там же: 595]. Таким образом, в заключении статьи о филологии ученый приходит к выводу о том, что и предмета-то «общей филологии», собственно говоря, никакого нет.

По-видимому, с оглядкой на статью Ю.С. Степанова предлагает свое толкование Т.В. Матвеева, в словаре которой филология определена как «общее название дисциплин, изучающих духовную культуру народа на основе текстов» [Матвеева 2003: 379]. Затем, в сущности, автор повторяет перечень дисциплин, имеющих у Ю.С. Степанова: «языкознание, литературоведение, семиотика, культурология, текстология, палеография и др.» [Там же: 379]. С историческим толкованием филологии нельзя не согласиться («Ф. складывается первоначально как изучение и комментирование древних культурных памятников, затем развивает различные направления, до некоторой степени утрачивая свою целостность и превращаясь в совокупность родственных наук»). Итак, предмет филологии размыт между многими дисциплинами,

целостность его «утрачена», это – совокупность родственных наук, а сейчас Ф. существует как совокупная форма гуманитарного знания, сосредоточенная на тексте и извлекающая из него массу сведений о физическом и духовном бытии человека» [Там же: 379].

В наиболее авторитетном и популярном на сегодняшний день словаре «Культура русской речи» статья «Филология» отсутствует вовсе, зато есть краткая статья «Словесность» (автор В.Н. Шапошников), в которой автор называет вторым значением термина *словесность* «филологические науки: лингвистика, литературоведение, стилистика и т.д.» [Культура русской речи 2003: 652]. Как видим, это похожая «совокупность родственных наук», вот почему к сопоставлению терминов *словесность* и *филология* придется обратиться позже.

Сходство филологии и словесности особенно наглядно подчеркнуто у Т.В. Матвеевой в статье «Словесность»: «Долгое время термин *словесность* как синоним термина филология был отодвинут и употреблялся очень редко. В настоящее время понятие *словесность* возрождается как олицетворение необходимости сближения сильно разошедшегося преподавания языка и литературы, возвращение филологического подхода, в соответствии с которым язык рассматривается как материал, из которого создаются речевые произведения, а эти произведения – тексты, в свою очередь рассматриваются как произведения словесного творчества» [Матвеева 2003: 310].

Тем не менее, попытки ответить на вопрос «что есть филология?» предпринимались как в истории русской филологии, так и отдельными современными учеными. Среди классиков несомненно должен быть назван профессор Ришельевского лицея К.П. Зеленецкий, написавший после четырех учебников риторики и словесности, ставших основными учебниками Российской империи в 50-е годы XIX века, книгу «Введение в общую филологию» [Зеленецкий 1853]. В этой книге представлена история античной филологии и представление о филологии в средние века, например, описано известное сочинение Боэция «О браке Филологии и Меркурия» [Зеленецкий 1853].

Предмет и история филологии проанализированы в статье С.С. Аверинцева «Филология», напечатанной еще в БСЭ и перепечатанной посмертно в собрании сочинений, названном «София – Логос. Словарь» [Аверинцев 2006: 452–462]. Филология определяется как «содружество гуманитарных дисциплин, изучающих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов» [Аверинцев

2006: 452]. Обратим внимание в данном определении на следующие положения, которые весьма точно показывают позицию автора, справедливо рассматриваемого как одного из выдающихся филологов-классиков: 1) филологии вновь не дано определение как науке, но она рассмотрена как совокупность дисциплин; 2) филология соотнесена только с письменными текстами – на наш взгляд, филология имеет отношение ко всем видам словесных произведений, поэтому духовную историю человечества, выраженную в слове, следует начать рассматривать с устной речи, продолжать письменной и печатной, а завершать (она еще не завершена!) текстами СМИ, сколь бы «плоскими» нам они ни казались; 3) филология будет иметь отношение не только к духовной, но и к материальной культуре, поскольку как словесное творчество она связана с технологией создания речи, которая также есть культурное совершенствование – ср. новые электронные средства речевой коммуникации, которые также имеют право на то, чтобы быть рассмотренными как предмет филологии.

В статье С.С. Аверинцева, общепризнанного филолога-классика, содержатся замечательные наблюдения над «строгостью» филологического метода, которая состоит «не в искусственной точности математизированного мыслительного аппарата, но в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания». Филология и определяется как «служба понимания» [Аверинцев 2006: 456]. Несмотря на справедливость и этическую заостренность этого тезиса, здесь вновь дается, скорее метафорическое, чем научное определение предмета филологии.

Исторический очерк развития филологии полон фактов и наблюдений, которые показывают эволюционный процесс становления филологии от античности до середины XIX столетия. Он начат с тезиса о том, что «филология сопровождала культурного человека не везде и не всегда». Само рождение филологии «запаздывает сравнительно с рождением письменной цивилизации», а ее возникновение есть «показатель не только уровня культуры, но и также ее типа и склада» [Аверинцев 2006: 452–462]. При точности данного наблюдения над различными культурами и цивилизациями, можно заметить, что сама фактура речи способствует возникновению определенных видов текста, в частности, текстов науки и самой филологии, которая названа С.С. Аверинцевым «службой при тексте».

В «Письмах о добром и прекрасном» Д.С. Лихачева имеется статья «Об искусстве слова и филологии», перепечатанная затем в сборнике «О филологии» [Лихачев 1989: 204–207]. Д.С. Лихачев

пишет о том, что в настоящее время количество наук возрастает не только за счет появления новых или их дифференциации, но и за счет возникновения связующих дисциплин. «Роль филологии именно связующая, а потому и особенно важная. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придает широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литературоведение и языкознание в области изучения стиля произведения – наиболее сложной области литературоведения» [Лихачев 1989: 204]. Точное определение выдающимся академиком связующей роли филологии, тем не менее, предполагало очное определение самой науки. Возможно, в таком осторожном отношении есть рациональное зерно, ибо всякое конечное определение ограничено – не в этом ли секрет дальнейшего, пространного и вдохновенного рассуждения Д.С. Лихачева, где природа филологии открывается во всей ее широте?

Будучи «высшей формой гуманитарного знания, соединительной для всех гуманитарных наук» (вновь идея связи), филология необходима, например, историкам для правильного истолкования текста. Но и «лингвистическое понимание текста» недостаточно: «понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи» [Лихачев 1989: 206]. Филология определяется как «связь всех связей. Она нужна текстологам, источниковедам, историкам литературы и историкам науки, она нужна историкам искусства, ибо в основе каждого из искусств, в самых его «глубинных глубинах» лежат слово и связь слов. Она нужна всем, кто пользуется языком, словом; слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит не только в основе науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура» [Лихачев 1989: 206].

Конечно, в этом рассуждении акад. Д.С. Лихачева прослеживается классическая философско-религиозная мысль о «начальности Слова», пронизывающего все элементы бытия. Но это, скорее, то божественное Слово, которое во всем «видимом и невидимом», которое знаково выражает божественную природу всего сущего. В каких «глубинных глубинах» может быть выражена сущность таких не-словесных искусств как живопись, танец или музыка? Природа всякого явления может быть объяснена через язык, или (не есть ли это стилистически более возвышенное выражение) «словом». Всякое искусство знаково и лишь потому «словесно», что мы языком можем описать то, что выражено звуками музыки, кистью художника, движением танцора.

Несомненна связь филологии с культурой – этой мыслью заканчивается научно-популярная статья Д.С. Лихачева, своеобразный гимн-похвала филологии. «Филология – наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная для отдельной личности и нужная для развития национальных культур» [Лихачев 1989: 207]. Актуально в связи с освоением ценностей современного мира и обращение к «иным культурам». Заключительный аккорд статьи столь же поэтичен и возвышен, сколь и неопределен: «Филология оправдывает свое название («филология» – любовь к слову), так как в основе своей опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам» [Лихачев 1989: 204]. Возникает вопрос: что такое словесная культура?

При всей глубине и стилистическом изяществе письма Д.С. Лихачева о филологии приходится сказать, что точного определения филологии в нем не дано, что возможно и не входило в задачу автора, поскольку он предварил свой анализ рассуждением о том, что «ответ на вопрос, что такое филология может быть дан только путем кропотливого исторического исследования этого понятия, начиная с эпохи Ренессанса по крайней мере, когда филология заняла очень существенное место в культуре гуманистов (возникла она значительно раньше)» [Лихачев 1989: 204].

Впрочем в истории науки была книга, которую слабо анализируют современные исследователи, пытающиеся уточнить сущность филологии как науки и искусства. Это – фундаментальное исследование, выполненное Г.О. Винокуром в курсе «Введение в изучение филологических наук», прочитанном им в 1943–44 и 1945–46 учебных годах в МГУ им. М.В. Ломоносова и МПГУ им. В.П. Потемкина. Он как раз поставил задачу проследить историю филологии, сопоставить филологию с языкознанием и другими науками, и надо сказать, что его монография насыщена таким «кропотливым историческим исследованием», об отсутствии которого позднее писал Д.С. Лихачев [Винокур 2000]. При всей широте привлеченного материала это исследование более рассматривает фигуру филолога как «человека читающего» и менее как творца культуры, которую, на наш взгляд, следует рассматривать сквозь призму развития всех форм коммуникации в истории человечества. Тем не менее, на сегодняшний день это основная книга, где последовательно изложено историческое исследование филологии как явления науки и искусства. Впрочем, один из выводов Г.О. Винокура: «...филология не есть и никогда не была наукой в собственном смысле этого слова, хотя в ее задачи и входит применение научных данных» [Винокур 2000: 72].

Среди современных ученых, разработавших курс общей филологии, должен быть назван Ю.В. Рождественский, ясно и недвусмысленно определивший предмет общей и частной филологии в начале своего труда «Общая филология». Филологическое творчество, по мысли ученого, соединено с анализом текста, принципами его порождения, восприятия, бытования в культуре. «Филологическое знание состоит в проникновении не только в содержание того или иного текста, но и в его истолковании» [Рождественский 1996: 19]. В исследовании текста, согласно Ю.В. Рождественскому, анализируются не только «конкретные условия возникновения текста, проблема авторства и аудитории, конкретное содержание и индивидуальный характер исполнения, ... изучаются условия вхождения текста в данную область культуры, его роль в данной области культуры, взаимоотношения данного текста с другими текстами, проявляющиеся в содержании и языковой форме текстов» (это предмет частной филологии как изучения конкретных текстов), но и «общие исторические закономерности понимания и истолкования текстов на фоне развития культуры, прогресса в знаниях и речевом общении, технического прогресса в создании текстов» (предмет общей филологии) [Там же: 19].

Обратим внимание на то, как филологические принципы анализа текста соединяются с принципами культуры: текст может войти или не войти в данную область культуры – филолог не только отслеживает этот процесс, но и активно влияет на него собственными оценками. Обратим внимание и на то, что Ю.В. Рождественский (в отличие от Г.О. Винокура, С.С. Аверинцева и Д.С. Лихачева) включает в область филологии не только письменную и печатно-литературную речь, но и начальную форму бытования языка – устную речь, которая является начальной формой человеческого общения. Доходит же рассмотрение до современных форм бытования языка (слова) – средств массовой коммуникации с ясным взглядом в будущее, где развиваются новые технологии создания речи с помощью электронных носителей информации.

В общей филологии систематизируются все виды текстов – и эта систематизация может иметь вполне определенные приоритеты. Так, в русской филологии с 50–70-х годов XIX столетия произошло смещение интересов от систематизации *всех* имеющихся видов текстов (называвшихся родами и видами словесности) к преимущественной классификации форм изящной литературы. На ограниченность данного подхода, его исторические причины и опасность для будущего практического существования общества

Ю.В. Рождественский указывал неоднократно и в других трудах, призывая заниматься всеми видами прозаической словесности (особенно деловой, риторикой СМИ), честно анализируя истоки советской социалистической риторики. Результатом пренебрежительного отношения к прозаическим формам речи стал проигрыш в психологической войне, что имплицитно предрекалось в суждениях Ю.В. Рождественского 80-х годов и что в конце концов и произошло. Следствием нынешнего унылого состояния умов и общественного сознания (что проявлено в деятельности наиболее авторитетных органов речи – СМИ) в целом является также риторически пассивное состояние духа и настроения, не способное к энергичному творческому изобретению идей и честному, риторически эффективному воплощению их в словесной реальности.

В филологии Ю.В. Рождественского устанавливается зависимость форм, родов и видов словесности от технологии создания речи и показывается зависимость форм культуры от развития форм коммуникации. В сущности культуроведческие исследования Ю.В. Рождественского являются попыткой рассмотреть фундаментальные принципы развития языка через технику создания речи, приложить принципы филологического анализа ко всем формам культурной деятельности, находящим описание в культурологических исследованиях.

Заслугой Ю.В. Рождественского является ясное отделение предмета филологии от предмета языкознания и литературоведения. Предмет филологии – «словесность, или языковые тексты. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих культурное значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо сначала обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений» [Рождественский 1990: 112].

Классификация произведений словесности по родам, видам и жанрам в их историческом развитии и современном состоянии выполнена Ю.В. Рождественским в «Общей филологии». Очевидно, что исторически языкознание как научный предмет следует филологии. Эта историческая последовательность выражена в следующем суждении Ю.В. Рождественского: «После разбора и классификации произведений словесности их необходимо прочесть и оценить. Для правильного прочтения текстов филология выделяет языкознание и науки о речи» [Рождественский 1990: 113].

У языкознания имеется свой предмет: система языка и объяснение фактов языка на разных его уровнях (фонетическом, лекси-

ческом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом). Хотя языкознание включает различие понятий *язык* и *речь*, оно не обращается к анализу речевой реальности. Отсюда стремление многих лингвистов создавать новые области практического приложения языка. Рождаются юридическая лингвистика, лингвистика общения и т.п.

Учебник А.А. Реформатского начинается словами: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения», парадокс состоит в том, что «Введение в языкознание» А.А. Реформатского более обращено лишь к анализу системы языка и его устройству и в сущности не описывает его как средство общения.

Термин-концепт *язык* требует изучения его исторической эволюции. В истории русских филологических наук слово *язык* в функции главного атрибута человека заменило термин *слово*: как науки назывались «словесными» (а не языковыми или лингвистическими), так и главным отличием человека от других одушевленных созданий считалось *слово* = *логос*, включавшее в себя «силу ума и дар слова» [Кошанский 1829: 1].

Поскольку лингвистика XX века мало затрагивала проблемы общения, рождаются такие терминологические новообразования как «лингвистика общения», или «грамматика общения». Объясняя строение языка, языкознание в сущности не занимается и не занималось применением языка. Применяется же язык, конечно, в речи как практическом использовании языка, текст же является конечным продуктом речевой деятельности.

Поскольку недостатки соотношения языкознания с языковой реальностью становились все очевиднее, требовалось создание новых наук, каковыми и становились, например, прагматика (согласно определению Н.Д. Арутюновой, «наука об употреблении языка в речи»), или лингвистика текста, т.е. анализ существования и функционирования текста. Данные новообразования были бы гораздо более эффективны, если бы рождались с опорой на знание традиции русской филологии, в частности, существовавших учений о речи.

В связи со сказанным вытекают постановка и решение двух насущных задач:

1. Необходимо изучение истории русской филологии, или филологических словесных наук в России, которое в настоящее время подменено историей русского языкознания с наложением схемы и содержания современного языкознания на реальную историю и содержание тех наук, которые изучались в университетах, гимназиях, лицеях XVIII–XIX столетий. Изучение истории русской филологии должно вестись как исследование состава

«словесных наук», заявленных впервые М.В. Ломоносовым и затем развитыми в курсах выдающихся русских ученых-филологов А.А. Барсова, А.Ф. Мерзлякова, Я.В. Толмачева, Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, К.П. Зеленецкого, Ф.И. Буслаева и др.

2. При том, что филология может рассматриваться как совокупность «филологических дисциплин» вследствие своей исторической первоначальности, филология имеет собственный предмет, который должен быть ясно отличен от лингвистики, литературоведения и др. Состав терминов филологии существенно отличается от состава терминов лингвистики, который мы наблюдаем в современных изданиях словарей языковедческих терминов (ср. энциклопедический словарь «Русский язык» под ред. Ю.Н. Караулова или «Лингвистический энциклопедический словарь» под ред. В.Н. Ярцевой). В данных словарях, кстати, отсутствуют такие филологические термины как *словесность*, *фактура речи*, *орудие*, *материал речи*, *правила речи*, терминология большинства видов и жанров словесности (например, *ораторская речь*, *документ*, *эпистолярная письменность* и т.д.). Вся эта терминология говорит о языковой/речевой реальности современного постинформационного общества, и если она не описывается грамотно и эффективно, то не в этом ли наша языковая, а затем и общественная отсталость?

Современная филология обращена к насущным проблемам современной общественно-речевой практики. Целью филологии является описание всех видов современной словесности с выявлением целей, задач, содержания, форм общения, выражения этих форм в различных жанрах речи, стилистического своеобразия текстов.

В сущности нам всем требуется стать «историческими оптимистами», показывая примером собственного творчества возможности приложения языка в речевой реальности. Основой такого приложения может быть только критерий культуры как неконсервативного сохранения национальной культурной традиции, опоры на прецеденты деятельности, сознательного применения понятий правильности и нормы во всякой сфере деятельности.

Литература

Аверинцев С.С. Филология // Слово-Логос. Словарь: Собрание сочинений. – Киев, 2006. – С. 452–462.

Аннушкин В.И. История русской риторики. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2002.

Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. – М., 2000.

- Зеленецкий К.П.* Введение в общую филологию. – СПб., 1853.
- Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М., 2003.
- Кошанский Н.Ф.* Общая риторика. – СПб., 1829.
- Кошанский Н.Ф.* Частная риторика. – СПб., 1832.
- Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
- Лихачев Д.С.* Об искусстве слова и филологии // О филологии. – М., 1989. – С. 204–207.
- Матвеева Т.В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М., 2003.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. – М., 2005.
- Реформатский А.А.* Введение в языкознание. – М., 1996.
- Рождественский Ю.В.* Лекции по общему языкознанию. – М., 1990.
- Рождественский Ю.В.* Общая филология. – М., 1996.
- Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1997.
- Степанов Ю.С.* Филология // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1997. С. 592–596.

СЛОВЕСНОСТЬ¹

СЛОВЕСНОСТЬ – 1. Совокупность словесных произведений (текстов) русской речевой культуры. 2. Дар слова, способность человека выражать свои мысли и чувства в слове. 3. Искусство слова, словесное творчество. 4. Наука о Слове, или совокупность «словесных наук», аналог филологии.

Впервые научно обоснованное употребление термина *словесность* обнаруживается в Словаре Академии Российской 1789–1793 гг., где оно означает «знание, касающееся до словесных наук» и «способность говорить, выражать» (Т. V, с. 536). Любопытно, что здесь это еще не наука, однако именно определения Словаря создали предпосылки для рождения и утверждения *словесности* как одного из ведущих терминов русской филологической науки. В дальнейшем авторы первой половины XIX века осмысливают *словесность* не только как «способность выражать мысли словами» (А.С. Никольский), но прежде всего как совокупность наук. А.С. Никольский в «Основаниях словесности» 1807 г. пишет, что *словесность* образует две науки: *грамматику*, научающую «правильному употреблению слов», и *риторику*, показывающую «способ, как располагать и изъяснять мысли». Л.К. Яков называет словесностью «умозрение словесных наук».

Научное формирование предмета словесности связано с реорганизацией филологического образования в России начала XIX столетия, когда русская словесность приобрела черты стройной последовательной теории в учебниках Я.В. Толмачева,

¹ Статья подготовлена для Словаря «Культура русской речи» и опубликована в измененном виде в ряде изданий. См., в частности, предисловие (совместно с В.Г. Костомаровым) для 4-томного переиздания учебника: П. Смирновский. «История русской словесности». I–IV т. – М., 2009. См. также статью: «Словесные науки в «Словаре Академии Российской». Репринтное издание. Т. IV. – М., 2003.

А.Ф. Мерзлякова, Н.И. Греча, Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, В.В. Плаксина, К.П. Зеленецкого и некоторых других ученых-филологов. В начале этого периода *словесность* понимается только как «природная способность человека изъяснять мысли и чувствования голосом» (Я.В. Толмачев, 1815 г., цит. по: [Аннушкин 2002: 290]), или как «дар слова, которым Творец наградил свое любимое создание – человека» (Н.Ф. Кошанский, 1829 г., цит. по: [Аннушкин 2002: 302]). Затем понимание словесности расширяется до совокупности всех текстов речевой культуры, поэтому в русских частных риториках существует тенденция классифицировать и описывать все существующие роды, виды и жанры словесности. Первые попытки предпринимаются А.Ф. Мерзляковым в «Краткой риторике» 1804 г., когда в состав изучаемых видов словесности вводятся: «1) письма; 2) разговоры, или диалоги (письменные, литературные); 3) исторические сочинения (биографии, повествования, описания, истинная и вымышленная история – «романы»); 4) учебные сочинения, включавшие научные рассуждения и учебники; 5) ораторское красноречие (речи политические, судебные, торжественные, духовные, академические).

В сочинениях Н.Ф. Кошанского еще сохраняется термин «словесные науки», куда входят грамматика, риторика, поэтика, но уже И.И. Давыдов в «Чтениях о словесности» (1837–1843) выстраивает достаточно сложную классификацию, выделив три группы понятий:

I. Словесность как наука («постижение законов изящного в слове») и как искусство («творчество, или произведение творчества, выражающее идею изящного»).

II. Словесность как наука имеет свою философию («творящий дух в его производимости»), историю («явления изящного в творческих созданиях словесных»), критику («способность наблюдать степень приближения образцовых словесных творений к своим идеалам, развитие и облагородствование чувства изящного»).

III. К «науке» относится объективная словесность, которая включает три больших раздела: 1) теория языка, 2) теория изящной речи, 3) теория слога. К области объективной словесности принадлежат грамматика и риторика, рассматриваемые применительно к конкретному языку или народу. К «творчеству человеческого духа» относится субъективная словесность – ее воплощением являются тексты словесности (это уже не «наука»!); поэзия и красноречие. Разделение последних базируется на дихотомии «словесные произведения мира действительного и «мира идеально-возможного, гармонии и идеалов с чувственными образами, духовного подражания природе в слове». Родами красноречия

являются история, философия, ораторская речь, родами поэзии – эпос, лирика, драма (цит. по [Аннушкин 2002: 338–347]).

В современной филологической литературе термин *словесность* только начинает восстанавливаться и получать четкое научное описание. Наиболее обстоятельно и обоснованно использует его Ю.В. Рождественский, не только возрождая его из исторического небытия, но и придавая ему конкретный научно-терминологический смысл:

«Языковая деятельность состоит из высказываний. Отдельное высказывание в филологии называется *произведением словесности* (выделено автором – В.А.), а вся совокупность произведений словесности – словесностью. Словесность, или языковые тексты, – предмет филологии. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих культурное значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений» [Рождественский 1990: 112].

В соответствии с русской филологической традицией Ю.В. Рождественский пытается выстроить наиболее полную классификацию родов и видов словесности, приспособив ее к современному информационному обществу: 1) устная словесность: а) дописьменная (диалог, молва, фольклор), б) литературная (ораторика, гомилетика, сценическая речь); 2) письменная словесность (сфрагистика, эпиграфика, нумизматика, палеография, включающая: письма, документы, сочинения); 3) печатная словесность, или литература (научная, художественная, журнальная); 4) массовая коммуникация (массовая информация в виде радио, телевидения, прессы, кино; реклама и информатика).

Необходимо возвращение к правилам словесности, среди которых Ю.В. Рождественский выделяет *внешние правила*, регламентирующие «порядок создания, передачи, приема и хранения словесных произведений», и *внутренние правила*, регламентирующие лингвистическое строение текста с помощью «искусства речи и наук о речи (логика, грамматика, поэтика, риторика, стилистика)» [Рождественский 1996: 22–23].

Характерно восстановление предмета словесности в современной школе. В учебнике «Русская словесность» Р.И. Альбетковой для 7-го класса термину *словесность* приписаны три значения:

«Во-первых, это словесное творчество. Это искусство рисовать словом картины и изображать людей, рассказывать об их поступках и переживаниях, выражать словом мысли и чувства.

Кроме того, словесность – это все произведения искусства слова: устное народное творчество и книжность, письменная литература.

И наконец, словесность – обобщенное название всех наук о языке и литературе – это грамматика и лексикология, история и теория литературы, стилистика и риторика и другие науки» [Альбеткова 2000: 9].

Последнее толкование приближено к толкованию, которое имелось в университетском курсе И.И. Давыдова, где словесность включала весь цикл наук о языке (теорию языка, теорию речи и теорию слога). Современный перечень наук выглядит несколько странно, потому что, строго говоря, такая классификация не обнаружится у современных ученых-лингвистов. Тем не менее, данное определение перспективно, поскольку оно показывает ясно восстанавливаемую историческую связь классической русской филологии и современных наук о языке и слове.

Подведем некоторые итоги относительно содержания самого термина *словесность* и перспектив словесности как научной и педагогической дисциплины.

1. Словесность этимологически определяется как способность человека выражать свои мысли и чувства в слове. Поэтому словесность объяснялась в классических русских учебниках как природный дар, которым человек отличен от других одушевленных созданий. Владение словом показывает в человеке божественное начало, отражая в нем образ Божий.

2. Словесность – это совокупность словесных произведений. Можно говорить о словесности какого-либо народа, например, русской словесности. Рассмотрение всей совокупности произведений словесности невозможно, поэтому филологи ставят вопросы о классификации и отборе наиболее ценных и культурно значимых текстов.

3. Словесность изучается и осмысливается как искусство создания словесных произведений. Словесность как искусство речи предполагает постижение законов словесного творчества и обучение правилам, приемам создания словесных произведений.

4. Классический термин *словесность* был для русских ученых первой половины XIX века аналогом термина *филология*, поскольку само слово имело логосическую, мироустраивающую функцию. Поэтому словесность и определялась либо как совокупность «словесных наук», либо как «наука о Слове».

5. Современная словесность как наука занимается прежде всего изучением существующих словесных произведений. Задача современной теории словесности – классификация и изучение

специфики родов, видов и жанров словесности, отбор и изучение образцов словесного творчества. Теория словесности должна восстановить в правах такие незаслуженно забытые для изучения и обучения виды словесности, как ораторика (публичная речь), деловая проза, письма, показать современному учащемуся разницу между художественной и научной литературой, выяснить специфику и роль средств массовой информации, наконец, оптимально представить современную разговорно-бытовую речь и правила этикета.

6. Подлежат изучению разные роды и виды словесности:

а) художественная, изящная словесность, приравненная ныне к «литературе» (хотя ни словесность, ни литература не ограничиваются художественными текстами);

б) устная словесность, включающая не только фольклорные произведения, но и бытовые и ораторские формы речи;

в) научная словесность, объемлющая произведения научной речи (кстати, почти нетронутая проблема – существование устной научной словесности в научных диалогах, построении научных докладов, конференций и т.д.);

г) деловая словесность, словесность средств массовой информации и т.д.– по родам и видам словесности (сколь бы необычно это ни звучало для современного пользователя);

д) возможно говорить и о видах профессиональной словесности (как мы говорим о церковной словесности, политической, юридической, дипломатической словесности и т.д.– каждый из этих «профессиональных» видов речи заслуживает изучения на стыке филологии и соответствующей науки).

7. Строго говоря, предмет «словесность» имеет большее право, чем «литература», на то, чтобы быть изучаемым в вузе и школе. Не отрицая значения художественной словесности, которая, как правило, составляет основное содержание преподавания в школьной филологии, необходимо обратить учащихся ко всему богатству речевой действительности. Построение основ современной школьной теории словесности – задача искусного методиста и авторов будущих учебников теории словесности. Создатели же профессиональных учебников словесности для взрослых должны давать вначале общие основы и правила словесности, а затем переходить к частным правилам и особенностям создания того вида профессиональной словесности, к которой имеют отношение данные учащиеся (политологи, предприниматели, юристы, педагоги, военные и т.д.).

8. При этом должен быть кардинально пересмотрен курс *истории русской словесности*, который необходимо восстанавли-

вать и расширять, предусматривая изучение не только «понятной и занимательной» беллетристики, но Священного Писания как главного культуурообразующего текста, разных жанров письменности, в том числе деловой, учебной и научной литературы, ораторской прозы и т.д. Здесь встанут две проблемы: 1) корректность отбора культурно значимых текстов; 2) подготовка преподавателя-словесника (особенно школьного), знающего и способного комментировать этот состав текстов.

9. В настоящее время в вузах и школах изучается курс истории русской литературы, но, строго говоря, необходимо бы изучать историю русской словесности, понимая под словесностью не только художественную литературу (облегченную для понимания «беллетристику»), но все богатство словесной действительности того или иного исторического времени. Пока эта действительность предстает в эстетической или художественной упаковке, а необходимо представить ее во всем разнообразии форм и жанров речи. Такова, на наш взгляд, требуемая реформа в отборе материала для преподавания словесности XVII–XVIII веков, где сохранился состав авторов, изучавшихся в дореволюционной гимназии, но отсутствуют некоторые важные культуурообразующие тексты, значительно более понятные и выразительные для восприятия учащихся.

Восстанавливаемый термин *словесность* не вступает в противоречие с традиционной филологической терминологией. В начале XIX в. было принято говорить о «словесных науках» и «филологии» как синонимах, в настоящее время «словесность» продолжает оставаться одним из основных понятий филологии. При всей близости словесности к таким наукам о речи, как риторика и стилистика, *словесность* более относится к изучению текстов словесных произведений, их классификации и отбору, а *риторика* – к построению оптимальной, эффективной речи.

Литература

Альбеткова Р.И. Русская словесность: от слова к словесности. Учеб. для 7 класса общеобразоват. учреждений. – М., 2000.

Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. 2-е изд. – М., 2002.

Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. 2-е изд, испр. – М., 2006.

Граудина Л.К. Русская риторика. – М., 2001.

Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. – М., 1990.

Рождественский Ю.В. Общая филология. – М., 1996.

РУССКИЙ КОНЦЕПТ СЛОВО-ЛОГОС И ЕГО КИТАЙСКИЕ АНАЛОГИ ДАО И ВЭНЬ¹

Русский концепт *слово* имеет фундаментальное начало в духовно-сакральной традиции как Слово-Логос, т.е. божественная благодатная сила, с помощью которой Господь творит мир, наделяя человека даром слова. Эта фундаментальная идея лежит в основе философской и филологической книжности как выражении духовной культуры всех европейских народов. В духовной традиции *Слово* является синонимом слова *Бог*, что зафиксировано в известных строках Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог» [Иоанн, 1,1]. Господь своим Божественным Словом творит мир (см. Книгу бытия) – и эта функция божественного Логоса как духовного начала, творящего мир, а затем наделяющего человека словом, имеет схожие корреляты в других духовных цивилизациях.

Согласно доктринам основных письменных культур человечества в основе зарождения мира лежит духовное начало, которое древние обозначают разными терминами: *Бог, Логос, Дао, Слово* и т.д. «Слово» существовало до создания человека и непосредственно управляло инертной материей. Творение мира, согласно европейской библейской традиции, «совершалось не руками Бога, а Его Словом» [Рождественский 1990: 6]. Энергия и орудие, воплощенные в *слове*, «в основном так же», хотя и в других терминах, толкуются в конфуцианстве и индуизме. Таким образом, *слово* становится единой мерой создания и строения мира.

Другая функция, которая приписывается духовным началам во всех цивилизациях: сотворение человека и наделение его словом. Согласно акту божественного творения, человек создается по

¹ Статья подготовлена совместно с китайским аспирантом Ван Ци для выступления на Международной конференции в Шанхае «Триста лет русскому языку в Китае». 28–30 октября 2008 года.

образу и подобию Божию. Это значит, прежде всего, что Бог «передает человеку дар слова», т.е. человеку дается способность нарекать имена животным, приводимым к нему Богом. Человек является единственным Божиим творением, которое наделено *словом*.

Творение мира связывается с теорией происхождения языка, которая Ю.В. Рождественским названа «логосической», поскольку имеет принципиально единый мысле-словесный образ для разных цивилизаций: библейской, ведической, конфуцианской. Различие состоит в том, что европейская традиция освящает эту идею авторитетом теологии и идея сотворения мира Словом становится краеугольным камнем европейской религии, богословия и средневековой философии, а в китайской традиции «логосическая теория, являясь влиятельной, не имеет богословского характера в силу отказа китайской философии от теистической идеи» [Рождественский 1990: 6].

В китайской литературе эта функция Слова-Логоса будет дана в двух понятиях *Дао* и *вэнь*: *Дао* означает правильный путь, а *вэнь* – литература, или слово, пронизывающее и проявленное во всех явлениях бытия. Сопоставляя европейское понятие *литература* и китайское понятие *вэнь*, выдающийся русский китаист В.М. Алексеев пишет о «книге-вэнь как выразительнице древней правды-Дао» и приводит следующий отрывок из главы «Собственно о Дао» трактата Лю Се (V–VI в.) «Вэнь синь дяо лун»:

«Велико обаяние и сила вэни! Она ведь родилась вместе с небом-землей! В самом деле, и солнце, и луна, и горы, и реки – все эти линии и формы природы суть (проявление) Великого Дао! Когда родились два начала, мужское и женское, небо и земля, то человек, благодаря свойствам своей духовной природы, стал с ними в трицу. Ведь его душа есть пресуществование души неба-земли! Родилась эта душа – и появилось слово. Появилось слово – и воссияла вэнь как проявление самобытно-произвольного Дао. Во всем, во всем есть вэнь! И в узоре туч, превосходящем всякое искусство, и в красе природы, не нуждающейся в художнике... Прислушайся к мелодии леса, звучащего как лютня, к ритму струящегося по камням ручья, который поет как нежная яшма или колькольчик, и увидишь ты, что каждая форма мира рождает себе особое выражение и, значит, каждый звук родит себе вэнь. Итак, раз бездушная природа сияет внешней красотой, неужели же ее одухотворенный сосуд (т.е. человек) останется без вэни? Нет, вэнь человека проявилась еще в тайниках его бытия. Фу Си (древнейший государь) дал ей первые черты, а Чжун-ни (Конфуций) окончательно окрылил ее формы. И тогда небо и зем-

ля нашли свое выражение в слове, которому сообщилась вэнь, и эта вэнь слова есть душа неба и земли. ...Дао через посредство совершенномудрого человека (Конфуция) показывает нам свою вэнь, а совершенномудрый человек вэнью слова являет людям Дао! Читаю в древней книге «Перемен»: «Волнующее мира движение заключено в письменном слове» и понимаю, что причину этого является вэнь как выражение Дао» [Алексеев 1978: 51–52].

Характерно, что данные концепции могли появиться только после того, как человечество вступило в письменный период своего существования. Письменная культура меняет принципиальным образом и оценку анализируемых нами концептов *слово* – *язык* – *речь* по сравнению с предшествующим этапом дописьменного развития человечества.

Чтобы представить историческую эволюцию концепта *слово*, необходимо обратиться к предшествующему письменности – «устному» периоду жизни человечества. Фольклорная традиция, фиксирующая существование человека вне письменной культуры, предлагает, как выяснилось, принципиально иную оценку концепта *слово*, особенно если сопоставить его с концептами *язык* и *речь*.

Предпринятое изучение концепта *слово* в русской фольклорной и древнеписьменной традиции позволило нам прийти к следующим выводам:

1. В устном народном творчестве концепт *слово* выражает не столько значение единицы языка или отрезка текста (*от одного слова да навек ссора*), сколько становится одной из главных характеристик человека, становясь синонимом концептов *язык* и *речь*. Концепты *язык* – *речь* – *слово* в основном обозначают главную коммуникативную функцию языка как орудия устного общения и взаимодействия людей.

2. Основная задача фольклорных текстов о *языке* и *слове* – дать правила речевого поведения, предупреждая об опасностях и возможностях языка, речи, слова: «все беды человека от его языка», но «мал язык горами ворочает». Каждая пословица описывает конкретную ситуацию использования языка и имеет дидактические и эстетические функции.

3. Различие трех названных концептов состоит в том, что *язык* метонимически обозначает главное свойство человека как существа словесного, поэтому именно язык употребляется чаще всего в текстах пословиц. Концепт *речь* чаще обозначает распространение текстов, реализующих возможности языка, а *слово* нередко встречается, чтобы обозначить минимальную единицу языка, реализованную в отрезке текста.

4. В фольклорных текстах (и наиболее систематически в пословицах) реализованы наднациональные правила ведения и построения речи. При этом каждый национальный фольклор имеет свою образно-словесную систему, т.е. если русский скажет: *Я – про Фому, а ты – про Ерему, Я – про сапоги, а ты – про пироги*, то китаец: *Я – про запад, а ты – про восток* или *Дед говорит про курицу, а бабка – про утку*.

5. В фольклорных текстах еще не встречаются значения концепта *язык* как 1) наречия, на котором говорит весь народ, 2) собственно нации, народа (*язык = народ*). Тем более, отсутствует значение *слова* как Логоса, т.е. единства Мысли-Слова, сакрального феномена, инструмента творения мира, синонима Создателя мира, жизни и природы – это значение обнаружится только в письменных текстах.

Именно переход к письменной истории человечества заставит по-новому взглянуть на данные концепты, поставив на первое место в европейской традиции концепт *слово*. Это утверждение иллюстрируется не только самим фактом называния главной науки, занимающейся *языком – речью – словом*, филологией, предметом которой становится *слово*, но и наблюдением над функционированием данных концептов в текстах классических русских филологических сочинений, где именно *слово* в многообразии его проявлений становится основным концептом «словесных наук».

Поясним сказанное анализом классических русских филологических сочинений, где употребляются концепты *слово – язык – речь*.

В первом русском научном сочинении, описывающем филологические дисциплины, «Сказания о семи свободных мудростех» (по нашему предположению написано в 1613–1620 гг.), концепт *слово* употребляется в двух значениях: 1) Слово Божие, Божественное Откровение («во плоти учением Слова») [Спафарий 1978: 141]; 2) *слово* обычно толкуется как *речь* – ср. у Николая Спафария в 1672 г. при объяснении науки грамматики: «Из речения же состоит слово... И есть слово речений сложение» [Спафарий 1978: 30], т.е. из слов составляется речь, а речь есть «сложение» слов.

Подобное объяснение *слова* как *речи* находим и в определениях риторики: «Риторика есть *художество*, яже учит *слово* украшати и увещевати» [Спафарий 1978: 31]. Поэтому неслучайно М.В. Ломоносов, формируя основной состав филологических дисциплин (а великий ученый, как известно, написал «Краткое руководство к красноречию» и «Российскую грамматику»), называет эти науки не языковыми или речевыми, а «словесными».

Наблюдения над письменными текстами Древней Руси также фиксируют приоритет *слова* над *языком* и *речью*. Как показывают источники, концепт *язык* значительно проигрывает в количестве употреблений концепту *слово*. Прежде всего, это видно по данным словарей древнерусского языка. Так, материалы Словаря И.И. Срезневского предлагают 28 значений концепта *слово* против 11 значений концепта *язык*. То же самое увидим в употреблении сложных слов по модели «доброязычие / добрословие»: согласно данным имеющихся словарей древнерусского языка, существуют 44 модели сложных слов по типу «добрословие / злословие» (например, *благословие, красословие, хитрословие, златословие, истиннословие, любословие / баснословие, блудословие, блядословие, бусловие, вредословие и т.д.*) против всего лишь 6 по типу «доброязычие / злоязычие».

Правда, важнейшим для развития концепта *язык* становится приобретение им в ранней письменной культуре новых значений «народ, племя», а также «люди, народ». Это связано с тем, что *язык* начинает ассоциироваться с нацией, осмысляясь как главное средство ее создания и образования. Впрочем, обозначений национального языка типа «русский язык» или «английский язык» на ранней стадии письменности еще нет.

Основным концептом в письменной культуре становится концепт *слово* – это доказывается количеством словоупотреблений и богатством значений, приписанных данному концепту. Слово обозначает не только единицу языка, речи, но и дар слова, различные жанры речи, при этом основное значение *слова* зафиксировано в главном культурно значимом тексте европейской культуры – Священном Писании: Слово есть Бог, Сын Божий – одна из ипостасей Святой Троицы, обозначающая Иисуса Христа.

Что же обнаруживается в китайской философско-филологической традиции? В одной из книг о сотворении мира «Цзян Цзи Вэнь (Тысяча иероглифов)» последовательно говорится о том, что в начале появились небо и земля, тьма и свет, вода и суша, верх и низ, стороны света, деревья и растения, а затем – человек, который наделяется даром слова. Таким образом, при отсутствии монотеистического начала мы видим в китайской традиции принципиально одинаковую последовательность сотворения мира из небытия неким духовным началом, которое в европейской традиции названо Богом, а в китайской традиции объясняется как *Дао* – правильный путь. Вот как пишет об этом академик В.М. Алексеев: «Это правило-*дао*, являясь абсолютной истиной, находящейся вне человеческого постижения, все же излучалось из своего предвечного состояния и шло почивать на одном из людей, ибо чело-

век есть третья стихия мира после неба и земли» [Алексеев 1978: 49]. Очевидна аналогия с соответствующими категориями европейской философской мысли: подобно Богу, *прав́ило-дао* представляется абсолютной истиной вне человеческого постижения, и, подобно Божественной благодати, идущей от Бога к человеку, *прав́ило-дао* идет «почивать на одном из людей».

Принципы этого учения заповеданы в дошедших до нас книгах (*вэнь*) подобно книгам Божественного Откровения, при этом *вэнь* не простая письменность, а и есть «та самая правда, “прав́ило”, путь-*дао*, которая древностью воплощена» [Алексеев 1978: 51]. Анализируя понятие «литература» в Китае, академик Н.И. Конрад пишет, что оно «известно каждому китайцу. Таким словом-термином «литература» является *вэнь*. Это слово и самое устойчивое, и самое древнее» [Конрад 1977: 546].

Слово *вэнь* со значением «литература» и шире «культура» часто встречается в первом памятнике классической китайской древности «Лунь Юе». Из этого памятника мы узнаем, что, в глазах Конфуция, входило в состав понятия *вэнь* как образованности и культуры. *Вэнь* содержалось в *шу* (эдикты, указы), *ши* (песни), *ли* (правила, нормы поведения), а потом стало «Шу-цзином» («Книгой истории»), Ши-цзином («Книгой песен»), «Ли-Цзи» («Книгой правил»). Сюй Ган соединил понятие *вэнь* (письменность, образование, просвещение, литература) с понятием «и» (искусство, умение).

Очевидно также, что слово *вэнь* приобретает в китайской философии значение не только литературы, но шире – некоего инструмента мироустройства, проникающего во все сферы бытия. *Вэнь* присутствует во всем, что есть прекрасного в этом мире – и здесь вновь напрашивается аналогия со Словом Божьим, которое, как полагает православная философия, проникает во все «видимое и невидимое».

Н.И. Конрад переводит концепт-слово «*вэнь*» как литература, рассматривая последнее в широком и узком смыслах. Широкий смысл понятия *литература* предполагает «все созданное на своем языке», а из него выделилось «то, что мы сейчас называем литературой в узком смысле слова: художественная литература как явление самостоятельное в отличие от других произведений слова» [Конрад 1977: 543].

На наш взгляд, в русской филологии существовало и восстановлено сегодняшней наукой традиционное понятие «словесности», которое обозначало в учебниках русской словесности «всю совокупность словесных произведений», куда входили лучшие отечественные произведения всех видов слова: и фольклор, и

письма, и документы, и письменная, и литературная словесность (не только художественная литература, но и научная по разным специальностям, публицистическая), а сегодня входят также разнообразные устно-письменные тексты массовой коммуникации. Художественная литература в таком перечне является всего лишь видом словесности, хотя именно она стала для русской словесной культуры основным и наиболее ценным видом речи. Такую разницу между *словесностью* и *литературой* отмечают все русские учебники по теории и истории словесности пушкинского времени, а стерто это различие было после реформ, проведенных в филологической науке в середине XIX века, когда была отменена риторика как теория разных видов прозы и приоритетом стали пользоваться именно тексты художественной словесности.

Анализ развитого состояния словесной культуры в русской и китайской традициях позволяет провести следующие аналогии:

1. В русской (европейской) традиции существует основное понятие *слово*, которое воплощает в себе идею *Слова-Логоса*, равнозначную идее Бога, Божественного сотворения мира и человека, который наделяется даром слова. Китайская культура воплощает идею творения мира, абсолютной истины и правильности пути в *Дао*, которое находит выражение в концепте *вэнь*, означающем все совершенное в мире и человеке как существе, способном выразить это совершенство в словесной форме.

2. Идея любви к слову, нашедшая выражение в европейской науке «филологии», реализуется в деяниях филолога как носителя культуры, а именно: создании, отборе и систематизации наиболее совершенных произведений слова, которые в более поздней науке XX столетия обозначены *литературой*, а в более ранней русской традиции выражаются термином *словесность*.

3. Существуют основные ключевые тексты русской и китайской культур (русскую культуру в данном случае мы рассматриваем как частное выражение одной из европейских культур) – это Священное Писание (Книги Ветхого и Нового Завета) и сочинения основателей китайской философии, исторического китайского мировоззрения (прежде всего, Конфуция и Чжоу-гуна). Эти главные тексты лежат в основе культур и именно из них начинают развиваться все последующие основные культурно значимые тексты.

4. Каждая словесная культура создает свою «филологию» как излюбленные, отобранные тексты культуры (ныне их называют также прецедентными в связи с тем, что они становятся образцами для последующих текстов). Каждая культура усилиями своих книжников создает свою антологию текстов, которую называют в

русской традиции либо «словесностью», либо «литературой», а в китайской традиции называют *вэнь*.

5. Отбор основных культурно значимых текстов ведется по принципу украшенности речи, изящности слова, наиболее точно соответствующим в русской традиции понятиям *красноречия* в ранней традиции, *художественности* – в более поздней. В русской риторической культуре всегда ценилась традиция истинного (в противоположность ложному) красноречия, которое всегда требовало соответствия идеям истины и общего блага.

Литература

Алексеев В.М. Китайская литература // Китайская литература. Избранные труды. – М., 1978.

Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект. – М., 2003.

Конрад Н.И. Понятие «литература» в Китае // Избранные труды. Синология. – М., 1977.

Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. – М., 1990.

СЛОВО И ОБРАЗ – ОСНОВА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ¹

15–16 мая 2006 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия в Москве и Сергиевом Посаде в рамках Праздника славянской письменности и культуры состоялась Всероссийская общественно-педагогическая конференция «Слово и образ – основа отечественной культуры», организованная Комиссией по сохранению духовного и культурного наследия Общественной палаты Российской Федерации.

В работе конференции приняли участие иерархи и священнослужители Русской Православной Церкви, государственные и общественные деятели, представители науки, образования, культуры, Армии, Флота. На конференции шел заинтересованный разговор о сохранении и развитии русского языка, роли слова и влияния отечественных святынь на духовно-нравственное состояние общества, становление детей и молодежи.

Конференция «Слово и образ – основа отечественной культуры» имеет очень точное название. Следовательно, каждый из нас должен ответить на вопросы: 1. Что есть слово? 2. Что есть образ? 3. Что есть культура? 4. Что есть Отечество?

И эти вопросы – основные для определения целей нашего бытия. Не ответив на них, человек и общество теряют смысл своего существования.

Что есть *Слово*? Кто только не повторяет известное начало Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово...»! Но и само Слово (слово) понимается разными людьми по-разному. Обратимся же к первоисточнику, который продолжает: «И Слово было у Бога и

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на Всероссийской общественно-педагогической конференции «Слово и образ – основа отечественной культуры», проведенной 15–16 мая 2006 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия в Москве и Сергиевом Посаде в рамках Праздника славянской письменности и культуры.

Бог был Слово». Логосический смысл Божественного Слова в том, что изначальный Божественный Разум творит мир, природу, человека, реализуя замысел творения через слово = словесный поступок: «И сказал Бог: да будет свет» (Быт 1, 3). Совершенное Слово реализуется в материальное бытие: «И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы». Созданная реальность требует точного именованя – и это словесное «филологическое» деяние: «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью».

В приведенном отрывке заключены несколько важнейших формул последующей европейской философско-филологической культурной традиции: 1. Триада *мысль – слово – дело*, совершенное исполнение которой обеспечивает благополучное мироустройство общества и человека. 2. Теория и практика словесного именованя, когда через точное название предмет получает смысл, вхождение в мир – и существование это будет благополучным. 3. Идея приоритетности слова перед другими формами, знаками культурных ценностей, свидетельствующая, что процветают и благоденствуют именно те народы, которые оптимально строят свою жизнь в Слове.

Что есть *образ*? Образ есть вид, облик, уникальный характер каждого человека. Уникальность человека – в его обладании даром слова, словесной способности говорить и писать. Человек, сотворенный по образу и подобию Божию, единственный, кто наделен даром Слова. «Словом уподобляется человек Богу, имеющему свое Слово. Слово человеческое подобно Слову Божию» (Св. Игнатий Брянчанинов). Будучи изначально грешен, человек как бы находится между двумя началами – божественным и дьявольским. Он призван стремиться к совершенству, и совершенство / несовершенство *образа человека* реализовано прежде всего в *слове* подобно тому, как с первородным грехом человеческая природа соединяет антонимические божественное и дьявольское начала. Именно поэтому столь же антонимичной является оценка языка и словесных поступков человека, ибо, с одной стороны, для нас сияет всесовершенное Божественное Слово (именно оно для христианина – «речевой идеал»), с другой стороны, языку и человеческому слову дается оценка как «неудержимому злу, исполненному смертоносного яда» (Иак. 1, 26; 3, 5–10).

Слово *образ* вошло в русский язык с принятием христианства. Владимир Мономах писал в «Поучении детям своим»: «И сему чуду дивуемся, како от персти созда человека, како образы различные в человеческих лицах, и не вси в один образ, но кыйже своим лик образом». Понятие «разноличного образа» фиксирует принципиальное обновление христианством представлений о

сущности человеческой природы и межчеловеческих отношений, когда, по словам Св. Патриарха Алексия II, произошло «открытие личности в человеке», когда было провозглашено: «Каждый человек бесконечно ценен и важен, уникален и неповторим, послан Богом на дело, которого за него никто другой не может исполнить и не исполнит». Христианство увидело в каждом человеке «уникальную индивидуальность, неистребимый никакими испытаниями и унижениями образ Божий...» [Алексий II 1999: 4–5.] Главнейшей задачей образования становится с тех пор «формирование человека, цельной и целомудренной, нравственной личности» [Там же: 3].

Неточное, неправильное, неблагое пользование словом приводит к общественному и личному нестроению. Анализируя современное *слово* (*язык, речь*) как инструмент организации общественного бытия, необходимо оценить: 1) как мы *мыслим* (речь должна идти о чистоте помыслов, искусстве благого настроения и изобретения идей, направленного на преобразование действительности и ее совершенствование); 2) как мы *говорим* (реализация наших мыслей в речевой реальности, словах, которые звучат и пишутся в разных сферах общения); 3) как мы *действуем*, соответствие наших слов нашим делам, речевых поступков – совершенству деяний (дел) во всех областях жизни, поскольку никакая организация человеческой деятельности невозможна без слова (языка, речи).

Сказанное о Слове нельзя не продолжить фундаментальными определениями: Бог есть Дух; Бог есть любовь; следовательно, и Слово (божественное и человеческое) есть и Дух, и любовь, а потому всякому человеку необходимо помнить о сакральной, божественной сущности слова, его возвышенной духовной природе, в основание которой положены идеи любви, добра, истины, единения, красоты Божьего мира. На основе перечисленных понятий выстраиваются основные принципы человеческого общения: «возлюби ближнего как самого себя» (фундаментальный закон эмоционального настроения, приводящий к определенному настрою мыслей); «Аз есмь истина и путь!» – ясно, по какому пути (непростому) должна следовать человеческая мысль; «Будь добр с другом», т.е. с другим человеком (первый совет Василия Великого в «Беседе о смирennemудрии»), «Слово должно сблизать нас, вносить единение» (архиепископ Сергей Пражский) и т.д.

Впрочем, и само слово *образование*, конечно, происходит от слова *образ*, ибо оно формирует личность человека. Личность же человека нельзя сформировать иначе, как через Слово-Логос, словесное общение, предполагающее определенный состав мыслей и их выражение в слове и реальном общении. Зададимся же вопро-

сом: можно ли было делать перестройку, объявив, что «теперь никакой идеологии нет» (расхожий тезис наших телевизионщиков) и «все могут брать свободы столько, сколько хотят» (тезис Б.Н. Ельцина)? Таким образом, причина наших неудач последних десятилетий вовсе не в экономике, а в неверном, неправильном обращении со словом (мыслью, речью, делом), неверном назывании понятий, незнании культуры. Ибо и экономика руководится Словом и сама есть следствие определенных речевых поступков и речевой организации дела.

Еще два тезиса *a propos*:

1. Образование возможно только через *образцы* (классический педагогический тезис от античности до Ломоносова: «подражание авторам, в красноречии славным»). Какие образцы диктует современная массовая культура обществу и молодежи, в частности, разберем ниже.

2. Если имя дано верно, то дело получится, если имя дано неверно, дело расстроится (основной тезис теории именования, зафиксированный одинаково у Сократа и Конфуция). Называние предметов и явлений отражает состояние умов и будущих поступков: если Адам «немую связь предметов и явлений *одушевл*ял, даруя имена» (А. Тарковский), то сегодня слово *образ* заменяется словом *имидж*, слово *любовь* – словом *секс*, слово *дело* – словом *бизнес*, слово *учение* – словом *тренинг*, слово *бандит* – словом *сепаратист* (кстати, как только *бандит* перестал быть *сепаратистом*, а стал *террористом*, дела в Чечне пошли на лад), слово *терпение* – словом *толерантность*, предполагающим нередко терпимость к разного рода порокам и извращениям человеческой природы. Причина этих изменений в сдвиге понятийных смыслов в новом информационном обществе, где с развитием техники речи существенно изменились все речевые отношения. Эти отношения требуют ясного объяснения того, что есть *культура*.

Культура определяется как «деятельность, служащая обеспечению устойчиво-продуктивной жизни общества за счет отбора, систематизации, хранения, изучения и организации использования правил и прецедентов деятельности» [Рождественский 2002: 58] Правила и прецеденты являются фактами культуры, которые хранятся в памяти общества и людей – если некоторые факты предлагаются к пересмотру или забвению, то это существенное нарушение духовной общности людей.

Пример: 6 мая накануне Дня Победы канал СТС показывает очень милых немцев (киношников, художников), которые говорят, что «лучше бы не вспоминать эту войну», «зачем, мол, все эти

тяжелые воспоминания, тревожащие душу»? Так политика толерантности предаёт забвению факты культуры и именно так ведётся скрытая психологическая война с осторожным нарушением символического зонтика данной нации. Действительно, папуасы Новой Гвинеи ничего не помнят о нашей войне и потому живут себе спокойно на Новой Гвинее, а окультуренному человеку свойственно помнить и переживать факты собственной истории – иногда со слезами на глазах.

Культура есть совокупность достижений людей и сохранение ценностей. Достижениями могут называться как лучшие, положительные, так и негативные стороны. В целях сохранения культурной общности естественно под достижениями понимать лучшие, положительные факты, деяния, свойства, современная же массовая информация, потерявшая мыслесловесную «логосическую» опору, как правило, культивирует мнимо правдивый взгляд на русский характер, русское самосознание, основанный на якобы реалистическом отражении русского характера и поведения. Действительно, в человеке как «образе Божьем» всякое перепахлось, но «талант сердца», который предлагает развивать в общении архиепископ Сергей Пражский, видимо, теряется в массовой культуре. Советский принцип «видеть в человеке лучшее, а не худшее» в этом смысле был значительно более обращен к культуре, нежели псевдо правдивый, обращенный на скандалы, катастрофы, откровенный показ всего низменного в человеке, взгляд современной массовой культуры, что не может не повергать в уныние и отчаяние как многих творцов сегодняшних СМИ, так и их преданных приверженцев-зрителей.

Пример: накануне Дня Победы показывается фильм «Кукушка», где русский солдат Иван в сопоставлении с финским солдатом-интеллигентом явно проигрывает, потому что первый агрессивен, не миролюбив, все почему-то хочет воевать с фашистами, в то время как финны «не хотят воевать». И зовут-то русского на протяжении фильма (к теории именования) не «Иван» а «Псёлты» (!) – так герою-финну послышалось русское имя, когда он на предложение познакомиться получил ответ: «Да пошёл ты!..» Чего только не придумает толерантная художественная фантазия: простой русский парень из провинции и финский студент-интеллигент влюбляются в неграмотную финку-оленоводку, живущую на озере, и создают с ней временную крепкую семью. Самое интересное то, что фильм-то поставлен русскими – очевидно, что дело в забвении культурной традиции, нежелании вытащить себя из состояния уныния и апатии, пессимизма и ложного критицизма всего отечественного, национального.

Культура – форма коммуникации. Содержание и формы современной культуры существенно зависят от тех новых форм технологии создания речи, которые предложены нам прежде всего развитием электронной техники. Сегодня мы живем в новом информационном обществе и надо сказать честно, что общество не справляется с теми задачами, которые выдвигаются перед ним новыми формами речи, прежде всего, средствами массовой информации. Закон сохранения культуры говорит о том, что при развитии новых технологий создания речи предшествующие факты культуры не исчезают, но, напротив, получают новое развитие и обогащение. Пример: фольклорные тексты теперь могут не только записываться, но размножаться на магнитных носителях, популяризироваться в музыкальных ансамблях, распространяться через радио и телевидение. Именно технические возможности позволяют сегодня организовывать новые формы общения молодежи (дискотеки, массовые концерты и т.д.), новые формы самих речевых контактов (общение в Интернете), но при новых формах сохраняются старые формы этикета, а технические возможности («материя» речи) диктуют свои содержательно-стилистические формы общения.

От того, как человечество будет находить удобные формы коммуникации, существенно зависит будущее благополучие и общества и человека.

Что есть сегодняшняя отечественная культура слова и каково в связи с этим духовное состояние общества, покажем на рассмотрении двух, по-видимому, основных на сегодняшний день, видов современного слова (словесности). При этом будем руководствоваться тем положением, что в целях оптимальной и благополучной организации своего бытия современный человек призван владеть всеми видами слова (словесности): и бытовой речью, и умением написать документ, и ораторским красноречием, и умением провести деловой диалог, и пониманием специфики современных СМИ.

Человек начинается с семьи, а его словесное воспитание несет на себе зримый отпечаток той семейной речевой атмосферы, которую предлагают ему родители. Надежды на то, что демократические изменения приведут к повышению культуры речи, к сожалению, не оправдались – и произошло это не без помощи отечественных СМИ, общей картины школьного филологического образования.

Примером отсутствия ясной и продуманной пропаганды культуры русского слова может быть скрытая пропаганда непристойности и сквернословия, которая ведется в СМИ – иногда открыто,

иногда под предлогом художественной формы. Во всяком случае, эту проблему можно обозначить словами «мат русскому языку».

В последней передаче «Народ хочет знать» обсуждается вопрос о защите русского языка и, в частности, защите от сквернословия. Любопытно, что в условиях демократической многоголосицы голоса культурно (аристократически, осознанно) мыслящих людей тонут в общей суматошной структуре передачи (т.е. сама форма коммуникации диктует невозможность изложения ясной и недвусмысленной, продуманной точки зрения). Хотя подавляющее большинство простой публики с возмущением говорит о непристойных, грязных словах, заполонивших экран и служащих примером для подражания, именно интеллигенты-филологи, испытывающие восторг перед «выразительностью» русского мата, правят бал... Вот ученый, написавший двенадцать томов русского мата (Алексей Юрьевич Плущер-Сарно), вот с восторгом вворачивается идея: «Все русские писатели очень любили материться...» (кто, когда, в семье ли, в аристократической ли среде, в сочинениях ли – неважно, просто «любили...»); оказывается, даже академик Лихачев в тюрьме написал диссертацию о русском мате (это академик-то Лихачев – символ русской культуры, который и прославился-то тем, что до перестройки руководил сектором древнерусской литературы).

Зло, как всегда, агрессивно, бахвально, красноречиво, а добро смиренно и стыдливо. Мы не научились еще «любить врагов наших и крушить врагов Отечества» в образе врагов русского слова. И хотя передача заканчивается стихами «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!», не совсем ясно, кто найдет слова, чтобы объяснить: чистота и честность жизни начинаются с чистых мыслей и слов; нельзя покрывать свою душу черными словами; нельзя накликивать на себя проклятие, которое звучит в каждом скверном слове. Наконец, «дурным языком не построишь хорошую жизнь» (Св. Патриарх Алексей).

И главное, что приходится сказать применительно к данной теме: культура начинается с запрета. Не со свободы слова, а именно с запрета на определенные слова. Без запретов человеческое общество не живет. В демократическую эпоху кому-то в целях манипуляции сознанием плохо думающей публики потребовалось выдвинуть тезис о свободе слова. Но сегодня-то всякому человеку хорошо известно, что нынешний тоталитаризм СМИ похлеще советского. Однако похоже, что этот молох попросту живет по своим законам, а люди, работающие на ТВ и радио, попросту не научились им управлять. Сегодня неспособно им управлять и руководство страны, поскольку к большинству нашего по-

литического и министерско-образовательного бо-монда можно обратить слова, сказанные комиссару Кошкину в пьесе «Любовь Яровая»: «Товарищ комиссар народного просвещения, вы неграмотны», т.е. филологически неграмотны, не понимаете настоящей роли и значения слова, организующего всю жизнь общества.

Относительно СМИ у каждого из нас имеются самые острые вопросы, поскольку именно теле- и радиоречь становятся сегодня едва ли не основными инструментами словесной политики. Эти вопросы должны быть адресованы «высшим лицам», которые руководят СМИ и нашей языковой политикой, с последующей передачей в Общественную палату. Хотя у меня нет особых надежд на то, чтобы быть услышанным. Я вполне осознаю, что мнения в сегодняшней России могут высказываться, но не выслушиваться. И в этой неспособности к общественному диалогу свидетельство девальвации, обесценивания слова. Тем не менее, адресую эти вопросы и президенту, и министрам образования и массовой информации, и всем, кто ответственен за информационную политику в стране.

Далее тезисы и аргументы о словесной политике в области СМИ:

1. Наши СМИ пессимистичны, критичны, унылы, пребывают в бездне отчаяния и гипнотическом состоянии зависимости от «критического реализма» (на самом деле все они – достойные воспитанники революционеров-демократов Чернышевского и Писарева с их бытописанием и зависимостью от «реальной» жизни). Повсеместно ошибочным является тезис о том, что жизнь (реальность) формирует язык, наше словесное общение – и этот тезис слышишь от большинства филологов. Это пассивное настроение по отношению к творимой жизни всегда свойственно именно материалистическому сознанию (и новые демократы-информационщики, загипнотизированные фактографической материей, недалеко ушли от Карла Маркса), у человека же, твердо стоящего на «камени веры», Слово как инструмент мысли и речи организует жизнь с учетом всех ее трудностей. Таким образом, человек становится не пассивным орудием в руках действительности, а подлинным творцом в Логосе, т.е. мысли, слове и затем деле. Пример: содержанием наших новостей являются катастрофы, инциденты, скандалы – и таковы всякие «криминальные хроники», все эти частные и «честные детективы», скандалы с истерическими ведущими вроде Глеба Пьяных (вот уж специально подобранный «образ»), истерически сообщающими об очередном, не поддающемся нормальной человеческой фантазии факте грабежа, обмана, убийства, насилия или извращения. Не кажется

ли лицам, формирующим нашу телесловесную политику, что вопрос морального, психического здоровья нации есть вопрос государственной безопасности, ибо речь идет о тотальном психическом воздействии на души и состояние людей?

2. Образ человека в СМИ извращен для показа его страстной, греховной природы. Почему образом нового россиянина должен быть сытый, богатый, беспринципный, бездуховный, бессловесный человек? Почему образ такого человека пропагандируется и тиражируется, навязывается телевизионной политикой нашего государства в телесериалах, телефильмах? Почему их сюжеты и стиль столь однообразно вращаются только вокруг нескольких наскучивших тем: дележ денег (получаемых и зарабатываемых неизвестным образом), грабеж, секс, убийство? Разве непонятно, что показ смертных грехов (это «грехи, приводящие к смерти») самоубийственен прежде всего для самих создателей, а их творческое бессилие тягостно оттого, что не направлено на другие темы? Почему жизнь простого россиянина (учителя, врача, предпринимателя, священника, журналиста, простого работяги, наконец) запрещена к показу в современном кино, в современном телефильме? Таков стиль, сформированный самими создателями – смените, что называется, пластинку, господа! Происходит же он все от того же бессловесия (читай: безмыслия и бессмысленности, уныния и отчаяния творческой интеллигенции, создающей фильмы об «убойной силе», «ментах» и т.д.).

3. В СМИ сформировался стиль, поражающий нарочитым примитивизмом, пошлостью, вульгарностью, откровенным стремлением оглушить население, не возвысив его до высокого искусства, а напротив, принизив, устроив ему жизнь как постоянную «ржачку», вечное веселье («Кривое зеркало», Comedy club и т.п.). Люди (и прежде всего молодежь) теряют чувство реальности, они искренне думают, что интересы няни Вики или героев из «Не родись красивой» (бесконечная «жвачка» по натуре хороших, но уныло бездеятельных молодых людей на темы денег и любовных томлений) – это и есть современный идеал. Между тем, именно этим идеалом заполняется сознание молодежи. Что думают наши идеологи от образования, от информационной политики относительно такого тотального оглупления (дебилизации) нации? Почему диалоги прямого эфира на Русском Радио («Русское радио»!) касаются исключительно развлечения, «отдыха», легкомысленного увеселения, амурного времяпровождения? Почему государственная власть не заботится о духовном, нравственном здоровье нации, позволяя через средства массовой информации открытую пропаганду пошлости, безвкусыя, вульгарности

(телесериалы, низкопробная западная кинопродукция), скрытую пропаганду криминала, распутства (наводнение передачами о преступлениях, грабежах, убийствах)?

4. На ТВ фактически отсутствует образ *русского* человека, а передач, пропагандирующих русскую культуру, русское мировоззрение, нет (это считается «патриотизмом»). По мысли создателей такого теле- и радиослова, ничего другого народ уже не хочет – он привык к «няням Викам» и оглупляющим, пошлым сериалам, к Comedy club и «Кривому зеркалу». Почему по вечернему ТВ невозможно услышать русский романс, увидеть русскую оперу, сложился стандарт убийственно безвкусных кинофильмов, купленных по преимуществу на Западе или клонируемых нашими кинематографистами? Почему на ТВ есть фабрика звезд, шоу-бизнес с бездарными текстами («до поэзии, до вечной русской славы вам дела нет»), низкопробной музыкой («в громе ваших барабанов я спокойно проходил...» и, между прочим, равнодушно проходит большинство учащейся молодежи, осмеивающей примитивизм фабричных звезд и всего шоу-бизнеса), но нет русского романса, русской песни, русской оперы? Кто сказал руководителям ТВ, что среди российского населения нет больше людей, желающих слушать и слышать хорошие стихи и хорошую музыку?

5. На ТВ имеются криминальные хроники, дежурные части, частные и честные детективы, скандалы и другие передачи, где честные граждане узнают о совершаемых преступлениях, пугаются, а преступники получают прекрасные профилактические пособия о том, как не попасть в руки правосудия. Можно ли ожидать появления «Хроники образования», передач для учителей, преподавателей вузов? Почему в рамках национальных проектов говорится только о материальной стороне и ничего не делается для того, чтобы поднять в общественном сознании авторитет учителя и преподавателя вуза? Где на ТВ «в рамках национального проекта образования» хоть одна передача, посвященная учителю?

6. Почему телевидение и основные дополнительные каналы (вроде ТНТ и STS), видимо, имеющие деньги, ориентированы на самую некультурную часть общества – молодежь (без обиды для последней приходится сказать, что закон бытия таков, что молодежь должна сначала выучиться и образоваться, а затем принимать бремя руководства и предложения определенного нового стиля мысли, слова, жизни). Между тем, именно молодежь сегодня правит бал – видимо, как маятниковый «ответ» на геронтократический характер предыдущего советского брежневского стиля. Идея всех обманно революционных преобразований – использовать молодежь как наиболее податливую и гибкую часть

общества, а молодому человеку (продюсеру, певцу, журналисту) внушить мысль, что и учиться-то ничему особенно не надо: «Раскрепощайся, расслабляйся, развлекайся и отрывайся»... Идея удалась: старики в основном ограблены перестройкой, но ведь и молодежь не сможет найти себе покоя и счастья в несправедливом миропорядке, Справедливость – фундаментальное требование русского менталитета.

7. Управление государством возможно только с помощью речи. При имеющихся средствах публичного словесного воздействия государственная и исполнительная власти не умеют организовать «связи с общественностью» с учетом национальных традиций политической коммуникации. В настоящее время управление государством осуществляется ежедневным появлением президента на телеэкране, что само по себе является видеоклипком, создающим временное ощущение надежности, но никак не прочности национальной идеологии. Почему руководство страны не продумает мер пропаганды государственной политики, которая велась бы на нашем телевидении средствами словесного воздействия и существующих связей с общественностью, как это делается во всем мире? Впрочем, приведу конкретный пример, поставив конкретный вопрос: почему бред Глеба Павловского, еженедельно изображающего президента в виде некоего уголовника-подельника с обращениями типа «Брателло, э-э-э...» (далековато от реального Путина, малоостроумно, безвкусно и, главное, нереально), не находит критики ни со стороны адресата, ни со стороны создателей самого эфира? Почему телевизионная политика ориентирована на низменно страстные интересы публики, над которыми и сама публика уже либо смеется, либо внутренне протестует, либо откровенно скучает, ибо инстинкт самосохранения говорит о том, что невозможно жить в криминализированном обществе? Почему обществу не предлагается честного разбора политических и социальных проблем, но все проблемы забалтываются в телешоу и скороговорочных «базарных» криках? Искусство слова как политической коммуникации, к сожалению, terra incognita и для нашей политической элиты, и для обыкновенного россиянина.

8. Будет ли государством действительно поддержана борьба за великий русский язык (не пора ли реанимировать это словосочетание и произнести без свойственной некоторым СМИ усмешки?), за культуру и чистоту русской речи? Именно под таким названием («Великий русский язык») вышла в 1945 году книга В.В. Виноградова, впоследствии академика и главы русистики XX столетия, а цель «чистоты русского языка» была провозгла-

шена еще создателями Словаря Академии Российской в конце XVIII столетия, когда Россия вошла в число передовых мировых держав! Не один раз звучали слова о том, что русский язык – вопрос национальной безопасности России. Русское слово – если не национальная идея, то уж наверняка инструмент создания этой идеи, поскольку кроме как по-русски эту идею не выразишь. Речь идет не о том, чтобы в борьбе чистоту языка брать штрафы за неправильное ударение, а о разных формах пропаганды значимости языка, речи, слова для жизни общества, его духовного и психологического состояния, образования, организации, сплочения и единения общества в разных видах деятельности. Почему в СМИ нет ни одной передачи, посвященной образованию и, в частности, словесному образованию? Почему в СМИ нет ни одной передачи, посвященной русской речи?

9. Культура речи катастрофически падает под воздействием оглуляющего содержания, примитивной лексики и какофонического звучания на подавляющем большинстве теле- и радиоканалов (особенно молодежных). Политика бессмысленно радостной болтовни характеризует большинство словесных диалогов, идущих по радиоэфиру в примитивных вопросах, шуточных беседах, опрошенных викторинах, скабресных анекдотах и т.п. Что делается правительством и руководством СМИ для того, чтобы остановить этот «дебилизационный» процесс?

10. Почему на канале «Культура» культура понимается только как развлечение (музыка, кино, театр) и нет серьезных передач о культуре (при наличии множества интереснейших культурологов и культуроведческих работ, вышедших за последнее время)?

11. Возможны ли на нашем ТВ в «лучшее эфирное время» передачи во славу России, Родины, Отечества или это время должно тотально отдаваться американским фильмам? Доколе скрытая психологическая война будет вестись против государства нашим «свободным» телевидением?

12. Будучи на Афоне, президент В.В. Путин привел замечательный пример, говоря о важности духовного начала: «Ведь и святой Георгий Победоносец побеждает не мечом или копьем, а словом». Понимаем ли мы важность духовно-словесного начала в нашей жизни? Вот провозглашается демографическая программа, президент объявляет свои предложения, которые касаются «увеличения выплат», и все «предложения», которым справедливо аплодируют в зале, касаются только денег, т.е. финансово-экономической стороны дела. А будет ли работать реформа в обществе, где образ семьи девальвируется ежедневно и ежечасно playбой-ами, speed-ами, на которые взирает ежедневно молодежь и отво-

дит «взгляды» – откуда же черпать семейные идеалы? А вы хотите бороться со СПИДом (о чем говорили на позапрошлой неделе)! Но у вас лучший пропагандист и самая читаемая газета, судя по тому, что вывешивают бабушки-киоскерши – Speed-info... А молодежное телевидение запружено антисемейной пропагандой. А какие «замечательные» песни поются нашей молодежью, воспитываемой на философии любви, сформированной ток-шоу-ами, риэлити-шоу-ами и текстами вроде «...а потом обними, а потом обмани...», «...и ночью мы вдвоем останемся, а утром навсегда расстанемся...». Каким же «словом» мы собираемся побеждать?

Так, может быть, необходимо вложить деньги также в духовно-нравственное обеспечение правительственных программ, Владимир Владимирович? Но сделать это можно только словом, и для этого придется организовать лучшие и здоровые силы общества – к ним, к сожалению, с трудом можно отнести все, что составляет сегодня образ массового «пропагандиста и агитатора».

Вывод. Духовное состояние общества, его идеологическая определенность и крепость, его психологическая устойчивость, социальное благополучие граждан, культура как средоточие всех лучших достижений общества выражаются только через язык, словесные поступки. И.А. Ильин писал: «И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык. В нем вся она, наша Россия». С этим пониманием, размышлением над этими словами необходимо проводить всю нашу жизнь. Тогда не будет бед от нашего языка, но от плодов уст наших вкусим добро.

Литература

Рождественский Ю.В. Словарь терминов. (Общеобразовательный тезаурус): Общество. Экономика. Культура. Образование. – М., 2002.

Алексий II. Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Седьмых Рождественских чтениях. – М., 1999.

БЕЗМОЛВИЕ - ОБЩЕНИЕ - ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Феномены *безмолвие* и *молчание* заслуживают особого внимания в русской духовной философии и культуре. Вдвойне эти концепты вызывают интерес на фоне всеобщего преклонения перед рожденными современной информационной эпохой понятиями *коммуникация* и *коммуникабельность*, популяризацией речевых наук (риторики, прагматики, культуры речи) и повсеместно востребованной способности владеть *искусством слова* или *общения*.

Согласно концепции русской духовной философии, зафиксированной в Священном Писании как основном культурообразующем тексте, Слово как Божественный Логос, творящая и промыслительная сила, находит проявление прежде всего в человеке – образе Божиим. Словом человек уподобляется Слову Божию, но поскольку человек отягощен греховностью (а согрешает он именно *словом*), то отношение к слову становится критерием личности и оценки всякого человека.

Поскольку слово опасно (в данном случае оно понимается как инструмент общения), на пользование словом налагается своеобразный запрет. Этот запрет перешел во множество философских систем, рекомендующих *молчание* и *безмолвие* как норму поведения – таковы исихазм в Древней Руси, многие индуистские учения, представители которых налагали на себя обет молчания, философия молчания у М. Метерлинка и др. Однако запрет на внешнюю речь или словопроизнесение вовсе не предполагает запрета на внутреннюю «умозрительную» речь, т.е. на собеседование человека с Богом или высшими духовными сферами, а значит «словесность» или словесный дар человека не только не устра-

¹ Статья представляет собой доклад, прочитанный на Кирилло-Мефодиевских чтениях в 2005 году в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина.

няются этим запретом, но, напротив, предполагаются как основа духовного развития личности человека. Именно этот смысл заключен в суждении митрополита Филарета Московского (Дроздова): «Да не будет слово твое праздным! Да не будет молчание твое бессловесным!»

Поясним же концепт *безмолвие*, сопоставляя его с, казалось бы, синонимичными концептами *бессловесие*, *безгласие*, *безъязычие*, *немота*. Выясняется, что это принципиально противоположные понятия. *Безмолвие* есть воздержание от излишнего употребления языка, хранение чистоты сердца и уст, словесная скромность, внутренняя собранность и сосредоточенность, но никак не расслабленность, не рассеянность или неразвитость. Именно *безмолвие* располагает к собеседованию и вступлению в общение с Богом, а затем, если требуют обстоятельства, и в разумное общение с людьми.

Напротив, *бессловесие* отторгается несоответствием человеческой природе, ибо бессловесное означает «скотское» и вполне уместна параллель: божеское (человеческое) – скотское, словесное (человеческое) – бессловесное. Бессловесность (безъязычие, безгласие, немота) противопоставлена логосичности, божественному Слову-Логосу и словесной человеческой природе.

Но если Слово-Логос совершенно, а бессловесность греховна (см. ниже цитаты из «Канона Великого Андрея Критского»), то человек как бы находится посередине – он либо стремится освободиться от «бессловесия» и обрести совершенство по образу и подобию Божью, либо же пребывает в ленистой немоте и словесном (душевном) оцепенении.

Краткий лексикологический комментарий:

«Безмолвие... есть хранити кому сердце свое от датия и от приятия и чьловѣкоугожения инѣхъ дѣль» *Никон. Панд.*, 116. 1296 г. (т.е. безмолвием человек предохраняется от человекоугождения, греховного «желания нравиться людям» – В.А.); «подражать ... мужь же мудрь безъмълвьє» *Панд. Ант. XI в.*, 106. «Жена в безъмълвии да учиться» *1 Тим. I. II, XIV в.* «Безъмълвие любити» *Ефр. Крм. Халк. 4.* (т.е. безмолвие является положительной характеристикой человека – В.А.; цит. по: [Срезневский 1893: 59; Аннушкин 2003: 33–34]). В последнем случае «безъмълвие» ассоциируется с исихазмом, оно означает покой, внутреннюю гармонию, мир душевный, тихость ума – ср.: «да тихое и безмолвное житие поживем».

Напротив: «Безсловесно – кромѣ слова всякаго и вины; паки и безсловесно – скотско» *Алф.*, 106, *XVII в.* Несколько подобных

коннотаций в значении ‘неразумие’, ‘неведение’: «Преже горѣния в Везниках и Понизовьи морение начася, от мужиков-простаковъ злоба сия зачася, ... не мно здѣ извѣту доброму, но глубокое безсловесие» *Евфр. Отразит. пис., 11, 1691 г.*

Бессловесный в значении *греховный* встречается неоднократно в «Каноне Великом святого Андрея Критского»: «Гряди, окаяная душе, с плотию твоею, Зиждительно всех исповеждься, и останися прочее преждняго *бессловесия...*»; «...бегай пламене всякаго *безсловеснаго* желанія»; «Кому уподобилася еси, многогрешная душе, ...убившая ум *безсловесными* стремленьми?» (Канон Великий 2003: 6, 47, 57, 79).

Другие словообразования с префиксом *без-* и корнем, обозначающим языковую способность, типа *безгласие*, *безъязычие* оцениваются либо буквально как потеря голоса и лишение языка, а вследствие этого способности к речи, либо в переносном смысле – как косноязычие, умственная немота, неспособность к речи. Ср. в значении косноязычия: «Присмотрить еѣ, что она глупа, или на лицо дурна, или на очи не добра, или хрома, или безъязычна» *Котош., 150, 1667 г.*; [СлРЯ XI–XVII вв., 1, 130].

Ср. *безгласие* как синоним немоты и неразумия: «Ты бо сия мудрствуешь въ гостяхъ у вина, въ церкви же ничто же отъ сихъ зриши, точию яко вѣтрило скорообратное языкомъ шумишь; въ гостяхъ велерѣчивъ, а въ дому божи безгласиемъ связанъ и неразумиемъ плѣненъ» *Мусик. грам. Дил., 23, 1681 г.* (цит. по: [Срезневский 1893: 169, 130, 101]).

Несомненно *безглагольный* ближе к слову *безмолвный* по его возвышенно стилевым коннотациям и употреблению как в старинных, так и современных поэтических текстах. Ср. *безглагольный* – не выраженный или невыразимый словами: Безъглагольная въздыханія сердца. *Никон. Панд. Гл. 29*, [СлРЯ XI–XVII вв., 1, 101]. Ср. в стихах Ф.Соллогуба: И поет мне ветер вольный, / ветер вольный, *безглагольный* / про блаженства бытия...]

Речь может быть рассмотрена как чередование молчания и говорения. Современные исследователи не обошли вниманием феномен безмолвия и молчания, однако это либо анализ молчания как невербальной коммуникации, либо разбор знакового молчания. Так, в статье В.Н. Базылева в новом словаре «Эффективная коммуникация» с рядом выразительных примеров (от Иисуса Христа, молчанием отвечающего на вопрос Понтия Пилата «Что есть истина?») и пушкинских строк «Воспоминания безмолвно предо мной / свой длинный развивает свиток...» до агитационного призыва «Молчи – тебя подслушивает враг!») все-таки говорится

о «коммуникативной неизбежности», где «в виду конкретного или умозрительного диалога – всякое молчание есть молчание о чем-то, молчание кого-то к кому-то» [Базылев 2005: 586–587]. Мы же анализируем как раз ситуацию, когда человек принципиально выбирает философскую позицию молчания, стремясь к безмолвию и накладывая запрет на уста (вербальная коммуникация), т.е. он как раз не находится в условиях «коммуникативной неизбежности». Таким образом, существует молчание в невербальной коммуникации как факт активного межлического общения («говорят» позы, прикосновение, выражение лица, взгляд, мимика и жесты) и существует безмолвие как феномен принципиального стремления минимизировать межлическое общение.

В сущности, мы приближаемся к необходимости обратиться к учению о помыслах и страстях как внутренних устремлениях сердца. В таком случае действительно можно говорить об «умозрительном» диалоге, который всегда рассматривали духовная философия и психология (см., например, учение о страстях Нила Сорского). Требование сосредоточенно следить и внимать движениям сердца, совершаемое в безмолвии и молчании, есть кардинальное требование православной психологии.

От сказанного о безмолвии и словесной природе человека напрашивается прямой переход к *дару Слова и общения*, который требуется развить в каждом человеке. *Общение* – один из самых популярных и фундаментальных терминов современной гуманитарной науки в таких областях как языкознание, риторика, психолингвистика, прагматика, психология, социология и т.д. Поиски в словарях приводят к выводу о синонимике определений, касающихся терминов *общение* и *коммуникация*, причем одни авторы определяют коммуникацию через общение (ср. у Т.В. Матвеевой: «Коммуникация – общение, форма взаимодействия людей...»), другие (Л.Е. Тумина) называют общение «сложным и многогранным процессом» и прежде всего «процессом взаимодействия индивидов». Характерно, что в двух авторитетных словарях «Культура русской речи» и «Стилистическом энциклопедическом словаре» под ред. М.Н. Кожинной отсутствуют специальные статьи, называющие эти термины – видимо, неслучайно, поскольку авторам представляется очевидным толкование этих терминов.

Представляется важным в будущем проанализировать контекстно-стилистическое употребление терминов *общение* и *коммуникация*, поскольку история, внутренняя форма слов, состав терминологических словосочетаний у обоих терминов существенно разнятся. Так, ясно, что внутренняя форма слова *общение* обладала потаенной привлекательностью для русских философов и фи-

логов, пользовавшихся этим словом в 18–19 веках, поскольку оно имеет сему общности, включавшую не только взаимодействие, но и единение. Латинское слово *коммуникация* известно, по крайней мере, с 18 века, но его иностранная природа очевидна для русского сознания и языкового вкуса. В русистике это слово особенно утвердилось в связи с методикой преподавания русского языка как иностранного и провозглашенного коммуникативного метода, означавшего более всего выход в практику общения, реальную речь. В русской духовной философии (а именно она предмет данного рассмотрения) слово *коммуникация* не встречается, но от безмолвия и молчания следует переход к *общению*.

Рамки статьи позволяют обратиться лишь к двум текстам, разным во времени, но, возможно, чрезвычайно характерным для русского духовно-философского сознания – это: «Житие Николая Чудотворца» в основной редакции Макариевских Четых Миней и беседы архиепископа Пражского Сергия (Королева) (1881–1952). Первое сочинение выбрано нами не только потому, что Святитель Николай чудотворец из Мир Ликийских является самым почитаемым русским святым, но потому, что в его «Житии» обнаруживаются свидетельства принципов общения как образцов христианского речевого поведения. Второе сочинение, судя по стилю повествования, – устные записанные беседы Владыки Сергия Пражского, который с 1922 года несколько десятилетий в тяжелейших условиях эмиграции был подлинным духовным вождем для русской православной общины.

В «Житии Николая Чудотворца» были выделены те части текста, которые касались его общения с другими людьми (ближними) и качеств его речи. Так, в детстве он достиг «совершенства в *слове* и учении...», показав себя достойным кормчим Христова корабля и будущим пастырем «словесного стада» [Житие 1993: 175]. Очевидно, что речь идет не только о Слове Божиим, но и о слове человеческом, но слове столь совершенном, что оно подобно Слову Божию по словам самого Спасителя: «Будьте совершенны, как совершенен Отец Наш Небесный».

Характерно словесно-безмолвное поведение Святителя: «Он всячески уклонялся суетных друзей и праздных бесед... хранил истинное целомудрие, чистым умом всегда созерцая Господа и усердно посещая храм божий... В храме Божиим он проводил целые дни и ночи в богомысленной молитве и чтении божественных книг, поучаясь разуму духовному...» [Житие 1993: 176].

Жизнь святителя такова, что он не входит в суетное и суемудрое общение с людьми, но готовит себя к служению Богу. Характерна стилистика жития, в котором описываются поступки, но

почти отсутствуют «речи» святителя. Это можно объяснить только одним: недоверием в духовной литературе к языку как источнику всякого греха. Отсюда святые так мало говорят, но если говорят, то слово их вызрело, одухотворилось Святым Духом, закалилось в горниле поста и молитвы, растопилось кроткой любовью и смиренномудрием.

Переход от безмолвия к общению с людьми представлен в Житии как некий рубикон, порог, который должен перейти Святитель. Вот как описывается этот эпизод. Закончив путешествие по святым местам, Св. Николай находит в Ликийском монастыре «*безмолвное житие и тихое пристанище для богомыслия*», надеясь и «остальное время жизни провести здесь неисходно». Но Господь указывает ему другой путь «гласом свыше»:

– Николай, если ты желаешь удостоиться от меня венца, иди и подвизайся на благо миру.

Это означало, что святой Николай должен был «оставить *подвиг безмолвия* и идти на служение людям для их спасения» [Житие 1993: 182]. В пастырском служении Св. Николай «право правил слово истины и мудро наставлял свою паству в учении веры».

Таким образом, путь Св. Николая – это путь от *подвига безмолвия и Богообщения* к *подвигу общения* с людьми («словесным стадом») для их спасения.

«Подвиг общения» – так названа книга бесед архиепископа Сергия Пражского. Суммируем ее основные мысли с тем, чтобы выделить основной понятийно-терминологический аппарат, позволяющий выстраивать своеобразный раздел *духовной этики речи*:

1. Идея *отображения в человеческом слове Слова Божия*. «Наше слово есть отображение воплотившегося Слова. Господь сказал: «Да будет свет». И невидимое через слово приняло свое бытие. Слово являет величайшую силу в мире... И в нас через слово является скрытое, сокровенное делается явным» [Архиепископ Сергей Пражский 1981: 3].

2. Идея *добра и блага в человеческом слове*. «Как важно, чтобы наше слово имело атмосферу *добра*. Общением через слово мы ищем для себя блага, хотим иметь его в себе. Слово, имеющее в своем исхождении *благо*, осветляет нам нашу жизнь» [Там же: 4].

3. Идея *общности – общего, единения*, а не разделения: «Слово должно сближать нас, вносить единение, а не разложение и разделение» [Там же: 6].

4. *Действие слова, его творческая и творящая сила*: «Доброе наше слово есть сила творящая, так как ему свойственна та тво-

рящая сила, которой обладает Бог – Слово. Словом как божественной силой, преодолевается возникающее зло» [Там же: 8].

5. *Внутреннее слово*, психология рождения и возникновения слова. «Слово есть и в молчании: это внутреннее слово. Слово, даже несказанное, имеет силу. ... В момент рождения внутреннего слова надо обращаться к Богу за помощью. Обращением к Богу мы низводим с неба свет, и он входит внутрь нас, и тогда рождающееся слово несет свет в мир и в момент рождения является творческим и объединяющим» [Там же: 9].

6. Боязнь осмеяния и несочувствия побеждаются *энергией добра* и готовностью сказать доброе слово: «Часто доброе слово проходит пласт осмеяния и несочувствия, но этого бояться нечего... Не бойтесь сказать доброе слово. Слово, попав на добрую почву, может воплотиться в действие и принести величайший плод» [Там же: 9]. *Греховность* и *ослабленность* мешают силе слова: «Мы обессилили могущественность слова... и слово вместо правды несет нам разделение, небытие, смерть. Мы боимся проявить себя, сказать доброе слово. Полнота энергии добра задержана боязнью усмешки. Наша задача сказать: мы отрицаем силу зла и верим в добро» [Там же: 10].

7. *Настрой*, преодоление греховной лени, *побуждение к общению*. «Человек все чего-то дожидается. Нам теперь нечего ждать, а надо действовать. Надо стараться сказать хорошее слово, доброе... Добро дерзновенно. Хорошее слово, несущее добро, в сродных душах вызывает свет, в темных – обличает темноту. Грех несет нам призрачную жизнь. Добро – реальную жизнь, уходящую в вечность» [Там же: 10].

8. *Общение – долг, следствие общения – раскрытие и расцвет личности*. «Иногда общение нам бывает трудно, но мы призваны к общей жизни, и общение с людьми есть поэтому христианский долг. Человек, общаясь с другими и творчески преодолевая разделение, раскрывает свои ценности, обогащается сам и тем самым обогащает других... В одиночестве человек становится почти всегда беден... Через общение же с людьми происходит извлечение нераскрытых сил человека... Общение с людьми обогащает нашу душу, она расцветает через полноту нашего сближения с другими людьми» [Там же: 14].

9. *Общительность* есть дарование Божие, сделать себя общительным есть *подвиг*. «Мы привыкли общаться с людьми нам приятными... Поговорить с человеком к которому имеешь предубеждение, нам очень трудно, но именно это затруднение нам надо преодолеть... Совершить некоторый подвиг, побороть свою неприязнь, что является уже доброделанием или добродетелью.

В самом деле это есть наша задача каждого дня для каждого из нас. Общительность есть дарование Божие, а из необщительного себя сделать общительным ради пополнения своей скудости есть подвиг» [Там же: 17].

10. Раскрой *талант* своего *сердца* через общение с другими людьми. «Господь ставит нас друг около друга в семье, в обществе, чтобы мы один от другого обогащались... Господь говорит: “Вот тебе задача. Я поставил тебя с тем или иным человеком. У тебя в сердце есть талант, которым я наградил тебя, раскрой его”... Важнее всего *таланты сердца*, которыми Господь наделил каждого человека, как, например, приветливость, чуткость, сострадательность. Раскрытие этих талантов как природных свойств нашей души в наших руках: эти наши таланты раскрываются лишь через *живое общение с людьми*» [Там же: 18–20].

11. Способ общения – искать талант сердца, *вглядываться* в сердце другого человека. «Мы видим в людях только внешнее и берем от них внешнее и не замечаем клада, лежащего в каждом, не ищем этого клада. Надо искать талант сердца – этот клад есть источник блага» [Там же: 22].

12. Наша задача – преодоление одиночества и обособленности, *искание общности и единения*. Единение – благо, радость и закон жизни. «Наша задача в жизни может быть сформулирована как искание общности в жизни с людьми, с которыми мы связаны. Больно сознавать, что много людей жалуются на одиночество. Обособленность от других действительно угнетает человека, а единение, наоборот, дает бодрости, так как человек чувствует, что он в мире не затерян. ...Единение между людьми несет нам благо, которое дает нам радость жизни. Это есть закон жизни, отступая от которого люди должны страдать неминуемо» [Там же: 21–22].

Содержательно-стилистический анализ текстов духовной литературы показывает, что в них существует единая система ценностей, которая выражается в некотором составе терминов, постоянно повторяемых и связанных друг с другом синонимической конструкций, слов, словосочетаний. Этот состав слов-понятий имеет положительные и отрицательные коннотации, которые фиксируют божеское и дьявольское. В сущности каждый из терминов, приводимых в следующем ниже обобщающем списке, может быть описан через соседствующий, что обычно и делается в текстах духовной литературы. В этом как раз и состоит «лествица добродетелей» и противостоящих им пороков.

Человек находится как бы посредине между этими противоположающимися сторонами, которые ведут борьбу за его сердце. Кстати, слова *человек* и *сердце* в духовной литературе являются

термами с весьма строгой и определенной семантикой. Состав этих противоборствующих сил добра и зла, божеского и дьявольского можно расположить и таблично, и списком. Расположение в двух графах с попыткой выделения антонимичных понятий таково:

– Слово Божие, богообщение	↔ бессловесие
– человек – образ Божий, слово человеческое как отражение Слова Божия	↔ отсутствие человеческого начала
– безмолвие	↔ немота, бессловесие
– благо и благое слово	↔ зло и злое слово
– добро и доброе слово	↔ грех и словесные грехи
– действие и творящая сила слова	↔ ослабленность, бессилие,
– внутреннее слово и настрой на слово	↔ отсутствие внутреннего настроения
– единение (единомыслие, единокорие, единоволлие), общность	↔ разделение, обособленность, одиночество
– свет, хождение в свете	↔ тьма, пребывание во мраке
– раскрытие и обогащение личности	↔ закрытость и бедность, скудность личности
– сила, движение, жизнь	↔ бессилие, остановка, смерть
– бодрствование	↔ лень
– дерзновение добра	↔ боязнь, трусость
– талант сердца	↔ отсутствие поиска и побуждения
– общительность	↔ необщительность

Сделанный анализ приводит нас к необходимости создания *философии слова*, которая явится средоточием духовного (богословского) и филологического знания. Богословская сторона проблемы должна привести к исследованию и осмыслению Слова Божия (насколько это возможно для исследователя, поскольку «никто Бога не видел» и человеку предписана лишь вера в Него). Филологическая же сторона вскрывает не только теоретическое осмысление правил действия и пользования словом как инструментом общения, но и предлагает практически полезное прагматическое, риторическое знание, побуждающее затем к выработке оптимальных навыков и умений человеческого общения.

При всех опасностях слова, побуждающих хранить *безмолвие*, настраиваться на слово в глубинах сердечных, человеку предпи-

сано *общение* и развитие *общительности* как одного из высших дарований Божиих.

Литература

Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. 2-е изд. – М., 2002.

Архиепископ Сергей Пражский. О подвиге общения. New-York, 1981.

Базылев В.Н. Молчание как феномен культуры и коммуникации // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. – М., 2005. – С. 582–587.

Житие святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского // Жития святых, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Димитрия Ростовского с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых. Книга четвертая. Издание Московской Синодальной типографии, второе. – М., 1906. Репринтное издание Введенской Оптиной пустыни. – 1993. Месяц декабрь.

Канон великий. Творение святого Андрея Критского. – М., 2003.

Святитель Игнатий Брянчанинов. Рассуждение о человеческом слове в сравнении со Словом Божиим // Язык мой – враг мой. – М., 1999.

Словарь русского языка XI–XVII веков. – М., 1975–2002. – Т. 1–26.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб., 1893. – Т. 1–3.

РУССКАЯ РИТОРИКА - КРАСНОРЕЧИЕ - ОРАТОРИКА

РИТОРИКА¹

РИТОРИКА – теория и искусство убедительной и эффективной речи, фундаментальная наука, изучающая объективные законы и правила речевого творчества. Поскольку речь – инструмент управления и организации социальных и производственных процессов, риторика формирует норму и стиль общественной жизни. Классическая античная традиция рассматривала риторику как «искусство находить способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Аристотель), «искусство хорошо (достойно) и украшено говорить (*ars bene et ornate dicendi* – Квинтилиан). В русской традиции риторика определяется как «учение о красноречии» (М.В. Ломоносов), «наука изобретать, располагать и выражать мысли» (Н.Ф. Кошанский), предметом которой является «речь» (К.П. Зеленецкий).

¹ Статья опубликована в работе: Стилистический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003.

Определения современной риторики включают следующие идеи:

1. Риторика – научная *теория речи*: в теории исследуются законы и правила построения всех видов речи современного информационного общества, а владение искусством предполагает определенные умения, техническую «выучку», практическую «ловкость» извлекать нужные мысли и выражать их в уместных словах в разных ситуациях общения. Данная дефиниция восходит к классическому определению риторики К.П. Зеленецким: «предмет риторики есть речь» [Зеленецкий 1851, 1].

2. Риторика – *искусство мыслить и выражать свою философско-профессиональную позицию в слове*. Обучение в риторике искусству речи не есть только обучение говорению (например, в публичной речи), оно всегда предполагало одновременное обучение *мыслить* (и мыслить *нравственно*), формировать мировоззрение, получать знания и выражать свою жизненную позицию в слове. Отсюда особая серьезность риторики как реального мыслеречевого творчества, выражающего позицию каждого человека в жизни. В сущности, цель профессиональной деятельности конкретного ратора – защита своей философско-нравственной и профессиональной позиции, организация людей и общества в целях достижения своей идеи. Основой риторики всегда были *философия, этика, образованность* – вне духовно-нравственной и интеллектуальной основы невозможно представить современные методики преподавания риторики или иных многочисленных речевых технологий. Без философско-этической базы обучение риторике и ее использование превращается либо в манипуляцию сознанием аудитории, либо в «праздноговорение». Так, за «праздноговорение» и излишнее «краснословие» подвергаются критике политики как люди, имеющие дело со словом. Этим положениям соответствуют как мысли Цицерона о связи красноречия с философией, так и положения классика русской риторики Н.Ф. Кошанского о том, что «риторика занимается мыслями» [Кошанский 1829, 3]. Современная риторика отражает идеологически культурные противоречия общества, поскольку всякая идеология выражает себя через словесные поступки. Неслучайно именно в риторике рассматривается система общих мест как основных ценностных и мировоззренческих категорий.

3. Риторика – *теория и практика совершенной речи*: убедительной и эффективной, целесообразной и уместной, подлинно украшенной и т.д. В определениях риторики обычно ищут точные эпитеты для образцовых качеств речи, поэтому риторику называют наукой об убедительной, украшенной (в классических трудах),

целесообразной, эффективной, действенной, гармонизирующей речи (в современных теориях риторики). Качества речи называются также в учении о стиле, где в русской традиции обычно называются ясность, правильность, точность, чистота, логичность, образность, краткость, благопристойность и т.д. Ни одно из указанных качеств не исчерпывает представлений о речевом идеале, но их совокупность позволяет назвать риторiku учением о *совершенной* речи. Совершенство речи связано с имеющимися в общественном и личном сознании речевыми идеалами, образцами речи, стилистическими предпочтениями.

Первые классические определения риторики связаны именно с искусством *убеждения*, которое, по мысли Аристотеля, является универсальным требованием к любой ситуации речи. И действительно, убеждение присутствует в любой речи, особенно в политической, ибо никакое «слово просто так не молвится». Однако убеждение само по себе не является целью риторики (А.А. Волков), поскольку убеждение может достигаться как с истинными, так и с ложными или корыстными намерениями.

Эффективность есть стремление достичь цели, результата, успеха в речи. Однако само по себе это понятие также ничего не говорит об этичности, нравственности оратора. Кроме того, всякому ритору приходится не только выигрывать, но и проигрывать некоторые свои речевые столкновения. Сегодняшняя эффективность еще не гарантирует общей влиятельности речи – конечного результата творчества ратора. Бывают ситуации, когда оратор произвел впечатление на публику своей сегодняшней речью, но конечный ее результат складывается не в его пользу.

Все перечисленные качества могут быть взяты под сомнение, т.к. всякая «красивая» или «целесообразная» речь может быть обращена, что называется, «во зло»... Тем не менее, каждая эпоха рождает свой риторический (коммуникативный) идеал. Поэтому возможно говорить о том, что риторика формирует через стиль речи стиль жизни. В соответствии со стремлением человека к совершенной речи риторика может быть определена как *учение о совершенной речи*.

4. Риторика – *учение о речевом воспитании личности*. Поскольку в речи выражен весь человек, риторика способствует формированию всей личности человека, прежде всего его идеологического мировоззрения, жизненной позиции, способности выражать и защищать свою позицию словом. Примеры политико-речевой деятельности не только многих классических ораторов прошлого, но и наших современников свидетельствуют, что развитие личности ратора осуществляется постепенно с накоплением

ем риторического опыта, проявляющегося в утверждении философско-профессиональной платформы, формировании навыков и умений. Сам же профессиональный оратор должен осознавать, что владение языком (словом, речью) становится подлинной «стеной» и «оградой» в его профессиональной деятельности, оружием достижения подлинного, а не мнимого успеха, как и общество, в котором он живет и трудится, становится благоденствующим благодаря правильно организованным речевым связям.

5. Риторика – *учение о всех родах, видах и жанрах речи (словесности) развитого информационного общества*. Современная риторика не ограничивается только ораторским искусством (ораторикой), с которого она начиналась в античном полисе. В риторике изучается все разнообразие текстов, включенных в информационную культуру нового общества: от бытовой речи до словесности средств массовой информации. Уже русская классическая риторика предполагала обращение к письменной речи, философской и научной литературе, а современная риторика вмещает также риторiku разговорно-бытовой речи и риторiku средств массовой информации.

В русской науке существует традиционное деление на *общую* и *частную* риторiku. Это деление имеется уже в латинских риториках Киевской Духовной академии XVII века, где записано, что существуют общие правила ведения и построения речи (предмет общей риторики) и рекомендации к ведению речи в разных видах словесности (предмет частной риторики).

Общая риторика в традиции, восходящей к Цицерону и Квинтилиану, включает пять разделов (так называемый риторический канон), каждый из которых показывает отдельные моменты в подготовке и реализации речи: 1) изобретение (лат. *inventio* – что сказать?); 2) расположение (лат. *dispositio* – где сказать?); 3) выражение (лат. *elocutio* – как сказать?); 4) память (лат. *memoria*); 5) произношение и телодвижение (лат. *pronuntiatio*).

Общая риторика в традиции, восходящей к Аристотелю, насчитывает следующие разделы: 1) образ оратора; 2) изобретение – содержание речи; 3) композиция; 4) речевые эмоции; 5) стиль речи (слововыражение, произношение, язык телодвижений).

Каждый из этих разделов, как сказано выше, показывает последовательность подготовки и развертывания речи:

1. *Изобретение* – рождение замысла, создание идей, содержания речи. Риторическое изобретение основывается на *общих местах (топосах), источниках изобретения*. Общие места – основные ценностные и интеллектуальные категории, относительно которых оратор достигает согласия с аудиторией. Нравственная и

идеологическая жизнь общества организуется общими местами как некоторыми суждениями, которые признаются всеми. Общие места (топосы) являются также способами развития замысла и содержания речи. Это – техника создания и развития речи. Виды общих мест (или топосы) показывают, как может быть построена речь о любом предмете или человеке. Существовавшие классификации насчитывали традиционно от 16 (у Цицерона в «Топике») до 24 (у Н.Ф. Кошанского) общих мест. Минимизируя данный перечень, следует назвать, по крайней мере, следующие общие места (топосы): 1) определение, 2) части / целое, 3) род / вид, 4) свойства, 5) противоположность, 6) имя, 7) сравнение (подобие, количество), 8) причина / следствие, 9) условие, 10) уступление, 11) время, 12) место, 13) свидетельство, 14) пример.

Критика топосов – общих мест связана с их формально-схоластическим использованием при обучении риторике. Именно учение об общих местах, а следом и «все риторики» – были критикованы в середине XIX века В.Г. Белинским и К.П. Зеленецким (последний, в частности, утверждал, что «невозможно изобретать мысли»). Тем не менее, топическая структура обнаруживается во всякой речи и ее забвение приводит подчас к неумению порождать замысел речи, создавать тексты. Большинство современных теорий текста основывается именно на *топике* как способ описания речевых ситуаций (ср. теорию фреймов и др.) Топосы необходимо знать как творческие возможности развития мысли, при создании речи избираются те из них, которые представляются уместными и необходимыми в данной ситуации.

2. *Расположение* – раздел о правилах композиционного построения речи. Изобретенный материал необходимо разумно, в определенной последовательности расположить. Обоснованный порядок частей композиции речи позволяет развивать и представлять идеи в убедительной форме. Традиционными частями композиции речи являются вступление (обращение и название темы), описание, повествование, рассуждение (доказательство), опровержение, заключение (выводы и эмоциональный призыв). Каждая из них имеет прочные традиции описания и рекомендации в построении – в русских учениях о речи XX века сохранилось именно учение о композиционных частях речи и стиле.

3. *Слововыражение* как словесное оформление речи связано с поиском уместного индивидуального стиля высказывания, без которого невозможно эффективное речевое воздействие. Слововыражение предполагает нахождение нужных слов и их эффективное расположение в фигурах речи. В учении о слововыражении традиционно описывались качества речи, виды тропов и фи-

гур. Каждый из авторов риторик обычно предлагает свое видение эффективного использования стиливых возможностей лексики и стилистического синтаксиса через определенные отбираемые для обучения тексты. Именно слововыражение является основным способом украшения речи.

4. *Память* считалась переходным этапом к заключительному исполнению речи. В риторических учениях обычно описывались способы запоминания и развития памяти. Кроме индивидуальных способностей и индивидуальных приемов существуют универсальные приемы подготовки к исполнению будущей речи. Чем больше ритор (любой говорящий) продумывает текст будущей речи, тем богаче копилка его памяти. Он может делать это в разной форме: 1) заучивание наизусть с повторением про себя или вслух написанного текста (механическое запоминание необходимо отличать от осмысленного, вдумчивого проговаривания текста); 2) неоднократное прописывание, редактирование текста, невольно проявляющееся затем и в устном воспроизведении; 3) прочитывание вслух подготовленного текста с проверкой запоминания; 4) произнесение речи без письменного текста – самостоятельно или перед кем-то; 5) прочитывание или проговаривание текста с записью на магнитофон и последующим анализом собственной речи.

Память вытранируется постоянным возвращением к предмету, размышлением, повторением, напряженной умственной работой. Каждому ритору рекомендуется понять, какой тип работы над текстом, воспроизведения речи наиболее ему свойствен.

5. Раздел *произношение* в классическом понимании связывался не только с голосоведением и артикуляцией, но также с телодвижением (ср. в первой русской Риторике 1620 г.: «гласа и тела мерное и вежливое устроение»). Произношение считается заключительным с точки зрения подготовки речи, но первоначальным в восприятии речи. Оратор реализует свою речь в произношении, где голосоведение и артикуляция составляют единое целое с мимикой, жестикуляцией, глазным контактом и другими знаками телодвижения, создавая общее представление об образе оратора. Это – последняя стадия в реализации речи, хотя восприятие речи слушателем начинается с оценки внешнего вида оратора и стиля его произношения.

Современное толкование произношения как в риторике, так и в других речеведческих науках ограничено изучением процесса собственно звучания и артикуляции с целью создания определенного стиля произношения, включающего работу над громкостью (звучностью) речи, темпом, ритмом, паузацией, дикцией, логическими ударениями, интонацией, тембром голоса. Хорошее произ-

ношение основывается на владении дыханием. Все перечисленные факторы требуют от ратора упражнений и накопления практического опыта.

В *частной риторике* рассматриваются правила и рекомендации к ведению речи в отдельных родах, видах и жанрах словесности. Традиционная риторика занималась преимущественно монологической речью, и первое деление на роды речей мы находим у Аристотеля: совещательная речь (политическая речь, имеющая целью обсуждение общественного блага), эпидейктическая речь (поздравительная, целью которой является похвала или хула, а содержанием «прекрасное»), судебная речь (состояние тяжущихся сторон, целью при этом служит установление истины, содержанием – «справедливое или несправедливое»). Впоследствии объем видов словесности, подвергавшихся описанию, разрастался, например, «Риторика» Феофана Прокоповича 1705 года, профессора Киево-Могилянской академии, включала описание поздравительных речей, церковного, свадебного красноречия, правила написания писем к различным особам и способы писания истории. Профессор Московского университета А.Ф. Мерзляков в своей «Краткой риторике» 1804–1828 гг. рассматривает: «а) письма, б) разговоры, в) рассуждения или учебные книги, д) история истинная и вымышленная, е) речи (последние по «содержанию и намерению» делились на «духовные, политические, судебные, похвальные и академические». Значительно расширенной выглядит эта схема в риториках середины XIX века, например, у Н.Ф. Кошанского подробно разбираются: «1) словесность, 2) письмо, 3) разговоры (философские, драматические и др., но не бытовой диалог), 4) повествование, 5) ораторство, 6) ученость». Во второй половине XIX века с заменой риторики на теорию и историю словесности в состав изучаемых видов словесности добавилось устное народное творчество, но изучение текстов все более ограничивалось лишь произведениями изящной или художественной литературы.

Современная частная риторика включает в сферу своего изучения максимальный состав форм и видов словесности: 1) устная речь: а) дописменная речь, не имеющая письменной основы (разговорно-бытовая речь, молва, фольклор); б) риторическая речь, то есть устная речь, могущая иметь письменный прототип (политическая, судебная, эпидейктическая, учебная, пропагандистская, проповедническая); в) репродуцирующая, то есть устно копирующая письменную речь (дикторская, театральная); 2) письменная речь (письма, документы, сочинения); 3) печатная словесность, литература (художественная, научная, журнальная); 4) массовая коммуни-

кация, подразделяемая на массовую информацию (радио, телевидение, газета, кино, реклама) и информатику.

Сегодня приходится говорить о разных видах профессиональной риторики как разделах частной риторики. Основные интеллектуальные профессии в обществе связаны с активной речью, ибо речь – основное средство организации и управления жизнью общества. Базисными родами речей (ораторского красноречия) продолжают оставаться политическая, судебная, педагогическая, проповедническая, военная, дипломатическая, публицистическая риторики. Каждый вид профессионального искусства требует своей «риторики» (ср. медицинская, коммерческая речь, деловая риторика в разных проявлениях), а подготовка специалиста невозможна без речевой выучки, которая является средством выражения профессиональных знаний и умений.

Литература

Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. 2-е изд. – М., 2002.

Аннушкин В.И. Первая русская «Риторика» XVII века. 2-е изд. – М., 2006.

Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. 2-е изд., испр. – М., 2006.

Аннушкин В.И. Риторика. Экспресс-курс. – М., 2007.

Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. – М., 1978.

Волков А.А. Основы русской риторики. – М., 1996.

Волков А.А. Курс русской риторики. – М., 2001.

Граудина Л.К. Русская риторика: Хрестоматия. – М., 1996.

Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. Русская риторика. – М., 2001.

Иванова С.Ф. Говори!.. Уроки развивающей риторики. – М., 1997.

Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // ПСС. – М.; Л., 1952. – Т. VII. – С. 89–378, 805–839.

Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. – М., 1996.

Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория: Учебное пособие для студ. пед. университетов и институтов. – М., 1998.

Риторика. Специализированный проблемный журнал. 1995–1997. – № 1–4.

Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. – М., 1999.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. 3-е изд. – М., 2004.

Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972.

КРАШНОРЕЧИЕ¹

КРАШНОРЕЧИЕ – 1) ораторский дар, талант, искусство слова, природная способность убедительно и красиво говорить и писать; 2) совокупность текстов, искусство создания текстов, словесных произведений определенной сферы общения (поэтому существует *красноречие* политическое, судебное, торжественное, академическое, церковное, военное, дипломатическое, социально-бытовое).

В русской риторико-стилистической традиции термин *красноречие* имеет ясные корни. Он восходит к греческим словам типа *χρηστολογία*, *καλολογία*, *ευλογητοτατος*, *καλλιφωνια* (*златоречие*, *краснословие*, *добрыязычник*, *красогласование* и латинскому *eloquentia* (*элоквенция*). В древнерусской традиции слова с корнем *крас-* более позднего происхождения, нежели с корнями *добр-* и *благ-* (*добрословие*, *благоречие*). До XVII века они почти не встречаются, а в XVII веке более часты варианты «краснословие» (в первой русской «Риторике» 1620 г.) и «красноглаголанье» (в Словаре Епифания Славинецкого). Впервые *красноречие* встречается в сочинениях его хулителя протопопа Аввакума: «...не словес красных Бог слушает, ...но любви с прочими добродетельми хошет, того ради и я не брегу о красноречии» («Житие протопопа Аввакума»); «Не ищите риторики и философии, ни красноречия, но здравым глаголом последующе, поживите» («Книга толкований»). Другие старообрядцы «отцы-златоусты» Семен и Андрей Денисовы, основатели Выговской словесной школы, напротив, реабилитировали риторику, а слово *красноречие* у них не встречается.

Инициатором ввода слова *красноречие* в русскую науку был М.В. Ломоносов. Если первый рукописный вариант его учебника 1743 г. имел название «Краткое руководство к риторике», то вто-

¹ Статья в сокращенном виде опубликована в журнале «Русская речь». – 2005. – № 4. – С. 105–107.

рой, изданный печатно и получивший распространение, получил название «Краткое руководство к красноречию» (1748). У М.В. Ломоносова, впервые оформившего научную классификацию «словесных наук», ясно различены *риторика* и *красноречие*: «*Риторика есть наука о всякой предложенной материи говорить и писать...*» (1743), а «*красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем других преклонять к своему об оной мнению*» (1747). Таким образом, *риторика* – это «наука», «учение», правила, а *красноречие* – «искусство», способность, умение говорить и писать. Вместе с тем *красноречие* есть также и состав текстов словесности, если употребить принятое впоследствии толкование этого термина. Говоря о «правилах обоего красноречия: оратории и поэзии», М.В. Ломоносов понимает под красноречием совокупность текстов словесных произведений. Именно в этом смысле будут исследоваться впоследствии разные виды красноречия: судебное, политическое, торжественное, церковное, академическое и т.д.

Данное понимание термина *красноречие*, с одной стороны, восходит к классическому, имеющемуся еще у Цицерона, с другой, будет продолжено в последующей русской традиции в риториках и теориях словесности конца XVIII – первой половины XIX веков. Так, Цицерон писал: «Первое и важнейшее условие для оратора есть природное дарование. ...Ведь для красноречия необходима особенного рода живость ума и чувства, которая делает в речи нахождение всякого предмета быстрым, развитие и украшение обильным, запоминание – верным и прочным. А наука может в лучшем случае разбудить или расшевелить эту живость ума; но вложить ее, даровать ее наука бессильна, так как все это дары природы».

М.М. Сперанский начинает учебник «Правила высшего красноречия» словами: «Основания красноречия суть страсти... Обучать красноречию не можно, ибо не можно обучать иметь блистательное воображение и сильный ум. Но можно обучать, как пользоваться сим божественным даром... И вот то, что я собственно называю *риторикою*». Риторика есть «средство усилить красноречие», даруемое природой.

Ср. у А.Ф. Мерзлякова: «*Риторика* заключает в себе полную теорию красноречия. *Красноречие* ... есть способность выражать свои мысли и чувствования на письме или на словах правильно, ясно и сообразно с целию говорящего или пишущего. Древние под именем красноречия разумели единственно *искусство* оратора, а под именем риторики – *правила*, служащие к образованию оратора». Термин *красноречие* четко отделяется от *витийства* и

словесности у Я.В.Толмачева: *словесность* – «природная, обыкновенная способность изъяснять свои мысли и чувствования голосом» и не имеет «отличительных качеств», а *красноречие* – «способность, показывающая отличное искусство выразить оное ясно и красиво»; *витийство* – «способность ... выразить сильно и убедительно». Способность дается человеку от природы, а «искусство ... приобретает наукою: сию науку называют *риторикою*. Итак, риторика есть та наука, которая содержит правила, руководствующие к красноречию и витийству». Я.В.Толмачев дает и самое краткое определение риторики: «наука красноречия», а «предметом риторики можно почесть систему правил, касающихся до красноречия».

Значение *красноречия* как области ораторики восходит к описаниям «ораторства» в «Частной реторике» учителя Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанского 1832 г., который пользуется терминами «гражданское красноречие», «политическое красноречие», «духовное красноречие», называя данный вид словесности «ораторством». В определениях, данных Н.Ф. Кошанским ораторству и витийству, чувствуется влияние латинской ученой терминологии: «Ораторство, витийство (*ars oratoria*) есть искусство даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других», а «красноречие» описывается, скорее, метафорически или в терминологии искусства: «Оратор действует на разум красноречием ума, силою доказательств, убеждений – движет страсти красноречием сердца, жаром чувств, стремлением души».

Для русской риторики характерно различие истинного и ложного красноречия, о чем писал еще Софроний Лихуд, критиковавший тех писателей, которые обольщаются словесными красотами и «будто дети, цвеченые камыки при брезе собирают».

В «Общей реторике» Н.Ф. Кошанского 1829 г. дается научно обоснованное различие истинного и ложного красноречия: «Есть люди, которые полагают красноречие в громких словах и выражениях и думают, что быть красноречивым – значит блистать риторическими украшениями ... иные думают: быть красноречивым – значит уметь выразить мысли необыкновенным образом, и чем темнее, тем, кажется глубокомысленнее и, следовательно, *красноречивее*. ... Сие заблуждение показывает ложный вкус и превратное понятие о красноречии и случается с *мнимофилософствующими* писателями».

Красноречие, по мысли Н.Ф. Кошанского, имеет три признака: «силу чувств, убедительность и желание общего блага. Первые два могут быть и в красноречии мнимом, последний существенно отличает истинное красноречие».

Сила чувств – красноречие сердца – есть такое живое ощущение истины, такое сильное участие оратора в предлагаемом деле, что он, сам увлекаясь, увлекает и слушателей за собою.

Убедительность – красноречие ума – есть такая неотразимая сила и приятность убеждений, что мы против чаяний, против воли, совсем неожиданно соглашаемся с мыслями автора. Если красноречие ума соединится с красноречием сердца, то нет почти сил им противиться.

Желание общего блага. Красноречие добродетели есть тот существенный признак, по которому узнается истинное красноречие и отличается от мнимого. Пламенное желание добра, стремление к сей цели – вот благородный предмет истинного красноречия, достойный добродетели!..

Красноречие ума и сердца могут заблуждаться; но красноречие добродетели – как самая добродетель, как прекрасное (само по себе), остается истинным, неизменным для всех веков и народов. Кто умножил хотя одною полезною истинною счастьем людей, приблизил их хотя на один шаг к добродетели, тот истинно красноречив. Заметим, что мнимое красноречие желает казаться истинным, и, представляя вредное, хочет доказать, будто оно полезно. Так порок иногда принимает на себя вид добродетели...

Истинно красноречивым может назваться тот, кто соединил красноречие ума и сердца с красноречием добродетели».

После критики риторики в середине XIX века и выведения ее из состава преподавания термин *красноречие* потерял свою определенность и в настоящее время употребляется в достаточно широком смысле, хотя и не выходит за рамки двух указанных выше значений. Чаще всего можно встретить обсуждение природы красноречия в книгах афоризмов, мудрых мыслей, крылатых выражений. Причем многочисленными бывают ссылки и на античных авторов (Платон, Цицерон и др.), и на зарубежных классиков, и на отечественную художественную литературу.

В современной научной литературе термин *красноречие* употребляется как традиционный термин для обозначения области ораторского искусства – ср. ссылку Л.К. Граудиной на выделение до десяти родов и видов красноречия в русской риторике XIX века: духовное (церковно-богословское), академическое, судебное, дискусивно-полемиическое, дипломатическое, парламентское, митинговое, торговое (коммерческое), военное, социально-бытовое. Данная классификация обычно повторяется в современных пособиях, в сущности являясь классификацией видов профессионального общения.

Указанная выше семантическая разница между терминами

красноречие и *риторика* как между природным дарованием и наукой, теорией ясно ощущалась еще в начале XX века. Так, А.Ф. Кони писал: «Если под красноречием разуместь *дар слова*, волнующий и увлекающий слушателя красотой формы, яркостью образов и силою метких выражений, то для этого нужно иметь *особую способность*, частью *прирожденную*, частью же являющуюся результатом воспитательных *влияний среды, примеров, чтения и собственных переживаний*... Поэтому невозможно преподать никаких советов, исполнение которых может сделать человека красноречивым. Иное дело уметь говорить публично, то есть быть *оратором*. Это умение достигается выполнением ряда *требований*, лишь при наличии которых можно его достигнуть». Значит, красноречие – природно, а стать оратором можно через изучение науки и выполнение некоторых риторических советов.

Тот факт, что термин *красноречие* продолжает оцениваться в основном на уровне искусства речи, доказывается употреблением слова *красноречие* в классической научно-педагогической, философской и художественной литературе, причем более с оттенком научного популяризаторства, защиты искусства убедительного и яркого, выразительного и действенного слова. Это подтверждается ссылками на слово «красноречие» во множестве крылатых выражений, афоризмов, сентенций не только российских, но и зарубежных классиков философии и литературы. Ср.:

Красноречием можно овладеть лишь сравнившись в знаниях с образованнейшими людьми... (*Цицерон*)

Красноречие есть нечто такое, что дается труднее, чем это кажется, и рождается из очень многих знаний и стараний. (*Цицерон*)

Красноречие руководствуется вкусами слушателей... (*Цицерон*)

Красноречие, вероятно, наиболее редкий, равно как и самый изящный из всех талантов. (*Л. Вовенарг*)

Красноречив тот, кто даже непроизвольно заражает своей верой или страстью ум и сердце ближнего. (*Л. Вовенарг*)

Природа делает человека красноречивым, когда у него большой интерес или большая страсть. (*Ф. Вольтер*)

Логика – это, видимо, умение доказать какую-то истину, а красноречие – это дар, позволяющий нам овладеть умом и сердцем собеседника, способность втолковать или внушить ему все, что нам угодно. (*Ж. Лабрюйер*)

Истинное красноречие – это умение сказать все, что следует, и только то, что следует. (*Ф. Ларошфуко*)

Страсти – это единственные ораторы, доводы которых всегда убедительны; их искусство рождено как бы самой природой и зиждется на непреложных законах. Поэтому человек бесхитростный, но увлеченный страстью, может убедить скорее, чем красноречивый, но равнодушный. (*Ф. Ларошфуко*)

В речи и в глазах и выражении лица оратора должно быть столько же красноречия, сколько его в подборе слов. (*Ф. Ларошфуко*)

Цель красноречия – не истина, а убеждение. (*Т. Маколей*)

Те, кто уверяет, что имеет в голове много мыслей, но выразить их не умеет из-за отсутствия красноречия, – не научились понимать самих себя. (*М. Монтень*)

Есть люди, говорящие красиво, но пишущие далеко не так. Это происходит потому, что место, слушатель и прочее разгорячают их и извлекают из их ума больше, чем они могли бы дать без этого тепла. (*Б. Паскаль*)

Красноречие – это искусство говорить так, чтобы те, к кому мы обращаемся, слушали не только без труда, но и с удовольствием, чтобы захваченные темой и подстрекаемые самолюбием, они хотели поглубже в нее вникнуть. (*Б. Паскаль*)

Красноречие должно быть стремительно. (*Н. Трюбле*)

Настоящий оратор украшает свою речь только светлыми истинами, благороднейшими истинами, благороднейшими чувствованиями, выражениями сильными и соразмерными с тем, что он желает внушить; он мыслит, чувствует, и слова следуют. (*Фенелон*)

Красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий. (*М.М. Сперанский*)

Таким образом, в современном русском научном языке термин *красноречие* ясно отделяется по смыслу от термина *риторика*, сохраняя и развивая два своих классических значения: 1) природное дарование, способность, талант, искусство действовать словом; 2) область ораторского искусства, изучающая правила построения искусной монологической речи в разных сферах профессионального общения.

Литература

Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. 2-е изд. – М., 2002.

Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект. – М., 2003.

Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. 2-е изд., испр. – М., 2006.

- Аннушкин В.И.* Риторика. Экспресс-курс. – М., 2007.
- Античные риторики* / Под ред. А.А. Тахо-Годи. – М., 1978.
- Граудина Л.К.* Русская риторика. – М., 2001.
- Граудина Л.К., Миськевич Г.И.* Теория и практика русского красноречия. – М., 1989.
- Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию // ПСС. – М.; Л., 1952. – Т. VII. – С. 89–378, 805–839.
- Цицерон Марк Туллий.* Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972.

ОРАТОРИКА¹

ОРАТОРИКА (ОРАТОРИЯ) – раздел риторики, в котором изучаются теория и практика функционирования устной публичной монологической речи. В ораторике исследуются формы, законы и правила построения ораторских речей, поэтому выделяется прежде всего *теория* ораторики с научно-рекомендательной стороной, хотя чаще приходится говорить об ораторском *искусстве* как умении эффективно и выразительно создавать и исполнять ораторские речи, приводя аудиторию к поставленной цели.

Термин *ораторика* происходит от лат. *oratoria* – ораторское искусство, красноречие (*orare* – говорить; молить, просить). Вариативность в назывании дисциплины (ораторика / оратория) связана с неустоявшейся до сих пор терминологией, но вариант *ораторика* представляется более предпочтительным вследствие аналогии с риторикой, грамматикой etc. и нежелательной ассоциацией варианта *оратория* с одноименным музыкальным жанром.

Ораторика включает, по крайней мере, следующие разделы: 1) история ораторики, 2) виды и жанры ораторики, 3) учение об образе оратора, 4) образцы ораторства, 5) обучение ораторике.

Ораторское искусство рождено в Древней Греции и является культурно-речевой характеристикой греко-римского полиса как колыбели европейской цивилизации. Античное государство формировалось в условиях публичной ораторской речи, поэтому требование владеть ораторским искусством распространялось на основные государственные профессии политика и судьи. Правила ораторской речи описывались в риторике, а сам *оратор* в Древней Греции называется *ритором*. Параллельные именованья в двух языках греч. *ритор* и лат. *оратор* способствовали синонимическому смешению этих слов, хотя в дальнейшем история нау-

¹ Статья подготовлена для энциклопедического словаря-справочника: Культура русской речи. 2-е изд. – М., 2009.

ки четко развела оба понятия. Поскольку предметом риторики стала «речь вообще» (К.П. Зеленецкий) в разных ее видах, предметом ораторики является ораторская речь. Вот почему определение риторики как науки об ораторском искусстве (ср. у С.И. Ожегова, Ч.Б. Далецкого и многих других) неточно: ораторика – всего лишь раздел риторики, хотя ораторская речь была исторически первым «родом речи», описанным и исследованным у античных авторов (см. «Риторику» Аристотеля).

Теория ораторики берет свое начало в трудах Платона, Аристотеля, Квинтилиана, Цицерона и других античных классиков. Их советы и рекомендации положены в основу всех дальнейших национальных преобразований.

Слово *оратор* с однокоренными образованиями достаточно позднего происхождения. На русской почве однокоренные слова впервые встречаются у А. Курбского: «Истину тщатся разорити араторскими штуками», т.е. ораторскими приемами, искусством (польск. *szuka* – искусство). У него же обнаруживается слово «орация»: «Посылаю те, вашей милости, подарок духовный: орацию едину Григория Богослова, а другое слово Великаго Василия».

Само слово «оратор» впервые отмечено в первой русской «Риторике» 1620 г., где говорится о некоем «ораторе или речиточнике». Слово «оратор» обнаруживается в словарях XVII века: 1) в «Лексиконе» Е. Славинецкого «*oratio* – молитва, слово, речь; *orator* – ритор, оратор, ветий, хитрословец, речеточец»; 2) в «Алфавите» XVII века «оратор – краснословецъ, еже есть ритор и ви-тия...».

Слову *оратория* впервые дает научное объяснение М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» 1748 года. М.В. Ломоносовым планировались «три учения», «три книги сего руководства»: Риторика как общая наука – «учение о красноречии вообще» (и именно она была написана); затем должны были следовать «оба сии красноречия» – Оратория как учение о прозе и Поэзия как учение о стихотворстве. Однако М.В. Ломоносовым была написана только общая риторика в трех разделах: изобретение, украшение, расположение.

Исполнить замысел Ломоносова – написать Ораторию как учение о прозе – было суждено Амвросию Серебрянникову, назвавшему свое сочинение «Краткое руководство к оратории российской» (1778). В русской традиции это единственное сочинение, имеющее название «оратории». В сущности А. Серебрянниковым написана частная риторика как учение о разных видах словесности, хотя по преимуществу он писал как раз о видах и жанрах ораторского красноречия.

Раздел *ораторство* присутствует у всех русских теоретиков риторики и словесности первой половине XIX века: А.Ф. Мерзляков в разделе «Речи ораторские» определяет речь как «рассуждение, составленное по правилам искусства и предназначенное к изустному произнесению». Им выделяются следующие виды ораторской речи: духовные, политические, судебные, похвальные, академические.

Н.Ф. Кошанский в «Частной реторике» определяет «ораторство, витийство (*ars oratoria*)» как «искусство даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других». Как большинство авторов своего времени, Н.Ф. Кошанский обращает внимание на этическую составляющую действий оратора: «Цель ораторства – благотворная для людей – состоит в том, чтоб согласить различные мнения в одну мысль, различные страсти в одно направление, различные желания в одну волю». Об ораторстве продолжают писать и другие русские теоретики-словесники: И.И. Давыдов, В.В. Плаксин, К.П. Зеленецкий и др.

С критикой риторики раздел ораторства существенно редуцируется в русских учебниках словесности второй половины XIX – начала XX вв., тем не менее, выходят оригинальные труды по теории, практике, психологии красноречия и ораторства. К ним следует отнести многотомный учебник о развитии дара слова Н. Абрамова, книгу М.Н. Попова о политическом красноречии и др. К сожалению, их роль во влиянии на образовательный процесс в России и на общественное мнение была невелика.

Теория ораторского искусства получила бурное развитие в первые годы после Октябрьской революции, когда ораторская практика включала организацию митингов и собраний, а большевистская агитация и пропаганда требовали научно-теоретического обоснования новой речевой ситуации и языковой политики становящегося советского государства. Большевистская партия очень хорошо понимала значение публичного ораторского слова и его влияния на народные массы. Нет сомнения в том, что энергичная и увлеченная агитация со стороны большевиков как создателей нового стиля мысли и речи была гораздо эффективнее, нежели агитация их оппонентов.

Понимание роли слова и эффективной речи в организации новой жизни выразилось в создании Института живого слова в Санкт-Петербурге в 1918 году, целью которого было распространение риторических знаний и совершенствование народной речи. Требование «учить говорить весь народ» вообще явилось одним из самых популярных в это время. Хотя очевидна эристически-манипулятивная природа ораторского искусства большевиков, тем

не менее, почти все мемуаристы пишут о «железной логике», честности, преданности делу, последовательности, страстности, увлеченности, яркости и выразительности языка ораторов ленинской школы.

Соответственно в двадцатые годы XX столетия выходят научно-популярные учебники по ораторскому искусству, написанные ярким и образным языком. Вдохновленный идеями построения нового общества, А.В. Миртов писал: «В новых условиях нашей жизни всякому, не ушедшему целиком в свою скорлупу, придется время от времени быть и оратором» («Умение говорить публично», 1927, 3-е изд.). Оратором Миртов называл всякого человека, кому приходится обращаться с «живым словом – могучим орудием в умелых руках». «Убедить, разъяснить что-либо, успокоить, ободрить, призвать – вот обязанности, постоянно налагаемые на нас жизнью. Особенно это относится к лицам, занятым общественной работой: сделать доклад, отчет, отстаивать свой план, проект и т.д. – это их повседневная работа». Данное понимание оратора как ритора-мастера красноречия в разных видах речи вполне соответствовало объяснениям классических теоретиков риторики.

Последней книгой, которая говорила об ораторском искусстве, была книга Виктора Гофмана «Слово оратора» 1932 года, в которой замечательно утверждалась связь риторики и политики: «Риторические принципы – это переодетые политические принципы, а риторика – мистифицированная политика. Риторика как теория ораторской речи есть как бы суррогат политической теории, руководства политической борьбы».

Начиная с 30-х годов всякие исследования ораторского искусства оказались фактически под запретом. Внимание филологов переходит в область нормативного учения культуры речи, а развитие теории ораторики (ораторского искусства) продолжается в основном в русле теории и практики партийной пропаганды, которая идеологически распространяется на все виды словесности. В сущности, советский человек призван был занимать (и, как правило, честно это делал) активную жизненную позицию, уметь выступать, действовать словом, к чему он призывался и многосторонне обучался. Единство идеологии предполагало разнообразие личностных проявлений (декларировалось именно так!), поэтому во многих произведениях искусства пропагандировался образ активно, творчески, импровизационно действующего и говорящего человека (в противовес какому-нибудь бюрократу), способного изобретательно мыслить, предлагать свежие решения и оригинально выражать их в слове. По крайней мере, таков ритори-

рический образ положительного героя в большинстве советских кинофильмов.

В 30-е годы ораторика продолжает присутствовать в речах политических деятелей, руководителей государства. В общественном настроении сложилась парадоксальная ситуация: на заводах и фабриках работники могли выступать с пламенными речами против империализма или «врагов народа», искренне веря в существование последних. Характерно доверие к «отцу народов» Сталину, сложившееся в результате активных речевых форм новой массовой информации. Именно в это время были созданы массовая пресса и радио, которые могли формировать «единую идею» и вкладывать ее в сознание масс. Именно так, формами массовой речевой пропаганды формировались культ личности и советский образ жизни.

Создание новых фактур речи с появлением и новых форм массовой речи (например, массовых митингов, собраний, пропагандистских компаний) влекло трудности в организации общественной жизни.

В Великую Отечественную войну 1941–45 годов особенно велика была роль объединяющей идеи спасения Родины – и эта идея, конечно, находила выражение в слове. «Отступить некуда – позади Москва!» – разве это не военно-политическое красноречие? Такие афористические выражения становились общенародно известными. Риторическую работу по поддержанию народного духа вели не только агитаторы и пропагандисты воинских частей, но и газеты, радио, выступления артистов – все было настроено на то, чтобы словом звать народ на борьбу с захватчиками.

Теоретические исследования ораторского искусства, в сущности, начались только с 60-х годов XX столетия. Характерно, что именно в хрущевскую оттепель появляется ряд трудов советских теоретиков Е.А. Адамова, Г.З. Апресяна, Н.И. Ерастова, Я.В. Толмачева и др. Активная подготовка пропагандистов велась во Всесоюзном обществе «Знание» (см. ежемесячно выходившие брошюры по методике ведения партийной пропаганды, а в начавшуюся перестройку – брошюры серии «Риторика – наука убеждать»).

Виды ораторики впервые описаны в «Риторике» Аристотеля как «три рода речей»: совещательная, судебная, эпидейктическая. Цель совещательной речи – польза, судебной – истина, эпидейктической – похвала или хула. В совещательной речи необходимо говорить о будущем, в судебной – о прошлом, в эпидейктической – о настоящем, соединяя прошлое с будущим. Эти основные положения будут по-разному интерпретироваться вплоть до настоящего времени.

Ораторика разовьется в дальнейшем на русской почве в разные виды красноречия с последовательным их увеличением: политическое (гражданское), судебное, торжественное (показательное, эпидейктическое, хвалебное), академическое, церковное, а затем также военное, дипломатическое, социально-бытовое. Видимо, в будущем этот ряд может быть продолжен в соответствии с профессиональными интересами раторов.

В XX веке ораторское искусство не только не прекратило своего существования, но приобрело новые формы. Новые технологии речи диктуют и новые слова в назывании похожих явлений. Если коммунистическая Россия называла ораторские формы агитацией и пропагандой, то посткоммунистическая Россия включает описание ораторских форм речи то в связи с общественностью (презентация, выступления на собраниях и т.д.), то в имиджологию, то в иные речеведческие дисциплины (прагматика, психолингвистика). Во всяком случае, налицо стремление уйти от традиционных названий и создавать новые системы ценностей через новые именованя.

В XXI веке ораторское искусство принимает новые формы, связанные с развитием техники речи, электронных СМИ, технологии проведения политических и деловых собраний. Публичная монологическая речь необходима в каждой речевой профессии, и обучение ораторской речи принимает новые формы с опорой на классические традиции. В настоящее время популярными стали различные тренинги с преимущественно практическими задачами выработки навыков и умений современного политика, предпринимателя, журналиста и т.д. Потребность в обучении ораторике велика – необходимо искать новое содержание и формы такого обучения с опорой на все лучшее, что имеется в риторической классике.

Литература

- Абрамов Н.* Дар слова. – СПб., 1900–1912. – Вып. 1–15.
Адамов Е.А. Мысли об ораторском искусстве. – М., 1966.
Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. 2-е изд. – М., 2002.
Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект. – М., 2003.
Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. 2-е изд., испр. – М., 2006.
Аннушкин В.И. Риторика. Экспресс-курс. – М., 2007.
Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. – М., 1978.
Апресян Г.З. Ораторское искусство. – М., 1972.

Граудина Л.К. Русская риторика. – М., 2001.

Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. – М., 1989.

Ерастов Н.И. Культура публичного выступления: Беседы с начинающим оратором. – Ярославль, 1972.

Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // ПСС. – М.; Л., 1952. – Т. VII. – С. 89–378, 805–839.

Попов М.Н. Политическое красноречие: Что нужно для оратора. – СПб., 1906.

Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972.

МЕТОДОЛОГИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

ОБЗОР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Рассмотрение классических и современных методологических подходов к риторическому образованию требует учета следующих концепций:

I. *Античная* методология, аккумулирующая опыт преподавания риторики в греческих и римских «риторических школах», как и индивидуальный опыт преподавания риторики отдельными выдающимися риториками (Сократ, Цицерон, Квинтилиан).

II. Методология *русской классической риторической* школы (она зафиксирована еще в доомоносовских риториках, освоена М.В. Ломоносовым, развита классиками русской риторической школы М.М. Сперанским, А.Ф. Мерзляковым, Н.Ф. Кошанским и др.). Вне этого опыта невозможно описывать современные методологические подходы, которые не могут не повторять лучших моделей (рекомендаций), идущих от опыта классического российского образования.

III. Методология современных *зарубежных школ*, среди которых целесообразно рассмотреть две наиболее влиятельные: *американскую и японскую*.

IV. Методологические подходы *современных российских* ученых. Каждый их описываемых подходов будет содержать свое рациональное зерно, причем, все описываемые подходы, приемы, методики обучения могут взаимопроникать друг в друга хотя бы потому, что авторы этих методик и методологических подходов хорошо знакомы друг с другом, часто полемизируют и совместно ищут наиболее эффективные пути преподавания риторики. Ниже

¹ В данной статье представлен фрагмент работы «Методология преподавания риторики в старших классах гуманитарного профиля», выполненной по гранту МО в 2007 году.

будут исчислены и описаны наиболее влиятельные и авторитетные концепции, уже зарекомендовавшие себя в риторической науке и практике преподавания риторики или речеведческих дисциплин. Довольно сложно именовать эти научно-педагогические «риторические школы», поскольку всякое именование может грешить ограниченностью. Целесообразнее всего в таком описании (а оно выполняется впервые) пойти по пути названия имен создателей и наиболее активных последователей данной школы как создателей определенной методологии преподавания риторики. Добавлением будет «география» данной школы, т.е. ее местонахождение, что в условиях России оказывается немаловажным, поскольку некоторые методологические подходы успешно реализовали себя на региональном уровне и их опыт неплохо бы предложить к использованию в других регионах.

I. Античная методология преподавания риторики изложена в трудах классических античных ученых Платона, Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана и др. Риторика понимается как наука и искусство убедительной речи, однако убеждение не может являться конечной целью риторики, поскольку убеждение может осуществляться с ложными намерениями. Риторика предстает идеологической дисциплиной, связанной с философией и этикой. По мнению Платона, риторика является сноровкой, умением привести аудиторию к определенному выводу, выгодному оратору «обучение сноровке и есть мастерство красноречия» [Рождественский 2006: 7–9]. Однако риторика не может быть просто *сноровкой и угодничеством*, а должна быть сознательно проводимым искусством насаждения благих чувств [Лосев 1974: 110]. Платон утверждает новый духовно-философский взгляд на риторику, когда основной целью речи становится не сиюминутная выгода, которую достигает ритор в корыстных целях, а нравственная сторона ораторства. Этическая сторона риторической философии Платона выражена в следующем суждении: ритор «должен говорить угодное не людям, а богам».

Соответственно целям риторики строится и методологический подход Платона к «риторическому» воспитанию душ своих учеников. Обычно говорят о диалогическом методе Платона, который известен как вопросно-ответное выпрашивание ученика относительно приведенных им аргументов, разоблачение его ложной позиции и аргументированное построение диалога с внятным объяснением простых и глубоких истин. Но Платон пользуется не только методом диалога, он предлагает в начале каждого из диалогов выбрать тему и произносить монологи (в «Пире» – похвалу богу Эроту, в «Кратиле» – о сущности имен),

так что монологическое искусство ораторской речи также присутствует в практической тренировке его учеников учиться выражать свои мысли.

Аристотель создал свой трактат более как философское сочинение, нежели учебное руководство. Оно рядоположено другим сочинениям философа, однако очевидно, что его «Риторика» была призвана готовить государственного деятеля, владеющего искусством слова. В «Риторике» рассматриваются три «рода речей», составляющие основные разновидности общественной публичной речи: политическая, судебная, показательная (праздничная); в «Поэтике» рассматривается художественная речь. Таким образом формируется общественный деятель, и сама общественная жизнь рассматривается в ее различных формах, которые зависят от организации речевых отношений.

Вместе с философско-риторическим обоснованием теории воспитания ратора следует практическая иллюстрация образцов риторического искусства. Она наблюдается в речах многих ораторов греческого периода античного мира. Всем известная «методология» Демосфена, который в целях совершенствования навыков ораторского искусства вытранировывал себя на берегу моря, произнося речи «с камешками во рту» (чтобы победить природное косноязычие) и пытаясь перекричать море (чтобы развить голос). Пожалуй, меньше замечают «теоретическую» подготовку Демосфена, который, обрив голову, запер себя в келье, где три месяца писал речи, учил их наизусть и, видимо, произносил, подвесив меч к потолку для того, чтобы не «дергать плечом» – так будущий великий оратор пытался преодолеть врожденный телесный недостаток.

Конечно, методика обучения оратора записана и в «трактатах» Цицерона, и в «наставлениях» первого европейского педагога Марка Фабия Квинтилиана, где «методы» воспитания оратора, скорее, рассыпаны во множестве афористических суждений, нежели систематизированы в конечных обобщениях. Так, Цицерон замечает, что «первое и важнейшее условие для оратора есть природное дарование. ...Ведь для красноречия необходима особенного рода *живость ума и чувства*, которая делает в речи *нахождение* всякого предмета быстрым, развитие и *украшение* обильным, *запоминание* – верным и прочным. А наука может в лучшем случае разбудить или расшевелить эту *живость ума*; но вложить ее, даровать ее наука бессильна, так как все это дары природы» [Цицерон 1972: 241]. Это также «методологическое» замечание: природное дарование – важнейший компонент успеха, с которым нельзя не считаться. Далее Цицерон намечает три основных раз-

дела общей риторики, которые составят структуру порождения и исполнения речи: изобретение мысли, композиция, слововыражение.

Обратим внимание на то, что здесь еще не разведены понятия *риторика* и *красноречие*, что будет сделано позднее с опорой на античную традицию в русской риторике. Но замечание о природных дарованиях будет постоянно встречаться во всей последующей научной традиции в синонимических описаниях. Очевидно, что так в античных текстах закладывалась научно-культурная традиция описания учебного предмета.

Или вот еще одно «методологическое» замечание Цицерона: «Перо – наилучший наставник красноречия». Педагоги-риторы спорят: требуется ли письменная опора в тренировке ораторской речи? Знаменитый теоретик с определенностью утверждает, что письменная речь формирует навыки устной, в том числе импровизированной речи.

Наибольшие методологические обобщения сделаны в трудах Квинтилиана, римского теоретика и публициста I века н.э., которого справедливо называют первым европейским педагогом. Характерно, что его педагогические идеи записаны в трактате, который называется «Двенадцать книг риторических наставлений» [Квинтилиан 1834]. В начале трактата сделаны несколько основополагающих советов относительно организации обучения и воспитания ритора:

1) «Современным оратором никто, по моему мнению, быть не может, не будучи добрым человеком: и потому не одной превосходной способности к красноречию, но всех душевных доблестей требую. Никак не могу согласиться с теми, кои полагают, что научать, как честно и справедливо жить, исключительно принадлежит философам: ибо того истинного гражданина, способного управлять общественными и частными делами, умеющего советами своими поддержать спокойствие между сожителями, ограждать их законами, назидать суждениями, можно ли не почтеть оратором?» [Там же: V]. Эта фундаментальная мысль о связи языка (речи, слова) с философией, идеологией, мировоззрением человека нуждается в постоянном напоминании современному учителю-практику, методисту, авторам учебников, ибо оторванность преподавания языка от реальной философско-идеологической практики слишком дорого обходится как обществу в целом, так и конкретным «ученикам», не осознающим в полной мере роль и значение речевого (языкового, словесного) образования.

2) Если обучение начинается с *подражания* языку тех людей,

с которыми ребенок общается, то прежде всего рекомендовали искать хороших воспитателей. Подражание является методологическим принципом в воспитательной концепции античных педагогов ибо необходимо, чтобы учитель являлся *образцом* для подражания. Понятно, что ребенок перенимает достоинства и недостатки тех людей, с которыми он общается.

Педагоги Древней Греции и Древнего Рима ясно понимали, что всякое воспитание начинается с речи. Античность явилась колыбелью человечества. Если внимательно проанализировать, как обобщается опыт античности в разных странах, то увидим, что англо-американская традиция существенно опирается на античный опыт, о чем говорят не только многочисленные исследования, но и переводы античных педагогов-риторов. Многие сделано и в России, но этот опыт мало систематизирован и распространен в наших учебниках, тем более он не доходит до учеников в практическом обучении хорошей и правильной речи.

Систематизация античных методов риторического воспитания и образования осуществлена русской педагогической мыслью не менее глубоко, чем на Западе. Наша задача – обобщить этот опыт, в известной мере сделав его фундаментом современной теории риторического образования.

II. Методология русской классической риторической школы основывается на нравственно-философском понимании сущности речевого образования. Если для античного полиса огромное значение имела устная публичная речь, то развитие письменности, распространение христианства привели к принципиально иному строению государства и форм общественно-речевой практики. Большую роль начинает играть книжная и письменная ученость с ориентацией на культуuroобразующие тексты европейской цивилизации (прежде всего, Священное Писание), где фиксировался не только образ благого поведения, но и *правила речи*, которым должен следовать человек.

Если пытаться реконструировать речевое образование в Древней Руси, то с уверенностью можно сказать, что древним русичам были хорошо известны слова «*риторика, ритория* (или *ритория*), *ветийство* (писалось через «ять»), *ритор, ветий* (или *ветия*)». Русским словом *ветийство* как раз было переведено греческое слово *rhetorica*. Как видим, оно имеет корень *вет-*, означающий говорение (ср. современные слова *привет, совет, ответ, завет, навет* и т.д.). Риторика рассматривалась как «высшая» наука, к изучению которой переходили после «грамотики» (грамматики). Ученые греки восхвалялись за знание не только грамматического, но и «риторического художества».

До XVII века на Руси отсутствовали учебники риторики, однако существовали понятия *добрословие* и *благоречие* (в противовес *зоречию*), которые и были основными принципами речевого поведения. Древнерусский книжник и проповедник обучался на религиозных текстах христианской культуры, познавая образцы литературной и ораторской практики. В Священном Писании были приведены основные принципы благоповедения, которым рекомендуется следовать и сейчас. Например, заповеди блаженства ясно говорят о том, что человек должен быть кротким, милостивым, миротворным, «алчущим правды», чистым сердцем – и именно эти качества позволяют жить благополучно долгие годы.

Методологические подходы в речевом обучении педагогов Древней Руси возможно систематизировать по следующим направлениям: 1. Описание ораторской практики с анализом конкретных речей (таковы, например, Слова Кирилла Туровского и Серапиона Владимирского, фрагменты которых успешно разбираются на уроках риторики в старших классах); 2. Иллюстрация речевого воспитания риторов различными способами и приемами (таков богатый опыт риторов Андрея и Семена Денисовых в Выговской литературной школе¹); 3. Анализ риторической теории, отраженный в первых для российского филологического образования курсах XVII – начала XVIII веков «Сказании о семи свободных мудростех» и первой русской «Риторике» (опыт использования этих классических учебников как на занятиях, так во внеаудиторной работе, например, при постановке школьных спектаклей, показал его эффективность, что говорит о широких возможностях текстов старинных сочинений).

Многое показывает классический опыт преподавания риторики в российских университетах и лицеях. В «Кратком руководстве к красноречию» 1748 г. Ломоносов ясно описал «средствия приобретения красноречия» – искусства украшенно и убедительно говорить и писать. Его способы обучения риторике соотносятся с предшествующей риторической традицией, демонстрируя, как «благородная упряжка» и желание овладевать науками позволяют создавать на культурной основе новое продуктивное знание. Ломоносов использует не только риторическое учение своего учителя Порфирия Крайского, но и те рукописные книги, по которым учился ранее. Так, в его библиотеке хранился экземпляр «Риторики» Михаила Усачева, к которой восходят и определения самой риторики у Ломоносова, и способы обучения красноречию, толь-

¹ См. публикации в кн.: Аннушкин В.И. История русской риторики. 2-е изд., – М., 2002. – С. 138–150.

ко терминология выглядит синонимической и стилистически обновленной.

М.В. Ломоносов называет методы, или принципы, обучения «средствами приобретения красноречия». Их пять: «первое – природные дарования, второе – наука, третье – подражание авторов, четвертое – упражнение в сочинении, пятое – знание других наук» [Ломоносов 1952: 92]. Несомненно то, что эти ломоносовские советы вполне проявлены в современном осмыслении способов обучения риторике. Во всяком случае современный учитель (преподаватель риторики в школе или вузе или на курсах риторики) может пользоваться ломоносовскими советами, поскольку в них явлены не только привлекательный литературный стиль, но и реальные практические советы к организации речевого обучения. Попробуем показать это на кратком описании советов М.В. Ломоносова:

1. Под «природным дарованием» понимаются «душевные и телесные» способности, которыми наделила природа всякого из людей. Среди «душевных дарований» Ломоносов называет «остроумие и память», необходимые как «добрая земля к посеянию чистого семени». Понятие «остроумие» связывается с исходным значением «острого ума», который является основой для проявления риторических способностей, состоящих в способности быстро и живо находить способы аргументации. Память же необходима для ориентировки в знании, которое ритор может применить в заданных обстоятельствах. Очевидно, что оба качества требуют развития в современном риторе, а способность к живой изобретательности (живости ума и чувства), нахождению нужных аргументов и содержания речи – основное требование к ритору.

«Телесными дарованиями» М.В. Ломоносов называет «громкий и приятный голос, долгий дух и крепкую грудь», «дородство и осанковатый вид». К каждому из этих понятий современная риторическая педагогика должна дать ряд пояснений: пластическое развитие личности (умение двигаться, владеть телом, оптимально жестикулировать) непосредственно связано с умением говорить. Человек, раскрепощенный пластически, как правило, имеет и более свободную речь. Поэтому техническое обучение оратора целесообразно начинать с внешнепластических приемов: как стоять, держать корпус, голову, как жестикулировать, как артикулировать, интонировать, посылать звук и т.д. Современный оратор должен владеть голосом, поскольку по тембральным и интонационным качествам оценивают личность говорящего: однообразный и тусклый тембр, невыразительность интонаций характерны для эмоционально и интеллектуально бедных людей.

2. Всякая деятельность, в том числе речевая, предполагает определенные правила, советы и рекомендации. Поэтому следующий методологический пункт ломоносовской концепции касается «науки»: «Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию». Правила выводятся из наблюдений над речевой практикой, обобщений удачной и неудачной деятельности раторов. М.В. Ломоносов показывает, какими должны быть способы «научения»: «Они должны быть, первое, *кратки*, чтобы не отяготить память многим изусть обучением, а особливо тем, чему легче можно с примеров научиться, нежели по правилам; второе, *порядочны*, для того чтобы они были вразумительны и тем к научению способственны; третье, удовлетворены *примерами*, которые бы показывали самую оных силу для яснейшего их понятия...» [Ломоносов 1952: 93].

3. Важнейший методологический пункт касается отбора текстов и подражания образцовым риторам. «Изучению правил следует подражание авторов, в красноречии славных, которое учащимся едва ли не больше нужно, нежели самые лучшие правила». Классическая риторическая педагогика неоднократно отмечает подражание (*imitatio*) как один из способов обучения. При этом имитация есть не слепое копирование, но творческое осмысление образцов, освоение образцовой деятельности применительно к собственной личности, учет и вхождение в данную культурно-стилевую традицию.

4. Основное методологическое положение, относящееся к практике обучения, зафиксировано в следующем тезисе: «Подражание требует, чтобы часто упражняться в сочинении разных слов». Имеет ли Ломоносов в виду реальное написание и произношение реальных слов-речей или же «школьные» упражнения в ораторских выступлениях, неясно. Хотя очевидно, что настоящего оратора формирует только ораторская практика, требуется и то, и другое. Ломоносов замечает: «Даже генералы, сенаторы и сами консулы ... у Цицерона приватно в красноречии обучались». Такие частные индивидуальные занятия, упражнения, консультации в риторике известны из опыта многих знаменитых ораторов XIX и XX веков (ср. хотя бы постановку произношения у английских ораторов, например, Маргарет Тэтчер). Занятия могут именоваться разными словами, но суть их одна – развитие риторических (речевых) способностей ученика-клиента.

5. Ломоносов заключает свои требования «знанием других наук», поскольку «материя риторическая есть все сущее в свете». Современная общественно-речевая практика также показывает, что блестящими риториками (учеными, писателями, политиками,

адвокатами, педагогами, военными) становятся люди, владеющие профессиональными знаниями. Но профессиональные знания требуют умения выразить их словами, поэтому мысль незримо соединена с речевыражением, и одно без другого не существует – «кто ясно мыслит, тот ясно излагает» (Цицерон).

Ломоносовские положения отражены в последующем опыте российских ученых, которые развивали его риторические идеи. Так, «Правила высшего красноречия» М.М. Сперанского начинаются следующим рассуждением: «Красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий. Первое последствие сего определения есть то, что, собственно говоря, *обучать красноречию не можно, ибо не можно обучать иметь блистательное воображение и сильный ум.* Но можно обучать, как пользоваться сим божественным даром; можно обучать – позвольте мне сие выражение – каким образом сии драгоценные камни, чистое порождение природы, очищать их от коры, умножать отделкою их сияние и вставлять их в таком месте, которое умножало бы их блеск. И вот то, что собственно называется *риторикою.*»

Я разделяю риторiku, или средство усилить красноречие, на три рода: на *чтение правил, чтение образцов и собственное в сочинении упражнение*» [Сперанский 1844: 5].

Методологическими могут быть названы риторические советы, которые дал в своем знаменитом учебнике «Общая риторика» первый учитель словесности и риторики в Царскосельском лицее *Николай Федорович Кошанский*. Именно ему юные лицеисты обязаны первыми уроками словесности, риторики и поэтического творчества. Н.Ф. Кошанский преподавал в Лицее до 1828 года, а затем написал знаменитые учебники риторики («Общая риторика» 1829 г. и «Частная риторика» 1832 г.), где назвал три средства для достижения целей изучения риторики: «1. Чтение, 2. Размышление, 3. Собственные упражнения. Чтение требуется, чтобы замечать лучшие слова, идеи, выражения, прекрасные мысли», размышление образует «способность рассуждать», а собственные упражнения необходимы потому, что «тот, кто не упражнялся в составлении учебных сочинений, всегда будет не тверд в слоге и не сможет «написать десять строк связно» [Кошанский 1829: 3].

Применительно к современному опыту преподавания риторики и других коммуникативных курсов речевого общения из этого суждения следует здоровое требование чтения как образования оратора, а не просто «натаскивания» ловкого говоруна, раскрепощенного несколькими приемами удачливого учителя. Чтение

не только «лучшее учение», но и один из приемов внутренней подготовки будущей эффективной публичной речи.

Учитель Лермонтова и Тютчева в Московском университете, профессор стиховорства и красноречия Алексей Федорович Мерзляков рассуждал об овладении искусством речи так: «Сия, частью от природы получаемая, частью воспитанием, обращением и чтением образованная способность приобретает посредством правил новый блеск, силу и совершенство» [Мерзляков 1828: 8]. Здесь интересно слово «обращение», которое означало опыт, приобретаемый общением и разговорами (вращением) среди образованных и порядочных людей, знающих правильное употребление языка.

Сделанным описанием не исчерпывается классический опыт русской риторической педагогики, однако сказанного о нем довольно для того, чтобы перейти к современной ситуации риторического обучения.

III. Анализ современных зарубежных подходов к риторическому обучению начинаем с *американской риторики* или американских речеведческих дисциплин. Это следует сделать хотя бы потому, что, в отличие от восточнославянских стран (сюда включаем не только Россию, но весь ареал так называемой Восточной Европы), в англосаксонской традиции риторика в XIX веке не была критикована и забыта, а получила дальнейшее развитие. Свидетельством этого является тот факт, что в вузах и школах США продолжал существовать школьный предмет «риторика», изучалось ораторское искусство и его история, причем, особое внимание уделялось исследованию реальной общественно-речевой практики, например, в виде политической речи основных американских политиков. Так, в американской речевой культуре и школьном преподавании изучаются речи политических деятелей, производится анализ риторической аргументации, даются образцы речевого поведения как в политической, так и в деловой словесности. Это позволяет готовить активного гражданина, который гордится своей страной и способен защищать ее словом (определенным составом аргументов), которому он научается в результате изучения определенного комплекса идеологических текстов, наблюдения за деятельностью некоторых образцовых ораторов, которые проповедают американскую идеологию.

Научная риторика в США начинается в XX веке, когда был изобретен контент-анализ как метод статистического исследования текстов, позволяющий на основе статистических выборок создавать «портрет» содержания текста (см. об этом в ряде исследований, которые проводила кафедра общего и сравнительного

языкознания в МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Ю.В. Рождественского – для данного описания пользуемся его последней книгой «Принципы современной риторики» [Рождественский 2000]).

С помощью контент-анализа стали изучать также общественное мнение, распределение интересов в обществе. От изучения аудитории специалисты по научной риторике перешли к исследованию действенности и эффективности речи. Эта дисциплина стала называться теория коммуникации. Теория коммуникации изучает связи создателя речи и аудитории через словесный текст.

В американской системе образования сложился своеобразный состав школьных предметов. Так, традиционные предметы «Композиция» (написание сочинений), «Рецитация» (аналог нашего выразительного чтения), школьный театр были дополнены гуманитарным предметом «Speech» – «Речь». В этом предмете предполагается обучение составлению и произнесению речей, а также дебатированию и управлению дебатированием. Очевидно, что именно этой «риторической» формой обучения заинтересовались наши педагоги на заре перестройки, когда в поисках новых методов обучения стали обращаться к зарубежному опыту. Данный опыт получил достаточное распространение, однако он должен предлагаться с учетом российских реалий, нашей культурно-речевой ситуации, психологии учеников, национального менталитета и т.п.

В настоящее время в США утвержден общий предмет «Speech communication». Методологические подходы к обучению эффективной и действенной речи, развитие способностей публичного выступления заслуживают изучения в следующих положениях, которые рассмотрим на примере программы «Toastmaster International». По этой программе обучаются риторике в течение 10 занятий как школьники, так и молодые люди более зрелого возраста. Для американской школьной риторики как комплекса предметов, занятых речевой подготовкой будущего американского гражданина, характерны следующие положения:

1. Этическое осмысление риторических отношений оратора и аудитории. Оратор оценивается как благородная личность, способная доказательно провести собственное мнение как частное выражение государственной идеологии. Государственная идеология формируется в США как столкновение риторических мнений-высказываний, движущих пребывающим в единстве американским идеологическим кораблем. Данное единство не афишируется, но подразумевается, ибо аргументировать и «свободно» выражать собственное мнение, несомненно, позволено, но не дай

вам Бог высказать антиамериканские суждения – вы тут же подвергнитесь остракизму. Разброс сталкивающихся мнений невелик и пребывает в рамках проамериканской идеологии.

2. Американский оратор (еще в школьном возрасте) готовится как человек, умеющий сделать выбор или нахождение собственной темы в зависимости от его предпочтений и направления будущей деятельности. Иначе говоря каждый американец должен предстать как личность, защищающая определенную собственную позицию, поэтому американский школьник внутренне занят поиском собственной идеологической доктрины и индивидуального речевого стиля – ср. с российским школьником, который предпочитает «не выделяться» в связи с нашей общинной психологией. Правда, и у наших педагогов всегда была приоритетной идея формирования личности как человека известного склада, умеющего доказать собственную позицию и имеющего «лица необщее выраженье». Самостоятельность и оригинальность всегда ценятся в русском человеке, подчеркивая единство и сплоченность любого социума.

3. Американскому речевому образованию свойственен особый тип практицизма, формирующий раскрепощенную личность, ценящую речевой этикет, острый и находчивый ум, ловкое и афористичное слово, живость и сообразительность в ведении речи. Этот образ речевого поведения блестяще иллюстрируется той настойчивой проамериканской кинопропагандой, которая ведется на... российском телевидении. Этот обаятельно «болтливый», находчивый американец (типаж, вызывающий у разных людей противоположную реакцию) воспитан американской школьной культурой, который не только описан в американской литературе, прокламирован американским кинематографом, но и предлагается через систему американского школьного образования. Последнее предполагает формирование личности с активной гражданской и личной позицией, не похожей на других людей (но американской!) – эта позиция воспитана всем комплексом школьной методики речевого воспитания, когда американские школьники активно выступают с речами на занятиях, участвуют в различных играх-дебатах, наблюдают и анализируют конкретные образцы, незаметно навязываемые всей идеологической машиной американского государства.

Советы и правила в американских учебниках риторики, как правило, предельно просты и доходчивы. С одной стороны, простота и доходчивость, энергичная внушаемость данных текстов создают в учениках уверенность в будущих действиях, с другой стороны, многие из данных рекомендаций могут быть либо оспо-

рены, либо применены лишь в определенных условиях. Так или иначе, представляем фрагмент таких рекомендаций из учебника «Коммуникация и лидерство», переведенного студентами факультета иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова на семинарских занятиях по риторике. Американский курс состоит из десяти занятий, в которых осуществляется последовательный тренинг как аргументации, так и слововыражения, произношения и других риторических навыков.

Представить стилистику этого текста можно из следующего отрывка, предлагающего советы при подготовке к публичному выступлению:

Что сделать, чтобы не дрожали коленки

Волнение, беспокойство при выступлении, боязнь сцены, трибунная паника – можно назвать, как угодно, но это не уменьшит проблемы, с которой сталкивается каждый оратор. В принципе нет ничего плохого в том, что вы чувствуете волнение перед выступлением. Это только говорит о том, что вы серьезно к этому относитесь и хотите произнести речь как можно лучше. Однако пока вы не научитесь преодолевать или контролировать свой страх, он будет мешать вам.

Вот несколько советов, как можно преодолеть волнение:

1. Получше узнайте место, где вы будете говорить. Можете приехать пораньше и осмотреться. Встаньте на кафедру, попробуйте говорить в микрофон. Если вы используете иллюстративный материал, потренируйтесь заранее. Пройдитесь от своего места к кафедре, как вы сделаете, когда вас представят.

2. Имейте представление об аудитории. Если возможно, поприветствуйте некоторых приехавших и побеседуйте с ними. Всегда легче обращаться к друзьям, чем к совершенно незнакомым людям.

3. Владейте материалом. Если вы плохо знаете свой доклад, то это естественно усилит ваше волнение. Потренируйтесь дома или повторите речь перед выступлением.

4. Расслабьтесь. Вы можете снизить напряжение, делая упражнения. Сядьте удобно, выпрямив спину. Медленно вдохните, задержите дыхание на 4–5 секунд, затем медленно выдохните. Повторите 10–20 раз. Или же делайте физические упражнения. Встаньте прямо, вытяните руки над головой. Затем согнитесь и коснитесь кончиков пальцев. Повторите 10 раз. Встаньте ноги врозь, руки вытяните в стороны, затем поверните туловище и голову влево. Вернитесь в исходное положение, затем повернитесь вправо. Повторите 10 раз. Чтобы расслабить мышцы лица, широко откройте глаза и рот, затем крепко сожмите. Повторите 5 раз.

5. Мысленно представьте, что вы произносите речь. Представьте, как вы будете идти от своего места до кафедры, когда вам аплодируют. Как вы

говорите громко, четко и уверенно. Аудитория аплодирует, вы возвращаетесь на свое место. Если вы представите себя удачливым, то вы им будете.

6. Подумайте о том, что люди *хотят*, чтобы у вас все получилось. Аудитория всегда заинтересована в том, чтобы доклад был интересен и информативен. Они готовы вас поддержать, особенно это касается вашего Клуба Ораторов. Будьте уверены, вы найдете внимательных и благодарных слушателей.

7. Не извиняйтесь. В основном ваше волнение никак не проявляется. И если вы не будете акцентировать на этом, никто даже не заметит. Если вы говорите, что волнуетесь или извиняетесь за некие возникшие, по-вашему мнению, проблемы, слушатели наоборот будут обращать на это внимание.

8. Сосредоточьтесь непосредственно на сообщении. Ваше волнение рассеется само собой, если вы уделите большее внимание тому, *что* вы говорите и *кому*, чем *как* вы говорите.

9. Постарайтесь использовать ваше волнение с пользой для себя. Преобразуйте его в позитивную энергию, выступайте с энтузиазмом.

10. Приобретайте опыт. С опытом приходит уверенность – ключ к успешному выступлению. Начинающие ораторы говорят, что с каждым разом они волнуются все меньше.

Таким образом, американские методы риторического образования могут быть для российского школьника или студента достаточно полезными. Но будучи во всем точными, они несут заряд положительной энергии внушаемости. Необходимо применять этот опыт с учетом собственных реалий, национального мировоззрения и традиций отечественного риторического образования.

Из зарубежного опыта целесообразно обратиться также к общественно-педагогическому опыту, зафиксированному в японской языковой традиции. Японская нация процвела во второй половине XX века во многом благодаря целенаправленным усилиям общества в сфере речевого воспитания и образования своих граждан. Этот опыт зафиксирован в так называемой *японской теории языкового существования*.

Сущность данной теории заключается в рассмотрении действий каждого члена общества с точки зрения эффективности речи и трудовой нагрузки. Путем статистических подсчетов были выявлены траты времени на речь разных возрастных и профессиональных групп. Рассмотрены были и разные виды деятельности: говорение, слушание, чтение, письмо. Путем статистических подсчетов и экспериментов было установлено, как оптимизировать каждый вид речевых действий. Таким образом, создается особый тип языковой личности, эффективно и грамотно выстраивающей свое речевое общение и взаимодействие в обществе, в то же вре-

мя именно этот тип поведения страдает некоторой механистичностью и автоматизированностью речевых поступков.

Японский школьник получает в своем речевом воспитании твердые нормы правил для всех существующих видов и жанров словесности. Таким образом, сформированной оказывается не только общественная норма языка, но и образ поведения отдельных людей, что несомненно способствует сплочению нации. Этический идеал такой деятельности – взаимопонимание и доверие, существующее внутри нации, нацеленность на эффективный труд, который организуется с помощью речи.

IV. Опыт методологических подходов, существующих в современных российских научно-педагогических школах, достаточно разнообразен. Каждый из описываемых ниже подходов имеет обоснованную научно-теоретическую базу, которая не только представлена множеством научных публикаций в монографиях, диссертациях, статьях, но и отражена в педагогическом опыте, применяемом как в вузовском, так и в школьном преподавании.

Современные методологические подходы в понимании научного предмета риторики и способов ее преподавания являются вот уже более десятка лет предметом обсуждения на Международных конференциях Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики. При том, что в приведенном ниже реферативном описании будет изложен опыт наиболее влиятельных направлений в понимании риторики, все описываемые концепции прошли горнило дискуссионной критики и проверки в выступлениях и докладах на конференциях, зафиксированы в научных сборниках.

Неслучайно объединение российских коллег в Риторическую ассоциацию, которая на юбилейной конференции в январе 2007 года отметила свое десятилетие¹. В решении конференции было отмечено, что «Российская Риторическая ассоциация встречает свое 10-летие как организация профессионалов-единомышленников, энергично и вдохновенно работающих на поприще пропаганды действенного Русского Слова и подлинной культуры речи. За истекший период риторическая наука прошла время восстановления и укрепления, развернуты практические разработки вузовских и школьных курсов, курсов дополнительного образования, написаны сотни исследований и монографий, защищены

¹ Последняя XIII конференция по риторике состоялась в Москве в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина в январе 2009 года. Очередная XIV конференция состоится в Астраханском государственном университете 29–31 января 2010 г.

докторские и кандидатские диссертации. В то же время члены Риторической ассоциации реально оценивают трудности становления и развития нового информационного общества, пытаясь решать проблемы современного риторического образования, вне которых невозможно построить благополучное российское общество XXI века».

Многообразие взглядов и суждений вполне проявляется в том, что расширяется количество региональных отделений Ассоциации, а это свидетельство риторического «разномыслия», которое, тем не менее, объединяется готовностью вместе служить на поприще любимого предмета. В настоящее время существуют 16 региональных отделений (большинство из руководителей возглавляет влиятельные в научно-педагогическом смысле школы):

Московское (рук. Н.А. Ипполитова);

Пермское (рук. С.А. Минеева);

Красноярское (рук. А.П. Сковородников);

Воронежское (рук. И.А. Стернин.), включая Росошанское (рук. Н.М. Царевская) и Борисоглебское (рук. И.А. Морозова);

Алтайское (рук. А.А. Чувакин);

Саратовское (рук. О.Б. Сиротинина);

Ямальское (рук. С.Е. Тихонов);

Санкт-Петербургское негуманитарных вузов (рук. Н.А. Егорчева);

Волгоградское (рук. С.Ю. Камышева);

Ярославское (рук. Л.Г. Антонова);

Самарское (рук. Е.М. Бондарчук);

Екатеринбургское (рук. Т.В. Матвеева);

Смоленское (рук. М.В. Максименкова);

Тульское (рук. Л.А. Константинова);

Гродненское в Республике Беларусь (рук. С.М. Антонова.);

Астраханское (рук. О.Н. Паршина).

Обзор методологических концепций обучения и преподавания риторике, который следует ниже, представляет наиболее влиятельные научные школы-направления из перечисленных выше. В то же время невозможно в столь краткой работе описать труды многих членов Риторической ассоциации России, насчитывающей сегодня более 450 членов.

1. *Московская филологическая школа* (МГУ им. М.В. Ломоносова). Основатель школы – Ю.В. Рождественский, преподавал риторику в вузе и на различных курсах, в том числе различных школах с начала 70-х годов прошлого века. Последователи – А.А. Волков, В.И. Аннушкин, И.В. Пешков, А.К. Соболева, Л.К. Салиева и др. В рамках данной школы написаны около полу-

сотни диссертаций, в том числе по истории русской, американской, французской, немецкой риторик, а также проанализирован опыт преподавания риторики в вузе и школе.

2. *Московская педагогическая школа* (МПГУ, кафедра риторики и культуры речи учителя). Основатель школы – проф. Т.А. Ладыженская, ныне – зав. кафедрой проф. Н.А. Ипполитова. Коллективом кафедры создан комплекс учебников риторики с 1-го по 11-й классы.

3. *Новаторские учебники риторики, созданные в 90-е годы* – называем так условно отдельные учебники, которыми пользуются многие учебные заведения: учебники Н.Н. Кохтева, М.Р. Львова, А.К. Михальской. Каждый из названных учебников имеет свои достоинства, о которых будет сказано ниже.

4. *Православно-гимназическая школа*. Основатель школы – С.Ф. Иванова (1922–2006), руководитель московской Православной гимназии «Пересвет», создатель книг и пособий по преподаванию риторики в школе;

5. *Пермская школа риторики диалога*. Основатель – руководитель Западно-Уральского учебно-научного центра, доц., к.ф.н. С.А. Минеева.

6. *Красноярская школа культуры речи*. Основатель – проф., д.ф.н. А.П. Сковородников.

7. *Воронежская школа речевого воздействия*. Основатель – проф., д.ф.н. И.А. Стернин.

8. *Саратовская школа стилистики речи*. Основатель – проф., д.ф.н. О.Б. Сиротина.

9. *Петербургская театральная школа*. Основателем, пожалуй, следует считать известного педагога проф. З.В. Савкову. В рамках данной школы достаточно самостоятельно работает проф. СпбУИК О.И. Марченко.

10. *Екатеринбургская школа речеведения*. Основатели – проф. Н.А. Купина и проф. Т.В. Матвеева.

11. О многообразии риторических концепций в России, существующих благодаря трудам многих педагогов-словесников, увлекательно преподающих риторику в вузах и школах, будет сказано по необходимости кратко (Астрахань, Барнаул, Иркутск, Салехард, Смоленск, Рязань, Хабаровск, Ярославль и т.д.).

Перечисление данных направлений как самостоятельных научно-педагогических школ достаточно для того, чтобы представить разнообразие существующих методологических подходов, однако и оно не исчерпывает многообразия риторической палитры в картине современного риторического образования в России, поскольку только в Риторической ассоциации России насчитыва-

ется в настоящее время 16 региональных отделений. Кроме того, существует множество оригинально и самостоятельно работающих педагогов, которые заслуживали бы описания в рамках более пространного исследования.

1. Данный обзор целесообразно начать с *Московской филологической школы* – условно именуем так Научную школу риторики МГУ им. М.В. Ломоносова, основателем которой явился профессор, академик РАО Ю.В. Рождественский. Его же по праву можно назвать восстановителем риторики и основателем ее современной теории. В начале 70-х годов прошлого века он начал читать курсы риторики, теории словесности, риторической педагогики на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания в МГУ им. М.В. Ломоносова. Будучи уже академиком РАО, Ю.В. Рождественский преподавал риторику в старших классах ряда московских школ, в реальном обучении проверяя формировавшиеся научные идеи.

Концепция Ю.В. Рождественского полнее всего отражена в последних монографиях, хорошо известных научному сообществу и выдержавших несколько изданий («Теория риторики» и «Принципы современной риторики»). Ю.В. Рождественский исходил из следующих идей: речь есть инструмент управления обществом. Стиль речи формирует стиль жизни общества. Для того чтобы построить благополучное общество, необходимо воспитать активного речедателя-гражданина, умеющего владеть разными видами слова в новом информационном обществе.

Эволюция научных взглядов Ю.В. Рождественского описана нами в статье «Риторические труды Ю.В. Рождественского» [Рождественский 2006: 456–504], поэтому здесь отразим лишь то, что касается методологических подходов к *преподаванию* риторики. Риторическая педагогика еще в ранней статье оценивалась Ю.В. Рождественским как сложнейшая проблема, связанная с общим пониманием предмета риторики, принципами методической организации преподавания данного предмета и развитием всей личности обучающегося ратора.

«Сложность обучения прозаической речи, – писал Ю.В. Рождественский, – состоит в том, что без одновременного изучения жизни это может превратиться в краснобайство» [Рождественский 1985: 20]. Опыт университетских семинарских занятий (как со студентами, так и в «Школе юного филолога» МГУ) приводил к тому, что «обучение речи легко обращается в краснобайство и пустословие; если обучение преследует примерные цели обучения, речь при этом теряет насыщенность смыслом, пре-

вращается в пустое украшательство. Ораторами и писателями становятся в социальной жизни, в обучении прозаической речи мы обучаем владению оружием, а оружием владеет и рыцарь и разбойник. Вот почему необходимо выбрать верную грань, на которой должно удерживаться искусство действенной речи, т.к. с одной стороны этой грани пропасть пустословия, а с другой – пропасть вреда, которую может нести с собой речь. Поэтому обучение риторике одновременно есть обучение этике» [Рождественский 1985: 20].

Много и напряженно размышлял и экспериментировал Ю.В. Рождественский в вопросах подготовки ратора и «самовоспитания оратора». Условий для ораторского таланта много: необходимо и знание правил, и развитие таланта (всякий человек должен понять, каковы его склонности), но основное предупреждение Ю.В. Рождественского сводится к тому, что «развитие риторического таланта происходит в особых условиях. Проза – предметная практическая речь – всегда воплощает какой-либо интерес, а в обществе всякий интерес встречается с противоположающим интересом. Поэтому всякое ораторское действие – это борьба за утверждение собственной точки зрения» [Рождественский 1989: 62].

Особенно парадоксально должна звучать для многих педагогов-риторов фраза: «Всякие риторические упражнения беспочвенны...» Этому есть объяснение: «Никакие тепличные условия не могут помочь формированию ратора... Риторические способности развиваются только в условиях риторической практики». Поэтому заключительные рекомендации таковы:

- слушать хороших ораторов и анализировать их ораторскую деятельность;
 - анализировать классические произведения ораторского искусства, имеющиеся в письменной речи;
 - знать риторические правила;
 - постоянно заниматься собственной ораторской практикой
- [Рождественский 1989: 62].

Традиции Ю.В. Рождественского продолжены в сегодняшнем риторическом творчестве множества коллег, которые преподают не только в вузах, но и в школах. Назовем имена лишь нескольких из них: А.А. Волков, нынешний зав. кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М.В. Ломоносова, автор монографий «Основы русской риторики», «Курс русской риторики»; исследователи отечественного и зарубежного опыта преподавания риторики: В.И. Аннушкин, А.П. Романенко, И.В. Пешков, Л.К. Салиева (русская риторика), О.П. Брынская, В.Н. Радченко,

Н.Н. Германова, О.А. Сычев (американская риторика), А.К. Соболева (судебная риторика в разных национальных традициях), Н.А. Безменова (французская риторика), С.В. Гундо-рова (немецкая риторика) и др.

2. Назовем *школьно-педагогическим* направление в современной риторике, представленное трудами группы ученых, работающих на кафедре риторики и культуры Московского государственного педагогического университета под руководством проф. Т.А. Ладъженской (в настоящее время кафедрой руководит проф. Н.А. Ипполитова). Благодаря усилиям ученых и педагогов этого направления риторика была восстановлена и развита как школьная дисциплина, создан ряд учебников по педагогической риторике с целью подготовки учителей-риторов. Основная заслуга данного научного коллектива состоит в создании комплекса учебников по риторике для 1–11 классов. Учебники суммируют богатейший опыт учителей-практиков, пришедших к выводу о необходимости восстановления в нашей школе дисциплины «риторика» и сделавших значительный шаг вперед в деле утверждения данного предмета в составе школьных филологических дисциплин.

Риторика понимается в данных учебниках как наука об «общении» и разных его видах. Овладевая предметом риторики, школьники начинают понимать роль и место умения строить оптимальные речевые отношения в семье, в контактах с друзьями, официальной школьной обстановке. Данные учебники предлагают материал для знакомства с риторикой как классической наукой, например, в учебнике для 8-го класса суммирован риторический канон как классическое построение этапов подготовки и исполнения текста: изобретение, расположение, словесное выражение, память, словесное действие (произношение) [Риторика 1998: 8]. В то же время в данных учебниках, на наш взгляд, отсутствует достаточно глубокое понимание предмета, многие понятия и термины остаются не вполне объясненными, например, в разделе «Изобретение» состав топосов как смысловых моделей предлагается в крайне урезанном и несистематизированном виде; в разделе «Расположение» при занимательности самих рассказов-текстов не дается объяснения всех частей композиции, в частности, отсутствует комментарий к тому, что такое вступление и заключение [Риторика 1998: 14–16].

3. Восстановление риторики в школе начиналось в нашей стране на волне демократии в середине 80-х годов. Именно в это время ряд ученых, занимавшихся раньше более стилистикой, нежели собственно риторикой, обратились к риторическому учению, черпая из классики множество несправедливо забытых идей

и пытаясь приспособить эти идеи к современному преподаванию речеведческих дисциплин. Одной из первых попыток создать такой учебник явился учебник для 8 класса (в первом издании, для 8–11 классов – во 2-м издании) *Н.Н. Кохтева*. Этот учебник построен с учетом богатейшего историко-риторического опыта преподавания данной дисциплины, автор напился свою книгу как материалами риторической классики, так и обращением к академическому и судебному красноречию. Он построен достаточно интересно, но в нем слабо учитывается современная ситуация нового информационного общества, где начинают утверждаться новые технологии создания речи, а само общество начинает жить в условиях средств массовой информации.

Одним из наиболее используемых ныне в практике школьного преподавания является «*Риторика*» *М.Р. Львова* (для 8-го класса). Этот учебник наиболее систематизирован по своему построению, в нем много полезных сведений, чувствуется богатый педагогический опыт автора. Несмотря на то, что в учебнике имеется ряд очевидных неточностей (особенно касающихся истории русской риторики, толкования ряда терминов), учебник *М.Р. Львова* последовательно предлагает основы риторических знаний, а имеющиеся упражнения могут быть использованы для формирования необходимых навыков и умений.

Наиболее удачным школьным учебником для старших классов должен быть признан учебник *А.К. Михальской* «*Основы риторики. Мысль и слово*». Именно в этой книге предложена оригинальная концепция, базирующаяся на классических знаниях и в то же время толкуемая в связи с современными потребностями обучающейся молодежи. В данном учебнике удачно представлены многие разделы, которые не находили описания в предыдущих учебниках. Например, одним из главных понятий в риторике является образ ратора – в учебнике *А.К. Михальской* дана подробная и оригинальная концепция ораторских нравов. В классической последовательности даны топосы как смысловые модели, по которым разворачивается содержание будущей речи, подробно изложено учение о фигурах речи. Возможно, учебнику не хватает философской основы, которая чрезвычайно важна для будущего учебника профильной гуманитарной направленности.

4. Одна из наиболее значимых и фундаментальных концепций принадлежит православному педагогу Софье Филипповне Ивановой (1922–2006), которая начала восстанавливать риторику как учебный предмет, распространяя риторику по всей стране через чтение лекций во Всесоюзном обществе «Знание» и преподавая риторику в школе. *С.Ф.Иванова* основала в Москве Право-

славную гимназию «Пересвет», где преподавала риторику во всех классах средней школы. Результатом ее работы стали несколько книг, в которых изложена концепция преподавания, тексты, методика построения работы в школьной аудитории («Введение во храм Слова», «Говори!.. Уроки развивающей риторики»).

Учебники С.Ф. Ивановой соединяют размышления над духовно-нравственной сущностью Слова, исключительное внимание и вкус к отбору текстов, обобщение огромного опыта работы, который позволил предложить множество глубоко оригинальных и по мысли, и по форме приемов в преподавании риторики. Учебники С.Ф. Ивановой по методологическому подходу включают следующие положения, которые важны для построения преподавания в школах гуманитарного профиля:

- акцент на этико-духовной стороне в изучении русского языка и всех форм общения, отсюда обращение к текстам Священного Писания, нахождение в постулатах православного учения правил рече-мыслительного поведения;

- обращение к лучшим текстам русской классической литературы, использование образцов духовной прозы в преподавании школьной риторики. Например, С.Ф. Иванова неоднократно разбирает художественные произведения А.С. Пушкина с точки зрения духовного содержания;

- опыт преподавания риторики в течение нескольких десятилетий, обогащенный блестящим знанием литературы, дружескими контактами с коллегами позволил С.Ф. Ивановой разработать оригинальные приемы работы, которые зафиксированы в программах и планах уроков (см., например, ее программы, опубликованные в пермских сборниках: [Иванова 1995]).

5. Одним из самых влиятельных педагогических и научно-исследовательских направлений российской риторики является *Западно-Уральский учебно-научный центр (ЗУУНЦ)* в Перми, который возглавляет С.Ф. Минеева. Этот центр рождался как учебно-научное учреждение, объединяющее педагогов-новаторов с целью распространения и пропаганды риторики в нашей стране в ранние годы перестройки. Для ЗУУНЦ характерна особая научная концепция риторического знания, основывающаяся на идеях «риторики диалога» (регулярно выходят сборники под таким названием, где печатают свои статьи ведущие риторы страны). Ежегодно проходят Летние школы по подготовке учителей риторики – на них подготовлены более тысячи педагогов-риторов. С ноября 1991 года ежегодно организуются научно-практические конференции, на которых обсуждаются вопросы преподавания риторики в школе (см. сборники материалов, например: [Риторика диалога 2002]).

Так, после появления «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» по инициативе ЗУУНЦ Пермская Городская дума приняла научно-гуманистическую концепцию развития образования, в основу которой положена идея необходимости освоения диалогической (в том числе риторической) культуры [Риторика диалога 2002: 4]. Благодаря усилиям пермских учителей-риторов успешно пропагандируется опыт преподавания риторики диалога в вариативных системах развивающего обучения и других технологиях. В пермских школах идея риторического диалога нашла применение в построении преподавания всех предметов (особенно гуманитарного профиля). Чрезвычайно много делается конкретных практических шагов, в частности, ежегодно проводятся школьные конкурсы «Юный ритор», создана Школа риторики и риторизации (на базе Средней школы № 149 г. Перми), работающая как федеральная экспериментальная площадка.

Риторика определяется С.А. Минеевой как учебная дисциплина, «предметом которой является обучение основам речемыслительной деятельности (РМД) в определенных жизненных ситуациях, или основам риторической деятельности (РД)» [Минеева 1994: 75]. Автор исходит из идеи о том, что «низкий уровень владения основами РД ограничивает возможности человека и его самореализацию» [Там же: 78]. Простое знакомство с законами, символами и понятиями РД мало что дает ученикам, поэтому требуются «овладение и практика РД». Объединяющим компонентом обучения является текст, создавать который по всем правилам и законам РД должны школьники. Автор данной концепции настаивает на том что «предметом обучения являются не упражнения, формулировки, заучивание законов и правил, тренинги и т.п., а создание (творение) полноценного текста, значимого для конкретной ситуации общения школьников» [Там же: 79–80].

Несомненно, такой подход привлекателен своей конкретной ориентированностью на личность ученика и данную ситуацию речи, однако ряд положений, очевидно, преувеличенно заострен, как преувеличена роль диалога. Ведь если быть исторически объективным, то придется согласиться с тем простым фактом, что существовал и существует не только диалог, но и монолог, который, конечно, может быть рассмотрен в плане необходимости контактов оратора с аудиторией, а значит «диалогического» общения.

Некоторые суждения настолько полемически преувеличены, что их критика возможна только при точном выяснении значения

понятия, которое обсуждается. Например, суждение «Научные исследования, даже эмпирического плана, позволяющие судить о становлении и развитии риторики, вплоть до XX века отсутствуют» [Там же: 74] – явно преувеличено. В таком случае придется выяснять «что такое наука?», но большинство античных риторик и первых русских учебников XVII–XVIII веков начинаются словами «Retorica est ars...», т.е. риторика есть наука (искусство).

Несмотря на высказанные критические замечания, подход Пермской риторической школы продолжает оставаться одним из наиболее влиятельных в современной речеведческой среде российских педагогов, свидетельством чему является множество подготовленных ученых, школьных преподавателей риторики, использование риторического опыта на занятиях другими предметами.

6. *Красноярская школа культуры речи* имеет давние сложившиеся традиции в преподавании речеведческих дисциплин в вузе и школе. Ее основателем является проф., зав. кафедрой общего языкознания и риторики А.П. Сковородников. Данное научно-педагогическое направление разрабатывает риторiku, в основном, как нормативную стилеречевую дисциплину. Основное внимание уделяется так называемой экологии языка. Трудными ученых Красноярского ГУ (ныне Сибирского Федерального университета), а также всех, кто участвует и сотрудничает с ними, создан ряд весомых изданий и разработок, которые положены в основу научного понимания таких важнейших современных предметов как «культура речи», выразительные средства языка. Имеются в виду прежде всего Энциклопедический словарь «Культура русской речи» и словарь «Экспрессивно-выразительные средства языка».

Ученые-педагоги данного направления ежегодно проводят серьезные научные форумы, собирающие коллег, занимающихся преподаванием риторики и других речеведческих дисциплин, в частности, раз в два года проходят конференции в КГУ (очередная такая конференция состоялась в сентябре 2007 г. в Сибирском Федеральном университете), а также в Ачинском Педагогическом колледже.

Об Ачинском педагогическом колледже стоит сказать особо, ибо коллектив, работающий под руководством директора колледжа И.И. Барахович (научный руководитель проф. А.П. Сковородников), проводит Всероссийские конференции по культуре речи, коммуникативным дисциплинам; программа по преподаванию филологических дисциплин в колледжах России, разработанная педагогами колледжа, принята за основу преподавания комплекса дисциплин по русскому языку и литературе. Особое внимание в

АПЧ уделяется разработке гуманитарных основ преподавания речеведческих дисциплин, в основу которой положена идея коммуникативности. Так, одна из последних конференций была посвящена проблеме толерантности и коммуникативной культуры педагога [Толерантность... 2004].

Опыт работы Красноярской школы находит отражение в регулярных сборниках «Речевое общение», выпускаемых совместно с московскими коллегами (в частности, с ведущими специалистами Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина) [Речевое общение... 2007].

7. *Воронежская школа речевого воздействия* так названа в связи с концепцией ее основателя профессора ВГУ И.А. Стернина, который в основание наук о речи ставит «речевое воздействие»: «наука о речевом воздействии – интегральная наука, объединяющая целый комплекс знаний смежных наук: традиционной лингвистики, психолингвистики, коммуникативной лингвистики, риторики, психологии, теории массовой коммуникации, рекламы, персонал-менеджмента, социологии, связей с общественностью, конфликтологии и т.д.» [Стернин 2003: 5]. И.А. Стернин включает в науку о речевом воздействии три дисциплины: риторику – науку об условиях и формах эффективной публичной речи; науку межличностного общения; науку о рекламе.

Концепция и идеи И.А. Стернина приобрели достаточную влияние в современном научно-педагогическом сообществе. Благодаря «практицизму», на котором особо настаивает автор, подчеркивая неоднократно, что его подход противопоставлен так называемой «филологической», или теоретической риторике. Учебник И.А. Стернина, ориентированный на вузовскую аудиторию, имеет множество практических советов, он легко читается и может быть использован в самых разных формах обучения.

Многое сделано Воронежской школой для того, чтобы внедрить риторические идеи в школу. В частности, коллективом авторов под руководством И.А. Стернина разработаны пособия под названием «Культура общения», представляющие собой «книги для учащихся» с 1 по 11 классы. Например, «Культура общения. 9 класс» содержит следующие разделы: речевая гимнастика, теоретические понятия курса, тексты для анализа, вопросы и задания для практической работы, вопросы для повторения основных теоретических положений, изученных на уроке [Культура общения... 2000: 2].

При всей удобности учебника И.А. Стернина ряд основных положений в его учебнике может быть оспорен или, по крайней мере, взят под сомнение. Например, толкование слова «риторика» в переводе с греческого («ораторское искусство») и само опреде-

ление риторики как науки об искусстве публичного выступления неточны, поскольку *ῥητορικὴ* в переводе с греческого значит «теку, т.е. говорю» (что указано еще М.В. Ломоносовым), а предмет риторики, конечно, не ограничивается публичным выступлением, что доказывается уже тем, что автор включает в риторику также межличностное общение и рекламу, где разнообразие видов и жанров речи значительно богаче, нежели только публичное выступление. Как было показано выше при анализе русской классической риторики, эта наука всегда стремилась к систематизации и описанию всех существующих родов, видов и жанров словесности, но ряд современных авторов, находясь под воздействием идеи ораторского искусства, ограничивает содержание риторики только ораторикой (И.А. Стернин, Ч.Б. Далецкий). Последней неточности имеется, на наш взгляд, следующее объяснение: риторика рождалась как наука об ораторском искусстве, т.е. в ней описывались именно ораторские речи (ср. три рода речей у Аристотеля и Цицерона), но впоследствии для всех теоретиков была очевидна мысль, что красноречие не ограничивается публичными ораторскими монологами, но включает множество видов словесности, что и составило предмет частной риторики.

8. *Саратовская школа* начала складываться в 70-е годы как научное направление изучения стилистики разговорной речи. Внимание к устной речи не могло не адресовать исследователей к изучению ораторской речи, исследованию частотных показателей в разных видах текстов (ср. американский контент-анализ). В настоящее время можно говорить о сложившейся Саратовской научно-педагогической школе под руководством доктора филологических наук, профессора, директора Института русского языка и литературы О.Б. Сиротининой. Основные направления в деятельности этой группы ученых: исследования стилистики русской речи (см. сборники «Вопросы стилистики»), жанроведения (см. сборники «Жанры речи»), оригинальное направление в науке представляют исследования элитарного типа речевой культуры (см. работы Т.В. Кочетковой).

Саратовские исследователи и педагоги подготовили ряд школьных пособий, в частности, оригинальны пособия по риторике Н.В. Шевченко [Шевченко 2000]. В них даются не только краткие описания предмета риторики, но и комплекс практических упражнений, которые являются отражением реального педагогического опыта.

9. В Санкт-Петербурге имеется ряд исследователей-педагогов, чья деятельность в области риторики вполне самостоятельна и оригинальна. Среди них следует выделить, в первую очередь,

театрально-риторическую школу, которая сформировалась под воздействием идей театрального педагога З.В. Савковой, а затем была продолжена (также достаточно самостоятельно) ее ученицей О.И. Марченко. З.В. Савкова перенесла идеи театрального действия словом, искусства общения, которое разработано российской театральной школой, в реальное общение и подготовку ораторов-практиков. Ее теоретические разработки и практический опыт обучения ораторов на различных курсах и тренингах свидетельствует о возможностях развития речевой личности через подготовку и исполнение конкретных текстов, их критику и оценки.

О.И. Марченко основывает свою риторическую концепцию на идеях гуманитарной культуры [Марченко 1994]. Ее работам свойственно чувство вкуса в отборе материала, теоретические положения гармонично сочетаются с использованием законов и правил риторики в практических упражнениях и подготовке ораторских выступлений. О.И. Марченко – замечательный педагог-практик, увлекательно ведущий занятия на различных курсах риторики. Ее опыт, зафиксированный в ряде оригинальных учебных пособий, включает множество упражнений (это как раз опыт театральной педагогики), развивающих не только речемышлительные способности, но и технику речи оратора.

10. *Екатеринбургская научная школа речеведения*, откуда исходит ряд значительных работ по современной риторике, стилистике и культуре речи. Из последних трудов, значимых для школьного учителя-словесника, следует назвать Энциклопедический словарь «Русский язык – Стилистика – Культура речи – Риторика» Т.В. Матвеевой [Матвеева 2003]. Значительное подспорье в работе учителя дает учебное пособие Н.А. Купиной «Риторика в играх и упражнениях» [Купина 2004].

11. *О многообразии риторических концепций в России*. Описанными выше работами далеко не исчерпывается отечественный опыт разработки риторической проблематики, несомненно, применяемый подавляющим большинством исследователей в школьном и вузовском образовании. Скажем о них хотя бы кратко, поскольку реферативный обзор требует называния этих, вне всякого сомнения, значительных для отечественного риторического сообщества научных исследований и педагогических достижений:

Ярославские коллеги, работающие под руководством проф. Л.Г. Антоновой над проблемами педагогической риторики;

Астраханское направление, где активно изучается современная политическая риторика (две докторские диссертации по политической риторике защищены О.Н. Паршиной и И.Ю. Чистяковой, готовящей кадры школьных риторов в АстГУ);

Волгоградское направление, где активно развиваются идеи теории текста применительно к самым различным социальным сферам (исследуются например, диалогичность политической речи, специфика построения религиозных текстов – О.А. Прохвятилова; большое влияние приобрели исследования риторики деловой речи Т.В. Анисимовой, Е.Г. Гимпельсон; исследовательская и педагогическая деятельность в организации школ риторики С.Ю. Камышевой);

Алтайское направление, где интенсивно создаются труды по риторике в составе коммуникативных дисциплин в вузовском и школьном филологическом образовании (А.А. Чувакин);

Смоленское направление, где интенсивно работает в области риторической стилистики Э.М. Береговская, в области юридической и школьной риторики М.В. Максименко и др.

Как видим, перечень российских риториков – ученых и педагогов – почти бесконечен. Это при том, что в российском риторическом образовании на практике приобретают чрезвычайную популярность ораторские тренинги, которые ведут на волне популярности риторики профессионалы-«тренеры», и ведут небезуспешно. Их критическая оценка – предмет особого серьезного разговора.

Таким образом, можно констатировать активную работу множества российских ученых и педагогов, объединенных общим стремлением усовершенствовать преподавание риторики в вузе и школе, а через это способствовать обогащению содержания и форм филологического образования. Эффективное использование этого опыта требует активных форм пропаганды всего лучшего, что было сделано за последние два десятилетия в рамках отечественного речевого образования.

РИТОРИКА В СОСТАВЕ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Риторика в составе современных школьных учений о речи. Использование риторики как фундаментального учения об убедительной и эффективной речи применительно к современной ситуации в российском образовании описано нами в начале данной работы, где проанализированы задачи модернизации, совпадающие с природой и приемами риторики как науки и искусства речи. Теперь необходимо сказать о том обогащающем значении риторических идей, которые могут обновить современное обучение речи в школе, под каким бы названием ни выступал данный предмет: развитие речи, культура речи, культура общения, лингвистика текста, стилистика речи, функциональная стилистика.

Нередко споры ученых идут вокруг *названия* науки, хотя принципиальная цель педагогических поисков едина: повышение уровня речевого развития учащихся, или их речевая компетенция. В данном случае принципиально настоять на названии науки или предмета, которым предлагается заниматься. Обращение к риторике (и классической, и современной отечественной), кроме двухтысячелетней истории, стоящей за плечами у этого предмета, может обогатить современный образовательный процесс русской школы философской широтой взгляда на практическое значение языка, указать конкретные пути работы над речью и ее совершенствованием.

Методология преподавания риторики должна показать структуру и организацию педагогической деятельности, т.е. как будет построен учебный процесс при освоении риторики как школьного предмета. При этом необходимо уточнить основные методологические принципы, на которых основывалось эффективное преподавание риторики в прошлом и предложить современное видение проблем риторического образования в новом российском информационном пространстве.

Поскольку методология преподавания риторики может быть построена только с учетом соотношения риторики с другими речеведческими дисциплинами, анализ современных подходов следует начать с выяснения отношений, которые риторика имеет к современным речеведческим дисциплинам. Слово «современный» необходимо понять в богатстве его связей с культурной историей каждого предмета, ибо, говоря о современном состоянии той или иной дисциплины (грамматики, риторики, стилистики), придется иметь в виду ее научную основу, заложенную трудами предшественников. Сложность современной ситуации будет состоять в том, что ныне активно развиваются *новые* речеведческие дисциплины (связи с общественностью, имиджелогия, нейролингвистическое программирование и др.), чье появление связано с новыми коммуникативными технологиями, рожденными обществом массовой коммуникации. Их появление непременно должно быть учтено современным филологическим образованием, ибо в данном случае мы имеем дело как бы с «новыми» риториками, только под новыми названиями.

Риторика в составе современного филологического знания применительно к задачам школьного и вузовского гуманитарного образования имеет богатые междисциплинарные связи, которые следует рассмотреть в их историческом развитии. При таком рассмотрении картина современного научного знания, отраженного в школьном преподавании, выглядит обоснованно и логично.

Итак, динамика развития учений о речи выглядит следующим образом:

1. Классическими учениями о речи, формировавшими школьную филологию, являлись *грамматика, риторика, поэтика, логика*.

Грамматика и риторика. Цель грамматики обычно определяется как описание языка на разных уровнях языковой системы для того, чтобы обеспечить правильность употребления языковых единиц. Эта общая цель грамматики вполне доказывается сопоставлением дефиниций традиционной грамматики с подобными дефинициями в современных учениях. В первом общенациональном «Словаре Академии Российской» 1789–1793 гг. грамматика определяется как «наука, подающая правила говорить и писать правильно». Характерен пример «Грамматика есть основание словесных наук» [Словарь Академии Российской: II, 316].

Именно грамматика разовьется впоследствии в учение о языке или языкознание в том виде, в каком оно представлено в современных вузовских и школьных учебниках. Однако, хотя наши учебники языкознания (как и школьные курсы русского языка) декларируют идею языка как «средства общения», именно об общении, о реальной практической речи (а это предмет риторики) в них говорится несопоставимо мало – ср. классический учебник «Введение в языкознание» А.А. Реформатского.

Впрочем, невозможно недооценивать роль грамматического учения как основы языкоучения. С грамматики всегда начиналось филологическое образование – об этом свидетельствуют все наши отечественные классические курсы, начиная с первых научных сочинений в XVII веке. В них обычно говорится, что «грамматика токмо *добре* учит глаголати», а «риторика есть наука *добре, красно* и о всяких вещех *прилично* глаголати» («Риторика» Михаила Усачева 1699 г., цит. по: [Аннушкин 2002: 81]). Это значит, что грамматика как учение о правильности речи всегда предшествует риторике как учению об убедительности и украшенности речи, но одна без другой не могут существовать – об этом «союзе» замечательно сказано в «Сказании о семи свободных мудростех» начала XVII века. Кстати, данный материал особенно удачно используется на занятиях в старших классах именно гуманитарного профиля, когда имеется возможность показать всеобщую связь наук и искусств еще на заре их становления.

Вплоть до выхода риторики из системы преподавания в середине XIX века всякий учебник начинался сопоставлением грамматики и риторики в системе словесных наук. Ср. в «Общей риторике» Н.Ф. Кошанского 1829 г.: «Грамматика занимается только

словами; риторика преимущественно *мыслями*; поэзия преимущественно *чувствованиями*» (цит. по: [Аннушкин 2002: 301]).

Недостаток современного образования состоит в том, что современная школа дает знание языка (грамматика, элементарное языкознание), но не учит пользоваться языком, научает же этому искусству именно риторика. Это все равно что обучать солдата стрелять, только рассказывая о строении оружия, не дав ему поддержать в руках карабин и не сводя на стрельбище. Когда отсутствует практика речи (риторика) или имеется ее недостаток, учащийся не понимает роли и значения языка в жизни общества и отдельного человека. Не в этом ли отсутствие настоящей мотивации на занятиях языком в наших школах?

Единство грамматического (языковедческого) и риторического (рече-коммуникативного) образования особенно наглядно проявлено в построении программ школ и лицеев до середины XIX столетия. Грамматика предлагает общее для всех знание языка – и это становится основой коммуникации, а риторика показывает, как пользоваться и применять язык («слово») как инструмент общения в конкретных условиях.

Исключив риторику из системы преподавания и заменив ее по преимуществу обучением изящной словесности в середине XIX века или развитием речи в XX веке, речевая педагогика столкнулась с серьезными проблемами выработки нового инструмента и системы обучения речи. В некотором смысле речевая педагогика осталась на базовой основе грамматики, с одной стороны, и изящной (художественной) литературы, с другой, потеряв фундамент овладения реальной прозой (ораторским искусством, научной и исторической литературой, деловой прозой), включавшей все многообразие видов словесности в речевой жизни общества.

Риторика и логика. Союз и противопоставление *риторики* и *логики* (*диалектики*) точно также имеет основания в классической античной и русской филологии, вполне отражаясь в сегодняшней речевой реальности. Логика предполагает непротиворечивость суждений лиц, стремящихся к объективному познанию истины, риторика же учитывает реальные интересы участников речи, поэтому в риторике доказывается «правдоподобное» (эта мысль принадлежит еще Цицерону). Отсюда и традиционная критика риториков, которые могут манипулировать сознанием слушателей, предлагать им «сладкую пищу» украшенной речи вместо того, чтобы кормить горькими плодами истины. Таким образом, цель логики, существующей безотносительно к интересам участников речи, как и цель мужей-диалектов в Древней Греции – поиск ис-

тины, а не просто убеждение слушателей. Следствием таких построений должна была стать критика риторики, однако реальный акт коммуникации ни в древности, ни сейчас не ограничивается логикой рассуждения, поэтому приходится учитывать и характер аудитории, и отбор аргументов, и эмоции, и стиль как необходимые средства коммуникации во всяком акте общения.

Неслучайно М.В. Ломоносов, анализируя «возбуждение страстей», пишет о недостаточности логических аргументов для убеждения слушателей. Приведем это суждение целиком: «Хотя доводы и довольны бывают к удостоверению слушателей о предлагаемой материи, однако сочинитель слова должен сверх того слушателей учинить страстными к оной. Самые лучшие доказательства иногда столько силы не имеют, чтобы упрямого преклонить на свою сторону, когда другое мнение в уме его вкоренилось. Мало есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности. Итак, что побит ротору, хотя он свое мнение и основательно докажет, ежели не употребит способов к возбуждению страстей на свою сторону и не утолит противных?» [Ломоносов 1952: 166].

Таким образом, в реальной речи приходится считаться с тем, что одними логическими доводами акт коммуникации не ограничивается, но всегда предполагает учет интересов общающихся лиц, а последнее значит и возможность «искривления» истины. Ю.В. Рождественский пишет о разных видах словесности, в которых по-разному проявляются ориентации на цели речи. Так, в судебной речи прокламируется объективность и справедливость вынесения решений, но в реальности всегда приходится считаться с интересами сторон. Сама риторика возникает из античных судебных споров. Научная речь в ее изначальном виде также преследует цель выяснения истины, однако в реальной современной речи приходится считаться с интересами сторон, например, на защите диссертации выносится квалификационное решение, а оно несомненно имеет вполне конкретный «интерес».

Риторика и поэтика. Принципиальное отличие этих дисциплин является центром противоречий в сегодняшней системе школьного филологического образования. Отличие *риторики* от *поэтики* состоит в том, что содержание риторических текстов относится к миру предметно-практической деятельности, т.е. оно *реально*, а содержание поэтических текстов относится к миру прекрасного, художественного, идеально-типизированого, оно – *вымышлено*. К области риторики относятся речь разговорно-бытовая, деловая, политическая, научная, педагогическая, церковная, речь СМИ (новостная и документальная), к области

поэтики – речь художественная (литературная), сценическая, киноречь, художественно-развлекательные формы в СМИ и т.д., причем жанры современной художественной поэтики могут быть выражены как в стихотворной, так и в прозаической формах.

Особенностью русской филологической (речевой в более узком понимании) культуры, начиная примерно с середины XIX столетия, был особый поворот в сторону изучения поэтических текстов, отчего и принято говорить: «поэт в России больше, чем поэт», а художественная литература является приоритетным видом словесности при изучении русского языка и литературы в школе. Отсутствие риторического образования тяжело сказывается на всех видах современной общественно-речевой практики: неразвитость деловой риторики заставила российское общество копировать западные образцы; политическая модель в начале 90-х точно скопировала риторические наставления американских советников вместо того, чтобы обратиться к собственному опыту; риторическая неуверенность современных СМИ проявляется в том, что большинство передач представляет собой клоны телевизионных жанров западной массовой телепродукции.

Риторика и стилистика. В современных школьных программах обучения речи предпочтение несомненно отдается стилистике как науке более известной и понятной. Между тем, стилистика далеко не исчерпывает всех проблем, которые связаны с речевой коммуникацией. Стилистика исторически рождается из третьей части риторики – учения об украшении речи. Об этом научном факте свидетельствуют все учебники риторики, начиная с «Риторики» Аристотеля, продолжая риторическим каноном, где *слово-выражение* и *произношение*, соединяясь в *исполнении* речи, характеризуют средства выражения. В России наука стилистика утверждается в середине XIX века, когда была критикована риторика с ее первым основным разделом – учением об изобретении идей. Именно тогда ученые-филологи (К.П. Зеленецкий, К.К. Фойгт), и революционеры-демократы (В.Г. Белинский) предлагали выделить *стилистику* как учение о средствах речевого выражения и именно ее преподавать в школах и гимназиях [Зеленецкий 1849; Фойгт 1856].

Тем не менее, в середине XIX века в России после критики риторики еще не настало время стилистики, а в школах преподавались русский язык и словесность, включая все лучшие наработки из риторики и логики.

Риторика и словесность. В современной школьной филологии достаточно интенсивно эксплуатируется классический термин *словесность*. Однако употребление этого слова не идет

дальше модного на сегодняшний день восстановления многих старых забытых терминов. Между тем, *словесность* – вполне современный термин филологии, достойный того, чтобы осознанно применяться в науке и школьной практике. История этого термина описана нами в статье «Что такое словесность?» – здесь можно подвести итоги, показав современное значение данного термина и сопоставив его с риторикой [Аннушкин 1995: 33–40].

До середины XIX века наукой, объединяющей филологические (словесные) дисциплины, была *словесность* как учение о развитии дара слова и всей совокупности словесных произведений речевой культуры. После середины XIX века *словесность* стала пониматься по преимуществу только как художественная, изящная литература. С исключением словесности из школьного преподавания после Октябрьской революции слово *словесность* потеряло терминологический смысл и употреблялось исключительно в качестве синонима для слова «литература» или возвышенного названия предмета школьной филологии, включающего язык и литературу.

В настоящее время этому слову возвращается его терминологический смысл. Обобщая содержание термина *словесность* и перспективы развития словесности как научной и педагогической дисциплины, следует сказать следующее¹:

1. Словесность этимологически определяется как способность человека выражать свои мысли и чувства в слове.

2. Словесность – это совокупность словесных произведений. Рассмотрение всей совокупности произведений словесности невозможно, поэтому ставится вопрос о классификации и отборе наиболее ценных и культурно значимых текстов. Словесность изучается и осмысливается как искусство создания словесных произведений.

3. Словесность как искусство речи предполагает постижение законов словесного творчества и обучение правилам, приемам создания словесных произведений. Очевидно, что у искусства словесности появляются общие задачи со школьной риторикой (или красноречием, поскольку именно последнее определялось как «искусство, дар, способность»). Перечисленные значения термина *словесность* находят частичное отражение в концепции достаточно удачного учебника «Русская словесность» Р.И. Альбетковой (Альбеткова 1999).

¹ См. более подробно о термине *словесность* статью «Словесность» в этой книге.

4. Классический термин *словесность* был для русских ученых первой половины XIX века аналогом термина *филология*, поскольку само слово имело логосическую, мироустраивающую функцию. Поэтому словесность и определялась либо как совокупность «словесных наук» (Н.Ф. Кошанский), либо как «наука о Слове» (К.П. Зеленецкий).

5. Современная словесность как наука занимается изучением существующих словесных произведений. В современной гуманитарной школе необходимо показать все многообразие существующих родов, видов и жанров словесности, отобразив для изучения образцы словесного творчества. Так, в предмете риторики (при изучении современной словесности) должны изучаться хотя бы в их основах следующие роды и виды словесности: 1) устная словесность, включающая не только фольклорные произведения, но и бытовые и ораторские формы речи; 2) научная словесность, объемлющая произведения научной речи (кстати, почти нетронутая проблема – существование устной научной словесности в научных диалогах, построении научных докладов, конференций и т.д.); 3) деловая словесность, словесность средств массовой информации и т. д. – по родам и видам словесности (сколь бы необычно это ни звучало для современного пользователя); 4) возможно говорить и о видах профессиональной словесности (как мы говорим о церковной словесности, политической, юридической, дипломатической словесности и т. д. – каждый из этих «профессиональных» видов речи заслуживает «вводного» изучения на стыке школьной филологии и соответствующей науки). Таким образом, современный школьник-гуманитарий будет постепенно готовиться к будущей профессии, которая предстанет ему как профессиональная речевая наука.

Как видим, у словесности много общего с риторикой, особенно когда речь идет об изучении разных видов и жанров речи. Здесь частная риторика как бы соединяется с теорией словесности и реальной профессиональной практикой речи.

Риторика и культура речи. В современное вузовское образование активно вошел предмет «русский язык и культура речи». Он призван хотя бы отчасти устранить те огрехи школьного образования, с которыми приходят в вуз наши школьники. В настоящее время элементы вузовского курса все более широко входят в школьные программы и особенно проверочные формы типа ЕГЭ. Между тем, причина появления данной дисциплины в российском образовании состоит, скорее всего, в отсутствии «речевых» курсов, где развивалась бы языковая личность учащегося. Чтобы понять, каковы отношения курса «культура речи» с остальными

предмета речеведческого цикла необходим краткий экскурс в историю филологии XX века.

XX век оставил на месте классической риторики и словесности лишь художественную литературу и предложил новый предмет – *культуру речи* как учение о нормах литературного языка, а в школе появился аспект *развитие речи*. Культура речи рождалась как потребность в повышении грамотной речи для той огромной массы народа, которая хлынула в города в 20-е годы XX столетия. В некотором смысле это был своеобразный «ликбез» по грамотности речи – не приходится ли такой же ликбез иметь иной раз и в сегодняшнем вузе вследствие отсутствия у студентов школьной основы практического владения правильной и умелой речью?

Культура речи – чисто русский феномен, национальный термин, введенный в русскую науку в 20–30-е годы Г.О. Винокуром, Д.Н. Ушаковым, В.В. Виноградовым, С.И. Ожеговым. Культура речи разрабатывалась усилиями замечательных языковедов Л.В. Щербы, О.С. Ахмановой, В.Г. Костомарова, А.А. Леонтьева и др.

Любопытно, что предмет *культура речи* отсутствует в зарубежных филологических учениях в силу специфичности самих проблем, которые предлагались к рассмотрению в культуре речи. В советское время культура речи понималась только как учение о *литературной норме* – и именно этой ограниченностью грешат современные программы по преподаванию данной дисциплины в вузах России и те разделы, которые имеются в школьных программах. Между тем, для большинства педагогов и учащихся смысл данной дисциплины, конечно, состоит в развитии языковой личности в целом, формировании образа ратора как высококвалифицированного специалиста-речевика (такова, например, задача гуманитарного профессионального вуза) или становлении речекомпетентной личности школьника. Большинство учебников и учебных программ не в силах пока выйти за это устаревшее понимание культуры речи как учения об ограниченных вопросах нормы литературного языка, и хотя вопросы нормы, несомненно, важны для всякого образованного человека, в риторике и культуре речи в целом они являются лишь одним из элементов восприятия образа говорящего. Кроме правильности речи существует еще ее содержание (состав мыслей), эмоциональное воздействие, композиция, язык жестов и т.д.

Чтобы осуществить переход к культуре речи как учению об эффективной речи общества и личности, необходимо уяснить, что такое *культура* в отношении к речи и что такое *общественная речь*. Понятия *риторика* и *культура* здесь будут сопоставлены

неслучайно: культура речи была призвана заменить то, что раньше называлось риторикой и словесностью, но она не могла этого сделать прежде всего потому, что вопросы речевой идеологии были исторгнуты из ее предмета. К сожалению, общество горько расплачивается за риторическую, словесную или культурно-речевую неподготовленность своих сограждан: не владеющие науками о речи люди легко ввергаются в обман, не могут оптимально и благополучно устроить свое социальное и личное бытие.

В этом смысле главная идея школьной филологии – устройство жизни и совершенствование человека через язык. Поскольку филология есть наука о культуре текста, необходимо понять культуру речи как правила действия с речью. Ю.В. Рождественский приводит две главные разновидности многочисленных толкований слова «культура»: «а) форма коммуникаций, принятая в данном обществе или данной общественной группе» и «б) совокупность достижений людей» [Рождественский 1999: 3]. Культура представляет собой «отбор, систематизацию, хранение, изучение и организацию использования правил и прецедентов деятельности» [Рождественский 2002: 58]. Общественная речь также может быть оценена с позиций культуры, а развитие форм культуры и семиотики можно представить как развитие форм общественной речи – того, что называется формами словесности (устная, письменная, печатная, новая словесность массовой коммуникации).

На проблемы культуры речи распространяются принципы культуроведения, например: фактом культуры является «не любой факт, а факт, представляющий либо правило, либо прецедент» [Рождественский 1999: 13]. Филологическая культура представляет собой как раз деятельность по такому отбору фактов, которые либо рекомендуются к включению в преподавание (ср. тексты, отбираемые в процессе обучения каждым создателем программ), либо включаются в пользование обществом (какие книги рекомендуются к прочтению и популяризируются через СМИ, какая музыка, живопись, рекомендуются к пользованию, какие факты рекомендуют к отбору и обсуждению сами СМИ и т.д.).

Сложность современного общества новой информационной культуры состоит прежде всего в том, что новые речевые формы массовой коммуникации требуют оптимального пользования ими. Новая культура средств МИ создает новообразования вне связи с культурой как достижениями прошлого. Именно обращение к разбору понятия *культура* позволит школьнику понять, что такое подлинная инициатива и предприимчивость. Последние не могут основываться на сиюминутных ценностях или произвольно рож-

даться как «новации» фабрики звезд. Например, современные СМИ предлагают новый стиль речи – демократически опрошенный, но новый культурный стиль, о котором в сущности и говорит «Концепция модернизации образования» и поиском которого занята сегодняшняя национальная элита, может основываться только на культуре как совокупности достижений прошлого, правилах и осмысленных прецедентах образцовой деятельности.

Таким образом, риторическое образование закономерно ориентируется на культурно-речевые образцы, прецеденты деятельности. Обучение риторике есть одновременное воспитание подлинно культурного человека.

Риторика и речеведческие дисциплины второй половины XX – начала XXI века. В советское время активное развитие получил целый ряд дисциплин, имеющих отношение к теоретическому и практическому анализу речи. Среди этих дисциплин следует назвать *функциональную стилистику, лингвистику текста, психологию общения, психолингвистику* и т.п. Все перечисленные дисциплины были призваны заполнить те пустоты в речевом образовании, которые образовались с ликвидацией риторики и словесности в отечественной науке и педагогике. Каждая из этих наук по-своему разрабатывала речевую проблематику, и в каждой из перечисленных наук можно найти отражение риторических идей.

В постперестроечное время парадигма речеведческих наук значительно обогатилась. К ним следует отнести прежде всего *связи с общественностью, имиджелогия, теорию и практику речевой коммуникации* (большинство этих дисциплин берет начало в американистике XX века). Все перечисленные науки продолжают развиваться, причем каждая как наследует традиционное содержание, так и многое берет от соседствующих с нею речеведческих дисциплин. Взаимообогащение является, несомненно, положительным качеством этого развития, однако бывают и случаи открывания давно известных истин, которые существуют в классических учениях о речи, только теперь они подаются под «новым соусом», т.е. в новой терминологии с претензией на новое знание.

Для школьного риторического образования анализ данных наук будет представлять очевидный интерес, поскольку современный школьник выходит в жизнь и поступает в вузы, чтобы учиться именно этим наукам: связям с общественностью (сегодня в особенности), теории и практике массовой коммуникации, особый интерес у ребят вызывает психология – и часто невдомек, что обычно психология отношений вся проявлена через речь, а речь и является предметом риторики.

Фундаментальный историко-культурный вывод из сделанных сопоставлений чрезвычайно важен для формирования концепции речевого (риторического) образования:

– каждая новая эпоха формирует свой состав речеведческих наук;

– критикуется непосредственно предшествующий период, но сохраняется общая схема учебного предмета (важно не «выбросить» из общего состава филологических дисциплин слишком много);

– продолжительность каждого периода, в который меняется стиль жизни (идеологический, культурный, образовательный, экономический) – около 60 лет¹;

– успех культурного преобразования связан с риторической изобретательностью, опорой на предшественников и способностью творить новое (ср. требование «новизны» в «Концепции модернизации образования»).

Риторика и другие гуманитарные науки. Риторика сопоставляется с множеством не-речевых наук: *философией, этикой, психологией*. *Философия и профессиональная образованность* всегда были и остаются интеллектуальной основой общения. Вне *этики* риторика становится искусством манипулирования общественным мнением. *Психология* всегда соединялась с риторикой: еще Платон требовал от риторики знания «видов человеческих душ», а психология общения не может не затрагивать вопросов речевого воздействия. Достаточно взглянуть на многие современные популярные книги по этике бизнеса, культуре делового общения, чтобы понять, что их содержание и практические советы прямо берутся из современных риторических или стилистических идей, потому что обычно касаются правил ведения делового диалога, переговоров, построения речи в тех или иных ситуациях делового общения [Кузин 2000].

Современная филология выходит за рамки традиционных учений о языке и литературе. Современный школьник-гуманитарий несомненно должен быть знаком с этими новаторскими (или восстановленными из культурного прошлого) идеями. Так, существует особый раздел риторической науки – *риторическая этика*, который нуждается в том, чтобы быть распространенным среди школьников и студентов. Ответственностью человека в обществе создается обстановка *нравственной оценки речевых поступков*. Человек должен нести ответственность за созданную им речь, поэтому только *философская, нравственная, психологическая*

¹ См. статью «Русская риторика в свете русской истории» в этой книге.

подготовка ратора позволят формировать удовлетворительный и приемлемый, общественный и личный стиль мысли, стиль слова, стиль жизни.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ И ПОСТУЛАТЫ РИТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Методологическая проблематика в определении сущности риторического образования может быть сформулирована в виде вопросов, относительно которых среди современных ученых идут споры и высказываются разноречивые мнения. Ниже попробуем разрешить имеющиеся противоречия, давая вполне определенные ответы на поставленные вопросы.

Эти вопросы и наши утверждаемые постулаты таковы:

1. *Является ли риторика частной наукой, частным знанием, или ее проблематика распространяется на многие науки и является всеобщей?* Всеобщность риторики как науки/искусства речевого мастерства и речи как средства общения для постижения и выражения специальных знаний доказывается всеобщностью Слова как инструмента, применяемого для освоения всех областей знания... Эта классическая идея исходит от Платона и Аристотеля (риторика – «всеобщее знание», необходимое любому человеку, вступающему в речевой контакт и желающему «найти способы убеждения относительно каждого данного предмета» [Аристотель 1978: 19]. Эти мысли были неоднократно проговорены в отечественной филологическо-педагогической литературе (кстати, при изучении всякого подобного исторического материала существенно его стилистическое изящество, которое становится важным подспорьем в школьном обучении): «Материя риторическая есть все, о чем говорить можно, то есть все известные вещи в свете» (М.В. Ломоносов); «Все науки и знания ... токмо чрез элоквенцию говорят» (В.К. Тредиаковский); «Риторика есть наука говорить обо всем без изъятия. Все прочие знания имеют предмет ограниченный, но сия ограничивается токмо пределами единого естества, и всякая вещь принадлежит к ее области» (Детская риторика, или Благоразумный вития 1787 г., цит. по: [Аннушкин 2002: 149, 161, 193]).

Подобная универсалия распространяется и в современном информационном обществе, ибо владение эффективной речью требуется во всех областях деятельности. Особенно же востребованы наука и искусство убедительной и целесообразной речи в области гуманитарного знания, поскольку всякая интеллектуаль-

ная профессия связана с речевым мастерством. Распространяется данное положение и на школьное преподавание риторики, где риторика также является общеметодологической дисциплиной, обращение к которой или владение которой требуется любому специалисту-предметнику или школьнику (особенно гуманитарно) для того чтобы эффективно постигать и выражать изучаемые знания.

2. *Существуют ли постулаты речевой (риторической) педагогики как теории и искусства обучения эффективной речи? Если да, то каковы они?* Именно в риторике разрабатывались правила и рекомендации речевой педагогики как теории речевого воспитания и образования личности от младенчества до зрелого мастерства. К сожалению, это знание отсутствует в современной школьной филологии. Классические рекомендации к методологии риторического обучения выглядят следующим образом: 1) развитие природных дарований (давалась классификация внешних и внутренних качеств человека, требующих развития); 2) знание теории, правил и рекомендаций к ведению речи; 3) подражание как способ обучения, освоение литературных и ораторских образцов; 4) развитие речевых способностей, чтение и комментариев текстов, декламационное чтение, занятия техникой речи. Наша практика обучения речи на основе писания сочинений и высказывания собственного мнения, к сожалению, оставила без внимания многие классические формы обучения речи, например, организацию публичных диспутов, дебатов¹, не готовила к критической оценке того реального и многообразного мира коммуникаций, в котором живет современный человек.

3. *Каков объем предмета современной школьной риторики?* Нередко занятия риторикой не идут дальше занятий словесной стилистикой (метафорикой, фигурами речи, т.е. работой над выразительностью речи) или элоквенцией (навыками произношения). Однако классическая и современная риторика распространяет свои проблемы на всю совокупность условий речевой коммуникации: *этнос* речи (условия ситуации речевых контактов, фактура речи); *пафос* речи (создание смысла речи, разработка содержания через знание общих мест, способов аргументации); *логос* речи (словесные средства, к которым риторика распространя-

¹ Увлечение американской системой организации дебатов в начале перестройки исходит как раз из недостатков нашего риторического воспитания, где не хватало именно таких или подобных форм. Между тем попросту заполняются лакуны в нашей системе обучения речи, где недостает игр, серьезных речевых конкурсов, умений организовать дискуссии, споры, корректную полемику.

ет требования стилистического изящества, например, теории фигур речи и построения периодов), теории вкуса, благопристойности – всего, о чем так ревновала «консервативная» педагогика середины XIX века и что разрушали различные «революции» под видом упрощения стиля).

4. *Чем отличается традиционный курс «развитие речи» от риторики?* Этот вопрос связан с тем, что многие педагоги считают достаточным изучение в школе «развития речи» или «культуры речи», не доверяя риторике (см. об этом полемическую и, на наш взгляд, во многом ошибочную статью замечательного педагога, автора многих школьных учебников М.Т. Баранова, утверждавшего приоритет «развития речи» над риторикой: [Баранов 1998]). В «развитии речи», к сожалению, отсутствуют очень многие разделы классической и современной риторики. Один из таких разделов – общие правила ведения речи, разработкой которых занимается именно современная риторика. Вычленение правил ведения речи на основе практической морали, зафиксированной в текстах фольклора, впервые выполнено Ю.В. Рождественским (отношения *мысль – слово – дело*, правила речевых отношений, правила для слушающего и говорящего; см. подр.: [Рождественский 1978: 211–229]). Есть еще и группа важнейших правил духовной этики речи, которая вычленяется из «главных книг» человечества: Библии, сочинений святых отцов, религиозной литературы, например, православного молитвослова. Частично они изложены в «Педагогической риторике» А.К. Михальской [Михальская 1998], кратко описаны в «Теории риторики» Ю.В. Рождественского, нами в кратком учебнике «Риторика» [Аннушкин 1994]. Понимание языка, слова, речи как важнейшего средства духовного благоустройства человека («от плодов уст своих человек вкусит добро...») могло бы чрезвычайно обогатить современный учебный процесс, причем не только «славословиями Слову», но и предупреждениями о «гибельности языка», в котором «сосредоточены все грехи».

5. *Как школьная риторика способствует формированию языковой личности ученика?* Именно в риторике традиционно ставится проблема *образа ратора* как уместного и целесообразного представления себя в речи. Для устной речи – это проблема образа оратора (говорящего), для письменной речи – проблема образа автора (пишущего). Совокупно проблема образа ратора связана с *воспитанием целой личности*, восприятием и проявлением личности человека в мысли и слове, поэтому основывается на понятии *ораторских нравов* – требований к личности оратора. Эти требования начинаются с *этических* качеств, которые всегда

описываются в учебниках риторики (честность, мудрость или знание, справедливость, доброта, скромность и т.п. – разные эпохи и этико-философские системы выдвигают различные требования к образу формируемой личности), а затем продолжают *речевыми* качествами, или *качествами речи* (в настоящее время их чаще называют *коммуникативными качествами речи*). Раздел «качества речи» имеется в каждом учебнике стилистики, но обычно он ограничен десятком качеств, идущих из старинных учебников риторики (правильность, ясность, точность, чистота, логичность, образность, выразительность и т.д.). Современное риторическое знание должно восстановить описываемые качества речи во всем их богатстве и разнообразии, которые касаются как количественного состава, так и глубины толкования.

6. *Ошибается ли большинство современных ученых и школьных методистов объясняя риторику как «науку об ораторском искусстве»?* Исторически риторика возникает как ораторское искусство, однако неверно ограничивать современную риторику только областью ораторики – теории устной публичной монологической речи. Античные риторики действительно касались в основном ораторской речи, хотя предлагали также и общую теорию речи, основанную на философском фундаменте. Но уже в Древней Руси речевая культура включала книжные и письменные формы, чрезвычайно важные для понимания разных форм и видов слова, в которых жил человек. Русская теория риторики имеет то несомненное преимущество в сравнении с античными и некоторыми западными теориями, что тяготеет к освоению всех возможных видов речевого общения (устных, письменных, книжных, а сегодня и массовой информации). Современная теория речи, основываясь на идеях русской частной риторики, требует изучать не только художественную литературу и фольклор (виды словесности, которыми ограничено сегодняшнее школьное обучение), но начав с разговорно-бытовой дописьменной речи как основы речевого воспитания, показать разные виды письменной речи (собственно писем, деловой документации), виды литературы (не только художественной, но научной и журнальной), обучать реальному общению в групповом взаимодействии, ораторской речи в разных ее видах, наконец, показать специфику (достоинства и опасность) речи средств массовой информации. Последняя задача стоит особенно остро, поскольку далеко не разработана самими учеными-филологами. Однако именно школьный учитель-словесник (в нашем понимании ритор, а не литератор) может показать природу речевых манипуляций, которыми переполнена массовая информация, объяснить природу компьютерно-

го диалога человек-машина. Ведь именно риторика учит оценивать речь, тем самым предупреждает современного человека об опасности словесного манипулирования, что нередко делается против него в современных общественных диалогах.

7. *Выходит ли современная школьная риторика за рамки монологической речи?* Если проблема ораторского искусства связана с теорией монолога, то совершенно по-новому выглядит в современной риторической науке и педагогике *теория диалога*. Диалог осваивается как с точки зрения общей риторики, так и с позиции рассмотрения разных видов диалога, которые могут включаться в школьные занятия на разных этапах обучения. К этим видам диалогов следует отнести, по крайней мере: а) разговорно-бытовой диалог в разных ситуациях (семейно-бытовой, требующий обучения на литературных примерах и корректного соотнесения с практикой, медицинский, торговый, дружеский и др.); б) основы профессионального диалога, требующие разработки школьных деловых игр. При этом важными становятся все этапы речевого акта: условия речи, замысел, содержание, аргументация, композиция, исполнение в словах и произношении. Именно здесь вызревает проблема речевого этикета.

8. *Следует ли восстановить в современной школьной риторике традиционное построение предмета, например, основные разделы общей и частной риторики?* На наш взгляд, несомненно стоит, что доказано многими современными учебниками, о которых шла речь выше. Традиционная структура риторического канона (изобретение, расположение, слововыражение, память, произношение и телодвижение) начинает играть в современном преподавании школьной риторики новыми красками. Теоретико-риторическими исследованиями и учебниками риторики последнего времени достаточно ясно показано, как проблема изобретения речи (классическая проблема, восстановленная по старинным образцам и никак не осмысленная в «развитии речи») способна дать модель порождения замысла и содержания речи по новым творческим образцам. Критика, которую предлагают на изобретение по общим местам как классические авторы (В.Г. Белинский, Ф.И. Буслаев), так и современные (М.Т. Баранов), не считается с тем, что общие места как ценностные категории, в которых сходятся создатель речи и аудитория, всегда существуют. Найти их – творческая задача ратора, которому всегда советовалось: «Размышляй!» (см. у Н.Ф. Кошанского).

Новая риторика по-новому осваивает и опыт хрии, критикованной В.Г.Белинским. Ведь хрия – это общая схема построения речи, незнание которой попросту выбивает почву из-под ног го-

ворящего. Элементарное неумение современными ораторами построить простое поздравление, либо же создать композицию речи происходит оттого, что необученные современной школой ораторы не подозревают о существовании общих мест и хрии как традиционных моделей, которым можно творчески следовать при построении речи. Когда же речь у такого горе-импровизатора получается как бы сама собой, он и не подозревает, что использовал смысловые модели риторики, называемые *топосами* или *общими местами*. Иначе говоря, современные профессиональные творцы речи строят свои доказательства не сознательно, а по наитию, уподобляясь мольеровскому герою Журдену, удивлявшемуся, что он говорит прозой.

Забыто в современном «развитии речи» и учение о распространении речи на основе классификации фигур: между тем еще К.П. Зеленецкий яростно критиковал Н.Ф. Кошанского, а, следовательно, косвенно и М.В. Ломоносова за наличие «этих 45 фигур речи», которые невозможно запомнить... Действительно, формальное запоминание фигур речи рождало только резонеров, но и отсутствие их в обучении, точнее, непонимание того, что люди говорят фигурами речи как некоторыми формами речевого выражения и что этим формам требуется учить, породило косноязычие XX века.

О «качествах речи» сказано выше: это был традиционный раздел риторики, где комментировались правильность, ясность, точность, чистота, уместность, выразительность и другие подобные понятия, но, главное, чего сегодня не хватает в речеведческих разработках и о чем почему-то умалчивается в нашу демократическую эпоху, – это понятия *вкуса* и *благопристойности* как способности понимать и выражать прекрасное.

Наконец, в современном школьном речевом обучении, какими бы словами ни назывался этот аспект или предмет, нет ясных и творческих разработок или рекомендаций к риторическому (действию и уместному) произношению. Между тем, школьника необходимо учить «звучать»: делать паузы (не пора ли, наконец, сказать «нет!» бездумному скорочтению и «пулеметной» бездумности?), быть выразительным, развивать динамику голоса, учить ритму и темпу, давать понятие о тембре голоса и обучать многим азам техники речи, традиционно заложенным в риторике как искусстве речи. К сожалению, в современном преподавании начинают забываться многие достижения в обучении выразительному чтению – то, чем могла гордиться как старая школа словесности XIX века, так и советская педагогика.

9. *Надо ли обращаться к истории риторики? Если да, то в*

чем смысл такого обращения? В обращении к истории родной филологии лежат глубокие перспективы мыслительного и словесного обогащения нашего педагогического процесса. Ведь история русской риторики и словесности только начинает открываться нашему взору. Слишком скорые и приблизительные суждения относительно того, что «риторика – это логика...» или «риторика – это стилистика...», а «словесность – это художественная литература», не просто «затуманивают» дело, но способствуют прохладному и равнодушному взгляду на подлинное своеобразие мыслительного богатства родной филологической культуры.

Это богатство вполне доступно современному знанию и будет непростительно, если школьные преобразования пройдут мимо гигантских открывающихся возможностей, заложенных в классической и современной риторике. Особенно данная проблематика важна для подготовки школьников гуманитарного профиля, поскольку гуманитарная подготовка предполагает освоение *языка – речи – слова* как эффективного инструмента постижения знания и последующего использования в профессиональной деятельности.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И КОНЦЕПЦИЯ РИТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Как известно, *методология* – это учение об организации деятельности, или «*методология* – система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности» (Философский энциклопедический словарь). Философы-методологи классифицируют виды деятельности по целевой направленности: *игра – учение – труд* и говорят о:

- методологии игровой деятельности;
- методологии учебной деятельности;
- методологии трудовой, профессиональной деятельности.

Методолог-филолог ощущает либо недостаточность данной общей связи, либо ее своеобразную встроенность в речевую (риторическую) деятельность. В филологии обычно говорят о речевой (языковой) деятельности. В нашем случае целесообразно говорить о риторической деятельности – и этот термин достаточно устоялся и используется многими учеными-методологами. При этом следует сказать, что методология речевой (риторической) деятельности сопоставляется с философской на самом раннем этапе становления европейской науки. Цицерон рассуждает о том, что оратор должен быть непременно и философом, а красноречие основывается на философии и образованности; состав средневе-

ковых наук предполагал освоение филологического тривиума (грамматика, риторика, логика), а затем переход к высшей науке – философии; в русской школьной традиции также существуют примеры подобного философско-риторического союза. Самый выразительный и конкретный – опубликованная нами речь студента Михаила Нехотенова «Учение философское следует соединять с учением красноречия» (1789–1792 гг., см.: [Аннушкин 2002: 209–211]).

Современное философско-методологическое знание, опыт построения речепедагогической деятельности с учетом классического опыта позволяют выделить ряд *методологических принципов*, которые необходимо положить в основу риторического школьного образования. Каждый принцип для наглядности сопровождается *методологической рекомендацией*, формулирующей потенциальный совет обучающемуся риторике. Эти методологические принципы и рекомендации таковы:

1. **Личностный принцип.** Всестороннее развитие личности учащегося через совершенствование его «словесной» природы. Цель риторики формулировалась учителем царскосельских отроков Н.Ф. Кошанским следующим образом (а к этому опыту следует прислушаться, ибо система образования Царскоселского лицея в одной из анкет ЮНЕСКО была признана как «лучшая модель обучения): совершенствование главных человеческих способностей – «силы ума и дара слова» [Кошанский 1829: 1].

Отсюда следует *методологическая рекомендация* как цель риторического обучения в старших классах гуманитарной направленности: формировать совершенный образ ратора как проявление лучших личностных качеств, искать индивидуальный стиль личности, воплощаемый в речи.

2. **Философско-идеологический принцип.** Действуя в речи, ритор стремится ясно зафиксировать свои взгляды и убеждения, воздействовать на аудиторию. Риторика позволяет формировать нравственно-философское мировоззрение человека, которое всегда выражается в слове. Поэтому следует говорить о развитии мыслительных способностей учащихся, своеобразном тренинге «живости ума», который всегда ведется на занятиях риторикой. Рекомендация такова: формируйте ясную философско-жизненную и профессиональную позицию (естественно, что для школьника-гуманитария она только намечается), учитесь защищать ее в вашей речевой деятельности.

3. **Научно-теоретический принцип.** Методологическая рекомендация: изучайте законы и правила риторики. Данный принцип реализуется в том, что ритор обязан овладеть основопола-

гающим комплексом риторических знаний, которые дают представления о законах и правилах риторики. Законы и правила речевого общения, способствующие наиболее эффективному и действенному построению коммуникации, изучаются в теории риторики. *Законами* называются теоретические положения, выведенные из практики ораторского красноречия или речевого общения в целом. Эти законы показывают речевую реальность и распространяются на разные виды общественно-речевой практики. Из законов выводятся *правила* для практического пользования речью.

В процессе школьного преподавания правила риторики могут быть сформулированы в виде советов и рекомендаций к ведению и построению речевого общения. Такие советы являются традиционным жанром теоретической риторики – в учебнике «Риторика. Вводный курс» они записаны в виде «манифеста ратора» [Аннушкин 2006: 8], а в школьном курсе риторики – в «Советах школьному оратору».

Вне этого теоретико-образовательного знания владение риторикой превращается в «пустую болтовню». Обучение риторике должно иметь глубокий теоретический фундамент, основанный на достижениях классического прошлого и обогащенный наблюдениями за речевой реальностью нового информационного общества.

4. Принцип культурной значимости учебных текстов.

В процессе обучения школьник-гуманитарий должен знакомиться не просто с занимательно-игровыми материалами (этим грешили многие учебники риторики в 90-е годы, шедшие на поводу у современных запросов опрошенного вкуса), а с текстами, вошедшими в культурную память российского общества. Методологическая рекомендация должна звучать следующим образом: «Знакомьтесь с творчеством писателей и ораторов разных эпох и стилей».

Невозможно стать хорошим оратором (говорящим), не зная образцовых сочинений той культуры, в которой человек родился и формируется как личность. Всякий человек, входящий в культуру, обязан овладеть результатами деятельности, познакомиться с классическими примерами. Он ориентируется на эти примеры как образцы деятельности, а затем в соответствии с личными намерениями строит собственную деятельность. Но вне таких «образцов», подражание которым рекомендовалось для научения, невозможно сначала овладение культурой, а затем индивидуальное культурное творчество.

Так, для русской художественной речи образцами литератур-

ного творчества являются сочинения Ломоносова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя. В зависимости от идеологических установок эпохи состав образцовых авторов может смещаться или меняться, например, в конце XX века вместо сочинений Горького, Маяковского, Шолохова (авторитетных советских авторов) за образцы литературного стиля берутся сочинения Пастернака, Булгакова, Ахматовой, Зощенко и др..

Серьезный методологический вопрос для организации школьного и вузовского риторического образования: *кто является образцом русской ораторской классики?* Ответить на него непросто, потому что ораторика (ораторское искусство) в русской традиции никогда не являлась предметом специального школьного образования. Тем не менее, в каждом виде ораторского красноречия можно найти культуuroобразующие модели текстов: для *судебного* красноречия – это известные судебные деятели второй половины XIX – начала XX веков Ф.Н. Плевако, А.Ф. Кони, П.С. Пороховщиков); для *академического* красноречия – профессора университетов историки Т.П. Грановский, В.О. Ключевский, филологи И.И. Давыдов, Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский в XIX веке, Н.И. Конрад, В.В. Виноградов в XX веке. Образцами *духовного* красноречия были многие церковные ораторы: митрополит Платон, митрополит Филарет, Иоанн Кронштадтский, патриарх Тихон, патриарх Алексей II, нынешний Святейший Патриарх Кирилл.

Наиболее сложный вопрос – образцы *политической* риторики, поскольку многие авторитетные для своего времени политики были критикованы впоследствии. Кроме того, в русской политической истории сравнительно невелик собственно парламентский период, где зафиксированы открытые политические споры и столкновения. Между тем, образцы политического красноречия мы находим и у киевских князей, и у сподвижников Петра Великого (Феофан Прокопович), и в воззваниях Александра I, написанных академиком А.С. Шишковым во дни нашествия Наполеона, и в Государственных думах начала XX века (речи Столыпина, Витте и многих других). Несомненно и то, что лидеры советского коммунистического государства считались не только главными идеологами, но и прекрасными ораторами, чьи идеи и слова раскололи нацию и по-разному оценивались разными сторонами. Если мы обратимся к ораторской практике Ленина, Сталина, Кирова, Калинина, то увидим, что именно речевая пропаганда во многом обеспечила им политический успех.

Исключительно важным стал бы для современных школьников-гуманитариев или студентов грамотный анализ речей совре-

менных политиков. Он должен вестись вне ложной критики, но с точным разбором состава мыслей, композиции речей, стилистики текстов, особенностей произношения и анализом всей ситуации общения в целом. К сожалению, образцов такого аналитического разбора мы пока почти не имеем. Иначе говоря, современный россиянин (учитель и ученик) знает, как разобрать текст Пушкина, Маяковского, Пастернака, Распутина, но не готов к критическому разбору текста, с которым к нему обращаются известные современные политики. Вследствие риторической отсталости оказываются возможными различные манипуляции с массовой аудиторией. Однако неизвестно, какой текст важнее для реальной практической жизни современного человека. Очевидно, что современный человек нового информационного общества должен владеть текстами разных видов речи, чтобы чувствовать себя достаточно благополучным и защищенным в любой ситуации от различных языковых манипуляций.

5. Практическо-речевой принцип. Этот принцип справедливо декларируется как едва ли не основной (особенно в современных тренинговых разработках), однако следует учитывать, что его эффективность во многом зависит от фундаментальности всех предшествующих. Так или иначе, сформировать речевую личность через развитие речевых способностей можно только на практике, подготовкой к которой могут стать оптимально организованные упражнения по практике речи.

Данный принцип лучше всего фиксируется «методологическим» афоризмом: «хочешь научиться говорить, – г о в о р и!»». Он может быть развернут в три основных направления практической направленности в обучении риторике. Иначе говоря, на уровне методических рекомендаций он формулируется тремя положениями: 5.1. *Упражняйтесь и практикуйтесь в написании и произнесении речей;* 5.2. *Разбирайте и декламируйте вслух образцовые тексты;* 5.3. *Занимайтесь техникой речи.*

5.1. **Тренинг речевых выступлений** (как правило, в форме публичных монологов, организации дебатов, различных речевых игр, вопросно-ответной полемики по проблемам, которые актуальны для всех участников занятия). Практика риторического обучения накопила огромный опыт организации таких занятий, а примеры произнесения речей для развития речевых способностей предлагают как классические риторические школы античности и России, так и современные способы организации риторической подготовки в нашей стране и за рубежом. Действительно, методика риторического образования ничего другого не создала, как, представляя себя в условной ситуации будущей речи, вытрениро-

вывать свою речь, ожидая советов и наставлений от преподавателя. Такие занятия всегда более эффективны, когда произнесение речей имеет характер серьезной, а не театрально-игровой защиты своей точки зрения, своей позиции. Тогда в общение может вступать аудитория, которая задает вопросы, высказывает критические замечания, то есть также участвует в дискуссии.

В отличие от ситуаций развития речи на занятиях русским языком и литературой, где анализируется, как правило, вымышленный текст художественной литературы, в ситуации риторического обучения говорящий защищает свою реальную позицию, преследуя реальные интересы. Конечно, на занятиях существует известная доля условности, но учащийся предстает самим собой, отстаивая собственное мнение по конкретному вопросу.

Исторические и современные примеры организации ораторского обучения таковы. При обучении в Киевской, Московской и других духовных академиях студентам риторического класса назначались темы, и учащиеся писали, а затем произносили «орации» (речи) на классных занятиях, учитель же не только проверял письменный тест, где делал свои заметки, но и оценивал устно произнесенную речь. Многочисленные рукописные сборники до сих пор неопубликованных студенческих речей-сочинений показывают, сколь разнообразны были темы, касавшиеся нравственно-философских, воспитательных и научных проблем: «О приятности учения», «В похвалу философии», «О добродетели», «О разуме и чувствах», «О производящей причине мира», «Надо ли проявлять снисхождение к порокам человеческим или суровость?», «Речь о том, что изучение философии надо соединять с обучением красноречию» и т.д. [Аннушкин 2002: 209–211].

Пример риторического обучения в XX веке: преподаватель ораторского искусства в Институте живого слова, организованном в 1918 году, Александр Карлович Шнейдер на занятиях со слушателями предлагал произносить без подготовки 3-минутные речи, а затем здесь же, в аудитории, подвергал их анализу, разбирая достоинства и недостатки.

Очевидно, что эта риторико-педагогическая схема повторяется в наше время, скажем более, ученические монологи, напоминающие ораторское выступление (при ответе у доски), повторяют все тот же классический риторико-педагогический опыт человечества. Все учителя-предметники становятся невольными роторами, поскольку они оценивают именно речь, не будучи при этом профессионально подготовленными специалистами. Так не следует ли обеспечить именно риторическую подготовку учителей для того, чтобы улучшить учебный процесс?

В сегодняшнем школьном обучении риторике имеется много новаций, с которыми должны знакомиться учителя-словесники. Так, во многих городах России организуются конкурсы ораторского искусства как отражение предыдущей классной работы, например, на студенческих или школьных олимпиадах и конференциях (ср. конкурсы «Юный златоуст» на Всероссийских олимпиадах по русскому языку, «Юный оратор» на Международных олимпиадах по русскому языку для стран СНГ и Балтии, конкурсы в ряде округов Москвы, региональные конкурсы «Юный ритор» в Перми и др.

5.2. Методологическая рекомендация к *разбору и декламации образцовых текстов* является общей установкой на продолжение знакомства с текстами, которые могут стать моделью для будущей речи. Через чтение и разбор текстов ученик-ритор постигает и мысли автора, и его словесный стиль, и построение отдельных фраз (фигур речи). Таким образом, через чтение ученик постигает богатство родного языка, которое подсознательно готовит будущие модели речи. «Чтение» считалось вообще одним из способов обучения риторике, т.е. читая, ученик напитывает разум мыслями и словами, которые затем должны проявиться в будущей речи – как письменной, так и устной.

Сомнение может вызвать тезис о «декламации» текста. Ритор, естественно, не должен быть ходульным декламатором, но он обязан уметь воспроизвести как собственный текст, так и чужой. В целях обучения риторическому произношению, конечно, используются образцовые тексты. Необходимо иметь в виду, что риторика необходимо ясно отличать от актера, а риторика от театра, хотя полезные элементы театрального искусства и техники необходимо взять на вооружение. Отличие риторики от театра в том, что ритор произносит свой собственный текст и в принципе ничего не играет, актер же играет персонажа, ритор ответственен за каждое сказанное слово, актер же действует в условной ситуации художественной речи. Тем не менее, ритор должен хорошо «звучать», поэтому он должен наблюдать хороших и разных ораторов, пробовать себя в разных видах выступлений (как с собственными речами, так и с декламацией образцовых текстов).

Методику работы над текстом можно представить примерно следующим образом. Следует выбрать понравившийся вам текст (он может быть и прозаический, и поэтический), разобрать его с точки зрения содержания и стиля, а затем читать вслух, постепенно выучивая наизусть. Это могут быть и занятия с учителем, режиссером (вот почему полезен театр), но не менее полезно и самостоятельное чтение – в таком случае ученик становится сам

себе судией, сам будет отмечать и корректировать свои ошибки. В современных школьных условиях возможна запись на магнитофон или на видеокамеру – тогда ученики самостоятельно увидят недостатки своего образа оратора (например, неумение стоять или двигаться), услышат убыстренный темп речи, отсутствие пауз, словесные повторы, однообразие интонаций и т.д. А затем все будет зависеть от того, сколько спросить с себя: ни один оратор или просто хороший профессионал в своем деле не складывался без самостоятельной работы над собой. Примерами такой «письменной» или «декламационной» работы над собой могут служить все выдающиеся ораторы: Демосфен, Цицерон, Ломоносов (см. описания его «декламационной» подготовки к выступлению перед академиками), Авраам Линкольн и др.

Результатом же работы над декламацией чужих текстов или чтением собственных ораторских речей (будущих докладов, выступлений) становятся разработанное дыхание, уверенный голос, отсутствие боязни говорить и ненужной сосредоточенности на себе. В результате ритор-ученик научается психологически сосредотачиваться на слушателях и материале своей речи. А это как раз то, что ведет к успеху.

5.3. Выполнение заключительной рекомендации заниматься *техникой речи* предполагает включение в учебный процесс комплекса упражнений на постановку дыхания, развитие ясного и четкого произношения, темпа речи, интонации, «полетного» голоса. Занятия техникой речи в некотором смысле напоминают спортивную тренировку или урок театрального мастерства прямо в учебной аудитории – если вести их энергично, серьезно проделывать упражнения на отработку звуков, скороговорок, которые лишь кажутся «несерьезными», постепенно вырабатываются навыки правильного дыхания, интонирования, голосоведения, ритма, темпа, паузации, совершенствуется тембр речи. От занимательно «спортивных» скороговорок (ученики соревнуются, кто лучше произносит) следует переходить к чтению текстов. Опыт показывает, что рекомендуется сосредоточиться на умении читать конкретный текст, который затем становится моделью для воспроизведения как своих, так и чужих текстов.

Конечно, при этом необходимо ясно понимать, что риторика – это не «красивоговорение» и одной техники речи недостаточно, чтобы стать удачным ритором. Однако нашим учащимся должна быть ясно внушена превентивная идея о том, что грустно наблюдать людей, умеющих мыслить и имеющих слова, однако не способных выразить свои намерения в звуках, жестах, мимике, ритме, темпе, интонации, голосоведении.

Как показывает опыт работы и в школьной, и во взрослой аудитории, развитие речевых способностей следует вести в трех перечисленных «практических» направлениях сразу: необходимо, чтобы и совершенствовалась собственная изобретательность в создаваемых речах, и предлагались образцы речей, и тренировался речевой аппарат в технических упражнениях.

Выводы

1. Риторика как наука и искусство эффективной и целесообразной речи требует активного осмысления и внедрения в практику школьного (особенно гуманитарного) образования.

2. Риторика накопила огромный опыт в практике школьного гуманитарного обучения, который приобретает особый вес в условиях необходимости модернизации современного российского образования. Вне разносторонней модели словесно-речевой подготовки современного школьника невозможно формирование личности гуманитария XXI века.

3. Анализ классических и современных методологических концепций в области преподавания риторики показывает, что педагоги-риторы накопили множество способов и приемов, сформировав национально-культурные и региональные «риторические школы» как научно-педагогические концепции речевого обучения и воспитания личности. Эти концепции, конкретные способы и приемы требуют повсеместного распространения и пропаганды среди современного учительства.

4. Риторика как фундаментальная наука о построении коммуникативных связей в современном обществе имеет основополагающее значение для формирования личности будущего специалиста-гуманитария, поскольку всякий профессионал в гуманитарной сфере является человеком «речевой» профессии. Состав риторических знаний предлагает будущему специалисту определенной гуманитарной области «общеметодологические» речевые умения, которые в будущем дадут такому специалисту орудие его работы – владение речью, умение создавать устные и письменные тексты, строить свое общение в научно-профессиональном и бытовом социумах.

Нет сомнения в том, что общество нуждается в оптимальном построении общественно-речевых связей, а каждый член общества – в получении риторических знаний и приобретении риторических умений, поскольку владение эффективной и убедительной речью позволяет организовывать общественную, производственную и частную жизнь во всех сферах общения. На этом пути стоит множество нерешенных задач – и прежде всего налаживание

филологической пропаганды, которая даже в год русского языка не может быть признана эффективной вследствие того, что сами филологи-русисты не обладают достаточным составом аргументов в пользу защиты и пропаганды своего предмета. Причина этому, в первую очередь, отсутствие риторической выучки, или риторического образования, туманность представлений относительно пользы самого практического языка и необходимости владеть им в разных ситуациях общения. А это как раз то знание, которое всегда давала риторика, и именно предмет и методы риторического образования должны стать темой активного профессионального диалога.

На взгляд филолога-русиста, или, точнее, филолога-ритора, общественное благоденствие наступает тогда, когда в обществе устроен язык, иначе говоря, с помощью практического владения речью организованы коммуникативные связи в обществе. Для этого каждый будущий гражданин должен получить фундаментальную филолого-риторическую подготовку, которая состоит в ясном представлении роли и значения Слова в человеческой жизни, развитии риторических способностей каждого человека, результатом чего становится развитие и осуществление потенциала личности.

Поэтому требуется предпринять энергичные действия по распространению и использованию потенциала научно-педагогических «риторических» кадров страны, который, как видно из вышеприведенного описания, достаточно высок. К сожалению, Российская Риторическая ассоциация, несмотря на проведение десяти международных годичных конференций и регулярные поручения ее руководству наладить связи с Министерством образования и науки, так и не имеет до сих пор какой-либо значительной поддержки своих научно-педагогических начинаний.

Между тем, на местах делается многое для того, чтобы реально пропагандировать риторику как в вузе, так и в школе. Например, кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина и кафедрой риторики и культуры речи МПГУ дважды в год проводятся двухнедельные семинары по подготовке преподавателей риторики и культуры речи в вузах и школах. К сожалению, присутствие на них школьных учителей незначительно вследствие отсутствия финансирования школ даже в больших городах. Подобные семинары проводятся в Западно-Уральском учебно-научном центре (г. Пермь), ИПКРО г. Воронежа и ИПКРО г. Салехарда (ЯНАО) и др. Очевидно, что требуется финансирование подобной программы для учителей риторики, культуры ре-

чи, коммуникативных дисциплин, которую также могли бы осуществлять перечисленные выше вузы.

Очевидно, что наше учительство проявляет огромное внимание к вопросам развития русского языка и владения речью. Особенно это внимание усиливается в Год русского языка, когда каждый из нас пытается понять, в чем же состоит великая миссия *русского языка – речи – слова*. Очевидно, что потенциал риторики как науки и учебной дисциплины далеко не реализован в нашем отечестве и остается множество нерешенных проблем для нашего сообщества учителей-словесников. Среди этих проблем – вопросы эффективного разъяснения сущности риторики как науки (искусства, педагогической дисциплины), способов ее преподавания, подготовки профессиональных учителей-риторов и т.п. Удастся ли решить эти вопросы, покажет будущее, но их решение зависит от эффективности усилий, которые предпримут коллеги (ученые, методисты, учителя, работники министерства, общество в целом) – все, кто ответственен за пути развития русского Слова в одной из важнейших областей филологии – риторике.

Литература

Альбеткова Р.И. Основы русской словесности: от слова к словесности (для 5–9 классов) / Программы для общеобразовательных школ, гимназий, лицеев. – М., 1999. – С. 27–66.

Аннушкин В.И. Риторика. Учебное пособие. – Пермь, 1994.

Аннушкин В.И. Что такое словесность (К определению научного термина и границ учебного предмета) // Русская словесность. – 1994. – № 5. – С. 33–40.

Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия: Учебное пособие для студ. гуманитарных вузов. – М., 2002.

Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс: Учебное пособие. – М., 2006.

Аннушкин В.И. Риторика. Экспресс-курс. Учебное пособие. – М., 2007.

Баранов М.Т. От риторики к развитию речи в школах России // Русский язык в школе. – 1998. – № 4. – С. 50–57.

Волков А.А. Основы риторики. – М., 1996.

Волков А.А. Курс русской риторики. – М., 2000.

Гуцина С., Игнатьева Л., Курпнивец Р. Школьная риторика: Учебное пособие. – Рига, 1998.

Далецкий Ч.Б. Риторика: заговори, и я скажу, кто ты. Учебное пособие для вузов. – М., 2003.

Зеленецкий К.П. История русской литературы для учащихся. – Одесса, 1849.

- Зеленецкий К.П.* Курс русской словесности для учащихся: I. Общая риторика. – Одесса, 1849.
- Зеленецкий К.П.* Курс русской словесности для учащихся: II. Частная риторика. – Одесса, 1849.
- Зеленецкий К.П.* Курс русской словесности для учащихся: III. Пиитика. – Одесса, 1849.
- Иванова С.Ф.* Искусство диалога или беседы о риторике. – Пермь, 1992.
- Иванова С.Ф.* Введение во храм Слова: Книга для чтения с детьми в школе и дома. – М., 1994.
- Иванова С.Ф.* Риторика. Авторские программы С.Ф. Ивановой // Программы по риторике и русской речи: Сборник / Сост. Н.А. Купина и С.А. Минеева. – Пермь, 1995. – С. 34–87.
- Иванова С.Ф.* Говори!.. Уроки развивающей риторики. – М., 1997.
- Квинтилиан Марк Фабий.* Двенадцать книг риторических наставлений. Книга I / Пер. А.С. Никольского. – СПб., 1834.
- Кохтев Н.Н.* Риторика. Учебное пособие для учащихся 8–11 классов учебных заведений с углубленным изучением гуманитарных предметов, а также для лицеев и гимназий. – М., 1994.
- Кошанский Н.Ф.* Общая риторика. – СПб., 1829.
- Кузин Ф.А.* Культура делового общения. – М., 2005.
- Культура общения. 9 класс / Сост. Е.Ю. Лазуренко и др. Под общ. ред. проф. И.А. Стернина. – Воронеж, 2000.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М., 2003.
- Купина Н.А.* Риторика в играх и упражнениях. – М., 2004.
- Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию // ПСС. – М.; Л., 1952. – Т. VII. – С. 89–378, 805–839.
- Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Высокая классика. – М., 1974. – Т. III.
- Львов М.Р.* Риторика. Учебное пособие для учащихся старших классов средних учебных заведений. – М., 1995.
- Марченко О.И.* Ораторское искусство как явление гуманитарной культуры: Авторефер. дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 1992.
- Марченко О.И.* Риторика как норма гуманитарной культуры. Учебное пособие для высших учебных заведений. – М., 1994.
- Матвеева Т.В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М., 2003.
- Мерзляков А.Ф.* Краткая риторика, или правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. 4-е изд. – М., 1828.
- Минеева С.А.* Риторика: проблемы и трудности преподавания

- в школе // Программы по риторике и русской речи: Сборник / Сост. Н.А. Купина и С.А. Минеева. – Пермь, 1995. – С. 73–80.
- Минеева С.А.* Риторика диалога в моделях и обобщениях (дидактические материалы). – Пермь, 2006.
- Михальская А.К.* Основы риторики: Мысль и слово. – М., 1996.
- Михальская А.К.* Педагогическая риторика: история и теория. Учебное пособие для студ. пед. университетов и институтов. – М., 1998.
- Программы по риторике и русской речи: Сборник / Сост. Н.А. Купина и С.А. Минеева. – Пермь, 1995.
- Речевое общение // Научно-теоретический журнал / Под ред. проф. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 2007. – Вып. 16–17.
- Риторика диалога в становлении научно-гуманистической системы образования: проблемы исследования и преподавания. Материалы XI научно-практической конференции. 10–11 ноября 2002 года. / Под ред. С.А. Минеевой – Пермь, 2002.
- Риторика диалога: развитие коммуникативной компетентности: проблемы и практические достижения: Материалы XIV научно-практической конференции. 1 ноября 2006 года. / Под ред. С.А. Минеевой – Пермь, 2006.
- Риторика: 8 класс: Методические рекомендации / Под ред. Т.А. Ладыженской. – М., 1998.
- Риторика: 8 класс: Учебное пособие для общеобразовательной школы: В 2-х ч. / Под ред. Т.А. Ладыженской. – М., 1998.
- Риторика: 9 класс: Методические рекомендации / Под ред. Т.А. Ладыженской. – М., 1999.
- Риторика: 9 класс: Учебное пособие для общеобразовательной школы: В 2-х ч. / Под ред. Т.А. Ладыженской. – М., 1999.
- Рождественский Ю.В.* О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок. // Паремнологический сборник. Пословица, загадка. – М., 1978. – С. 211–229.
- Рождественский Ю.В.* Слово в нашей жизни // Вопросы лекционной пропаганды. – М., 1985.
- Рождественский Ю.В.* Риторика публичной лекции. – М., 1989. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Лекторское мастерство». – № 1).
- Рождественский Ю.В.* Общая филология. – М., 1996.
- Рождественский Ю.В.* Принципы современной риторики. 3-е изд. – М., 2003.
- Рождественский Ю.В.* Теория риторики. 4-е изд. 2006.
- Савкова З.В.* Техника звучащего слова. – М., 1988.
- Савкова З.В.* Энергия живого слова. – СПб., 1991.

Сперанский М.М. Правила высшего красноречия. – СПб., 1843.

Стернин И.А. Практическая риторика: Учебное пособие для студентов высш. учебн. заведений.. – М., 2003.

Толерантность и коммуникативная культура педагога: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 17–19 ноября 2004 г., г. Ачинск / Под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 2005.

Фойгт К.К. Мысли об истинном значении и содержании риторики. – СПб., 1856. (отд. изд.); см. также: ЖМНП, 1856, март. – С. 241–298.

Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972.

Шевченко Н.В. Риторика. 8 класс: Учебное пособие. – Саратов, 2000.

ПОЛИТИКА КАК ИСКУССТВО РЕЧИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА¹

Политическая деятельность есть деятельность речевая, а всякий политик не может не осознавать, что его практика соединена со словом. Слово – главное орудие политика. Побеждает тот, кто говорит или выражает мысли удачно, убедительно, увлекательно; и, напротив, проигрывает тот, кто что-то «не так сказал», «не так выразился».

Вчитаемся в определения политики для того чтобы понять, каковы ее отношения со словом. В современном учебнике «Политология» сказано: «Политика, – это сфера общественной жизни, имеющая дело с управлением» [Горелов 2002: 5]. Но ведь речь и есть главное средство и инструмент управления. Не странно ли, что в современных учебниках по политологии вопросам *языка – речи – слова* уделено так мало внимания?

Раскроем фундаментальный учебник «Политология», написанный внушительным коллективом авторов МГУ им. М.В. Ломоносова под ред. М.Н. Марченко. Лишь в главе 18 находим тему «Политическая коммуникация», содержание которой более говорит о влиянии современных идей американско-западной научно-политической культуры, нежели об освоении традиций русской политической и филологической мысли. Во-первых, говорится не о *языке – речи – слове* (русская терминология), а о «коммуникации», современном термине, достаточно популярном для всех мировых культур. Коммуникация определяется как «передача информации, идей, эмоций, навыков и т.п. посредством символов – слов, картин, графиков». Слово здесь растворено среди других символов и знаков. Оно и в самом деле лишь один из способов

¹ Статья представляет собой переработку вступительных глав к книге «Выборы» (М., 2007), где автором написана теоретическая часть «Политическая риторика: наука – практика – обучение».

передачи информации, но не нивелируется ли тем самым роль Слова как главного источника информации?

Вопросам политической речи (искусства политической борьбы с помощью слова) посвящена обширная литература, ведущая начало от диалогов Платона и «Риторики» Аристотеля, где как один из «родов речей» описывается речь «совещательная», т.е. политическая речь на площади. Из рассмотрения исключена огромная историческая традиция, составляющая основу современной политической деятельности как деятельности *речевой*, или *коммуникативной*.

«Коммуникация – это процесс, который связывает отдельные части мира друг с другом» [Там же: 361], но такие глобальные формулировки ничего не говорят конкретному заинтересованному читателю, желающему понять, как ему «научиться владеть языком». Конечно, важно знать о «новых информационных технологиях, организующих массовую культуру», но реальному политику или политологу важнее представить реальные жанры речевой деятельности, которые начинаются с конкретного публичного выступления, ведения политических дискуссий, подготовки политической рекламы, обращения к СМИ как наиболее влиятельному (но не единственному) средству политического воздействия на общественное мнение. Очевидно, что требуется обращение ко всему богатству современного политического языка (слова, речи).

Наконец, авторы учебника приводят чрезвычайно важное определение, рассматривающее инструмент достижения политического успеха: «Коммуникация – это механизм, посредством которого реализуется власть». Модель коммуникативного процесса предлагается по американскому политологу Г. Лассуэлу (образца 1948 г.). Она включает «пять элементов:

- 1) Кто (передает сообщение) – коммуникатор.
- 2) Что (передается) – сообщение.
- 3) Как (осуществляется передача) – канал.
- 4) Кому (направлено сообщение) – аудитория.
- 5) С каким эффектом – эффективность» [Политология 1999, 362].

Признавая, что каждый из элементов стал объектом многочисленных исследований, авторы не замечают, что вдохновляющим источником этих исследований были труды по риторике, а данная схема в фундаментальном виде приводилась еще в «Риторике» Аристотеля. Вот как представлена функция риторики как искусства убеждения применительно к политической речи: «Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три

вида: одни находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или иного настроения слушателя, третьи – от самой речи» [Аристотель 1978: 18]. Эта же схема имеется в «коммуникативном кольце» Фердинанда дэ Соссюра, известном всем языковедам XX века: «говорящий – речь – слушающий».

Научная мысль развивается, наследуя прошлое, сдвигая понятия и несомненно дополняя их, но в культуре научного творчества главное – не допустить потерь. А эти потери есть – они прежде всего в подмене понятий и в отсутствии ощущения стиля, которым обычно обладают классические сочинения. Поэтому данная работа и опирается на основополагающие труды в области классической античной и русской политологической и риторической мысли: естественно, с учетом достижений речевых технологий нового информационного общества и развившихся наук о речи.

Пример: «характеристики коммуникатора» суть не что иное как «ораторские нравы» в классической и современной риторике. Согласно мысли американца Г. Лассуэла, чтобы «выступление человека оказало нужный эффект, этот человек должен обладать такими качествами как *компетентность* (наличие соответствующих знаний и навыков), *надежность* (способность вызывать доверие), *динамизм* (личностная открытость, активность, энтузиазм)». Российские ученые использовали пример типичной американской риторики, которая, кстати, во многом обеспечила американской цивилизации успех в современном мире политических коммуникаций. Сомнительность такой риторики состоит в том, что она имеет слабую философскую и этическую обоснованность: достаточно добиться «эффекта» и результата вне обсуждения нравственно-этических последствий этого результата для аудитории. Ее достоинства ограничиваются «способностью вызывать доверие», но не подлинной надежностью, которую должна отличать не столько технологичность, сколько этическая ориентированность на интересы адресата. Эту нацеленность на результат можно ясно видеть в современной американской риторике, когда решение политических проблем в Косове или Ираке преследует одну задачу: достижение эффекта или результата при внешней «открытости, активности и энтузиазме». Именно таков образ американского ратора, каким он предстает на международных переговорах.

В классической риторике «качества коммуникатора» представлены в разделе «образ оратора» как совокупности «ораторских нравов». Античные риторы определяли их как качества личности: это должен быть «муж добродетельный», т.е. благородный и честный. Чтобы стать хорошим ритором, надо прежде всего

быть «хорошим человеком» – на элементарном уровне каждый избиратель в политической аудитории по-своему оценивает личность риторика-политика именно с этой точки зрения. О «желании общего блага» для общества как основном качестве «истинного красноречия» писал в самой влиятельной русской риторике середины XIX века учитель Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанский. Эта традиция продолжена в трудах современных российских ученых-риторов. Сошлемся на разработку вопросов этики речи у Ю.В. Рождественского или на описание образа ратора у А.А. Волкова: последний пишет о *честности*, *ответственности* и *предусмотрительности* как необходимых качествах ратора [Волков 1996: 32–40].

Все сказанное служит лишь иллюстрацией к описанию проблематики политической риторики, которая должна быть представлена во всем богатстве историко-культурной традиции и современных научных идей, сформулированных потребностями жизни в новом информационном обществе. Политической риторике в современной России требуется существенное обновление стиля мысли и речевого выражения, которое лишь отчасти началось отказом от старых идеологических догм и заскорузлых форм выражения, но которое не обогатилось активным национальным творчеством с учетом нынешних российских условий развития всего многообразия видов и жанров современной политической речи.

Вот пример такого «отставания» от потребностей современных политических задач не только в России, но и в других странах. В цитированном авторитетном учебнике «Политология» описаны основные виды коммуникации: межличностная, групповая и массовая. Это типичная схема американской научной традиции, очень мало что дающая для реального анализа современной речи. К межличностной коммуникации отнесена коммуникация «лицом к лицу», непосредственный контакт общающихся, но разве не такой же контакт происходит в «групповой» коммуникации с количеством членов группы от 3 до 20 человек? В межличностной коммуникации выделяются три стороны: коммуникативная (обмен информацией между партнерами по общению, передача и прием мыслей и чувств), перцептивная («процесс восприятия и понимания людьми друг друга, формирование определенных межличностных отношений»), интерактивная («обмен действиями между взаимодействующими сторонами»).

Неточность данной классификации не может не быть очевидной всякому, кто начинает над ней размышлять: разве в перцептивной и интерактивной сторонах отсутствует «обмен информацией, передача мыслей и чувств»? Разве коммуникативная сторо-

на существует без «восприятия и понимания» со стороны партнеров по общению? Разве формирование межличностных отношений не присутствует всегда, во всякой «стороне» происходящего общения?

Этой псевдонаучной картине современного прозападного представления коммуникативного процесса противостоит традиция русской политической риторики, которая сформировалась на основе лучших идей античной, русской и зарубежной риторических учений и развивается с учетом новых речевых условий общества информационных технологий. Поэтому «видам коммуникации» риторика противопоставляет роды, виды и жанры речей. Политическая риторика исследует конкретные, реально существующие жанры политического общения: политическую публичную речь, интервью, заседания, переговоры, жанры предвыборной агитации, участие в дискуссии и полемике, разные жанры телевизионных и радиовыступлений (предвыборный ролик, дискуссия, программное выступление), разные жанры наглядной политической рекламы (листовки, щиты и т.д.).

К сожалению, ни о чем подобном наши учебники политологии не говорят, а политическая риторика как наука делает лишь первые шаги. Единственной монографией, к которой активно обращаются большинство пользователей (как ученые-филологи, так и специалисты – политологи и политики), является книга Г.Г. Хазагерова «Политическая риторика» (2002). Это первая попытка систематизации терминологии риторической науки применительно к политической речи. Достоинством авторской концепции является не только знание и следование канонам риторической науки, но и попытка самостоятельной разработки большинства вопросов, стоящих перед ритором-политиком. Правда, смелость и самостоятельность автора не могут не приводить к некоторым досадным упрощениям или ошибкам вроде неточного толкования происхождения слова «риторика» (см. об этом ниже) или принципиального понимания общих мест – важнейшее для риторического общения понятие, означающее совокупность аргументативных идей, на основе которых строится взаимопонимание и согласие оратора и аудитории. Наибольшее внимание автор уделяет проблемам элокуции, т.е. способам построения выразительной речи с помощью фигур речи. Полезна книга будет и политикам-практикам, которые найдут описание риторических и нериторических стратегий убеждения с множеством текстовых примеров из разных жанров политической речи.

Перспективными представляются недавние работы доцента МГУ им. М.В. Ломоносова В.В. Данилиной, разработавшей курс

политической риторики с использованием достижений связей с общественностью и спичрайтерства. Использование реального педагогического опыта позволяет автору делать точные наблюдения и выводы.

Политическая речь стала предметом целого ряда докторских диссертаций, обобщивших практический опыт политических речей в XX столетии: А.П. Романенко написал исследование об образе оратора в советской общественно-политической речи; О.Н. Паршина проанализировала стратегии и тактики ведения политической дискуссии у современных ораторов; И.Ю. Чистякова посвятила свой труд сопоставлению ораторского творчества советских политиков первой половины XX века.

Особая тема – политическая риторика в Интернете. Конечно, пользователь находит в «Поиске» множество курсов и тренингов, которые приглашают быстро и эффективно овладеть ораторским искусством. Нет сомнения в том, что эти ораторские курсы выросли как раз на волне популярности риторики как науки, поскольку специалисты разных профессий начали понимать, как важно для профессионального успеха владение словом. Вопросы, которые мы оставляем открытыми, несколько не желая отвернуть читателя от участия в подобных «рекламных» акциях: насколько может быть серьезна программа курса, если заявители (в отдельных случаях) даже не говорят о «программе» обучения, а рассчитывают только на действенность рекламы (тоже своеобразная риторика)? Там же, в Интернете, множество ссылок на книгу Г.Г. Хазагерова и различных интервью со специалистами, в суждениях которых много научного популяризаторства, правильного лишь на первый взгляд, а на самом деле не всегда соответствующего точности научного знания.

Чтобы не быть голословным, приведу пример: старший научный сотрудник отдела культуры речи Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова О.М. Грунченко, отвечая на вопрос «Как происходило обучение ратора? Через устную практику?», говорит: «Однозначно. Обучение ратора по-другому в принципе происходить не может. И оценивать ратора можно только через устную практику» (http://www.polit.ru/analitics/2004/09/22ritor_print.html).

В данном случае ответ специалиста верен лишь отчасти. Действительно, только практика шлифует мастерство ратора, и последнее проявляется, конечно, в устной речи. Без письменной речи можно научиться хорошо «болтать» – и существует эдакий тип народного «говоруна», который ловко и искусно говорит на любые темы. Но серьезная устная речь (а политическая и судебная

речь такова) требует и серьезной подготовки, опоры на значимые культурные контексты, которые зафиксированы именно в книжно-литературной или письменной речи. Весь опыт риторического обучения (от Демосфена до современных риториков) говорит о том, что «перо – наилучший наставник красноречия» (Цицерон). Демосфен обрил голову и три месяца провел в келье, где при свете лампы писал речи, выучивал наизусть, а затем вытранировывал их произношение. Н.Ф. Кошанский, учитель Пушкина, пишет в «Общей риторике»: «Тот не сможет произнести и десяти строк кряду, кто не будет писать ежедневно по несколько страниц». Авторский опыт прослушивания сотен речей в риторическом классе говорит о том, что при оценке устной речи путем прослушивания можно лишь выразить «общее впечатление», но разбор с точки зрения эффективности стиля или ошибок лучше вести через письменный или печатный текст. И, кстати, именно письменная речь позволяет ритору учиться «разворачивать» текстовую мысль во всей стилистической красоте. Другое дело, что письменный текст не должен сковывать оратора: хочешь говорить – говори! Говори – и не бойся!

Поэтому будем размышлять о достоинствах и недостатках и той, и другой форм речи: устная речь обеспечивает непосредственный контакт со слушателем, она эмоциональна, действует всеми достоинствами произношения в момент речи. Но письменная речь дает возможность подумать прежде, чем написать, развернуть повествование и только письменная речь создала для человечества литературный язык, т.е. язык, выраженный «литерами» (буквами). Ярко выраженное предпочтение в современной культуре (особенно массовой) устному слову опасно, ибо оно близко к умению «болтать» без опоры на культурно значимые тексты. Считаться с изменяющимся характером аудитории придется, но зрелый оратор должен знать, что весь опыт риторического образования рекомендует чтение образцовых авторов, регулярную тренировку в письменной речи, которая только и оттачивает стиль речи оратора в целом.

В цитированном выше учебнике «Политология» сказано: «Политика не сводится к деятельности, а есть скорее отношения между людьми» [Горелов 2002: 6], а отношения между людьми являются отношениями прежде всего *речевыми*, поскольку человек – существо «словесное» и социализация человека происходит прежде всего через языковое общение. Неслучайно А.А. Горелов пишет о том, что политика как искусство управления имеет веские исторические основания», а затем проводит аналогию с «риторикой как искусством красноречия» [Там же: 7].

Филолог, академик РАО Ю.В. Рождественский определяет политику как «деятельность по текущему управлению жизнью общества в целом и его частей, а также деятельность различных общественных групп (больших или малых, вплоть до отдельного человека), определяющая их участие (прямое или косвенное, непосредственное или опосредственное) в управлении обществом» [Рождественский 2002: 70]. Очевидно, что управление обществом осуществляется прежде всего речевыми и, шире, семиотическими (т.е. другими знаковыми) средствами. Поэтому целью политической риторики является изучение способов и приемов речевого управления обществом.

Итак, если политика определяется обычно как искусство управления государством, то целью политики следует признать благоденствие гражданского общества, а средством к достижению становится разумное управление, осуществляемое *с помощью речи*. Политическая деятельность происходит в обстановке столкновения идей, борьбы мнений и взглядов, столкновения человеческих характеров, интересов разных групп людей. При том, что целью политики является «единение народа», реально политик существует в условиях жесткой политической борьбы. Политическая борьба, как определяет ее Ю.В. Рождественский, есть «общественная деятельность по распространению своих и опровержению чужих идей; ведется словесными и всеми иными семиотическими средствами» [Рождественский 2002: 70].

Современное общество отличается исключительно разветвленной системой форм политической борьбы и, следовательно, политической речи. Мы вступили в эпоху постиндустриального информационного общества, в котором необходимо владеть не только формой устного публичного выступления, традиционной для античного общества и едва ли не единственно описанной, но всеми формами устного политического диалога, письменнодокументальной пропаганды, рекламных кампаний в СМИ и т.д. Современная политическая риторика достаточно близка к тому, что названо «связями с общественностью» (только в политической сфере), поскольку связи с общественностью ставят целью продвижение в обществе собственных идей, проектов, популяризации кандидатов и т.д.

В условиях политической борьбы цель любого политика – добиться влияния в обществе, утверждения своих принципов управления государством, которые являются отражением определенных идеологическо-философских взглядов данного человека. Если цель политика только власть, очевидно, что, получив желаемое, он не будет размышлять над категориями общественного

блага, хотя для общественности и может создаваться видимость такого размышления. Существенен вопрос о том, этична ли фигура политика сама по себе. Только изуверившись в нравственности современного человека, можно давать на этот вопрос отрицательный ответ.

Какими бы отрицательными примерами ни была наполнена политическая история человечества, всегда находятся альтернативные положительные примеры. И дело как в научной объективности взгляда на деятельность политика, так и в умонастроении данной эпохи. Существуют нравственно-этические аспекты политики. На обывательско-вульгарном уровне они выражаются отрицательным тезисом: «политика – грязное дело». Однако очевидно, что и без альтернативной точки зрения («политика может и должна быть чистым делом и честным словом») вовсе не имеет смысла говорить об этом предмете и им заниматься. Данный спор может быть разрешен и с позиции риторики. Это решение состоит в следующем.

В политической риторике учитываются интересы сторон, поскольку политический мир разделен интересами государств, партий, классов, сословий, конкретных людей. «Нравственно» оправданной считается та позиция, которая полезна данной стороне. Известно, что обоснование позиций совершается часто эристическими средствами, но проверку эти аргументы проходят все-таки в исторической оценке общечеловеческими законами этики и нравственности. Задача корректного политика состоит в том, чтобы, защищая и отстаивая свои интересы, не нарушить законов общечеловеческой морали. Так, на политика не может не распространяться золотое правило духовной морали: «Не желай другому (государству, партии, сословию, человеку) того, чего ты не желаешь самому себе». Если политик способен соединить отстаивание собственных интересов с общечеловеческими нравственными ценностями, то такой политик получает одобрение потомков.

Существует ли идеал политика в действительности, как и политик, идеально владеющий речью? Скорее нет, чем да, поскольку, кроме того, что всякий политик получает разнообразные оценки, следует сказать о том, что всякий человек ошибается и в деятельности любого политика можно найти к чему «прицепиться». Иначе говоря, вследствие конфликта сторон реальный политик всегда будет судим с противоположных позиций. Но если политик целями своей деятельности оказался способен «объединить весь народ» (И.А. Ильин) для решения исторических задач, то он может стать *образцом* или положительным историческим *примером*, *прецедентом* деятельности для будущих поколений. Таким обра-

зом, идеала нет, но существуют образцы, примеры, прецеденты деятельности, к опыту которых и следует обращаться для того, чтобы приготовить себя к политической жизни (борьбе, работе), которая ведется речевыми средствами.

Если нельзя указать на идеального политика, то можно, тем не менее, выстраивать некоторый научно-теоретический идеал, т.е. говорить о качествах личности и моделях поведения (в том числе речевого), которые желательны для политика, хотя это будет некий аналог «утопии» как для государства, так и для человека-политика.

Требования, предъявляемые к личности политика, касаются нравственно-этических качеств, соответствующих в риторике понятию «ораторские нравы». Затем следует переход к качествам речи, которые могут быть описаны как прецеденты культуры и проиллюстрированы в конкретном речевом творчестве настоящего времени. Эти требования позволяют описать принципы формирования образа ратора – совокупности внутренних и внешних качеств личности оратора, находящих выражение в речи. Более подробно скажем об этом в соответствующей главе.

Всякий политик – прежде всего *ритор* (оратор и писатель), занимающий определенную позицию и отстаивающий ее в словесных единоборствах. Своей речевой деятельностью политик создает определенный образ, который бывает более или менее убедителен для тех, с кем он общается. Иногда этот оратор молчит или «берет паузу», просто предпочитая не выступать, поскольку в политической риторике нет ничего значимее вовремя сказанного слова. Но пауза означает лишь выжидание для осуществления очередного речевого действия или удара. «Вовремя сказать, вовремя и промолчать», – таков принцип поведения, но нет политиков бессловесных, и умение владеть речью, рассчитывать свои мысли и слова, формировать через стиль речи стиль общественной жизни – задача настоящего политика-оратора.

Итак, *политическая риторика – наука о специфике, правилах и законах речевой деятельности в области политики как сферы управления обществом*. Политическая риторика изучает способы эффективного и целесообразного построения политической речи.

Литература

Аристотель. Риторика // Античные риторики. – М., 1978. – С. 15–166.

Горелов А.А. Политология. Учебник. – М., 2002.

Политология: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М., 1999.

Рождественский Ю.В. Словарь терминов общего образования. – М., 2002.

Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. – М., 2002.

НАСЛЕДУЯ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ

РУССКАЯ РИТОРИКА В СВЕТЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ¹

Оказывается, преобразования в русской словесности и риторике напрямую связаны с революционными изменениями, происходившими в русской истории. Риторика как учение о реальной (политической, деловой, судебной и т.д.) речи всегда была востребована именно тогда, когда назревали общественные перемены, менялся стиль жизни. И эти стилистические поновления в словесном образовании и всей идеологической и экономической структуре общества происходили с удивительной цикличностью в 60–70 лет (возраст человеческой жизни).

«И мы сохраним тебя, русская речь!»

Россия вступила в третье тысячелетие. Мы живем в сложном мире техники, компьютеров, телевидения, видеомагнитофонов и других средств речевой коммуникации. В то же время мы храним память всех тех, кто жил, творил, говорил и писал по-русски. За тысячу и более лет русской истории и культуры мы создали великую науку и литературу, сформировали богатейший язык для выражения наших мыслей и чувств.

¹ Статья опубликована в журнале Союза писателей России «XXI век» в 2003 г.

В XX веке Россия пережила великие потрясения и выжила, выстояла благодаря великой духовной силе своего народа. Но все: и катаклизмы, и победы, и горе, и потрясения – все записано и выражено на русском языке. Если люди не находят слов для выражения пережитого, значит, или язык их беден, или они сами настолько несовершенны, что не могут найти необходимых мыслей и слов. Из прошлого нам необходимо взять все самое лучшее, выразительное, насыщенное богатством мысли и красотой слова. Через познание языка видны красота и величие русского человека: его души, его чувств и мыслей.

Древнерусское добрословие и благоречие

Изучение истории русской риторики открывает удивительные связи: реальная жизнь языка, как выясняется, прямо связана с политикой, идеологией, экономическими преобразованиями.

Всякое изменение в политической и идеологической сферах находит отражение в том, как люди мыслят и говорят. Но происходит и обратный процесс: инициативные мысли и слова вызревают в недрах стабильного общества для того, чтобы предложить новый стиль жизни и поступков, новую государственную политику. Если взглянем повнимательнее на историю русской риторики, то увидим, как вызревает это новое сознание – основа будущих перемен – в книгах и учебниках, по которым россияне учились пользоваться словом.

Слово *риторика* известно на Руси, по крайней мере, с XII века. В Выголексинском сборнике рассказывается о святом Феодоре Студите, который прошел традиционный путь учения. Этот путь состоял в следующем: сначала он «принял крамотикию (грамматику), а по том и риторикию» прошел. Значит, в прохождении наук сначала следовало обучиться чтению и письму, затем происходил переход к «высшим» наукам, которыми считались грамматика и риторика.

Риторы и философы восхвалялись как мудрецы и знатоки Священного Писания и книжного учения. Впрочем, отношение к риторам как пользователям словом могло быть разным – двойственное отношение к риторике распространялось и на Древнюю Русь. Риторы же бывали разные: «тщеславивые и кичивые» – осуждались, а те, кто был приобщен к божественной мудрости, – одобрялись и восхвалялись. Например, Василий Великий, один из отцов церкви, восхвалялся именно как ритор – «ветия в ветях (оратор в ораторах), мудр в мудрых, философ в философах».

О сущности самой риторики в «Пчеле» XIII века говорилось: «Риторы учатся законней речи глаголати» = Риторы учатся (по законам) правильной речи говорить. О знаменитом греческом ораторе Демосфене писалось: «Съ, вопросим, како риторикую учил, и рече: склочил масла боле вина = Этот (человек), будучи спрошен, как изучал риторику, ответил: Истратил масла больше, чем вина». То есть при обучении риторике Демосфен много писал при свете лампы. С гордостью отмечал Демосфен: «Риторику убо учу, а не злато люблю».

Характерно, что слово *риторика* в древнерусских текстах выглядит как «риторикия». Дело в том, что первоначальный перевод был сделан с греческого слова *ρητορικη* (*rhētorikē*) – и оно получило форму «риторикия». Но любовь к родному языку заставляла искать древних русичей собственные русские слова для перевода слов *риторика* и *ритор* – и такие слова находились: «ветийство» и «ветий (ветия)».

Корень слова *вет* (*вѣт-*) означал говорение, сказывание, откуда и пошли очень многие современные слова: *совет*, *привет*, *ответ*, *завет*, *навет*, *увещать*, *извещать* и т.д. Слова *ветийство* и *ветий* были даже более частотными, чем *риторикия* и *ритор*. О хорошем *ветии*=*ораторе* говорилось, что он способен «сокрушать душу» не множеством слов и речей, а «смирненным словом».

Интересно, что уже в XV–XVI веках слово *ветийство* стало писаться как *витийство*. Очевидно, это произошло потому, что в первом предупредительном слоге [e] произносилось как [u], а само слово воспринималось как происшедшее от глагола «вить» и ассоциировалось с «плетением словес». Плетение же словес было способом искусного украшения речи и поэтому ассоциировалось с риторикой. Вот почему позднее писалось только *вития* или *витийство* – таковы старинные русские слова для обозначения оратора и ораторства. Так Я.В. Толмачев в книге «Военное красноречие» (СПб., 1825) объяснял *красноречие* как «искусство выражать мысли и чувствования ясно и выразительно», а *витийство* – «выражать оные сильно и убедительно».

Интересна и судьба «риторики». Если до XVII века писали только *риторикия* или *ритория*, то слово «риторика» впервые встретилось ученым в первой русской «Риторике» 1620 года. Поскольку это был перевод латинской «Риторики» Филиппа Меланхтона, «великого учителя Германии», то учитель-переводчик записал это слово по латинскому образцу – с ударением на предпоследний слог. Смещение ударения на «риторику» произошло уже при Петре, но остатки прежнего ударения слышатся в слове «риторический».

Задают и такой вопрос: почему иногда встречается написание «реторика», а не «риторика»? Переведенное с греческого языка, это слово писалось через «ри-», а в XVIII веке обучение велось часто на латинском языке и слово «*ghetogica*», конечно, переводили как «реторика» с ориентацией на латинскую букву «е». Такой же точки зрения в противовес сложившейся традиции стал придерживаться и учитель Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанский. В XIX веке орфографические нормы еще не устоялись, поэтому часто писали с двумя вариантами. Но вариант «реторика» встречался не только у Пушкина, Белинского, Чернышевского – орфографические варианты с написанием *e/i* довольно часты не только в XIX, но и в XX вв. Последним, на кого можно сослаться в написании «реторика», был нарком просвещения Советского правительства А.В. Луначарский.

«И в добрословии уста свои учинили...»

В современном языке синонимом «риторике» часто называют слово «красноречие». Но в Древней Руси слов, подобных «красноречию», было множество – все они обозначали хорошие качества речи. Своеобразие этих благих слов, связанных с речью, нельзя не почувствовать в самом их перечне: *благоречие, благоязычие, благословие, благобеседование, доброречие, добрословие, краснословие, красногласие, сладкогласие, златоустие, правдословие, хитрословие* и т.д. Все эти слова обозначали дар благой и хорошей речи.

Как видите, все эти слова созданы по одной модели: первая часть этих слов обозначает качество речи (*добро-, благо-, красно-, сладко-, злато-, правдо-* и т.д.), а вторая – процесс речи (*-словие, -речие, язычие, -устие* и т.д.). Количество слов, созданных по этой модели, просто не поддается обозрению.

Но если есть положительные слова, то должны быть и отрицательные: если есть «добрословие», то должно быть и «злословие»; если есть «правдословие» и «истинноречие», то как же не быть «лжесловию» или «кривоглаголанию»? Все эти слова говорили о свойствах человека и качествах его речи:

1) доброречию и благословию противопоставлялись злоречие и пагубословие – понятия добра и зла были основными и для речи;

2) словесная красота (краснословие) оценивалось двояко: с одной стороны, краснословцы и красноречцы восхвалялись и одобрялись, с другой стороны, краснословие, которым можно прельстить и обмануть людей, осуждалось;

3) сладость словесная (сладкоречие и медоязычие) понима-

лась как услаждающая и благоприятная речь: «Аще (если) хошеши имети други многи [если хочешь иметь много друзей], то имей язык сладок и руки податливе [имей речь сладкую и руки, готовые давать]»;

4) правдословие и истиннословие противопоставлялись лже-, плето-, кривословию. Лжеца называли «лжесловником», «плето-словцем», «кривоглагольником».

«Ритор – человек, искусный в науке речения»

Существует закономерность: риторика пишется тогда, когда в обществе рождается новый стиль жизни, формируется новая идеология. Ведь риторика, как наука о мысли и речи, – должна оформить новые идеи. Представим, например, какая была ситуация после воцарения юного 13-летнего царя Михаила Федоровича, первого в династии Романовых. Страна приходила в себя после иноземного нашествия, требовалось восстановить не только хозяйство, но и создать науки и школьное обучение.

Именно в период с 1613 по 1620 годы неизвестный автор, творивший в окружении своих учеников, написал первое на Руси систематическое сочинение о науках – «Сказание о семи свободных мудростях». Число «семь» соответствовало количеству гуманитарных и технических наук, которые в то время изучались после прохождения курсов чтения и письма. Тривиум (3) соответствовал словесным гуманитарным наукам: грамматике, риторике, диалектике (логике); квадривиум (4) – техническим наукам: музыке, арифметике, геометрии, астрономии.

Неизвестный нам учитель придумал и оригинальную форму представления наук ученикам. В Библии в «Книге притчей Соломоновых» имеется образ Мудрости, которая выходит к людям на городскую площадь и взывает:

«Приимите учение мое, а не серебро; лучше знание, чем отборное золото, потому что мудрость лучше жемчуга и ничто из желаемого не сравнится с нею ... Мною цари царствуют, богатство и слава у меня, сокровище непогибающее и правда. ... Кто нашел меня, тот нашел жизнь – и получит благодать от Господа, а согрешающий против меня наносит вред душе своей».

Автор древнерусского сочинения заимствовал этот библейский образ Мудрости и назвал «мудростями» все науки. Каждую из наук он представил в образе прекрасной женщины, которая как бы от лица каждой науки произносит хвалу своему учению и описывает содержание предмета. Вот, например, Мудрость Риторика обращалась к своим ученикам:

«Видят меня многие, да не внимают мне, я же, как мудрый и благой друг, всех вас с добротой люблю и всех вас призываю увидеть лепоту (красоту) моего учения, поскольку всем вам по природе нужна... ибо везде и всегда, когда пишете или говорите, то все мною совершаете, украшаете и удобно разумом создаете. А если что в письмах или стихах, в посланиях или беседах создается без моего риторического построения, то осмежаете и ругаете сплетающего таковые речи. А сами-то подчас в том же обретаетесь, поскольку меня, риторику – честную науку, презираете и пренебрегаете научением моему искусству...»

Первая русская «Риторика» 1620 года

Есть предположение, что, написав «Сказание о мудростях», тот же учитель создал первую русскую «Риторику». Самый ранний ее список датируется 1620-м годом. В руках нашего книжника-учителя был краткий латинский учебник «Риторика» Филиппа Меланхтона, выдающегося немецкого педагога XVI века, «великого учителя Германии». Переводя латинский учебник, русский автор делал свои добавления и пояснения к трудным статьям учебника. Учебник писался в вопросах и ответах – словно диалог вопрошающего ученика и отвечающего учителя (впрочем, можно бы представить, что спрашивает учитель, а ученик отвечает).

Первый вопрос: «Что есть риторика и что содержит ее учение?». Ответ: «Риторика есть наука, которая наставляет на правильный путь и полезную жизнь добрыми словами. Сию же науку красноречием или сладкогласием нарицают...» А далее – учитель самостоятельно пояснил для сидевших рядом и записывавших его слова учеников: «поскольку красиво и удобно писать и говорить научает». Пояснил учитель и происхождение слова *риторика*: «Греческие мудрецы *риторию* течение слов называют, латинские же мудрецы *риторикой* сию науку нарекли, и сего ради проименовался *ритор*, то есть учитель благословия».

Следующий вопрос: «Что есть ритор?» – Ритором назван «человек, зело (очень) в науке речения хитрый». Ритор выступает «в делах и на градских судах», произносит «пригодные и похвальные речи по обычаю и по законам того государства, где родился». Обо всем, что бывает «бесчестного или славы достойного, богатого или убогого, праведного или нечестивого» ритор умеет «рассуждать и ко всякому делу подобающие слова прилагать».

Первая русская «Риторика» написана в двух книгах: «О изобретении дел» и «О украшении слова». Однако, показывая, как изобретать мысли, автор писал и о «шести частях речи» (то есть о

разделах композиции), и о «возбуждении страстей»; а в книге об украшении речи он не только перечислил тропы и фигуры, но и написал о том, как подражать образцовым ораторам.

Удивительно другое: почувствовав, что учебник труден, автор-учитель в 1622 году не только сделал дополнения на полях двух списков учебника (они находятся в рукописных отделах Государственного Исторического музея и Российской Национальной библиотеки), но и написал еще два замечательных по содержанию и выразительности предисловия к своему труду. В одном из них он сравнил познание науки риторики с нахождением неким царем земли «удобной и красной (прекрасной)» и построением на этой земле благоустроенного государства.

Каждый раздел риторики сопоставлялся с царским деянием: в *изобретении* ритор обретает мысли и содержание речи – подобно царю, обретшему землю и «людей в ней множество»; *память* риторатора подобна «приведению разумных людей из прочих стран»; а «*четыре рода речей*» у риторатора – это четыре начальника, которые поставлены царем над основными сословиями в обществе: одним повелел «учити», другим – «судити и управляти», иным – «пастити», иным – «воинствовать». Книжник XVII века выделил четыре основные речевые профессии в обществе: учитель, государственный человек (который судит и управляет), пастырь (проповедник) и воин.

Украшение же речи подобно тому, как люди обогащаются и облачаются в «красные и золотые» одежды и «богатством многим цветут».

«Красноречие есть искусство...» (М.В. Ломоносов)

Честь создания первой научной теории риторики принадлежит Михаилу Васильевичу Ломоносову (1711–1765). В классических мыслях Ломоносова есть чему поучиться и современному оратору. Прежде всего посмотрим, как учился риторике сам Ломоносов. Свойственная ему «благородная упряжка» выразилась в том, что ученик Ломоносов осмысленно изучил то, что было написано до него. Вытранировав память, он использовал в своих книгах по риторике не только то, что изучил в Славяно-Греко-Латинской академии, но и то, что изучил в родной деревне под Архангельском.

Так, в руках у Ломоносова была «Риторика» Михаила Усачева 1699 года, в которой давалось следующее определение риторики: «Риторика есть наука добре, красно и о всяких вещех прилично глаголати». В первой неизданной рукописи «Риторики» 1743 года

Ломоносов словно переводит это определение на современный ему (и нам!) язык, лишь несколько переставляя акценты: «Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать».

В 1748 году Ломоносов переделал вступление, введя слово «красноречие» и назвав свое сочинение «Краткое руководство к красноречию». Новый учебник начинался словами: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем других преклонять к своему об оной мнению».

Именно Ломоносов утвердил в русской науке слово «красноречие», под которым понималось искусство убеждать, говорить красиво и уместно о всякой материи, предложенной ритору. Риторика же понималась как теория – «учение о красноречии вообще». Три рода правил, о которых говорит наука риторика, показывают: 1) как изобретать идеи («что о предложенной материи говорить должно»), 2) как изобретенное украшать, 3) как расположить мысли и слова. Это были три классические части риторики: изобретение, украшение, расположение.

Новаторство Ломоносова проявилось в целом ряде глав. Так, он включил в изобретение раздел «О возбуждении страстей», где показал, как рождаются с помощью речи чувства слушателей. Остроумно пишет Ломоносов о том, что «мало есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности». Доводов же иногда недостаточно, чтобы привлечь иного слушателя на свою сторону.

Чтобы с успехом приводить в действие силу красноречия, надо знать нравы человеческие, то есть Ломоносов предлагает понять, как и от чего рождается всякое чувство («страсть») в слушателях. Последовательно описывает он основные эмоции, которые создаются речью: радость и горечь, любовь и ненависть, страх и смелость, гнев и милость, честь и стыд, чувство соревнования и зависть.

Вот что пишет Ломоносов о любви (насколько верно, решите сами): «Любовь есть склонность к другому кому, чтобы из его благополучия иметь услаждение. Сия страсть по справедливости может назваться мать других страстей, ибо часто для любви веселимся, уповаем, боимся, негодуем, жалеем, стыдимся, раскаиваемся и прочее. Любовь сильна как молния, но без грома проникает, и самые сильные ее удары приятны. Когда ритор сию страсть в послушателях возбудит, то уже он в прочем над ними торжествовать может».

«Сила ума и дар слова» (расцвет русской риторики в первой половине XIX века)

Кончается век Екатерины, уходит с исторической сцены Павел I, и с воцарением Александра Благословенного начинаются государственные реформы. Вместо коллегий в России появляются министерства (в том числе министерство народного просвещения), меняется и образование. В Московском университете появляется кафедра красноречия и стихотворства. С 1809 года ее возглавлял профессор Алексей Федорович Мерзляков. Замечательно его определение риторики и красноречия: «Если риторика подает *правила* к последовательному и точному изложению мыслей, к изящному и пленительному расположению частей речи», то красноречие есть «*способность* выражать свои мысли и чувствования на письме или на словах правильно, ясно и сообразно с целию говорящего или пишущего».

Под именем красноречия древние понимали «*искусство* оратора», а под именем риторики – «*правила*, служащие к образованию ораторов». Воздействие словом, по мысли Мерзлякова, простирается на все человеческое существо. Вот почему риторика не ограничивается убеждениями и доказательствами, это – «наука научать наш разум и занимать воображение, трогать сердце и действовать на волю». Значит, цель всякого писателя или оратора выражается глаголами: «научать, занимать, трогать, доказывать».

Одним из первых Мерзляков разработал вопросы частной риторики, где показываются роды и виды сочинений, которых касаются риторические наставления. Виды словесности, в которых должен быть искусен ритор, суть следующие: 1) письма; 2) разговоры, или диалоги; 3) рассуждения, или учебные книги; 4) история – истинная или вымышленная; 5) речи. Речи ораторские разделялись на пять видов:

- *духовные*, в которых предлагаются истины и обязанности религии;
- *политические*, в которых оратор рассуждает о выгодах и потребностях общественной жизни;
- *судебные*, где защищается невинно притесненный или обличается преступник;
- *похвальные*, заключающие похвалу заслуг умерших или живущих знаменитых особ;
- *академические*, касающиеся до ученых предметов, их приходы или наук.

Другим замечательным педагогом-ритором был Николай Федорович Кошанский (1784–1831), первый учитель словесности и

риторики в Царскосельском лицее. В 1811 году лекцией молодого профессора «О преимуществах русского слога» открылись занятия в лицее. Кошанский всячески поощрял словесное творчество юных лицеистов; он предлагал им писать сочинения и стихи, а затем придирчиво и строго разбирал творения начинающих писателей. Не исключено, что замечания его были настолько требовательны и колки, что это ранило болезненное самолюбие юного Пушкина. В рукописном стихотворении, обращенном к Кошанскому, Пушкин писал: «Не нужны мне твои уроки, я знаю сам свои пороки...»

То, что остроумная требовательная критика Н.Ф. Кошанского доходила до сердец лицеистов, станет ясно по их поздним воспоминаниям и публикациям сочинений лицеистов с замечаниями учителя Кошанского. Вот, например, он остроумно замечает одному из лучших поэтов-лицеистов, описывающему колодцы: «Колодцы ваши хороши, но из них никак нельзя напиться...»

Закончив преподавание в Лицее, Кошанский в конце карьеры совершил главное дело своей жизни: написал «Общую ретику» в 1829 году и «Частную ретику», которая была издана уже посмертно в 1832 году. Учебники переиздавались до 1849 года десять раз, а количество переизданий всегда говорит о качестве и авторитетности учебника.

Обратим внимание на то, как Кошанский предлагает учиться писательству и ораторству. Побуждая лицеистов к занятиям словесностью, он называл три средства к достижению целей риторики:

1) чтение образцов, так как у хороших ораторов надо замечать «лучшие слова, идеи, выражения, приятные мысли... каков план, расположение всех частей описаний и рассуждений», наконец, надо видеть достоинства стиля: что хорошо, изрядно, прекрасно; почему благородно, велико, высоко; почему ново, необыкновенно, оригинально и т.д.;

2) размышление, потому что размышляя над чужим прочитанным, мы учимся прибавлять свое и, идя «знакомым путем», учимся находить свое оригинальное;

3) собственные упражнения – ведь «кто не упражнялся постоянно, тот всегда будет нетверд в слоге; можно знать лучшим образом правила и не уметь написать десять строк связно...».

Итак, чтобы стать хорошим писателем, оратором, поэтом, нужны «собственные опыты», а эти опыты «согреваются участием друга-наставника, который всегда говорит прежде, что хорошо и почему, а после показывает то, что должно быть иначе и каким образом».

Таков был метод Кошанского, учителя Пушкина и его друзей. Можно представить, как говорил учитель Царскосельского лицея вдохновляя своих учеников на поэтические труды: «Уныние от неудачи есть малодушие. Должно вооружиться терпением, твердостью, постоянством... Должно любить труд, любить занятия. Где нет любви, там нет успеха».

К середине XIX века в русской науке сложилось парадоксальное положение: с одной стороны, риторика достигла расцвета и развития, с другой, риторика и стиль, в котором писались учебники, критиковался со стороны «передовых», демократически настроенных ученых и журналистов. Так, риторика Кошанского, как и «все риторики вообще», назывались Белинским «пошлыми и вульгарными».

И этому можно найти объяснение: общество ждало нового стиля мысли и слова. «Неистовый Виссарион» и подобные критики стремились отвести главное место в словесности художественной литературе, описывавшей реальную жизнь в творениях писателей натуральной школы. Главным видом словесного творчества провозглашалась поэзия: лирика, драмы, романы и повести. Философская и деловая проза, ораторское искусство начинали считаться второстепенными, не столь важными видами речи.

Словесность и риторика во второй половине XIX века: правила хорошего тона – словесное образование

Середина XIX века отмечена серьезными преобразованиями в жизни России. Готовилась отмена крепостного права, введение суда присяжных, на престоле с 1855 года воцарился 27-летний Александр Освободитель. Вместе с государственными преобразованиями серьезные изменения происходили в сфере преподавания языка и литературы.

Риторика была выведена из состава школьного преподавания и заменена курсом словесности. Что же изучал школьник-гимназист во второй половине XIX века? В лучших лицеях России того времени изучались русский язык и словесность, древние классические языки (греческий и латинский), обязательными из «новых» языков считались французский, немецкий и для желающих – английский.

Риторические знания под другим именем стали входить в курсы словесности и стилистики. Так, никто не отменял изучение логики – и лицеистам давались сведения о том, что такое понятие, суждение, умозаключение. Правила построения речи были сосредоточены в разделах о том, что такое описание – повествование –

рассуждение. Продолжалось изучение тропов и фигур. Современные знания в наших учебниках языка и литературы восходят, конечно, к середине XIX века.

Хорошее словесное образование состояло в том, что ученик много читал, знал наизусть много текстов, постоянно анализировал и разбирал лучших образцовых писателей. Кроме того, надо было много писать (а в хорошей школе всегда много пишут по всем предметам): писание формировало хороший стиль, манеру, умение и создать серьезное деловое письмо, и написать (произнести) легкую поздравительную речь. Конечно, речевое воспитание человек получал уже в семье – по некоторым книгам мы можем судить о том, как происходило такое воспитание. В книге «Правила светской жизни и этикета. Хороший тон» 1889 года излагались советы к ведению повседневной разговорной речи. Вот некоторые правила разговора для поведения в свете:

«Тон хорошего разговора должен быть плавным и естественным, но никак не педантичным и игривым; нужно быть ученым, но не педантом, веселым, не производя шума, вежливым без утрировки, забавным без плоских и пошлых двусмысленностей». Как видим, авторы прежде всего требуют, что надо говорить кстати, т.е. уместно. Изложить все советы в нашей книге невозможно, но, перечитывая их сегодня, видишь, как они злободневны даже для человека XXI века:

«...Избегать слишком большого количества слов, объяснений, отступлений от предмета; все это неприятно и выводит из терпения слушателя;

говорить просто и никогда не горячиться, начинать говорить не иначе, как в свою очередь и стараться не перебивать говорящих;

никогда не завладевать самому всем разговором каждый раз, как является новый предмет разговора».

Вторая половина века отмечена расцветом судебного красноречия. Введение суда присяжных – лиц, избираемых из народа для присутствия в суде и окончательного вынесения решения, – привело к тому, что прокурор-обвинитель и адвокат стали говорить для публики. Они вынуждены были готовить и произносить яркие речи с целью убедить всех участников суда в своем мнении. Возникла блестящая плеяда судебных ораторов: А.Ф. Кони, Пороховщиков (Сергеич) и другие.

Многие судебные дела «гремели» на всю Россию и становились предметом всеобщего обсуждения. Образ судебного деятеля – защитника определенной нравственной и идеологической позиции – находился в центре внимания общественности.

Подчас общество раскалывалось в обсуждении отношения к

тому или иному делу. Так было, например, при обвинении банкира в истязании его малолетней падчерицы. Блестящий адвокат Спасович сумел так представить дело, что избиение и истязание девочки выглядели не больше не меньше как родительское наказание за шалости, которые допускал ребенок. Достоевский писал в своем дневнике о той силе, которой обладал искусный адвокат, манипулируя сознанием слушателей.

Всякое новое общественное устройство предполагает новые формы общения. Так, с возникновением Государственной думы в 1902 году, Россия всколыхнулась от политических дискуссий и полемики. Начало развиваться политическое красноречие. В Думе блистал ряд замечательных ораторов, бывших лидерами в проведении государственной политики России. Одним из таких лидеров был Петр Столыпин. Будучи преобразователем России, он неоднократно выступал с речами в Государственной Думе.

Особое развитие получило в конце XIX века русской духовное красноречие. Проповеди святителя Иоанна Кронштадтского собирали тысячи людей. Их сила состояла в искренней вере оратора, а искренняя вера и любовь к Богу воплощались в слова, которыми возжигались верования в сердцах людей. Благодатная сила проповедника Слова Божия видна в речевом портрете любимого всеми проповедника:

«Лицо его ясное и открытое, приятно и сердечно улыбающееся, благодушно-мирное, благодатное лицо. Светлые, доверчивые, ласковые глаза, твердая и уверенная речь привлекли всеобщее внимание. Это самый покойный, ровный, жизнерадостный, смиренный и предупредительный служитель Христов... Речь отца Иоанна не блистает сравнениями и риторическими украшениями. Простая, искренняя, но настолько сильная верой и убеждением, что к нему вполне приложимы слова апостола Павла: “Проповедь моя не в препирательных человеческой мудрости словесах, но в явлении духа и силы”».

Говоря о своем служении Богу и людям, отец Иоанн признавался: «Я стараюсь быть искренним пастором не только на словах, но и на деле, – в жизни». Искренняя вера и любовь к Богу, готовность служить людям творили чудеса. А сам Иоанн Кронштадтский говорил о своем пастырском служении: «Ничто так не одушевляет человека в каком-угодно деле, как сознание *общения, общности* в дружной работе».

Задумайтесь: есть ли такое теплое общение в вашем коллективе? Есть ли чувство и сознание общности среди тех людей, с кем вы вместе живете и работаете? Если нет, то как и чем поправить дело?

Несмотря на развитие судебного и политического красноречия, общее состояние риторики как науки об общественной речи было в упадке. Отсутствие риторического образования в стране не позволяло руководить общественным мнением и противостоять «растлению умов», влиянию новой материалистической философии с ее модными и увлекательными идеями. Силу набирала пропаганда марксистских идей, политическая пресса была наполнена неверием, критикой и скептицизмом. Начало первой мировой войны, неудачные действия правительства и императора Николая II, отсутствие убедительного объяснения народу происходящего вокруг привели к тому, что коммунистические идеи критики царской власти, построения нового общества одержали верх.

Ораторское искусство и культура речи в советское время

Приход к власти коммунистов в октябре 1917 года во многом объясняется *риторической* победой партии большевиков, руководимой Лениным. Лидеры РСДРП были блестящими ораторами и писателями-публицистами. Основатель коммунистической партии В.И. Ленин неоднократно писал о силе и влиятельности агитации и пропаганды, которая должна выражать интересы пролетариата. Сегодня, когда идеологические ценности сместились, мы должны честно представлять как положительные, так и отрицательные стороны той идеологии и риторики, которые воцарились в России после падения царизма.

Не стоит думать, что положительные оценки творчества Ленина, Кирова, Калинина были сплошным идеологическим мифом советского времени. Наверняка многие писатели-мемуаристы искренне писали о силе и убедительности речей главы и основателя советского государства В.И. Ульянова-Ленина. Вспоминая ораторские выступления Ленина, А.А. Андреев отмечал железную логику, богатство и выразительность, эмоциональную силу и зажигательность ленинских речей: «Вся речь его – как призыв: ничего лишнего...» Интересно, что мемуаристы описывали Ленина в разных ситуациях общения, делая из него невольно образец для речевого подражания: Ленин не только выступает с трибуны, но и беседует с товарищами по партии, ведет совещания, спорит и полемизирует, преподает и ведет политические занятия, приезжает на елку к детям (где всех сразу располагает к себе), наконец, он – любящий сын и муж. Очевидно, что это был идеологический и речевой образец, на который ориентировались несколько поколений советских людей. Отмести этот «образ» – значит впасть в то

самое бескультурье, которым заразились после прихода к власти сами большевики, на словах предлагая выучивать все лучшее, что выработало человечество, а на деле забывая очень многое из философской, религиозной, нравственной культуры русского человека.

Поэтому будем объективны и вспомним, что Советская власть в 20-е годы предлагала «учить говорить весь народ». Огромное значение имела, конечно, компания по ликвидации безграмотности, поскольку научение грамоте – это, прежде всего, научение новым письменным формам языка. Но памятуя значение новых форм устной агитации, которая ведется в формах ораторских выступлений и дискуссий на местах, в первое десятилетие Советской власти пишется множество книг об ораторском искусстве, умении говорить с трибуны и убеждать массы.

Одна из лучших книг того времени – «Умение говорить публично» Алексея Васильевича Миртова, выдержавшая 3-е издание в 1927 году. Вдохновленный идеями построения нового общества, автор писал: «В новых условиях нашей жизни всякому, не ушедшему целиком в свою скорлупу, приходится время от времени быть и оратором». Под оратором Миртов понимал всякого человека, кому приходится обращаться со словом: «Убедить, разъяснить что-либо, успокоить, ободрить, призвать – вот обязанности, постоянно налагаемые на нас жизнью. Особенно это относится к лицам, занятым общественной работой: сделать доклад, отчет, отстоять свой план, проект и т.д. – это их повседневная работа».

Вы видите, как современно то, что писал этот замечательный преподаватель русского языка в 20-е годы... Это было время перестройки общественного сознания, стиля управления обществом. Поэтому звучали такие современные призывы обучаться «живому слову» – будто они написаны в начале XXI века, а не восемьдесят лет назад: «Владеть словом необходимо, разумеется, не только общественному работнику, но и дельцу, и практику, и специалисту-ученому». Только «общественного работника» сегодня в газетах назовут специалистом по связям с общественностью, а дельца – «бизнесменом». Ко всякому профессионалу будут относиться дальнейшие «риторические» слова: «Владеть речью – это не значит непременно «произносить» речи, а уметь ясно, кратко и убедительно *высказаться*. Живое слово – могучее орудие в умелых руках».

Это понятие «живое слово» было вообще чрезвычайно популярным на заре Советской власти. В 1918 году в Санкт-Петербурге был создан Институт живого слова, целью которого

было распространение риторических знаний и совершенствование народной речи.

На открытии Института живого слова нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский говорил (обратите внимание, как здесь риторика связывается с политикой): «Все формы политического творчества идут через речь. Россия заговорила, и заголосила даже, и нам необходимо, чтобы этот разговор приобрел как можно скорее четкость, чтобы возможно было больше таких людей, которые говорили бы то, что они думают, которые умели бы влиять на своего ближнего и которые умели бы парализовать вред влияния. Если это влияние демагогическое, если это злые чары, благодаря которым тот или иной ритор побивает словом ... Надо учить говорить весь народ от мала до велика».

Ученые Института живого слова предложили множество проектов и программ развития ораторского искусства. Так, Г. Виноградов писал о «народном ораторском искусстве», имея в виду живое устное слово, лежащее в «основе взаимодействия». Один из основателей советской науки о культуре речи Григорий Осипович Винокур в книге «Культура языка» призывал отойти «от мертвых схем к живому слову как орудию социального общения и воздействия».

К сожалению, большинству из этих разработок не суждено было осуществиться. После периода бурного развития ораторского искусства, который символизировал переход государства к новым формам жизни, с началом 30-х годов всякое ораторство как выражение личного свободомыслия было запрещено. Понятно, что и ученые, многие из которых попали под идеологический пресс (если не были арестованы), уже не решались писать на эти «скользкие» темы.

Последней книгой, которая говорила об ораторском искусстве, была книга Виктора Гофмана «Слово оратора» 1932 года, в которой замечательно утверждалась связь риторики и политики: «Риторические принципы – это переодетые политические принципы, а риторика – мистифицированная политика. Риторика как теория ораторской речи есть как бы суррогат политической теории, руководства политической борьбы».

Конечно, ораторское искусство не прекратило своего существования. Советский образ жизни, облик советского человека во многом объяснялся характером речи, стилем общения, передачи информации и информированности советского общества. У советского человека были вполне определенные идеалы, которые требовалось отстаивать в информационно-психологической войне с Западом.

Но именно риторически советский человек чувствовал слабину в этом противостоянии, так как идеология навязывалась сверху, не входила в плоть и кровь каждого человека. Слишком много было формальных речей (на различных партийных и профсоюзных собраниях), и произносились эти речи «по бумажке» безынициативно и незаинтересованно. Люди чувствовали неискренность говорящего, и рождался внутренний протест против такого стиля общения.

Чтобы понять, что такое советская послевоенная риторика, надо оценить весь комплекс выступлений, речей, текстов, составлявших политическую и деловую жизнь СССР. Теоретически риторика отсутствовала, но это не значит, что правилами общественной речи не занимались практически. Вполне справедливо можно говорить о том, что жизнью трудового коллектива руководили администрация, партийный комитет, профсоюзы и комсомол. В настоящее время такое руководство осуществляет только администрация – в этом смысл «капиталистических» реформ. Какой тип руководства более «единоначален» и какой более демократичен? Понятно, что больше власти и бесконтрольности как раз при капитализме.

Впрочем, теоретически, конечно, советская наука не стояла на месте. Именно в Советском Союзе родилась такая новая дисциплина как *культура речи* – учение о нормах речевого общения в разных областях лингвистического знания: фонетике, лексике, синтаксисе. Много внимания уделялось развитию литературного языка, практической стилистике как умелому употреблению слов и выражений в речи.

Тем не менее, именно отставание в области информационных технологий, искусственное сдерживание в распространении информации, неумение вести идеологические дискуссии и отстаивать свои взгляды ставило Советский Союз в положение обороняющихся. В конце концов психологическая война с Западом оказалась проигранной, хотя мы чувствуем за своей спиной многовековой опыт русской философской и речевой культуры.

Демократическая перестройка, начатая в 1985 году реформами М.С. Горбачева, внесла элементы нового стиля мысли и речи. Подобно самому вдохновителю перестройки, вдруг все заговорили без бумажки, стиль общения стал демократически свободным, а это имело и свои плюсы, и свои минусы. Плюсы в том, что люди начали свободно высказывать собственное мнение, минусы – в том, что всякое свободное суждение должно быть осмысленным и ответственным.

Отсутствие серьезной и продуманной программы переустрой-

ства России порождало не только безответственные поступки, но и демократически сниженный стиль общения, который выразился в вульгарной и грубой «свободе» речи. Такими стали, например, передачи многих молодежных радиостанций. Их стиль состоит в готовности говорить все что угодно, без «цензуры». А цензура для каждого из нас – внутренний вкус, понимание того, что существуют понятия истины и красоты, которые можно выразить словами.

Десятилетие 90-х годов стало десятилетием перехода к новому образу жизни. Изменилась идеология общества, экономика начала работать по рыночным законам, меняется и образование. В такие перестроечные периоды в школах меняется содержание предметов обучения, появляются новые дисциплины. Меняется и стиль общения в самих школах: вы чувствуете вместе с вашими родителями, что страна начинает жить по-новому. Но при всем изменении нашей психологии, нашего мироощущения мы остаемся теми же русскими людьми, несущими в себе память предков, их мысли и слова.

Мы живем в напряженную эпоху развития мировой цивилизации, которая связана прежде всего с новыми информационными технологиями. А это – напряженная жизнь языка, интенсивное общение. Развитие нашего языка теперь невозможно без компьютера, Интернета, многоканального телевидения, мобильных телефонов и т.д. Задумаемся: как сделать нашу жизнь в таких условиях духовно богатой и удобной? Ведь никуда не исчезли и не исчезнут прежние формы общения: мы так же будем общаться в семьях, с друзьями и знакомыми, по-прежнему требуется умение писать (хочешь – ручкой, хочешь – на компьютере). Нельзя представить будущее без книги – сокровищницы всех знаний.

Обратим внимание: люди стали меньше читать, они все больше времени проводят у телевизора, основная информация многими добывается из Интернета. Не обедняет ли себя современный человек, если он стал меньше общаться с книгой? Ведь именно книга учит думать, возвращаться к прочитанному, переосмысливать его и приходиться к собственному мнению.

Новая современная риторика должна научить людей пользоваться всеми видами слова. Пусть они поймут значение языка для организации всей жизни, работы, учебы, построения взаимоотношения друг с другом.

Выводы. Периодизация истории русской риторики

Из сказанного выводятся две закономерности:

1) потребность в создании новых риторик всегда приходится на время ломки и перестройки общественного сознания, формирования нового стиля жизни;

2) каждый период охватывает время примерно в 60 лет (от 50 до 70). Это – срок человеческой жизни, достаточный для того, чтобы общество созрело к очередным стилевым переменам. Каждый риторико-стилистический период включает в себя время самой перестройки (написания учебников), утверждения этого стиля мысли и жизни, превращения его из новаторского в консервативный, критики и, наконец, нового революционного изменения.

Периодизацию истории русской риторики можно представить в следующем виде:

1) 1620–1690/95 годы – *допетровский* период, когда наиболее популярной была первая русская «Риторика» 1620 года, изучавшаяся вместе с другими «свободными мудростями»: грамматикой и диалектикой;

2) 1690–1745/50 годы – *петровский* период, когда утвердились руководства, написанные в раннее петровское время (С. Лихуд, М. Усачев и др.);

3) 1745/50–1790/1800 гг. *ломоносовский* период с господством руководств великого ученого, стиля русского классицизма;

4) 1800–1850/60 годы – *расцвет* русской ученой риторики, когда главными считались руководства А.Ф. Мерзлякова, Н.Ф. Кошанского и риторика понималась как учение о мысли и слове, построении прозаической речи;

5) 1850/60–1917/20 гг. – период *художественной словесности* с критикой риторики и выведением ее из состава преподавания. В гимназиях преподаются теперь русский язык и словесность, понимаемая как художественная литература;

6) 1917/20–1985/90 гг. – *советский* период с господством коммунистической идеологии, агитации и пропаганды. Он начат с огромным интересом к теории и практике ораторского искусства в 20-е годы, а закончен как раз критикой советского стиля речи. Перестройка породила риторическую борьбу и яркие фигуры новых ораторов. Каждый современный оратор-политик идет к вершинам своей политической карьеры через убеждающее и влиятельное слово.

7) С 1990 г. – начало нового стиля жизни, который связан с новым информационным обществом (радио, телевидение, компьютер, Интернет). Благополучие общества и личности будет не в

последнюю очередь зависеть от того, как современный русский человек научиться пользоваться всеми видами слова. Слово же может творить либо добро, либо зло. Но злом история не кончается. В мире море зла, а добра – океан (архимандрит Рафаил Каверин).

ЗАДАЧИ ОСВОЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ «КРАТКОГО РУКОВОДСТВА К КРАСНОРЕЧИЮ» М.В. ЛОМОНОСОВА¹

Подобная постановка проблемы может показаться странной: разве не изучено досконально одно из самых выдающихся произведений великого ученого-энциклопедиста? Разве есть что-либо не-«освоенное» для современного филолога в ломоносовском наследии? На взгляд автора, есть – и очень многое, причем не только потому, что «наука вечна», а вследствие конкретных недоработок как сегодняшних филологов, так и наших предшественников, пусть добросовестно и плодотворно трудившихся.

Этих задач три – назовем их по областям исследования: 1) **филологическая**, 2) **риторическая**, 3) **текстологическая**. Каждая имеет научно-теоретическую и учебно-педагогическую стороны.

1. **Филологическая** задача связана с тем, что при отсутствии в нашей науке истории русской филологии (не истории языкознания, а именно филологии, т. е. «словесных наук» – по М.В. Ломоносову, или словесности как аналога филологии в первой половине XIX века) точное представление о составе научных дисциплин до сих пор не выстроено в истории нашей науки, а вследствие этого не введено и в практику преподавания на филологических факультетах. Дело в том, что М.В. Ломоносов оказался подлинным новатором, выстраивая систему «словесных наук» и искусств, и эта система существенно развивала (в рамках традиции!) прежнюю теорию «свободных наук (мудростей, хитростей, художеств)», а после ее создания была понятна всем педагогам и филологам-словесникам вплоть до середины XIX века, хотя и

¹ Статья представляет собой доклад, прочитанный на Первых чтениях филологического факультета Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина «М.В. Ломоносов и современная филология» 21 марта 2008 года.

анонимно критиковалась некоторыми «новаторами», которых всегда хватало.

До М.В. Ломоносова существовала система «семи свободных наук», впервые описанная в «Сказании о семи свободных мудростех», по нашему уверенному предположению, созданному в конце первого десятилетия XVII века. Три из этих наук были филологическими (грамматика, риторика, диалектика), а сами сочинения («Грамматика» Мелетия Смотрицкого, первая русская «Риторика» 1620 года, «Диалектика» Иоанна Дамаскина) являлись наиболее популярными (если не единственными) «четырьмя» книгами по филологии вплоть до петровских преобразований. Наверняка и М.В. Ломоносов был знаком с ними.

Петровские преобразования, начатые в 90-е годы, внесли существенные изменения и в «словесное» образование. Однако они касались не систематики наук, а скорее содержания и стиля научных сочинений. Так, в шести наиболее популярных риториках петровского времени предлагался (в каждой со своей стороны!) новый стиль общественной речи в разных сферах общения. М.В. Ломоносов несомненно знал эти сочинения – знакомство с одной из этих риторик, приписанной ныне Михаилу Усачеву, было доказано еще академиком М.И. Сухомлиновым [Сухомлинов 1895: 33–40], а нами в соответствующей работе была исследована связь ломоносовского текста также с первой русской «Риторикой» 1620 г. и «Книгой всекраснаго златословия» Козмы Афоноверского 1710 г. [Аннушкин 1999: 32–43].

История текста ломоносовского руководства показывает, как постепенно создавались основы новой русской филологической терминологии. Прежде всего, М.В. Ломоносов первым ввел само понятие «словесные науки», указав в названии к «Краткому руководству к красноречию» (1748), что оно сочинено «в пользу любящих словесные науки» [Ломоносов 1952: 89]. До М.В. Ломоносова терминологическое сочетание «словесные науки» не встречается, хотя небезынтересен не только состав «наук», но и история слова «наука». В «Сказании о семи свободных мудростех», написанном до 1620 года, основным именованием науки служило слово «мудрость», но уже «первая мудрость Грамматика» называла себя в самопредставлении «честной наукой» [Николай Спафарий 1978: 141]. В расширенной переделке «Сказания» Николаем Спафарием основное слово для обозначения науки уже другое – «художество», а само сочинение называется «Сказание о девяти мусах и о семи свободных художествах» (1672 год). О риторике же сказано: «Риторика есть художество, яже учит слово украшати и увещевати» [Николай Спафарий 1978: 31]. Ср.

также у Мелетия Смотрицкого: «Что есть грамматика? Есть известное *художество* благоглаголати и писати учащее» [Мелетий Смотрицкий 1979: л. 4].

Итак, в обозначении самого понятия *наука* конкурировали слова *мудрость*, *художество*, *учение*, *наука*. В первой русской «Риторике» 1620 г. как раз отсутствуют два первых слова, но неизвестный автор-переводчик постоянно пользуется и в переводе, и в собственных добавлениях именно словом «наука»: «Сию же *науку* сладкогласием или краснословием нарицает, понеже красовито и удобно глаголати и писати научает... паки же латинстии мудрецы риторикку сию *науку* нарекли... Та же *наука* от Димоньтена, сииречь хитроречиваго, и от Маркуса Талиуша Кикерона... И того ради сию *науку* никто от философ не преминовал...» (цит. по: [Аннушкин 1999: 21]).

Как показали исследования риторических источников творчества М.В. Ломоносова, основатель русской науки знал не только первую «Риторику» 1620 года, но из риторик петровского времени – прежде всего «Риторику» Михаила Усачева 1699 г., к тексту которого восходят основные определения риторики и способов приобретения красноречия М.В. Ломоносова [Аннушкин 1999: 32–43]. Именно у Усачева «риторика есть *наука* добре, красно и о всяких вещех прилично глаголати» – ср. у других авторов того же времени: «риторика есть *художество* добре глаголати» (Стефан Яворский); «*хитрость* добре глаголати» (старообрядческая «Риторика в 5 беседах») [Аннушкин 1999: 74, 95, 119].

Таким образом, не исключено, что именно благодаря отдаленному влиянию первой русской «Риторике» и ближайшему влиянию «Риторике» Михаила Усачева слово «наука» утвердилось в терминологии М.В. Ломоносова.

Подлинная новация М.В. Ломоносова состояла в утверждении в русской науке и литературном языке слова *красноречие*. До В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова оно употреблялось редко – гораздо чаще встречаются краснословие и красноглаголание (по нашим данным, впервые *красноречие* встречается у протопопа Аввакума в начале «Жития»: «Не обык речь красити, понеже не словес красных Бог слушает... того ради и я не брегу о красноречии»). Если у В.К. Тредиаковского может встретиться лишь «премудрость красноречия», то именно М.В. Ломоносов придал этому слову ясный терминологический смысл.

Настойчивое размышление М.В. Ломоносова над сущностью новой терминологии словесных наук проявилось уже в редактировании названий руководств: 1744 г. – «Краткое руководство к *риторике* на пользу любителей *сладкоречия*» (выделено нами – В.А.);

1748 г. – «Краткое руководство к *красноречию*. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила *обоего красноречия*, то есть *оратории* и *поэзии*, сочиненная в пользу любящих *словесные науки*» [Ломоносов 1952: 19, 89].

Выбор подходящего слова из бесконечного ряда существовавших синонимов: *благоречие*, *добрословие*, *хитроязычие*, *сладкоречие* и т.д. (их насчитывается не менее двадцати) происходит именно здесь. Ломоносов останавливается на слове «красноречие» и сознательно редактирует во 2-м варианте определения § 1: 1744 г. – «*Риторика есть наука...*»; 1748 г. – «*Красноречие есть искусство...*» [Ломоносов 1952: 23, 91]. Факт ясного отделения *риторики* от *красноречия* будет проявлен и в повторном именовании 1-й книги: «Краткого руководства к *красноречию* Книга 1, содержащая *риторику*. § 1. Имя сея науки происходит...».

Итак, современные ученые могут не ломать копыя в спорах о понимании этих терминов, если только не хотят существенно обновить их содержание, но ломоносовская трактовка будет устойчиво поддержана всеми учеными-филологами вплоть до середины XIX века (М.М. Сперанский, А.Ф. Мерзляков, Н.Ф. Кошанский): *риторика* – это «наука», «учение», «правила», *красноречие* – «искусство», способность, умение «говорить и писать», но также и состав текстов словесности, если употребить взятый впоследствии термин.

Уточним теперь терминологию ломоносовских «словесных наук». Термин *красноречие* имел отношение к трем запланированным книгам и соответственно «наукам»: *Риторике* («учению о красноречии вообще»), *Оратории* (учению о прозе) и *Поэзии* (учению о стихотворстве). *Красноречие* в самом общем смысле, если такое сравнение корректно, составит в будущем искусство словесности (вот почему «труды в словесных науках», как верно замечено в Приложении к т. 7 ПСС, «включают также литературную практику» [Ломоносов 1952: 890]). *Риторика* – «учение о красноречии вообще» – будет соответствовать общей риторике (где будут рассмотрены «правила» и для прозы, и для поэзии – ср. ломоносовские стихотворные примеры в руководстве). *Оратория* составит в будущем раздел частной риторики как учения о разных видах прозы, а *Поэзия* – будет соответствовать поэтике.

М.В. Ломоносов осуществил лишь первую часть своего замысла – он создал Риторику, но Оратория и Поэзия остались ненаписанными. Не исключено, что именно этот факт привел к тому, что в «Красноречии» М.В. Ломоносова стали искать, в основном, материал для обоснования художественно-литературного творчества, игнорируя факт отношения оратории (частной риторики).

рики) к разным видам словесности (политической, деловой, судебной, педагогической, церковной, военной и т.д.). Кстати, замысел написать Ораторию как учение о прозе осуществил спустя тридцать лет Амвросий Серебренников, член Российской Академии, который опубликовал «Краткое руководство к Оратории Российской» в 1778 году (см. подр.: [Аннушкин 2002: 178–196]). В нем автор прямо ссылается на Ломоносова как на своего предшественника, и это был первый учебник риторики на русском языке, написанный после М.В. Ломоносова. Последующие авторы, хотя и писали об ораторстве и разных видах ораторских речей, термин «оратория» уже не использовали (ср.: Н.Ф. Кошанский, учитель российской и латинской словесности в Царскосельском лицее, переводит «ars oratoria» как «ораторство, витийство», дав этим понятиям полное и глубокое обоснование (см. подр.: [Аннушкин 2002: 198–319])).

2. **Риторическая** задача освоения ломоносовской «Риторики» состоит, на наш взгляд, в корректном осмыслении содержания риторического (а не иного!) учения в соответствии с замыслом создателя текста. Поскольку слово «риторика» было скопроментировано в последующей критике революционеров-демократов и авторитетных филологов, большинство академических трудов и комментариев к «Риторике» обычно избегают (сознательно или нет) всякого упоминания «риторики», заменяя данный термин то «логикой», то «стилистикой», то «наукой о художественной литературе».

Вот несколько выразительных примеров, взятых почти наугад.

Седьмой том ПСС, подготовленный к печати Г.П. Блоком в сотрудничестве с В.Н. Макеевой при привлечении авторитетных консультантов, несомненно, представляет собой фундаментальное филолого-текстологическое исследование. Однако вот как смещаются смыслы именовании самих филологических наук (курсив далее наш – В.А.): «Не сохранилось никаких прямых документальных данных о том, что именно побудило Ломоносова приступить к составлению настоящего, первого варианта *Риторики* и как протекала работа над ним. Известно лишь, что вопросы *стилистики* привлекали к себе уже с давних пор особенное внимание Ломоносова и что его учебная подготовка в этой области была весьма основательна, а начитанность очень широка... Уже в те годы Ломоносов упорно размышлял над вопросами *стилистики*» и т.д. [Ломоносов 1952: 790]. Очевидно, что происходит сдвиг понятий и авторы начинают говорить не о *риторике*, которую написал Ломоносов, а о *стилистике*, которая оформилась как наука лишь в середине XIX века после критики риторики. Подоб-

ный сдвиг очевиден и в трудах В.П. Вомперского, который, начиная с «Риторики» 1620 г., делает акцент на вопросах стилистики, хотя очевидно, что стилистические проблемы, уложенные в теорию «украшения речи» (всегда одна из трех частей!), являются для Ломоносова лишь составной частью риторики.

О содержании научного предмета во втором основном варианте сказано следующее: «Ломоносов заявляет себя страстным ревнителем идейности в *литературе* и горячо восстает против искусства для искусства» [Ломоносов 1952: 812]. Конечно, современный читатель осведомлен об идеологической цензуре, навверняка тяготевшей над составителями тома в 1952 году (комментарии начаты со ссылки на «переворот, совершенный в науке о языке трудом Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»), но нам важен и сегодняшний эффект от прочтения данного авторитетного текста, где, в сущности, не анализируется предмет риторики как науки, обозначенный достаточно ясно и решительно М.В. Ломоносовым. Термин «литература» отсутствует в тексте Ломоносова. Между тем, и в более поздних трудах имеются толкования ломоносовской Риторике как «науки о художественной прозе».

Риторика Ломоносова обычно оценивается не с риторической, а с современной языковедческой позиции – ср. в том же Предисловии 1952 г.: «Риторика Ломоносова была крупным шагом вперед в деле разработки русского синтаксиса» [Ломоносов 1952: 812]. Это так, но вопросы синтаксиса вошли лишь в третью заключительную часть печатного варианта, где разработана классификация фигур речи.

Характерна оценка замечательного русиста-педагога М.Т. Баранова, приводящего мнение литературоведа А.В. Западова, который полагал, что «первая часть “Риторике” М.В. Ломоносова несла читателю важнейшие элементы *логики* как научной дисциплины» [Западов 1961: 234], сам же М.Т. Баранов пишет о том, что «“Риторика” М.В. Ломоносова – это научная *стилистика* XVIII века» [Баранов 1999: 52]. Однако в первой части «Краткого руководства к красноречию» великий ученый подробно объясняет именно риторические способы «изобретения мыслей», где «общие места» являются способами создания содержания речи. Это предмет именно рациональной риторики, который был впервые описан в «Риторике» Аристотеля и «Топике» Цицерона, первых русских риториках, а после М.В. Ломоносова развит в риториках И.С. Рижского, А.С. Никольского, Я.В. Толмачева и доведен до совершенства в «Общей риторике» Н.Ф. Кошанского.

Значение этой части ломоносовского учения – теории изобретения идей – представляется особенно важным для сегодняшней

теории и практики обучения эффективной и целесообразной речи, ибо современный россиянин (школьник, студент, профессионал-речевик) затрудняется, как правило, именно в нахождении аргументов и содержания речи, а смысловые модели, или общие места, как раз предлагают педагогически ясный путь к решению проблемы.

Итак, требуется объективный и полновесный анализ риторического учения М.В. Ломоносова без накладывания на авторские построения схемы современного знания. Тогда риторика М.В. Ломоносова предстанет во всем ее сложном величии, красоте и пользе.

3. Текстологическая задача в отношении «Краткого руководства к красноречию» состоит в том, чтобы на основе всех предыдущих исследований и имеющихся публикаций создать объективную и полную историю текста этого выдающегося памятника русской филологической мысли. Публикация текста в ПСС выполнена в высшей степени квалифицированно, включив в себя все имеющиеся редакции и источниковедческие ссылки на все примеры, приведенные Ломоносовым. Однако публикаторами текста почти не отражена связь его руководств с предшествующими учебниками (российскими и иностранными). В примечаниях к риторическим руководствам, опубликованным в ПСС [Ломоносов 1952: 790–800, 805–839], говорится об отсутствии «прямых документальных данных о том, что побудило Ломоносова приступить к составлению ... первого варианта Риторики и как протекала работа над ним» [Ломоносов 1952: 199, 790]. Тем не менее, за два с половиной столетия высказано достаточно много предположений относительно прямых или косвенных предшественников ломоносовского творчества. Эти источники классифицируются следующим образом: 1) русские источники образованности молодого Ломоносова (см., в частности, труды Г.Н. Моисеевой: [Моисеева 1971; Моисеева 1963]); 2) источники, которые Ломоносов изучал в период получения высшего образования в Славяно-Греко-Латинской академии и на Украине; 3) иностранные источники, ставшие известными Ломоносову в зарубежной поездке в 1736–39 годах.

Симптоматично восприятие Ломоносовского труда митрополитом Евгением Болховитиновым, который первым указал на источники и пособия, использовавшиеся Ломоносовым: «собрана» из тех книг, по которым преподавалась, а «наипаче из латинской Каусиновой большой и Помеевой Риторики» (цит. по: [Ломоносов 1895]). Академик Н.С. Тихонравов указал на перевод целых отрывков из Готшеда, особенно в главе о возбуждении страстей, на-

зывая М.В. Ломоносова подобным Готшеду, «воспитанному философиию Вольфа с его строго последовательною математическою методою...» [Тихонравов 1865].

Рассмотрение параграфа за параграфом сочинения Ломоносова находим у А.С. Будиловича. Выводы А.С. Будиловича: «...Сравнительно наиболее оригинальную часть должно бы назвать главу “о изобретении витиеватых речей”, следующую за ней главу “о вымыслах”, главы “о расположении по хрии, силлогизму и разговору” и “о расположении описаний и периодов”. Напротив того, всего менее оригинальными должно считать главы о тропах и фигурах. Несомненно, нужно приписать Ломоносову много частных заметок, которыми он сопровождал правила и целые главы, выражая где-нибудь в заключении свой скептический взгляд на практическое значение этих же правил или повторяя настойчивые убеждения не доверяться теории, а больше учиться из опыта, не насиловать мысли механическою формальностию изложения и не увлекаться пристрастием к риторической фигуральности и игрушкам... Что касается переводов, то они всегда у Ломоносова необыкновенно точные и близки к подлиннику, так что у него всегда можно отличить перевод прямо с подлинника и перевод с чужого перевода. В выборе примеров Ломоносов предпочитал места из древних и новых классиков и отцов церкви образцам, нарочно сочиненным риториками...» [Будилович 1869: 103–112, 36].

В новом академическом издании 1952 г. вопросы «перевода» М.В. Ломоносовым тех или иных участков текста почти не ставятся (или стыдливо умалчиваются), имеются лишь скрытые и глухие ссылки на Риторика Коссена и Помея, которые мало представляют читателю материала для понимания того, как рождалась ломоносовская мысль, а приведенное выше суждение об отсутствии «документальных данных ... о том, как протекала работа» Ломоносова, может даже, в известной мере, ввести в заблуждение. Поэтому суждения современников и последующих объективных исследователей ломоносовского творчества для нас чрезвычайно ценны.

В некотором смысле вершиной источниковедческого изучения Ломоносовского труда явилось дореволюционное академическое издание 1895 г., где М.И. Сухомлиновым выполнены текстовые сопоставления ломоносовского текста с зарубежными и русскими источниками. Комментарий М.И. Сухомлинова построен на сопоставлении пространственных отрезков текстов различных авторов, которые казались близкими ломоносовским руководствам. Из ссылок М.И. Сухомлинского ясно выделяются пять теоретических предшественников Ломоносова. Это:

1) Рукопись Публичной библиотеки, № 1663. Как выясняется, этот текст является одним из списков Риторики, авторизованной в XX веке Михаилом Усачеву. В новом академическом издании 1952 г. ссылки на эту Риторику отсутствуют вовсе.

2) Латинская Риторика Порфирия Крайского, учителя риторики в Славяно-Греко-Латинской академии, чей курс 1733/34 гг. записан рукой М.В. Ломоносова в рукописи РГБ, ф.183 Муз. (Зап.-европ.), № 279. Риторика П. Крайского подробно описана Г. Воскресенским [Воскресенский 1891: 68].

3) Латинская Риторика Никола Коссена (Николая Каусина, 1580?–1651) «De eloquentia sacra et humana (О красноречии священном и светском)». Ломоносов просил своего товарища Виноградова в письме из Марбурга 18 апреля 1741 г. прислать ему Риторику Коссена.

4) Латинская Риторика французского иезуита Франсуа Антуана Помея «Candidatus Rhetoricae» («Кандидат риторики») 1650 г., впоследствии неоднократно переиздававшаяся. Ломоносов пользовался изданием «Novus Candidatus Rhetoricae» 1681 г.

5) Латинская Риторика немецкого ученого, основателя так называемой Лейпцигской школы Иоганна Кристофа Готшеда (1700–1766), выписки из сочинения которого делались Ломоносовым (опубликованы М.И. Сухомлиновым, см. подр.: [Ломоносов 1895: 33–40]).

М.И. Сухомлинов указывает по параграфам (!) многочисленные «сходства» с ломоносовским текстом. Остальные авторы имеют у М.И. Сухомлинова единичные ссылки: В.К. Третьяковский. Способ сложению российских стихов (параграф 4); С. Яворский (параграф 5); Христиан Вольф. Рациональная философия и логика (параграф 28); некоторые ссылки на античных авторов – Цицерона, Квинтилиана, Геродота, Вергилия.

Во вступительной статье М.И. Сухомлинов замечал, что предмет риторики был унаследован «от целого ряда поколений, дороживших преданием, восходившим ко временам классической древности. Вслед за Аристотелем у греков, Цицероном и Квинтилианом у римлян постепенно вырабатывались общие начала и появлялись бесчисленные подробности, так что одно только то, что написано по поводу изобретения (*inventio*), может составить целую библиотеку. В эту эпоху, когда слагались литературные понятия Ломоносова, лучшими пособиями служили труды Каусина и Готшеда, которые пользовались большой известностью и авторитетом в европейской литературе» [Ломоносов 1895: IV].

Главную заслугу Ломоносова М.И. Сухомлинов видел в «изобилии примеров и в их просветительском значении для современ-

ного ему общества», отмечая умение ученого отбирать «наиболее пригодное для русского читателя» и его литературный вкус [Ломоносов 1895: IV].

Отдавая должное огромной комментаторской работе, проведенной создателями Примечаний в VII томе ПСС 1952 г. [Ломоносов 1952: 790–800; 805–839], где подробно прокомментированы все примеры Ломоносова с указанием на их источники, приходится сказать, что происхождение теоретических суждений Ломоносова оказалось скрытым, возможно, из-за идеологической боязни проявить слишком много прямых заимствований или переводов Ломоносова из зарубежных или отечественных предшественников. Сопоставление же двух изданий приводит к однозначному выводу о необходимости продолжения исследований по выявлению теоретических предшественников наиболее значительного труда по риторике в XVIII веке.

Таким образом, перед будущим исследователем вырисовывается грандиозная исследовательско-публикаторская задача подготовки нового академического издания «Краткого руководства к риторике» 1744 г. и «Краткого руководства к красноречию» 1748 г. Это исследовательское издание должно обнаружить все возможные источники творческой ломоносовской мысли.

Предвосхитить это издание можно следующим культурологическим наблюдением над русским научно-писательским менталитетом. Русская риторическая мысль не боится заимствований и охотно переносит достижения западноевропейских теоретиков на родную почву. Поскольку эти заимствования делались, как правило, анонимно или с минимумом ссылок, автор был свободен в собственных дополнениях или в том, что (перефразируя устное высказывание акад. В.В. Виноградова) можно назвать «приляпать собственную заплатку». Примерами могут служить и первая русская «Риторика» 1620 г. – перевод Ф. Меланхтона с самостоятельными добавлениями дидакаала-переводчика, и «Риторика» М. Усачева 1699 г. (судя по характеру рукописи, перевод с латинского не-Михаила Усачева с примерами переводчика), и «Книга всекрасного златословия» Козмы Афоноверского 1710 г. (перевод-переделка на российско-православный лад обрусевшим греком «Златослова» Францискоса Скуфоса), и более поздние сочинения первой половины XIX века: «Краткая риторика» А.Ф. Мерзлякова 1804 г. (самостоятельное толкование – перевод И. Эшенбурга), «Чтения о словесности» И.И. Давыдова 1837 г., для которого образцом являлись сочинения Г. Блэра, на которые он прямо указывает.

Для того чтобы понять, что это был не «плагиат», а активное

творческое освоение авторитетной научной мысли с собственными новациями, достаточно внимательно вчитаться и понаблюдать за характером творчества русских филологов-риторов. Подобно неизвестному создателю первой русской «Риторики» 1620 года (то, что это не Макарий, доказано не только автором данной статьи!), смело диктовавшему свои дополнения окружавшим его писцам, М.В. Ломоносов решительно переделывает тексты источников, приспособляя их к новому времени и языку. Пока эти факты творческой работы М.В. Ломоносова удалось выяснить лишь на примерах переработок «Риторики» М.Усачева – ведь М.В. Ломоносов в синонимических выражениях записал как определения риторики, так и «средствия приобретения красноречия», которые у Усачева названы «улучшением риторики» (см. более подробно [Аннушкин 1999]).

На наш взгляд, М.В. Ломоносов явил образец подлинного культурного творчества, не порушая традиций своих предшественников (как это делается частенько в современной науке, когда творится новое вне учета культурного прошлого), но честно их продолжая. Великий ученый как бы встает на плечи «гигантов», своих прежних учителей, чей труд запечатлен и в трудах античных ученых, и в зарубежных сочинениях, и в русских рукописных риториках.

Очевидно, что требуется создание нового исчерпывающего комментария к руководствам М.В. Ломоносова с подготовкой нового академического издания, который содержал бы как ясную оценку ломоносовских заимствований и переводов, так и связь ломоносовских идей с предшествующими русскими риторическими теориями.

Таким образом, современному ученому открывается колоссальный простор для будущей исследовательской деятельности в отношении таких, казалось бы, классических проблем русской филологии, как специфика, структура и содержание исходных русских филологических наук, их проявление в последующей истории русской филологии, а также освоение тайн Ломоносовского творчества через текстологическое освоение одного из главных его сочинений – «Краткого руководства к красноречию» 1748 г. с предшествующим рукописным «Кратким руководством к риторике» 1744 г. Это исследование объективно покажет, как создавался текст главного труда по теории риторики, в будущем развернувшейся в стилистику и теорию словесности, а сам этот труд совместно с «Российской грамматикой» лег в основу всей последующей русской филологической традиции.

Литература

Аннушкин В.И. М.В. Ломоносов и рукописные риторика петровского времени // Вестник Московского университета. 1999. – № 1. – С. 32–43.

Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. – 2-е изд. – М., 2002.

Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект. Учебное пособие. – М., 2003.

Аннушкин В.И. Первая русская «Риторика» XVII века. Текст. Перевод. Исследование. – 2-е изд. – М., 2006.

Баранов М.Т. От риторики к развитию речи в школах России // РЯВШ. – 1998. – № 4. – С. 50–57.

Будилович А.С. Ломоносов как натуралист и филолог. Приложение III. Риторика Ломоносова в подлинных текстах. – СПб., 1869. – С. 36–72, 103–112.

Западов А.В. Отец русской поэзии: О творчестве Ломоносова. – М., 1961.

Ломоносов М.В. Сочинения М.В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова. – СПб., 1895. – Т. III.

Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // ПСС. – М.; Л., 1952. – Т. VII. – С. 89–378, 805–839.

Ломоносов М.В. Краткое руководство к риторике. ПСС. – М.; Л., 1952. – Т. VII. – С. 19–79, 790–800.

Мелетій Смотрицкий. Граматика. Підготовка факсимільного видання та дослідження пам'ятки В.В. Німчука. – Київ. 1979.

Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. – Л., 1971.

Моисеева Г.Н. М.В. Ломоносов на Украине // Русская литература XVIII века и славянские литературы. – М.; Л., 1963. – С. 79–101.

Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Подготовка текстов и вступительная статья О.А. Белобровой. – Л., 1978.

Тихонравов Н.С. О литературной деятельности М.В. Ломоносова // Празднование столетней годовщины Ломоносова Московским университетом в торжественном собрании апреля 11 дня 1865 года. – М., 1865. – С. 75–88.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А.П. СУМАРОКОВА¹

Творчество и личность А.П. Сумарокова, по-видимому, еще долго не будут оценены по заслугам. Имя М.В. Ломоносова, которому была посвящена наша первая конференция, в некотором смысле затмило множество фигур, которым мы, потомки, обязаны воздать должное, внимательно их изучая. Свидетельством неочеченности Сумарокова является тот выразительный факт, что полное собрание сочинений в 10-ти томах, изданное в Типографии Московского университета Н.И. Новиковым в 1781 и 1787 годах, было первым и последним. Кстати, стихи Сумарокова почти отсутствуют в Интернете... Кто из благородных потомков возьмется за изучение наследия выдающегося поэта, драматурга, критика, радетеля русского языка и «словесства», которого по праву можно назвать филологом, т.е. человеком, проявившим себя во всех формах современного ему словесного творчества и боровшимся за сохранение и развитие ценностей русского слова?

Впрочем, чтобы посвятить себя изучению творчества Сумарокова, его необходимо *полюбить* – и здесь встает педагогическая задача, о решении которой в присутствии благородного собрания профессоров и студентов я не могу не сказать. В свое время, готовясь к студенческому экзамену по литературе XVIII века, я прочитывал суждения литературоведов о его эстетическо-словесном кредо и терял к поэту всякий интерес...

«...Художественное мышление Сумарокова антииндивидуально. Искусство должно выражать переживания (оно психологично) того идеального надисторического человека, типом которого должен быть в конечном итоге и российский дворянин – свободный от гнета деспотии, избавленный от конкуренции торгаша и пут бюро-

¹ Статья представляет собой доклад, прочитанный 17 декабря 2008 года на научной конференции филологического факультета Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, посвященной творчеству А.П. Сумарокова.

кратии. В этом смысле Сумароков не стремится к реализму в литературе, хотя решительно протестует против приподнятости ее над тем отвлеченным и сословно-мыслимым миром, который он проектирует в свой социальный идеал» [Гуковский 1935: 335].

Может ли быть интересен поэт, который антииндивидуален, если вся природа художественного творчества такова, что ценится именно индивидуальный стиль, который и вызывает интерес читателя? Если идеалом поэта является некий «отвлеченный и сословно-мыслимый мир» и он даже не стремится к реализму (для обыкновенного читателя это отражение «реальности» душевных переживаний), то, конечно, книги такого поэта просто не хочется брать в руки.

Но десять лет спустя (после сдачи университетского экзамена, где надо было без запинки ответить годы жизни и смерти всех поэтов XVIII века) я раскрыл томик Сумарокова и был удивлен его «индивидуальностью», которая состояла в простоте, «естественности» и искренности чувств и мыслей. Образ автора сразил трагической сентиментальностью и воинственной веселостью, а вечные русские слова заиграли прежними смыслами своих корней:

*Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход идти,
Неведомо мне то, увижусь ли с тобой,
И ты хотя б последний раз побудь еще со мной...*

Это ведь «Не плачь, девчонка» русского восемнадцатого века... И еще это «словарь русского языкового расширения», только не создание новых слов на основе известных (по модели А.И. Солженицына), а восстановление старых смыслов по ассоциации с современными словами.

*Покинь тоску, иль смертный рок меня унес,
Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слез.
Имей на мысли то к отраде ты себе,
Что я оттоль с победою приду к тебе.*

*Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищаяся, не зная, что страх;
Услышишь ты, что я не робок в поле был,
Дрался с такой горячностью, с какой любил.*

*Вот трубка, пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненный еще вина;
Для всех твоих красот ты выпей из него,
И будь по мне наследницей лишь ты его.*

*А если алебарду заслужу я там,
С какой радостью явлюсь к твоим глазам;
В подарок принесу я шиты башмаки,
Манжеты, опахало, щегольски чулки.*

А как трогательно вот это:

*В болезни страждешь ты – в моем нет сердце мочи
Без крайней горести воззрети на тебя.
Восплачьте вы, мои, восплачьте, мутны очи,
Пустьте токи слез горчайших из себя!..*

Стихотворение написано одним махом – и так же должно быть исполнено в музыке. Это – образец речевого периода с его «кругом», завершенностью формы.

Когда мое внимание обратилось к духовной лирике, то наивная глубина переживания при формальном примитивизме стиха возвратили к какой-то изначальной форме «детского» переживания обиды. Ср. 3-стопный анапест в стихотворении «Противу злодеев»:

*На морских берегах я сижусь,
Не в пространное море гляжу,
Но на небо глаза возвожу.
На врагов, кои мучат нахально,
Стон пуская в селение далеко,
Сердце жалобы взносит печально...*

Автор – страдающий, отчаявшийся, укрепляющийся в вере («умягчи, Боже, злыя сердца...»), назидательный и философствующий живым языком своей эпохи. Особенно поразительны были стихи о суетности мира («Всё в пустом лишь только свете, что ни видим суета...» – «Ода на суету мира») или о смерти (Ода «Разумный человек с умеренностью препровождает век...»).

«...Сумароков считает, что поэзия должна нести учительную функцию: она воспитывает правильные нормы поведения, мышления и переживания» [Гуковский 1935: 335]. Как скучно сказано о том, что представляется нормой и стилем жизни! Когда все эти тексты зазвучали для меня в музыке («являться Муза стала мне»), то, чем философичней и трагичней были стихи, тем более бодрственными, просветленными, жизнеутверждающими становились ритм и мелодия:

*Всё в пустом лишь только свете,
Что не видим суета:
Добродетель ты на свете
Нам едина красота...*

Между тем, Сумароков повторил подвиг Симеона Полоцкого, переложив всю Псалтырь. Его переложения, в отличие от аналогичных ломоносовских, тяжеловесны, мрачны (в начале конференции наш студенческий хор исполнил «Из 145 псалма»), но едва ли не точнее передают стиль оригинала. Ломоносов воздушен, философичен, легок, Сумароков – заземлен, философичен, тяжел.

Для филолога занимательно разобрать три текста – изначально церковно-славянский, ломоносовский и сумароковский:

145 псалом	Ломоносов	Сумароков
¹ Хвали, душе моя, Господа. ² Восхваляю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь. ³ Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения. ⁴ Изыдет дух его и возвратится в землю. В той день погибнут вся помышления его.	¹ Хвалу Всевышнему Владыке Потщися, дух мой, возсылать; ² Я буду петь в гремящем лике О Нем, пока могу дышать. ³ Никто не уповай вовеки На тщетну власть князей земных: Их те ж родили человеки И нет спасения от них.	(В Библиотеке Поэта напечатано без начала) ³ Не уповайте на князей; Они рождены от людей, И всяк по естеству на свете честью равен, ⁴ Земля родит, земля пожрет: Рожденный всяк, рожден умрет, Богат и нищ, презрен и славен.

Как переход к научным поискам надо рассматривать стихотворение «Истина», написанное в бодром и оптимистическом, язвительном стиле, – и чем язвительней, тем бодрее ритм и музыка стиха:

*Хотя весь свет
 Изрыщешь,
 Прямыя истины не сыщешь;
 Ея на свете нет;
 Семь тысяч лет
 Живет
 Она высоко,
 В таких местах, куда не долетает око,
 Как быстро взор ни понеси.*

*А именно – живет она на небеси.
Так я тебе скажу об этом поученье:
О чем ты сетуешь напрасно, человек,
Что твой недолог век
И скоро наших тел со духом разлученье?
Коль свет наполнен суеты,
Так ясно видишь ты,
Что все на свете сем мечты,
А наша жизнь не жизнь, но горесть и мученье.*

Сумароков – *русист* и, как будет показано ниже, *философ языка*. В статье 1759 г. «О истреблении чужих слов из русского языка» он пишет: «Восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка» [Сумароков 1935: 365]. Эта борьба за чистоту языка – наша цивилизационная черта. Очевидно, что создание Словаря Академии Российской 1789–1794 гг. было инициировано трудами Ломоносова и Сумарокова, цель очищения русского языка ставила Екатерина Великая, а воплощала Екатерина Романовна Дашкова при поддержке лучших интеллектуальных сил России. Развитое сегодня учение о литературной норме заимствует мысли предшественников и достаточно определенно говорит о том, что иностранное заимствование должно быть нормировано рамками вкуса, удобства, действительной необходимости, критерии которых не всегда определены.

Сегодня любопытно наблюдать, как из советов Сумарокова «вычищать язык» одни его предложения реализовались, другие, напротив, были отвергнуты. Ср.: «Какая нужда говорить вместо *плоды фрукты?* вместо *столовый прибор – столовый сервиз?* вместо *передняя комната – антишамбера?* вместо *любовница – аманта?* в картах вместо *козырь, король, краля, храп – атут, роа, дама, валет?*» [Сумароков 1935: 365]. Последний пример особенно показателен: *атут, роа* – вышли из употребления, *дама, валет* – сохранились.

Протесты же Сумарокова против Ломоносова и Тредиаковского – предтеча современных полемик и взаимных критик в области культуры речи как нормативного учения. Причем, субъективность оценок, за которыми стоит неприятие личности оппонента, чрезвычайно поучительны. Так, Сумароков критикует Ломоносова за строки, которые сегодня восхваляются в учебниках литературы как аллитерация, искусная метафорика:

*«Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градów ограда.*

Градов ограда – сказать не можно. Можно молвить селения ограда, а не ограда града; град от того и имя свое имеет, что он огражден.

Я не знаю сверх того, что за ограда града тишина. Я думаю, что ограда града войско и оружие, а не тишина (справедливо это суждение Сумарокова или нет – вопрос спорный, ибо можно обосновать мысль Ломоносова тем, что тишина, насажденная императрицей, также является защитой благоденствия граждан. Ср. возглашаемое в храмах: «да тихое и безмолвное житие поживем» – В.А.).

Город имеет в родительном множественного числа городѡв, а град гра́дов, а не градѡв; для того, что в именительном падеже множественного числа город имеет звание городá, а град гра́ды, а не градá и не градЫ́ [Сумароков 1935: 344].

Произвольность этой критики очевидна лишь сегодня, когда во множестве языковых фактов мы находим самые невообразимые случаи переноса ударений. Тем не менее, культура, конечно, держится на сохранении традиции, которой и призывает следовать Сумароков.

Кстати, обратим внимание на то, что статьи «Критика на оду» (обращена к Ломоносову), или «Ответ на критику» (обращена к Третьяковскому), не были опубликованы при жизни Сумарокова, а напечатаны лишь Новиковым в 1781 г., хотя были написаны соответственно в 1750 г. и до 1751 г. Что-то, видимо, останавливало автора от их публикации. Впрочем, мы попросту не имеем текстологического изучения этих статей.

И все-таки не эти замечания, касающиеся нормы и составляющие основной предмет современной культуры речи (предмет ее несомненно шире, нежели только норма), образуют сущность словесной теории и философии языка, как она представлена не только у Сумарокова, но и других авторов XVIII–XIX веков. «Епистола» Сумарокова о русском языке относится к 1748 году и заключает мысли, которыми начинаются многие последующие теории словесности:

*Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они, друг друга разумеем,
И помощью слов пространна языка
Всё можем изъяснить, как мысль ни глубока...
Описываем всё: и чувство, и страсти,
И мысли голосом делим на мелки части.
Приняв драгой сей дар от щедрого Творца,
Изображением вселяемся в сердца.
То, что постигнем мы, друг другу сообщаем,
И в письмах то своих потомкам оставляем.*

Здесь есть ряд мыслей, которые составят основу *философии языка или слова* в русских словесных науках, а затем перейдут в теории словесности и так или иначе в философию языка нового времени. Вот эти идеи:

1. Человек – единственное из творений Божиих, наделенное даром слова, речи, языка.

2. Язык, состоящий из слов, есть орудие «изъяснения», общего «разумения» и соединения, или, как мы теперь говорим, орудие общения. Таким образом, идея слова, лежащего в основе человеческой природы и культуры, коммуникативной связи между людьми неоднократно прописывается в русских классических трудах.

3. Язык универсален: с помощью языка «всё можем изъяснить» (к вопросу о возможностях языка).

4. Язык – инструмент культуры, поскольку культура – это сохранение ценностей, а мы «в письмах», т.е. через письменные тексты, передаем «потомкам» «то, что постигнем».

5. Устройство языка разноуровнево: голосом делим «мысли на мелкие части». Ср. у М.В. Ломоносова: наименьшая «неразделимая часть слова», т.е. речи – это звук и ее начертание «буква», затем следует «склад» – это современный *слог*, затем «речение» – это современное *слово*.

В последующей словесно-филологической науке каждая из этих идей получила значимое развитие. Вот, например, идея дара слова как основного отличия человека:

«Одно из существенных отличий человека есть дар слова (Толмачев 1815, цит. по: [Аннушкин 2002: 288]);

«Язык, или дар слова, есть дар свыше, которым Творец отличил любимое создание свое от всех бессловесных...» (Кошанский 1829, цит. по: [Аннушкин 2002: 316]).

«Слово – исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои; дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками; словесная речь. *Человеку слово дано, скоту немота. Слово есть первый признак сознательной, разумной жизни*» [Даль 1882: 222].

В последующих мыслях Сумарокова формулируется то, что мы сегодня называем «языковой политикой» как планом развития общественного языка. Актуальность этих мыслей подтвердим дальнейшим сопоставлением с современными работами:

*Но не такие так полезны языки,
Какими говорят мордва и вотяки:
Возьмем себе в пример словесных человек:
Такой нам надобен язык, как был у греков,*

*Какой у римлян был и, следуя в том им,
Как ныне говорят Италия и Рим,
Каков в прошедший век прекрасен был французский,
Иль, наконец сказать, каков способен русский.*

Здесь замечательна мысль о неравноценности языков, которую почти одновременно (конечно, без ссылок на А.П. Сумарокова), высказали академик Ю.В. Рождественский и академик, президент Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина В.Г. Костомаров: языки – равноправны, но не равноценны, т.е. достижения языков не равны в отношении культурного объема, текстов, на них написанных. Сложение же таких «культурных» текстов – процесс долговременный и трудоемкий (добавим от себя: он не решается оранжевыми революциями, запретами на тот или иной язык и насильственным введением «самого популярного» языка).

В России Сумароковского времени состав культурных текстов, которые ценились бы самим народом и другими соседними, еще не сложился и поэтому автор анализирует ситуацию с «писцами» как основными творцами культуры, остроумно классифицируя их по типам ошибок:

*Довольно наш язык в себе имеет слов,
Но нет довольного числа на нем писцов.
Один, последуя несвойственному складу,
Влечет в Германию Российскую Палладу...
Другой, не выучась так грамоте как должно,
По-русски, думает, всего сказать не можно,
И, взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь,
Языком собственным, достойну только сжечь...
Тот прозой скаредной стремится к небесам
И хитрости своей не понимает сам.*

Сумароков проявляет талант недюжинного критика и знатока словесности своего времени. Почему же следует настаивать, чтобы изучались именно «филологические» взгляды Сумарокова? Потому что филология изучает весь состав текстов, а не только лирику, драму, театр, где достижения Сумарокова особенно выразительны для широкой публики. Но он неизвестен как оратор, между тем, в собрании сочинений напечатаны орации, произнесенные им в присутствии императрицы, для которой впоследствии он стал опальным.

Мы почти не знаем отношения Сумарокова к современной ему прозе, которое выразилось в одной из поздних статей с характерными мыслями о праве «словесника» судить людей речевых

профессий за их «словеснство». Это еще одна философско-филологическая мысль, распространяющая роль слова на всех, кто им пользуется и, следовательно, становится «почитателями словесности». В статье «О русском духовном красноречии» сказано: «я в проповедниках вижу собратий моих по единому их риторству, а не по священству; итак, имею право говорить о них то-лико же, колико и они о мне, сколько их рассмотрение до них, яко до почитателей словесности принадлежит» [Сумароков 1787: 275].

Сопоставляя историю российского красноречия с Францией как «высочайшей степенью Парнаса», Сумароков пишет, что «то-ликое точно число и мы в России отличных духовных раторов показать можем». Среди этих «мужей» он называет Феофана (Прокоповича), архиепископа Новгородского, Гедеона, епископа Псковского, Гавриила, архиепископа Петербургского, Платона, архиепископа Тверского, и Амвросия, префекта Иконоспаского училища, «начавшего прославлятися».

Характеристики этих «великих наших раторов» предворены у Сумарокова осуждением «глубокомудрых пустомель» и «вралей». В этом отрицании ложного раторства ясно сформулированы риторические требования к духовному красноречию: «Многие духовные раторы, не имущие вкуса, не допускают сердца своего, ни естественного понятия во свои сочинения, но умствуя без основания, воображая неясно и уповая на необычайную черни похвалу, соплетаемую ею всему тому, чего она не понимает, дерзают во кривые к Парнасу пути, и вместо Пегаса обуздывая дикого коня, а иногда и осла, встощают едучи кривою дорогою на какую-нибудь горку, где не токмо не известны музы, но ниже имена их, и вместо благоуханных нарциссов собирают курячью слепоту» [Сумароков 1787: 275].

За выразительностью стоят вполне определенные риторико-эстетические требования: 1) вкуса, 2) искренней чувствительности, 3) естественности понятий, 4) ясности воображения, 5) знания наук («муз») и твердого следования требованиям красоты и мудрости, но не угождения публике («черни») искривлением истины и ложными красотами.

К сожалению, история русского духовного красноречия в современной науке не написана. Поэтому, констатируя традиционный метод последовательной характеристики Сумароковым отдельных раторов, отметим лишь сам способ их взаимного сопоставления. Заимствуется этот способ из античных «уподоблений Софокла, Еврипида и Эсхила с водными потоками», а впоследствии Сумароковская традиция будет продолжена: как Сумароков

приведет сравнения Феофана, Гедеоны, Гавриила, Платона и Амвросия, так позднее А.Ф. Мерзляков будет сопоставлять Ломоносова, Сумарокова и Державина, уподобляя их птицам, по-разному «стелящимся» или «высоко ширяющим» в своем полете.

Опорные характеристики риториков в Сумароковском описании можно обобщить в схематической записи, которая позволит более строго уяснить мысль автора и его первоначальную идею. Четыре основных духовных риторика разобраны А.П. Сумароковым по следующим параметрам [Сумароков 1787: 275–284]:

	Сравнение с образцами	Характеристика	Недостатки	Действие речи
Феофан	русский Цицерон	величество, согласность, важность, восхищение, цветность, рассуждение, быстрота, повороты, страсть и сердцеведение, огромность и ясность	малорусские и иностранные речення	
Платон	последователь Златоуста, русский Будалу, преемник Феофанов	сила, пламень, быстрота		приводит в восхищение
Гедeon	русский Флешьер	цветность, приятность, нежность, тонкость	мало силы, огня, наполняет проповеди историческими баснями	трогает сердца
Гавриил		сочинитель разумнейших диссертаций, красота плавного и важного склада		пленяет разумом

Кроме того, каждый из ораторов уподобляется определенного вида реке:

Феофан	– гордая быстротекущая река, разливающаяся по лугам, отрывающая камни с крутых берегов, шумящая... и иногда журчащая, наводняя гладкие долины.
Платон	– река быстротекущая и все, что ей ни встретится, влекущая с собою в морскую пучину, преходящая прекрасные долины, орошающая тучные рощи и бегущая по чистому песчаному дну, окропляя мягкие муравы.
Геден	– поток журчащий и извивающийся по прекрасным паствам, протекающий по приличным лугам и питающийся благовонными цветами.
Гавриил	– река, без шума наполняющая берега свои и порядочным течением не выходящая никогда из границ своих.

Итак, творчество очень многих деятелей русской литературы, словесности, филологии нуждается в объективном и беспристрастном, исчерпывающем исследовании. Одним из критериев такого исследования должна быть поставлена *полнота* материала. Пока, к сожалению, мы такой полноты не имеем ни в отношении А.П. Сумарокова, ни в отношении А.С. Шишкова, А.А. Барсова и многих деятелей не только русской художественной литературы, но и русской филологии. Хотя уже при беглом обзоре сочинений Сумарокова взору нашего современника открывается многообразная по широте охвата жанров словесности фигура «писца» – писателя-прозаика, литературного критика, поэта в разных жанрах, драматурга, влиятельного филолога-словесника, чьи тексты и оригинальные суждения должны быть проанализированы с ответственностью и любовью.

Литература

Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. – М., 2002.

Гуковский Г. Литературные взгляды Сумарокова // Сумароков А.П. Стихотворения / Под ред. А.С. Орлова. – М., 1935. – С. 333–345.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.–М., 1882. – Т. I–IV. (репринтное издание. – М., 1981).

Кошанский Н.Ф. Общая риторика. – СПб., 1829.

Сумароков А.П. О российском духовном красноречии // Полн. собр. соч. в стихах и прозе. Собраны и изданы Николаем Новиковым. – М., 1787. – Т. 6. – С. 275–284.

Сумароков А.П. Стихотворения / Под ред. А.С. Орлова. – М., 1935.

Толмачев Я.В. Военное красноречие. – СПб., 1825.

Н.Ф. КОШАНСКИЙ – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ УЧИТЕЛЬ А.С. ПУШКИНА¹

Направление ума и поэтических вкусов дано А.С. Пушкину его лицейскими учителями. Первое пробуждение лицейской музыки поэта, по мысли наиболее раннего биографа В.П. Авенариуса, «должно быть всецело отнесено к заслугам профессора латинской и российской словесности Кошанского» [Авенариус 1993: 78]. Что знаем мы о том, кто был первым учителем русского языка и словесности для нашего величайшего национального поэта? Имеется ли у нас, «благодарных потомков», его биография, переизданы ли его труды, исследована ли «метода» преподавания, не довольствуемся ли мы мифами о том, кто был первым наставником Пушкина в его словесных опытах? На все эти вопросы не находится ясного и определенного ответа, поэтому следует наметить решение следующих задач: 1) создание биографии учено-педагога Н.Ф. Кошанского; 2) восстановление курса русского языка и словесности в Царскосельском лицее и методов его преподавания; 3) исследование филологических трудов ученого и их научное переиздание.

Точная дата рождения Николая Федоровича Кошанского – 1784 или 1785 год. Он учился в Московском университетском пансионе одновременно с В.А. Жуковским, а будучи студентом Московского университета, преподавал риторику в Благородном университетском пансионе и Московском воспитательном доме, Екатерининском московском институте, пансионатах и частных домах. В 1802 году Кошанский окончил Московский университет сразу по двум факультетам: философскому (с золотой медалью) и юридическому. Затем преподавал латинский и греческий язык в университетской гимназии, российскую риторику в Московском университетском пансионе, а с января 1805 г. был магистром философии и свобод-

¹ Статья опубликована в книге: Московский пушкинист-ХІ. Ежегодный сборник. – М., 2005. – С. 284–294.

ных наук. В 1807 г. Кошанский защитил диссертацию «Изображение мифа о Пандоре в античных произведениях искусства» (на латинском языке), получив степень доктора философии.

Таким образом, ко времени открытия Царскосельского лицея в 1811 году это был молодой, известный искусствовед-ученый и филолог, преподаватель русского и латинского языка и словесности. Кошанский преподавал в Лицее российскую словесность и латинский язык вплоть до 1828 года, когда по состоянию здоровья вынужден был покинуть службу. Я.К. Грот, учившийся в Лицее с 1826 года, среди «очень хороших профессоров» называет Кошанского – «по русской и римской литературе» [Грот 1998: 475]. К концу своей педагогической и ученой карьеры Кошанский накопил огромный опыт, который реализовал в двух учебниках «Общая риторика» (1829) и «Частная риторика» (последняя вышла посмертно в 1832 году – Кошанский скончался в конце 1831 года в Санкт-Петербурге при вспышке эпидемии холеры). С тридцатых годов XIX века наступает слава Кошанского как создателя известных учебников «риторики», по которым учились несколько последующих поколений российских учащихся.

Преподаванию в Лицее филологических наук и прежде всего «русской словесности» уделялось главнейшее внимание. Хотя специальный предмет «русский язык» отсутствовал в расписании лицейских дисциплин, но очевидно, что русскому языку и словесности (античной, отечественной, иностранной) отводилась первенствующая роль.

Занятия в Лицее открылись лекцией Кошанского «О преимуществах русского слога». В.П. Авенариус так описывал занятия Кошанского: «Страстный любитель древней классической поэзии, талантливый переводчик многих классических произведений, Кошанский с увлечением молодости старался втянуть и своих юных слушателей в этот, отошедший уже в вечность, но все еще чарующий мир. А на уроках русского языка, рядом с заучиванием од Ломоносова и Державина, басен Хемницера и Крылова, он посвящал мальчуганов и практически в тайны стихосложения» [Авенариус 1993: 78].

Очевидно, в отборе текстов для занятий сказался вкус Н.Ф. Кошанского: он не только предлагал классические образцы (их воспитательный эффект очевиден), но в 1826–28 годах, наряду с текстами Гомера, Корнелия Непота и Федра, разбирал тексты Пушкина и Жуковского, о чем вспоминает учившийся в эти годы в Лицее Я.К. Грот.

Впрочем, оценки Кошанского как современниками, так и потомками достаточно противоречивы. Едва ли не основным аргу-

ментом в отрицательной оценке Кошанского послужило обращение к нему самого Пушкина в стихотворении «К моему Аристарху». Любопытно восстановить по тексту стихотворения личность Кошанского, способ преподавания и общения с учениками. При этом несомненно надо помнить, что стихи пишутся 16-летним юношей зрелому учителю и для объективного суждения об их отношениях необходимо помнить о создании «образа автора» с определенной философией и взглядами на мир:

*Помилуй, трезвый Аристарх,
Моих бахических посланий,
Не осуждай моих мечтаний
И чувства в ветреных стихах...*

Решаемся сделать одно важное текстологическое исправление. Первые две строки обычно печатаются так:

*Помилуй, мудрый Аристарх
Моих бахических посланий...*

Хотя имя Аристарха и «стало нарицательным для строгого и педантичного судьи» (как об этом говорится в комментариях), в русском языке нет выражения «Аристарх ... посланий» как обличитель чего-либо. Очевидно, что «трезвый Аристарх» – обращение, и мы имеем выражение «помилуй ... моих бахических посланий» (вариант родительного падежа вместо винительного – наложение род./вин. одушевленного на им./вин. неодушевленного). Так что с уверенностью полагаем, что начало стиха должно иметь следующий вид:

*Помилуй, мудрый Аристарх,
Моих бахических посланий...*

Кошанский разбирал – и, видимо, весьма критически – первые стихотворные опыты лицеистов. Кто прав в таких разборах – юный ученик (хотя и Пушкин) или опытный учитель, не будем выносить скорого суждения. Но учительский опыт подсказал бы не только учителю, как неохотно юные подростки выслушивают критические замечания, за которые бывают благодарны впоследствии. Кстати, именно таким, абсолютно неспособным к восприятию каких-либо критических замечаний, проигрышу в спорах, но искренним, азартным, увлекающимся представлен Пушкин в биографии Авенариуса. Но повесть Авенариуса, несмотря на лежащие в ее основе документальные свидетельства, художественна, а диалоги выдуманы, теперь же пора восстановить объективную картину.

Очевидно, что учитель «осуждает», а самолюбивый талантливый ученик не терпит критики. Здесь же юный Пушкин формулировал свою литературную позицию, близкую к эпикурейской философии наслаждения жизнью и удовольствий, отсутствия отягчающих трудов, догматических правил и т.д. Что это, как не традиционная юношеская бравада, противопоставляемая родительскому или учительскому опыту, столь знакомая всякому, кто перешел юношеский возраст?

Но Пушкин объясняет свою позицию. И, скорее всего, это прямой намек на содержание занятий Кошанского:

*Плоды веселого досуга
Не для бессмертья рождены,
Но разве так сбережены
Для самого себя, для друга,
Или для Хлои молодой.
Помилуй, сжался надо мной –
Не нужны мне твои уроки.
Я знаю сам свои пороки.*

Ну, конечно же, это противопоставление таланта, вдохновения, легкого содружества с музой – унылому труду, правилам, «кряхтению» над рифмой – в сущности это будущий конфликт «гуляки» Моцарта и «ремесленника» Сальери. Хотя очевидно, что всякий настоящий художник знает, что такое труд, только имеет свой «образ» труда. Здесь же ясно, что бравирующий ученик самонадеянно пишет о том, что «знает сам свои пороки», но с чьей помощью?

В лицее у Пушкина были два учителя словесности – Н.Ф. Кошанский и А.И. Галич. Отношение к А.И. Галичу, заменившему Н.Ф. Кошанского вследствие болезни последнего с 10 мая 1814 года по 1 июня 1815 года, было, напротив, явно дружеским. А.И. Галич – антипод Кошанскому: если Кошанский – «угрюмый цензор», то Галич – как раз любит «праздность и покой», если Кошанский – «гонитель», то Галич – «мудрец ленивый», зовущий «в приют поэзии счастливой» и в нем «трудиться нет охоты...». Так какой же тип учителя лучше: «гонитель» и «обличитель» или «ленивец» и «верный друг бокала»?

Очевидно, что в Кошанском и Галиче мы наблюдаем два противоположных педагогических метода как типа общения с учениками. Один – представляется строгим и педантичным, но за этими качествами стоит большая любовь к ученикам и дружба с ними (что доказывается множеством свидетельств: заметками Кошанского на полях стихотворений, прямыми обращениями к «лю-

безным друзьям», педагогическими трудами, но также и добрыми отзывами лицейцев). Другой – «беспечен» и «ленив», но философскими беседами пробуждает искры вдохновения у своих учеников.

Конечно, большинство наших пушкинистов (Ю.М. Лотман, М.П. Алексеев) попали под влияние оценки юного Пушкина, причислив Галича к разряду «прогрессивных» и «либеральных», а Кошанского – к числу «педантов» и «староверов». Так, Ю.М. Лотман среди учителей Пушкина упоминает лишь Куницына и Галича, «не чуждых либеральных идей», и полагает, что «преподаватели, подобные Куницыну, и директор Малиновский, действовали, главным образом, не лекциями (Куницын не обладал даром увлекательной речи), а собственным человеческим примером, показывая образцы гордой независимости и «спартанской строгости» поведения» [Лотман 1982: 17, 18]. Но что за «спартанская строгость поведения» у «верного друга бокала и жирных утренних пиров», обладающего «крепким сном ленивца»?.. Очевидно, что односторонний взгляд, не учитывающий все стороны личностей изучаемых педагогов, будет поверхностен – и особенно если не обратиться к анализу текстов, правленных Кошанским, а затем к его собственным учебникам риторики.

Пусть в методах преподавания и общения с учениками оба педагога достаточно противопоставлены, они схожи в одном: горячей любви к словесности и риторике. Характерно, что оба почти одновременно (это был период смены учебников Министерством просвещения) написали свои учебники: «Общую ретику» Кошанский в 1829 году, «Теорию красноречия» – Галич в 1830 году. Готовя 2-е издание в 1830 году, Кошанский правил текст исходя из «учительских» установок, например, он добавлял обращение «Любезные друзья!» в текст 1-й главы и упрощал текст, делая его более понятным для учеников¹. Успех учебников Кошанского превзошел все ожидания: «Общая риторика» выдержала 10 изданий до 1849 года, а затем продолжала анонимно входить отдельными главами в «Теорию словесности» 1851–60 гг., составленную И.И. Давыдовым на основе учебников К.П. Зеленецкого.

«Теория красноречия» А.И. Галича написана «с извлечениями из немецких авторов». В отдельных местах эта книга замечательна своими практическими советами, например, о том, как надо

¹ Анализ правки Кошанским своего учебника при подготовке 2-го издания см. в статье: *Аннушкин В.И.* Кто же автор анонимной «Теории словесности» 1851–60 годов? // *Риторика.* – 1996. – № 1(3). – С. 107–123.

писать сочинение. Подробному разбору этих советов следовало бы посвятить специальную статью – пока отсылаем заинтересованного читателя к двум хрестоматиям по риторике с пространными отрывками из сочинений Н.Ф. Кошанского и А.И. Галича [Граудина 1996; Аннушкин 1998].

Для достижения целей воспитания и образования любого пишущего или говорящего человека, по мнению Кошанского, существуют три средства (и в этом состоит задача риторики): «1. Чтение, 2. Размышление, 3. Собственные упражнения». Чтение требуется, чтобы замечать лучшие слова, идеи, выражения, прекрасные мысли», размышление образует «способность рассуждать», а собственные упражнения необходимы потому, что «тот, кто не упражнялся в составлении учебных сочинений, всегда будет не тверд в слоге и не сможет «написать десять строк связно».

Кошанский и будет постоянно заниматься требованием чтения, образования ума через «размышление» и, конечно, тренировкой поэтического таланта лицеистов. Вывод о том, что Кошанский «действительно сыграл большую роль в литературном образовании и развитии как самого Пушкина, так и его товарищей», делает и академик К.Я. Грот, сын лицеиста Я.К. Грота, учившегося у Кошанского в 1826–1828 годах [Грот 1998: 159]. Практическое посвящение в тайны стихотворства имело определенную методику, с которой интересно познакомиться и современному педагогу. Современный методист увидит, что мы многое заимствуем из старинного опыта преподавания словесности и риторики.

Так, именно учитель задает темы сочинений. Темы были преимущественно нравственно-этического характера. Вот, например, тема для рассуждения Илличевского, который первое время считался главным лицейским поэтом и лишь позднее уступил пальму первенства Пушкину: «*Строгое исполнение должностей доставляет чистейшее удовольствие*». Или пространное стихотворение Кюхельбекера на тему, несомненно также внушенную Кошанским: «*Бессмертие есть цель человеческой жизни*» (ср. выше у Пушкина: «Плоды веселого досуга не для бессмертья рождены...»). Эти темы сегодняшнему учителю и ученику (особенно такому же пятнадцатилетнему), должно быть, кажутся чересчур серьезными. Но из Пушкина и его товарищей эта возвышенная и осужденная некоторыми критиками риторичность (В.Г. Белинский) готовила философски серьезных и государственно мыслящих людей, умевших быть весельчаками на дружеской пирушке и государственными мужами в деловом собрании.

От «бессмертия» и «строгого исполнения обязанностей» легко

перейти к шуткам и словесным играм, наполняя и само легкомыслие философской глубиной. И это методический постулат для наших современников: не от развлечения к глубокомыслию, а от серьезно-этических раздумий к стилевому разнообразию мыслей, чувств и словесного выражения.

Кошанский получал от лицеистов их стихотворные произведения и давал им словесные оценки. Вот, например, на первое стихотворение Иллического «Добродетель» он записывает: «Мысль и стихи очень хороши». К сочинению в прозе «Бурная ночь», кроме заметки на полях «С'est beau»? значимый учительский совет: «Окончание прекрасно. – НВ. Владая языком, должно уметь употреблять его. – План вашей *бурной ночи* несколько *темн* – не везде верно изображение природы – особенно переход от вечера к утру. Есть много слов излишних, много не то значащих, что Вы сказать хотели. Но все вообще показывает Вашу способность владеть языком и счастливый дар легко выражать мысли и чувства. Прошу Вас, М.г., быть осторожным в выборе слов и заменять все бурносмешное скромным благоприличием и тихим чувством. *Ваш слуга Кошанский*» [Грот 1998: 161].

Стиль уважительного и требовательного общения с юными лицеистами, несомненно, был значимым педагогическим постулатом учителя Кошанского. При этом Кошанский не только делал письменные критические заметки для своих учеников, но и много беседовал с ними, не жалея времени и сил: «Большую часть замечаний я сказал и скажу изустно...» – пишет он, разбирая историческую оду «Освобождение Белграда». Впрочем, затем, как истинно увлеченный человек, подробно разбирает сюжет написанной оды с остроумными замечаниями о том, что описание колодцев может быть «хорошо для историка, а поэту никак нельзя из них напиться» [Грот 1998: 162].

Хотя взгляды учителя представлялась Пушкину и другим лицеистам несколько архаичными, скорее всего, это дань юношеской незрелости, не склонной особенно располагаться к серьезности и требовательности классического учителя. Относительно филологической концепции и методических взглядов Кошанского существует ряд мифов, которые с трудом поддаются пересмотру. Один из таких мифов – тезис о приверженности Кошанского «выспренности»: в сочиненных Авенариусом диалогах Кошанского с лицеистами учитель настаивает, чтобы стихи были «подобюще выспренними» [Авенариус 1993: 86] Очевидно, что это выдумка позднейшего биографа: при всей приверженности классическим вкусам Кошанский не мог настаивать на пустой и холодной выспренности стиля – напротив, в «Реториках» постоян-

ны требования яркого воображения, искреннего вдохновения, точного «природного» описания, простоты и краткости стиля.

Особо надо сказать о филологических трудах Н.Ф. Кошанского. Хотя Кошанский был известен как литератор и как переводчик множества романов и эстетических трактатов, наибольшую славу и влияние принесли ему педагогические труды. Учебник латинской грамматики выдержал 11 изданий (СПб., 1811–1844), русской грамматики – 9 изданий (СПб., 1807–1843), «Общая риторика» имела 10 изданий (1829–1849) и «Частная риторика» 7 изданий (1832–1849). Количество изданий ясно говорит о влиятельности личности автора и его идей – даже после кончины педагога (1831) его книги продолжали активно переиздаваться.

По этим учебникам учились несколько поколений российских учащихся. Живость изложения, множество дополнительных сведений по логике и эстетике, иллюстрация риторических указаний многочисленными примерами из древней и новой литературы снизили Кошанскому славу замечательного писателя-педагога. Если общая риторика излагала общие правила составления сочинений, то частная риторика предлагала правила к отдельным видам: как писать письма, как вести разговоры, как строить учебные и ученые сочинения, каковы разновидности ораторского красноречия, наконец, как пишется художественная (или изящная) проза.

Терминология основных филологических («словесных») наук существенно отличалась от современных, поэтому небезынтересно разобраться в ее специфике. «Общая риторика» Н.Ф. Кошанского начата замечательным определением сущности человека, который отличен от «прочих животных» «силой ума и даром слова» (здесь и далее цитируем сочинения Н.Ф. Кошанского по изданиям: [Кошанский 1834: 1–6; Аннушкин 1998: 295–299]). Эти две способности являются причиной различия ученых предметов: «сила ума проявляется в *понятиях, суждениях и умозаключениях*: вот предмет *логики*. Дар слова заключается в прекраснейшей способности выражать *чувствования и мысли*: вот предмет *словесности*».

Дальнейшее определение *словесных наук* требует выделения трех главных частей: *грамматики, риторики* и *поэзии*, граничащих с эстетикой. Предмет грамматики – «слова», риторики – «преимущественно мысли», поэзии – «чувствования». Согласно Н.Ф. Кошанскому, риторика имеет «предметом мысли» и показывает: «1. откуда они почерпаются (*изобретение*); 2. как приводятся в порядок (*расположение*); 3. как излагаются (*выражение мыслей*)». Критики риторики будут утверждать, что «изобретать мысли невозможно» (К.П. Зеленецкий).

Словесность, названная «способностью выражать мысли и чувствования», подразделяется на прозу (ее изучает частная риторика) и поэзию (изучается пиитикой).

Термин *красноречие* прокомментирован у Н.Ф. Кошанского в примечаниях. Если каждая из словесных наук (грамматика, риторика, поэзия) имеет, «как наука, свою теорию, и как искусство, свою практику», то очевидно, что практика риторики ближе всего к традиционному значению слова *красноречие*. В «Частной риторике», пользуясь терминами «гражданское красноречие», «политическое красноречие», «духовное красноречие» при описании конкретных родов речей, Н.Ф. Кошанский предпочел названию этого вида словесности термин «ораторство» [Кошанский 1832: 76].

Вот определение Н.Ф. Кошанским «ораторства»: «Ораторство, витийство (*ars oratoria*) есть искусство даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других». В описании действий оратора Н.Ф. Кошанский использует слово «красноречие» скорее метафорически: «Оратор действует на разум красноречием ума, силою доказательств, убеждений – движет страсти красноречием сердца, жаром чувств, стремлением души» [Там же: 76].

Одним из первых Н.Ф. Кошанский пытается разделить значения словесности и литературы. В начальном определении они даны как синонимы: «словесность или литература вообще наука, объемлющая полное знание одного или многих языков и все письменные произведения и писателей» [Там же: 1]. Однако литература – понятие более узкое, относящееся к области письменной-печатной словесности, поэтому существуют понятия *истории литературы* как «истории писателей» и «литературы какой-либо науки или искусства – собрания сочинений или писателей по той части». Толкование основных терминов базируется на филологической культурной традиции, рассматривающей развитие общества в связи с развитием языка или форм словесности. Поэтому «народы дикие имеют язык, но не имеют литературы; а просвещенные по успехам литературы заключают о степени образования народа» [Там же: 1].

Именно Кошанскому принадлежит наиболее разработанное учение об источниках изобретения мыслей. В название первой важнейшей части риторики (после определения «словесных наук») Кошанский вводит термин «источник мыслей» и, как бы возражая противникам «источников изобретений», определяет: «Первый и главный источник всякого сочинения есть предмет, или предложение. Предметом сочинения называют одно понятие, идею, одно слово. Например: *Провидение. Весна. Буря...* Предло-

жение заключает в себе краткую, полную мысль, которая говорит что-либо ясно уму и тайно сердцу». Итак, главный «источник» – сам «предмет». Что система топов вовсе не набор формальных правил для Н.Ф. Кошанского (в чем его обвинят и К.П. Зеленецкий, и В.Г. Белинский), доказывается и последующим рассуждением: «Когда дано или избрано предложение, то прежде всего старайтесь хорошо понять его...» Таким образом, Н.Ф. Кошанский настойчиво призывает к размышлению, а не к формальному использованию топов.

«Действие» же «ума», когда ритор создает новые мысли, слова, выражения, «называется в риторике изобретением». Классификация «источников изобретения» Н.Ф. Кошанского настолько педагогически и писательски целесообразна, что на нее и современному учителю следует обратить особое внимание. Согласно Н.Ф. Кошанскому, существуют три рода источников изобретения: первый дает способы распространять одно предложение; второй – «учит из одного предложения выводить другие»; третий – показывает, «откуда почерпаются доказательства, согласные с целью писателя», и относится к частной риторике.

Первый род источников изобретения включает десять способов: первые три служат к «приисканию слов» (синонимы, эпитеты, противные); затем – семь известных вопросов: *кто?*, *что?*, *где?*, *при чьей помощи?*, *для чего?*, *каким образом?*, *когда?*.

Второй род включает двадцать четыре источника, причем из предварительных комментариев Н.Ф. Кошанского ясно, что речь идет о порождении или распространении мыслей: «Всякая мысль рождает другую. В каждом предложении таится другое, в другом – третье...». Как бы отвергая обвинения своих будущих оппонентов в формализации процесса мысли, Н.Ф. Кошанский показывает, как общие места служат риторической педагогике, открывая способности *мыслить*: «Открывать в одной мысли другие, искать в данном предложении новых значит *мыслить*. Нельзя тому сочинять, кто не умеет и не хочет думать: *хорошо писать значит хорошо думать*».

Сказанное слишком похоже на то, в чем будут обвинять Кошанского его оппоненты – противники источников изобретения: «размышляй!» – призывают и М.М. Сперанский, и К.П. Зеленецкий, но в сущности ни тот, ни другой не предлагают педагогического метода. Н.Ф. Кошанский с целью обучения «мыслить» начинает общую риторику «источниками изобретения», предваряя их описание вдохновенным пояснением: «Источники изобретения раскрывают ум, развивают мысли. Они укажут вам, с какой точки зрения должно смотреть на предмет или на мысль». Пользование

источниками предполагает избирательность: «Не в каждом источнике вы найдете новые мысли для вашего предложения, но в разных источниках... что-либо новое, изящное, прекрасное».

Н.Ф. Кошанский фиксирует внимание читателя и учеников (сила его книг – в обращенности к учащимся) на значении теорий изобретения и расположения: «истинное красноречие всех веков и народов состоит в прекрасных мыслях, в искусстве располагать и составлять сочинение, а не в наружности, которая в живом языке пленяет только один век, одно поколение». Расположение формируется «действием рассудка и нравственного чувства, которые от частых соображений, от частых примеров сами, наконец, образуются, укрепляются и приемлют надлежащее направление». Понятия *рассудок*, *нравственное чувство* как бы терминологизированы у Н.Ф. Кошанского, это – реальные действователи или помощники, инструментарий создания речи: «Располагать сочинение значит обнимать рассудком все части его и, соображая одну с другою, назначать по нравственному чувству место для каждой». Правила, о которых пишет Н.Ф. Кошанский для «юной неопытности», предвосхищают позднейшие упреки В.Г. Белинского и К.П. Зеленецкого, поскольку всякие правила должны быть подкреплены «собственным размышлением и наблюдательным чтением лучших сочинений». Точно так же и «искусственность» риторических правил (при их нормативности) нивелируется, когда видишь рекомендацию Н.Ф. Кошанского «скрывать искусство», следуя во всем лишь законам «натуры».

Глубина и разнообразие трудов Н.Ф. Кошанского, филологического учителя Пушкина, не оценены его потомками. К сожалению, даже 200-летие со дня рождения поэта не пробудило широкого интереса к его учителю. Если исследователи современной научной риторики давно признали Н.Ф. Кошанского своим классиком, то современной школе и широкому читателю этот замечательный педагог, ученый и писатель-стилист почти неизвестен. Но у потомков, кажется, всегда есть возможность исправить положение – ведь «сердце в будущем живет...»

Литература

Авенариус В.П. Отроческие годы Пушкина. Биографическая повесть. – М., 1993.

Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. – М., 1998.

Граудина Л.К. Русская риторика: Хрестоматия. – М., 1996.

Грот Я.К. Из лицейских воспоминаний Я.К. Грота (VI курса: 1826–1832) // *К.Я. Грот. Пушкинский лицей.* – СПб., 1998.

- Грот К.Я.* Пушкинский лицей. – СПб., 1998.
- Кошанский Н.Ф.* Частная риторика. – СПб., 1832.
- Кошанский Н.Ф.* Общая риторика. 3-е изд. – СПб., 1834.
- Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. – Л., 1982. – С. 17, 18.

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

О НОВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ, РУССКОМ ТЕРПЕНИИ И РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕДАГОГА¹

Иностранные слова всегда были симпатичны русскому языковому сознанию. Они избираются более предпочтительно в сопоставлении с их русскими синонимами, хотя подспудно, в глубине сознания русскому человеку ближе, конечно, свое, родное. Особенно наглядно эти процессы интенсифицируются в периоды стилевых преобразований общественной и идеологическо-культурной сферы, современниками чему мы все явились в два последних десятилетия.

Не наученные изобретательно мыслить и создавать новые идеи и слова, преобразователи России предпочитали брать с Запада то, что казалось влиятельным и модным. Вот примеры современных терминологических заимствований, отражающих, конечно, качество риторического мышления нашего общества (ведь «богатство языка есть богатство мыслей» – Н.М. Карамзин).

Властно вошел в русскую культуру «имидж» – будто не было

¹ Статья опубликована в сборнике: Толерантность и коммуникативная культура педагога: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 17–19 ноября 2004 г., г. Ачинск / Под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 2005.

русского слова *образ*... Конечно, можно найти множество терминологических объяснений тому, что слово *имидж* имеет ряд отличий от слова *образ*. Но принципиально это дела не меняет: все русские «Имиджологии» начинаются доступным объяснением происхождения западного нововведения. И то сказать: если не ввести «нового» слова, то в чем же будет состоять «открытие в науке»? Скажем более: гораздо легче привлечь читателя или студента толкованием переводного термина, взятым из западного учебника, нежели разобраться в истории родного слова. В данном случае пришлось бы заглянуть в книгу выдающегося филолога и знатока истории русских слов академика В.В. Виноградова «О языке художественной литературы», выяснив для себя, что термин «образ оратора» содержит гораздо более глубокие толкования (этические, философские, аксиологические, комплексно речевые), нежели ограниченные объяснения имиджологии, преследующей цель «нравиться людям». А исторически пришлось бы процитировать и Владимира Мономаха с его утверждением ценности всякой личности «всяк человек – своим лик *образом*», а, может быть, и вспомнить основной тезис христианской педагогики: «образ человека – образ Божий». Представленные здесь оценки и противоречия носят фундаментальный культурный характер.

Другой актуальный пример: американизм *бизнес* и русское *дело*. О каком построении новой экономики и ее реформах может идти речь, когда в сознании общественности не реабилитированы русские слова *дело*, *предприниматель*, *деловой человек*? Для младореформаторов казалось более легким копировать западный стиль жизни, слепо перенося чужеземный опыт на русские реалии. Сегодня очевидно, чем этот опыт закончился для страны и большинства ее населения.

Между тем, так было не всегда – и многое зависит от самого творца языка, который изобретением нового слова предполагает создавать и новую общественную действительность. В периоды стилистических преобразований может восторжествовать и национальное начало. Так, славное создание первого «Словаря Академии Российской» (первое деяние Академии Российской, возглавляемой княгиней Е.Р. Дашковой) предполагало главную цель – борьбу за «чистоту» русского языка. Концепция «славенороссийского языка» была настолько мощной, что импульс, заданный Словарем, отразился затем на всех сторонах российской жизни, глубоко своеобразной и несомненно формировавшей патристическое мировоззрение будущих победителей Отечественной войны 1812 года. Там, где можно было воспользоваться русским словом вместо иностранного, избиралось свое, русское. Напри-

мер, в «Словаре» отсутствуют слова *поэзия*, *поэтика*, но есть русское слово *стихотворение* (= творение стихов), а слово *риторика* корреспондирует со словом «ветийство».

Со словом *толерантность* произошло нечто подобное. Слово замороженные, мы начали читать откровения западных ученых, пытаясь разглядеть новый, неизвестный ранее смысл в давно известных русских словах. Причем, следует ссыла на то, что мы не были «толерантны» друг к другу в XX веке – и частные примеры возводятся в ранг общих. Так, интолерантностью, агрессивностью объясняются русские катаклизмы: Гражданская война, противостояние красных и белых, вплоть до бытовой нетерпимости, проявляющейся в кухонных ссорах. Однако мы с таким же успехом найдем множество примеров терпения и других синонимичных добродетелей в нашей истории и культуре, говорить о которых ныне не модно, а, если точнее, не *политкорректно*. Значит, дело не в нашей нетолерантности, а в стиле мысли и общественном настроении последних двух десятилетий.

Вторая проблема: неужели толерантностью (или терпением, терпимостью) ограничивается набор требований, которые мы предъявляем к современному человеку или (если мы рассматриваем этого человека профессионально) специалисту? Однако толерантность стала в современной идеологически вакуумной для некоторых авторов атмосфере новой идеологемой, заполняющей мировоззренческие пустоты постсоветской цивилизации. Этого нельзя не видеть во множестве современных работ, где толерантность начинают видеть не только в русских сказках, а толерантности начинают учить детей в начальной школе, уже и русская фонетическая система объявлена «толерантной», поскольку звуки в ней удачно сочетаются друг с другом.

Только закрыв глаза на очевидную реальность, можно не понять, откуда следует происхождение этого слова. Толерантность – не просто безобидный термин, рожденный желанием всепрощения, внимательности друг к другу, корректности или чего-то подобного, близкого к вежливости речевого этикета и способности терпеть ближнего с его недостатками и трудностями характера. Толерантность – идеологический термин современной теории и практики западной политкорректности, предполагающий пересмотр существующих традиционных культурных реалий и ценностей.

Уверен, что можно говорить о философско-филологических корнях этого явления, заключенных в природе массовой коммуникации, тех сложностях нового информационного бытия, за которыми пытается поспеть человечество в освоении новой коммуникативной технологии и рождаемой ею массовой культуры. Гло-

бализация мыслительно-языкового сознания требует от пользователей противостояния надвигающемуся потоку информации – как же это сделать? Только двумя способами: 1) отсечением культурной «традиционной» информации (учиться вообще трудно – особенно, когда кроме книг, появились новые более простые источники, например, телевизор или компьютер); 2) предложением новых альтернативных ценностей обиженного меньшинства (чернокожего, гендерного, сексуального и т.п.), к которому предыдущее человечество якобы не было «толерантно». Тот факт, что при этом значительная часть культурной информации уничтожается, а общество слабеет «культурными конфликтами и противоречиями», не имеет принципиального значения для создателей новой культуры, ибо главным становится утверждение новой самооценности.

Обобщим явление толерантности в следующих выводах:

1. **Толерантность** – термин западной теории и практики политкорректности. Политкорректность предполагает пересмотр взглядов и отношений между людьми через запрет на употребление определенных слов (имен), якобы обижающих те ли иные «виктимизированные» группы населения (женщин, чернокожих, лесбиянок, гомосексуалистов, больных, глупых, старых и т.д.). Замена имен, как ясно показано в монографии Л.П. Лобановой, первом монографическом исследовании феномена политкорректности и толерантности [Лобанова 2004], ведет к тому, что меняется система общих мест как основных ценностных, мировоззренческих категорий, когда нарушаются нормы культуры, а культурно значимые тексты запрещаются или пересматриваются.

2. **Политкорректность** рождена современной массовой культурой, когда в условиях массового общежития традиционные ценности не могут удержаться в сознании общества, а само общество теряет ориентиры вследствие рождения новых видов речи (новым этосом являются обновленные условия речи). В новых видах словесности (прежде всего СМИ и Интернет) отсутствуют ясные культурные ориентиры, основой которых является духовная мораль, но утверждаются сиюминутные ценности, их стиль и образцы поведения кратковременны, скоропреходящи. В таких условиях массового общения оказывается невозможным удержать высокий уровень культуры, нравственности, образованности – голову начинают поднимать именно «обиженные» части общества, считающие себя униженными и оскорбленными в прошлом... Именно они («эфраусипированные» феминистки, геи, лесбиянки, чернокожие, глупые, больные, старые, а на самом деле самые необразованные из молодых) требуют толерантности, т.е. под видом не-нанесения ущерба личности и запретов на употреб-

ление «обидных и оскорбительных слов» организуют настоящую травлю всех, кто придерживается либо традиционных ценностей, либо когда-либо в прошлом посмел употребить «обидные» слова. «Новый стиль жизни находит свое главное проявление в новом стиле речи, развивающемся в направлении табуизации определенных слов и выражений и создания новых имен» [Там же: 34].

3. Создание новой культуры возможно только на основе культурных достижений прошлого, его знания и освоении. Именно такой точки зрения придерживался академик В.В. Виноградов, которым более всего ценились **осведомленность** («этот человек осведомленный») и «свет ушедших умов». Поэтому и «исторический» метод академика В.В. Виноградова состоял в том, чтобы внимательно оценить и описать своих предшественников, а затем сделать свою гипотетическую оценку, которая могла быть достаточно сложной и противоречивой, но располагающей к бесконечному движению и рождению новых мыслей, потому что наука не останавливается с сегодняшним открытием – она «вечна».

Современная научная теория также в свете развития массовой науки стремится рожать новые теории и направления – и этому следовало бы посочувствовать, если бы вместе с рождением нового не отсекалась большая часть известного «старого». Так интенсивно развивающаяся теория концептосфер с легкостью и уверенностью анализирует такие понятия, как *дух*, *душа*, *русский характер*, делая легковесные выводы, словно все эти понятия не имели глубокомысленных и подробных описаний в истории русской философии, психологии и духовной этики,

Поэтому ниже попытаемся систематизировать материалы, касающиеся русского концепта *терпение*. На наш взгляд, необходимо воспользоваться указанным выше методом В.В. Виноградова в создании максимального количества примеров, культурных прецедентов, которые позволили бы увидеть многосмысленность и разнообразие русского слова *терпение*. Это требуется сделать особенно потому, что в новейших исследованиях, среди которых наиболее значительным явился сборник «Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности», имеется ряд оценок якобы отсутствующей у русских способности к *толерантности*. Фокус прост: у русских отсутствует толерантность, потому что не было этого слова, но в таком случае у американцев и прочих западных народов отсутствует *терпение* (надо бы написать *terpenije*). Впрочем, современному Западу не приходит в голову проявить *толерантность* к «виктимизированной» России и начать анализировать русское *terpenije*.

Причина этого, конечно, – неоглобализм и навязываемая ос-

новной «мировой державой» всему миру «культура мира». Это еще один термин, который в России трактуется с той же двусмысленностью, как и известный роман Л.Н. Толстого. Слово «мир» в данном случае означает вовсе не земной шар или разнообразие стран и народов, а все ту же «толерантность» в смысле миролюбия к пропагандирующей себя политкорректности.

Опасность политкорректности и толерантности начинает осознаваться многими людьми на Западе, которые называют эти явления «полицией нравов», «запретом на мышление», «диктатурой благонравия» (ср. характерное название книги Джонатана Рича «Благонамеренные инквизиторы: новые атаки на свободу мысли»). Вот лишь несколько характерных примеров из книги Л.П. Лобановой:

- запрещается «прославление бывших рабовладельцев» (таковы очень многие известные деятели, вошедшие в историю Америки);

- запрещается зачитывание в школах цитат из Декларации независимости, утверждая, что она является оскорблением всего чернокожего населения Америки;

- политически корректные требуют отменить показ опер, в которых есть сцены дурного обращения с чернокожими на том основании, что они расистские;

- роман М. Твена «Приключения Гекльбери Финна» исключен из списка обязательной литературы в школьных программах, так как в нем встречается слово «nigger»;

- из здания университета штата Пенсильвании пришлось удалить «Обнаженную маху» Гойи по требованию оскорбленных феминисток, потому что маха обнажена, потому что она женщина и потому что художник – мужчина [Лобанова 2004: 38–40].

- портретные галереи «родоначальников» в университетах считаются сексистскими, если они представлены только мужскими портретами. Ср. американские фильмы, где непременно в каждой группе играющих людей должен быть негр.

Понятно, что таким образом из культуры выбрасывается целый пласт текстов, значимых культурных символов, идей, которыми формировалось сознание нации. Впрочем, обратим внимание на то, что сегодня в России под видом той же ложно понятой терпимости=толерантности в массовой и бытовой культуре идет тот же процесс реабилитации якобы прежде обиженных и притесненных явлений: существовал запрет на непристойные слова – «будем терпимы или толерантны!..» (и терпим телевизионную антикультуру речи и уличную брань наших детей); существовали культурные запреты на «порно» – сегодня почти невозможно от-

делить эротику от секса, а секс от порно... В сущности слово «секс» – такое же ложно изобретенное имя, в котором отсутствует точность смысла, отчего происходит невозможность корректного суждения и истолкования.

Слову толерантность современные российские ученые пытаются придать, в сущности, иной смысл. Толерантность означает терпимость в отношениях с другими людьми, неагрессивность, причем более всего данный термин на русской почве проявляет себя в сопоставлении со своим антонимом нетолерантность или интолерантность. С последними связывают конфликтность, агрессивность и под. Во многих современных трудах толерантность объясняется как достижение согласия, словно бесконфликтность является высшим проявлением правильности человеческого поведения. При этом забывается, что требование доброжелательства, дружелюбия, любви в отношениях с людьми вполне может предполагать достаточно строгое и непримиримое отстаивание своих взглядов и убеждений, когда речь идет о вопросах принципиальных: нравственности, этике, долге, научных воззрениях, политической программе, вопросах веры и др.

Для того чтобы проанализировать русский концепт *терпение*, необходимо обратиться к разным видам словесности и разным авторам. Если двигаться от изначальных культурно значимых текстов к технологически более сложным, то необходимо проанализировать, по крайней мере, тексты фольклора, духовной литературы, художественную классику и т.п.

Исторически, конечно, необходимо начать с фольклора как изначального текста, содержащего общие места как культурные ценности, которых придерживается данная цивилизация. Фольклор же является и первичным текстом для становления человека в устной речи.

В «Пословицах русского народа» В.И. Даля *терпение* составляет одну группу с концептом *надежда*. Приведем именно те пословицы, где встречается *терпение* в различных словоформах:

Бог терпел да и нам велел.

Терпи, голова, в кости скована.

Терпи горе: пей мед.

Оттерпимся – и мы люди будем.

Час терпеть, а век жить.

На хотенье есть терпенье.

Терпенью – спасенье. Без терпенья нет спасенья.

Не потерпел, не спасешься.

Работай – сыт будешь; молись – спасешься; терпи – взмилуются.

*За терпенье дает Бог спасенье.
Терпенье и труд все перетрут.
Оттерпимся – до чего-нибудь дотерпимся.
Терпя, в люди выходят.
Лучше пропасть, чем терпеть злую напасть.
Терпит брат долго, а через край пойдет – не уймешь.
Терпи, казак, атаманом будешь.
С бедою не перекоряйся, терпи!
Терпенье – лучшее спасенье.
Хорошо спасенье, а после спасенья – терпенье.*

При многообразии смыслов обратим внимание на то, что фольклорная мудрость (практическая мораль) описывает множество житейских ситуаций, но в каждой ситуации трактовка возможна в зависимости от интересов и выгоды создателя речи. Поэтому в большинстве ситуаций рекомендуется терпение, но в иных – по уместности – забыть о терпении, если оно вредит человеку: не стоит «терпеть злую напасть», а иное терпение возможно лишь до определенного момента («через край пойдет – не уймешь»).

Практической морали, зафиксированной в устной речи, противостоит духовная мораль Священного Писания, реализованная в письменных текстах. Духовная мораль, как пишет Ю.В. Рождественский, «в отличие от практической морали управляет не только поступками, но и желаниями, чувствами, помыслами человека... Духовная мораль требует научения особому составу нравственных суждений, под воздействием и с помощью которых человек способен осуществлять сознательное управление духовным развитием своей личности: не только своими поступками, но и чувствами, желаниями, помыслами» [Рождественский 2003: 43].

Естественно, что терпение относится к нравственным добродетелям (положительным качествам характера) и, в сущности, входит традиционно в перечень таких качеств в текстах духовной морали. Характерно, что качества *терпимость* – *нетерпимость* описаны Ю.В. Рождественским как общие места практической морали, а в духовной морали они предполагаются как бы уже присутствующими. Ср.:

«Терпимость – черта характера, которая проявляется в умении переносить трудности и в стремлении достичь взаимного понимания и согласования различных интересов, убеждений, привычек...

Терпимость предполагает уважение чужого мнения:

Ум на ум не приходится.

Что голова, то и разум.

Всякий молодец на свой образец.

Нетерпимость выражается в неумении переносить трудности, в склонности человека возражать против всего, что не совпадает с его чувствами, представлениями, убеждениями, привычками. Нетерпимый человек не считается с противоположными высказываниями, мнениями и убеждениями. Нетерпимость как черта характера – обычно результат недостаточного морального воспитания» [Рождественский 2003: 23].

В *духовной* морали мы можем говорить о новом уровне нравственного развития человека. Этот уровень проявляется в составе суждений, а состав суждений находит реализацию в словаре. Духовная мораль предполагает в человеке способность поставить себя на место другого человека и «не желать ему того, что ты не желаешь самому себе» (золотое правило морали). Расширяется состав нравственных качеств человека – он становится существенно новым и обогащенным вниманием к духовному совершенству греховно «падшего» человека: «Господи, даждь ми помысл исповедания грехов моих. Господи даждь ми смирение, целомудрие и послушание. Господи, даждь ми *терпение*, великодушие и кротость» [Православный молитвослов 2000: 46].

Уместно вспомнить и молитву Ефрема Сирина, переложенную А.С. Пушкиным:

*Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Сказанным далеко не исчерпывается материал исследования данного концепта в духовной литературе. Так, вспоминается замечательное древнерусское слово «долготерпение», впрочем, знакомое всякому читателю современной духовной литературы. Ср. слова апостола Павла о любви: «Любовь *долготерпит*...»; или перевод стихов Шелли: «и я готов сносить был бесконечно / и козни, и насмешки, и вражду, / прикрыв тройным щитом *долготерпенья* / большую грудь». В советское время христианские ценности проявлялись в текстах художественной литературы.

Следующая ступень рассмотрения морали, приближающая нас к теме речевой культуры педагога, – *профессиональная мораль*. Профессиональная мораль возникает с появлением печатной словесности, когда развиваются мануфактуры, требуется многообразие профессий и соответственно определяются обязанности в каждой из них. Ю.В. Рождественский определяет профес-

сиональную мораль как «кодексы поведения, которые обеспечивают добросовестное выполнение профессиональной деятельности тем или иным общественным сословием» [Рождественский 2003: 53]. Выделяя разные виды профессиональной морали, Ю.В. Рождественский пишет о педагогической морали: «Педагогическая мораль определяет поведение учителя (воспитателя) по отношению к ученику (воспитаннику) и ученика – по отношению к учителю.

Учитель, получая абсолютную власть над учеником, должен уважать личность воспитанника и быть в меру требовательным к нему.

Ученик, оказываясь в полной зависимости от учителя, должен глубоко уважать личность учителя, доверять ему, следовать его наставлениям и быть в полной мере требовательным к себе» [Рождественский 2003: 55].

Определение принципов поведения учителя (преподавателя в вузе) всегда было заботой организаторов школы, а с появлением высшей школы, также предметом описания личности как школьного, так и университетского педагога. Если же говорить о культуре педагога, то здесь необходимо выделить (и так это будет в классических педагогических и риторических сочинениях) следующие разделы:

- культура нравственности и этики педагога (любовь к учащимся, желание блага), чувство долга и т.д.;
- культура мысли: интеллект, образованность, знания;
- культура речи (общения, коммуникации), формирующая стиль личности педагога;
- культура слова (богатство словаря);
- культура произношения (техника и искусство благозвучия);
- культура телодвижения.

Если говорить о речевой культуре педагога, первый вопрос, который ставит перед собой всякий учитель и организатор школьного дела: каким должен быть человек, предстающий перед учениками? Ответ на этот вопрос всегда содержался в первых статьях школьных уставов России, он имеется в первом педагогическом трактате на европейской почве (трактат Марка Фабия Квинтилиана был не случайно «риторическим»). В риторике облик оратора описывается в разделе «ораторские нравы». Столетия педагогического труда накопили неисчислимое количество определений и описаний, тем не менее, существуют некоторые фундаментальные требования, по которым продолжает оцениваться педагог, и эти требования можно записать в стиле современного министерского циркуляра, а можно увидеть их исторического

предшественника, например, в Уставе одной из первых русских школ 1620 г. в Луцке: «Учитель должен быть благочестив, рассудителен, смиренномудр, кроток, воздержлив, не пьяница, не блудлив, не лихоимец, не чародей, не басносказатель, не пособник ересей, но соспешник благочестия, во всем представляя собой образец благих дел».

В современной Концепции модернизации образования будет сказано о «*новых* жизненных установках личности». И далее: «Развивающемуся обществу нужны современно *образованные, нравственные, предприимчивые* люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, *способные к сотрудничеству*, отличаются *мобильностью, динамизмом, конструктивностью*, обладают *развитым чувством ответственности* за судьбу страны» (курсив мой – В.А.) [Концепция модернизации... 2002: 2].

Практически, на наш взгляд, современному педагогу, где бы он ни преподавал, требуется размышлять над «проклятыми вопросами» своего бытия, формируя собственный взгляд при твердой опоре на культурную классику и ясном осознании современной реальности.

Естественно, что основанием профессионализма педагога является его знание предмета, учебной дисциплины. И это опять известное риторическое требование: красноречие основывается на знании, философской образованности. Интеллект педагога – основа его деятельности.

И все-таки воспитание педагога предполагает едва ли не более всего научение его некоторой совокупности педагогических приемов, которые уместно расположить в последовательности порождения и исполнения речевого акта: мысль – слово – соединение слов – произношение – телодвижение.

Предпочитаем не пересказывать эту традиционную схему общей риторики, а обратиться к практическим советам, которые, возможно, более всего уместны в обращении к педагогу, размышляющему над вопросами искусства своей речи. Такие рекомендации писались всегда, задача «нового» составителя – найти свой стиль и заставить задуматься.

Данные советы сформировались в два текста: рекомендации к монологу и рекомендации к диалогу преподавателя. Вот они:

Рекомендации к построению учебного монолога-объяснения:

1. Старайтесь представить материал *системно, полно, ясно и просто*.
2. *Системность* предполагает точное разведение понятий,

выстраивание ясных противопоставлений, связей в описании объекта.

3. *Полнота* означает исчерпывающее представление материала.

4. *Простота* заключается в выборе оптимального, доступного способа изложения.

5. Умейте давать *ясные, немногословные* определения обсуждаемому предмету.

6. Готовьте и будьте готовы изобретать сиюминутные *примеры*. Подчас иллюстрация и пример способны заменить определение с целью прояснения сложного понятия.

7. Не теряйте *контакта* с аудиторией, следите за ее реакцией и настроением, будьте внимательны и корректны.

8. Не забывайте о том, что *энергия*, идущая от преподавателя, воодушевляет, но и не подменяйте также доказательство энергичной эмоцией.

9. *Доказательства* должны быть строгими и точными, нельзя подменять доказательство в споре «авторитетным» давлением. Старайтесь убеждать материалом, яркими примерами. Не стесняйтесь признаться в своем незнании: «наука вечна».

10. В аудитории должно поддерживаться *настроение напряженной работы*. Нельзя материал упрощать, делать его «легким» или говорить банальные истины – то, что аудитория уже знает. В таком случае расслабляются внимание и воля студентов. Они должны быть *напряжены*.

11. Учитесь самостоятельно рождать мысли – аудитории нравится видеть *сиюминутно творящего*, думающего, внимательного к ней преподавателя.

12. Выбирайте уместный способ ориентации на ваши *записи*: если вы только «читаете», это грозит потерей контакта со слушателями. Аудитория должна видеть, что это *Ваши новые* (не вытасканные из сундука) *мысли*. Можете «читать», но чувствуйте, как вас слушают и понимают.

13. Думайте о *предмете* Вашей мысли и о том, что Вам нужно передать этот предмет. *Сосредоточьтесь!*

14. Будьте *готовы к вопросам*, но и не уходите от них, при подготовке старайтесь вопросы предугадать, в полемике – предвидеть. Ответы должны изобретаться на глазах аудитории – ей интересен процесс рождения мысли.

15. О трудных проблемах скажите *простым и ясным* языком. *Темп* речи зависит от восприятия и понимания аудитории – обычно его надо сдерживать, делать *паузы*, следя за восприятием материала.

16. Разнообразьте *движение и жесты*, но и будьте собранны, не «бегайте» по аудитории. Будьте просты и естественны, уместны и целесообразны.

17. Располагайте материал в *логической последовательности*, для закрепления повторите основные положения.

Рекомендации к построению учебного диалога примерно следующие:

1. Подготовьте точные вопросы, продумайте возможные ответы, «проиграйте» возможные варианты развития событий, но в «боевой обстановке» не бойтесь изобретать новые вопросы, действуя по ситуации в зависимости от хода занятий и конкретных ответов студентов;

2. В аудитории ведите диалог в зависимости от сегодняшней ситуации и состояния аудитории, учитесь «читать по глазам», прогнозируйте (угадывайте) реакцию слушателей;

3. Старайтесь соблюдать свой план, но не бойтесь изобретать новые вопросы, действуйте гибко и импровизационно;

4. Ставьте вопросы *четко, ясно, спокойно, просто*, стремитесь, чтобы вопрос был понят с первого раза, помните, что эмоция и взволнованность преподавателя передаются слушателям;

5. Проявляйте требовательность и благожелательность – поправок не должно быть ни к себе, ни к ученикам, добивайтесь выполнения задания;

6. Диалог не должен быть легким и развлекательным, но в меру трудным, аудитории должна быть интересна рациональная эмоция, испытывая которую она мысленно напрягается, получая радость от постижения знаний;

7. Не стремитесь говорить быстро, сдерживайте темп речи, цените слово;

8. Давайте высказаться учащимся, побуждайте их вопросами к речи, но не упускайте инициативы, оставайтесь лидером общения, с этой целью будьте готовы дать изобретательный комментарий;

9. Не уходите от ответов на возникающие вопросы, если не знаете, честно в этом признайтесь, совместно ищите ответ в будущем.

Очевидно, что эти рекомендации (своеобразные «заповеди» преподавательского труда) могут быть продолжены. Они являются некоторый возможный идеал, о котором приходится размышлять, чтобы наметить эффективные результаты своей работы.

Есть ли во всех этих советах русский концепт *терпение* или новоиностранный концепт *толерантность*, понятый по-русски?

Они растворены в этом тексте, как растворено множество других качеств, которые при строгой опоре на традиционные знания и ценности являют каждого педагога как личность, имеющего, по словам Владимира Мономаха, «свой лик – образ». Поэтому в процессе формирования и воспитания педагога по-новому зазвучат и слова В.И. Даля, толкующие русское слово *терпение* как способность «выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать // крепиться, об(пере)могаться, мужаться, держаться, стоять не изнемогая, не унывая; // ожидать, выжидать чего лучшего, надеяться, быть кротким. Смиряться; // снисходить, допускать, потакать, поноравливать, давать повадку; // не спешить, не торопить, не гнать, сноравливать» [Даль 1882: IV, 401–402].

Формирование такого образа педагога-ритора и его речевого поведения требует усилий, вдохновения, размышления, тренировки, опыта, практики и долготерпения.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.–М., 1882. – Т. I–IV. (репринтное издание. – М., 1981).

Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М., 2002.

Лобанова Л.П. Новый стиль речи и культура поколения: политическая политкорректность. – М., 2004.

Православный молитвослов. 2-е изд., испр. Издание Свято-Введенской Оптиной пустыни. – 2000. – С. 46

Рождественский Ю.В. Словарь терминов. (Общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность. Этика. – 2-е изд. – М., 2003.

ЯЗЫК СЕМЬИ¹

Что такое семья и в чем ее суть? Ну, конечно, взаимная любовь супругов, отраженная в любви к детям, гармония, «согласие» и всеобщий «лад» – семьи «клад», но, как филолог-русист, решительно замечу, что семья – это прежде всего *общение*, причем самый трудный его вид, поскольку он и она, по условиям «брачной» договоренности, не только прилепляются друг к другу «духом и плотью», но и по внешним условиям должны теперь регулярно, многократно, постоянно говорить друг с другом, словесно взаимодействовать – и эти контакты делают двух людей либо несчастными, либо счастливыми. Кто-то скажет, что вопрос решается просто: «любите друг друга» – исполнением этой заповеди снимаются все проблемы, однако почему все-таки «любовная лодка разбилась о быт»? Ведь на самом деле вопрос не в быте, а в том, как быт осмысливается и воспринимается, как двое счастливых людей почему-то вдруг (или не вдруг?) отдаляются друг от друга и уже не находят тех радостных и светлых слов, которые рождались и лились из самого сердца в период ухаживания и сладостно-«медовой» влюбленности.

Конечно, слово, язык, речь – только внешнее выражение нашего внутреннего существования, однако именно по слову и речи, отражающим мысли и чувства, можно оценить человека и сказать, «плох он или хорош». Наша речь, Слово в широком смысле является свидетельством состояния нашего сердца, интеллектуального образования, готовности к волевому преобразованию жизни и творчеству, а семья – это несомненное творчество... Над феноменом Слова стоит поразмышлять еще и потому, что человек, по Божьему замыслу, есть существо *словесное*, он – единственный, кто наделен даром мысли и разумной речи. Скажи мне слово – и я скажу, кто ты. Всякий человек оценивается по его сло-

¹ Статья опубликована в преддверии V Всероссийского кинофестиваля «Семья России» в журнале «Семья России». – 2009. – № 1(4). – С. 93–96.

вам и делам, которые отражают состояние его души, то есть сердца, разума и воли.

Говорить о языке семьи – в Год семьи после Года русского языка – трудно и ответственно. Трудно потому, что разговор о языке требует поднятия не поверхностных и частных вопросов, а предполагает понимание языка как ответственного орудия взаимодействия и организации всей нашей жизни, а значит, возвышенного понимания речи и Слова. Слово же, понятое не только как отрезок текста или единица языка, а философски и духовно – как Бог, Дух, Любовь, благотворящая и управляющая миром сила, – требует разговора серьезного и неспраднословного.

Поэтому, имея в виду *язык семьи*, скажем, что есть *Слово*:

1. Слово человеческое подобно Слову Божию (Святитель Игнатий Брянчанинов). Человек совершенствуется в своем слове и таким образом стремится к обожению. Слово при этом надо понять широко – как любой знак, имеющий смысл. Поэтому знаковы, «словесны» не только молчание, но и все осмысленные формы человеческого существования и поведения: музыка, живопись, танец, другие виды искусства и профессиональной деятельности.

2. Слово есть Бог. Бог через Слово творит мир. Слово же как инструмент преобразования мира даруется Богом единственному Его созданию – человеку, который словесными поступками организует общество людей. Качеством общественного слова (языка, коммуникаций) проверяется эффективность и благоустройство человеческого сообщества. Качеством словесного общения проверяется и каждая семья.

3. Слово есть Дух, поэтому и человек призван, прежде всего, к осуществлению своей личности в высоко духовном. Качеством духовных стремлений просветляется и проверяется всякая человеческая жизнь. Качеством духовных интересов и стремлений проверяется и каждая семья.

4. Если Бог есть любовь, то и Слово есть любовь, поэтому человек по природе, сотворенной Богом, устремляется к любви, а любовь «словесна», т.е. выражима человеческими поступками, среди которых главные и осмысленные – поступки словесные, речевые. Так, все добродетели и пороки, достоинства и грехи имеют словесное выражение и обычно описываются через словесные примеры. Поэтому и любовь словесна, взаимообщительна.

Что есть семья применительно к Слову? Иерархия ценностей православного человека выстраивается следующим образом: Бог – семья – общественное служение – личные интересы. Бог в совершенстве Его Слова стоит на первом месте, семья, где право-

славный человек прежде всего ищет спасения в отражении Его Слова в собственной словесной жизни, – на втором.

Первые люди Адам и Ева образовали именно семью, которая явилась первоначальным человеческим коллективом. Именно в семье человек начинает свою жизнь. Семейственность свойственна и животному миру, но только человек придал семье глубокий смысл духовно-словесного единения, которое приобрело особую значимость в православном понимании таинства брака как получения особой благодати.

Сущность православного брака (семьи) применительно к слову можно увидеть уже в самом определении семьи:

«Брак есть таинство, в котором при свободном, пред священником и Церковью обещании женихом и невестой взаимной супружеской верности, благословляется их супружеский союз, во образ духовного союза Христа с Церковью и испрашивается и подается благодать Божия для взаимной помощи и единокровия и для благословенного рождения и христианского воспитания детей» [Закон Божий 2000: 556].

«Брак есть теснейшее соединение двух личностей в одну плоть, оно включает достижение единства двух и сохранение его в целости, внутреннее срастание, духовное единокровие.

Христианский брак требует постоянного подвига. Нужна взаимная выдержка, терпение, сострадание, любовь, сознание важности благословения Божия и принятых на себя обязанностей, готовность на жертвы» [Православный катехизис 1991: 300–301].

Очевидно, что эти союз, соединение, достижение единства и сохранение его, срастание и единокровие невозможны вне *слова* и определенного типа *общения*, которые не только воплощают человеческую природу (ибо человек «словесен»), но являются основой и сердцевинной всей семейной жизни. Выдержка, терпение, сострадание, любовь, жертвенность – все это категории трудно представить вне взаимообщения и человеческого слова, которое должно действовать как выражение божественно-духовной природы человека.

Так, в человеческом слове проявлены основные законы бытия, данные нам в заповедях Господа Иисуса Христа. Первая заповедь говорит о принципиальном устремлении человеческого сердца, которое готовит мысли человека для словесного общения: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем. Сия есть первая и наибольшая заповедь» (Мф. 22, 37–40). Вторая же заповедь «возлюби ближнего твоего как самого себя» говорит об основании правил межчеловеческого общения: ни эрудиция, ни внешняя мудрость, ни знание языков – «человеческих и ангельских» – при всем

краснословии и многословии не делают человека человеком, если он, по словам Апостола Павла, «любви не имеет» (1 Кор., 13, 1). Очевидно, что именно эти суждения кладутся в основу семейного диалога.

Итак, семья – это общение. От того, на каких принципах строится общение, зависит счастье и благополучие семейного союза. Язык семьи – лишь внешнее проявление того духовного союза, которым скрепляется единство брачующихся, впоследствии мужа и жены, родителей и детей. Но если человек есть существо «словесное», а «в начале было Слово», то в основание человеческой жизни в семейном общении нельзя не положить «слово» в его одухотворяющей Божественной благодати. Если Слово Божье совершенно, то слово человеческое, несмотря на свое «подобие» Слову Божию, влекомо ко греху, и именно грехи «слова» и «языка» разрушают семью и мешают ее процветанию. В перечне грехов ясно видна их речевая природа: ибо каждое из согрешений либо прямо указывает на «слово» (*злословие, прекословие*), либо связано с речевым действием (*осуждение, укорение, споры, пересуды, нежелание уступить* и т.п.), либо через недолжные страсти соединено со словом (каковы *гнев и ненависть*).

Где же искать материал для правил и советов к построению словесного общения в семье? Прежде всего, конечно, в самом Священном Писании: Слове Божию, посланиях Апостолов, сочинениях отцов церкви, святоотеческой литературе. Объем этого материала колоссален, и пока изберем лишь некоторые основополагающие культурно значимые суждения, в которых не всегда явно, но имплицитно присутствует мысль о гармонии или трудностях семейного общения.

Вот заповедь: «оставит человек отца и мать свою и прилепится к жене, и будут два в плоть едину». Конечно, она предполагает не только духовное и плотское единство, но и единство словесно-речевое. Так, Святитель Филарет Московский, указывая на тесную и неразрывную любовь супругов, пишет о «взаимном общении мыслей», «всегдашнем собеседовании и неразлучном сожитии» [В подарок новобрачным 2007: 68–69].

К сожалению, данный материал не систематизирован, хотя для практических и душеполезных целей достаточно отдельных советов великих духовных наставников – и в этом безбрежном море словно оmyвается и «паче снега убеляется» всякая читательская душа. Прежде всего я имею в виду сочинения отца Иоанна Златоуста, Святителя Феофана Затворника, Святителя Тихона Задонского, отца Иоанна Кронштадтского и многих других христианских подвижников, а это всегда также подвижники Слова Бо-

жая, находившие и точные человеческие слова для выражения любви Божией. Возможно, требуется создание некоей симфонии, которая содержала бы как анализ человеческих качеств (добродетелей и пороков), так и словесных категорий. Например, из святоотеческих наставлений выделяются такие тематические категории:

– забота («заботься о своей жене, как Христос о Церкви» – Святитель Иоанн Златоуст);

– уважение, ласка, почитание («Не безрассудно говори с нею, но с ласкою, с уважением, с любовью. Почитай ее, и она не будет иметь нужды в почете других» – Святитель Иоанн Златоуст);

– великодушие, добросердечие, преданность («Для каждой жены главная обязанность – устройство и ведение ее дома. Она должна быть великодушной и добросердечной. Женщина, чье сердце не трогает вид горя, которая не стремится помочь, когда это в ее силах, лишена одного из главных женских качеств, которые составляют основу женского естества» – страстотерпица царица Александра).

Вслед за человеческими качествами необходимо увидеть речевые действия и поступки, которые связаны со словом. Например, *утешение*: «Умейте утешать, ибо Бог утешает вас самих», – говорит Апостол. Или *совет*, о котором говорится не только в народном благопожелании «совет да любовь!» – кстати, «со-вет» – это совместное беседование (ср. *ветия* – оратор, ведь корень *вет-*, имеющийся в словах *привет*, *ответ*, *завет*, *навет* означает речь, говорение). Страстотерпица царица Александра пишет: «Нужно советоваться с женой о своих делах, своих планах, доверять ей. Может быть, она и не так, как он, смыслит в делах, но, возможно, сумеет предложить много ценного, так как женская интуиция часто срабатывает быстрее, чем мужская логика» [В подарок новобрачным 2007: 66].

Или вот о *любви* и *деликатности*, которые переплетены с настроениями и чувствами (а последние названы М.М. Сперанским «основаниями красноречия»), и со всеми средствами словесного и несловесного выражения: «В любви нужна особая деликатность. Можно быть искренним и преданным, и все же в речах и поступках может не хватить той нежности, которая так покоряет сердца. Вот совет (и этот совет «научно-риторический» – В.А.): не демонстрируйте плохое настроение и оскорбленные чувства, не говорите гневно, не поступайте дурно. Ни одна женщина в мире не будет так переживать из-за резких или необдуманных слов, слетевших с ваших губ, как ваша собственная жена. И больше всего бойтесь огорчить именно ее. Любовь не дает право вести

себя грубо по отношению к тому, кого любишь. Чем ближе отношения, тем больше сердцу от *взгляда, тона, жеста или слова*, которые говорят о раздражительности или просто необдуманно» [В подарок новобрачным 2007: 65].

На семейную речь распространяются как библейские, так и святоотеческие суждения о языке, речи, слове, устах. О языке как источнике всякого зла предупреждают не только Священное Писание, но и многие христианские подвижники. «За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день страшного суда» (Мф, 12, 36) – разве не праздные, пустые, лишние слова нарушают семейный мир и благоденствие? Тихон Задонский, комментируя эти слова Христа, пишет: «Так много зол язык необузданный делает!.. Аще за слово праздное, колыми за слово скверное, срамное, хульное, укорительное, поносительное, воздадут ответ. Сего ради так сильно слово Божие увещевает нас к хранению языка: «да будет всяк человек скор услышати, и косен глаголати, косен во гневе» (Иак. 1, 19). Идеи хранения и обуздания языка неоднократно повторяются христианскими подвижниками.

А сколько прекрасных мыслей найдется в «Книге притчей Соломоновых», где каждое второе суждение касается или языка, слова, уст, или относится к речевым правилам поведения! Например: «Соты медовые словеса добра, сласть же их исцеление души»; «От плодов уст своих человек вкусит добро, душа же клятв-вопреступников – зло»; «Кроткий ответ отвращает гнев, а дерзкий ответ возбуждает ярость». Все это особые темы, на которые в старинных школах риторики писались сочинения и рассуждения, а современные ученые и педагоги исследуют и рекомендуют использовать в речевом воспитании личности.

«Филологическое» объяснение феномена семьи состоит в том, что семейный диалог есть самый трудный вид словесного общения, поскольку это самый регулярный и многократный тип человеческих контактов. Если помните, известный киногерой в «Иронии судьбы» как раз по этой причине бежал брака: «Как представил, что она будет постоянно мелькать туда-сюда, туда-сюда...» Именно постоянное соприкосновение людей в семье высекает либо искры конфликтов, либо искры и огонь любви и света. Другие типы общения менее сложны как раз вследствие возможности уберечься от «языка» и общения: от работы и неудобных сослуживцев можно уйти на другую работу к другим сослуживцам, от дальних родственников и друзей можно отдохнуть, конфликтное соприкосновение со случайным человеком достаточно быстро забывается... Иное дело семья, требующая постоянной любовной заботы и сердечного внимания, выраженного в слове. Поэтому

семья – это долг и труд (в эпилоге романа И.А. Гончарова «Обломов» Штольц и Ольга после долгих лет супружества приходят к выводу, что «любовь с силою Архимедова рычага движет миром», а главный упрек Ольги Ильинской Обломову – непонимание последним, что «любовь – это долг»).

Конечно, ни один научный доклад не даст окончательного ответа на вопрос: как нужно словом решить ту или иную житейскую ситуацию или проблему. Тем более что семья это не только таинство, но и тайна, закрытое от посторонних глаз и ушей общение. И все-таки человечество и его лучшие умы поют гимны, слагают стихи, пишут романы, научные исследования, пытаются отразить и разгадать «сию великую тайну».

Возможно, читатель ждет критического оценки словесного состояния современной российской семьи – здесь есть где разгуляться либеральному перу и воображению, могущему заметить, что ненормативная речь и нецензурная брань стали нормой для многих семей: идешь иной раз по парку, видишь милую парочку (и некоторых уже с колясочкой), любишься издали семейной идиллией, а, проходя мимо, слышишь из симпатичных украшенных уст ... сквернословие. И ведь трудно винить иных молодых людей, поскольку они являются жертвой тех образцов, которые предлагают их кумиры, прокламируемые современными СМИ, шоу-бизнесом, попсой и прочими проявлениями массовой культуры.

В чем же оптимизм ситуации? – В том, что истина, как всегда, не на стороне большинства, а на стороне того малого сообщества, которое основывает свою жизнь и поступки на традиционных русских духовно-нравственных ценностях и культуре, не подражает массовым кумирам и не говорит «как все», не преступает запрета (а запрет – основание культуры), но, утверждая себя в благости и радости, понимает, что благополучную жизнь можно построить только по Божьим заповедям, которые и становятся основанием нравственной культуры человеческого общества и семьи, в частности.

Безусловно, требуется и серьезное научное исследование риторики семейного диалога, чем и занимается сейчас кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина. Что включает такое исследование? Прежде всего, изучение общих правил семейной речи, основанных на добродетелях как качествах характера или добродетели как добрых поступках; затем исследование межличностных отношений (как совокупных: супружеских и родительских; так и статусных: речевых отношений мужа к жене,

жены к мужу, отца к сыну, матери к сыну, сына к отцу, сына к матери, отца к дочери или дочерям и т.д.).

Говорить о реальном общении в наших семьях абстрактно невозможно, а проникнуть в святая святых для каждого человека не позволяют как этика, так и элементарный речевой этикет. Семья – закрытое для посторонних глаз речевое образование, и только современная массовая информация искушает недалеких зрителей приходом на телестудию с целью крикливо-агрессивного обсуждения их «личных» проблем. И тут для поднятия рейтинга иная телепередача или газета «не пожалеют ни мать, ни отца». В этом также одна из современных проблем информационного общества. Общество начало жить в условиях информационного бума, технических возможностей говорить и показывать «всё и вся», не понимая последствий иных «откровений» и не умея благодатно использовать новые открывшиеся возможности словесного общения.

Кстати, кинофорум «Семья России» как раз свидетельствует о том, как открывшиеся технические и творческие возможности можно использовать с пользой для общества и человека. Видимо, только боязнь и нерешительность изменить что-либо в существующем стиле СМИ не позволяют его руководителям откорректировать с помощью реальных образцов счастливых российских семей современный тип информационного и духовного (точнее, антидуховного) бытия наших СМИ.

Православие же сильно тем, что предлагает совершенно определенный тип семьи, предназначенный как для нашего спасения, так и для достижения радости и блаженства еще в этой земной жизни. Счастливая семья и уподобляется многими духовными писателями раю. И какова семья, таково и «словесное» общение в ней. Вот как об этом говорил архиепископ Сергей Пражский в книге «Подвиг общения», прямо ассоциируя духовное подвижничество с жизнью в семье:

«Семья, семейная среда, Богом нам данная, наиболее удобна для устроения нашего спасения. В атмосфере семьи мы можем всего лучше и удобнее бороться со своими грехами и недостатками. Ибо в семье мы не стесняемся быть и выказываться такими, какими мы действительно являемся. В семейной жизни человеку приходится каждодневно обнаруживать свое настоящее состояние, быть искренним с самим собою» [Сергий Пражский 1998: 18–19]. «Выказываемся» же мы, как правило, тем, что высказываемся, а наши грехи и недостатки в своем большинстве представляют речевые поступки или действия.

О том же пишет Иоанн Кронштадтский, связывая воедино

любовь, благодать Божию, слово и дело: «Если будете жить во взаимной любви, вы низведете на себя и потомство свое Божию благодать – и Бог вселится в вас и увенчает все начинания и дела ваши благословенным успехом, ибо где любовь, там Бог, а где Бог, там все доброе. С любовью водворится в доме вашем мир и спокойствие, ибо любовь долготерпит и все покрывает и не допускает человека раздражаться, сердиться, быть своенравным, обижать словом или делом» [В подарок новобрачным 2007: 74].

Поэтому нигде как в семье не проявляется так идея спасения: «от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Мф. 12, 37). Устремимся же к добрословию, избавившись от злоязычия, взыскуем такого слова и наверняка обретем: «Се еси добра, ближняя моя, очи твои голубине!..»

Литература

В подарок новобрачным. – М., 2007.

Закон Божий. Руководство для семьи и школы со многими иллюстрациями / Сост. Серафим Слободской. – М., 2000.

Православный катехизис. – М., 1991. – С. 300–301.

Сергий, архиепископ Пражский. Духовная жизнь в миру. – М., 1998.

13 СЧАСТЛИВЫХ ДНЕЙ В КРЫМУ¹

Лингвист Майданников и его последователи

Ну, конечно, тринадцать дней счастья, блаженства, купания в теплом море, беззаботной расслабленности. Да и как может быть иначе в крымском Гурзуфе, где Пушкин провел три счастливейших дня своей жизни (потом всю жизнь мечтал вернуться туда, «где вечный свет горит, где счастье вечно непреложно»), где Чехов в два дня написал «Три сестры», где пел Шаляпин, рисовал Коровин. Значит, не только к беззаботности, но и к творческому вдохновению побуждают волшебные брега Тавриды, изменчивое море, горный дух и воздух...

В отличие от Пушкина и Чехова, когда ныне спускаешься с Зеленой улицы (бывшей 60-летия образования СССР) и топаешь до моря по стертым ступенькам мимо рынка, больницы, кинотеатра «Дружба», обменов валют, «богемных» ресторанчиков, видишь, как на колена бронзового Шаляпина, чтобы сфотографироваться, взбирается очередная туристка, невольно хочется узнать: как ныне живется здесь в Крыму на ... в ... или все-таки на? – Украине?

С трудом покупаю местную украинскую газету – все больше российская пресса с тем же набором развлекающе-жареных «жизней», «криминалов» и «антиспидов». Ну, конечно: в «Ялтинских вестях» и общеукраинской «Сегодня» акцентированные заголовки: «В Украине...».

– И, милая, – говаривала сваха в пьесе Островского «Свои люди – сочтемся», – и не все ль равно? Как сказано, так и живет...

– Ан нет! – отвечают современные лингвисты, идущие в фарватере политических преобразований. – Предлог «на» унижает национальное достоинство украинцев, политический вес ново-

¹ Статья написана после отдыха в Гурзуфе (Крым, Украина) в августе 2005 года.

го государства. Если все европейские государства – «в», то почему мы – «на»? Так предлогах *в* и *на* придали политический смысл.

Когда ельцинская Россия начала уступать одни позиции за другими, кому только не хотелось «лягнуть слабеющего льва», в том числе, лингвистам? Эстонцы потребовали писать Таллин с двумя «н» – и стали писать! Киргизы провозгласили «Кыргызстан» и, хотя для русской звуковой системы просто не характерны сочетания «кы» и «гы», – согласились... Неважно, – носилось в воздухе, – парад суверенитетов.

Мы, русские, люди щедрые, мелочиться не будем, но если уж отвечать «баш на баш», забыв элементарные законы лингвистики, согласно которым всякий язык приспособливает к своим свойствам чужие реалии, то давайте потребуем от украинцев писать «Росія» с двумя «с», поскольку одно «с» нам оскорбительно и явно не соответствует статусу нашего великого государства (по аналогии с двумя таллинскими «нн»). Почему бы не настоять, чтобы французы перестали называть столицу нашей Родины некоей «Moscou» (что это за рождающее странные ассоциации «Моску́»?), а говорили бы и писали «Moscva»? По какому праву, наконец, англичане не только называют по-старинному нашу столицу «Móскау», но и продолжают шипеть на Россию и русских, называя ее «Рашиа» (Russia), а нас некими «рашшенами» (Russian)?

Вдохновенный бред комиссара-лингвиста Майданникова, которому мы все улыбались, читая «Поднятую целину», возрождается в революционные эпохи, потому что всякому слову можно приписать идеологическую или политическую подоплеку. Впрочем, мне лично очень понравилось, как однажды помощник президента Ястржембский в ответ на вопрос «в или на Украине?» просто сказал «на Украине». И все. Спокойно и твердо.

Понимаете, уважаемые коллеги, именно так: на Украине, на Кубе, на Мадагаскаре, на Кипре – так уж сложилось в истории русского языка. Или Кипр и Куба пришлют дипломатические ноты: «Хотим быть “в Кубе”»? Разве неизвестно, что чем больше мы хотим быть в кубе или в квадрате, тем меньше наш реальный вес.

И нет ничего постыдного ни в том, что когда-то была Малороссия, а ведь в 1993 году на Международной конференции в Киевской духовной академии перед докладом мне шепнули, чтобы я ни в коем случае не называл Украину Малороссией – мало ли, обидеться могут... А на ассоциацию с «краем» не обижаются? Только вот что обидного в собственной истории? Или, может быть, перед вступлением в Евросоюз и название страны изменить? Раз уж все меняем, так «пропадай моя телега, все четыре колеса...».

«Ющенко похож на Дудаева»?

Написал – и сделалось страшно. Неужели? Но первая газета, которую я купил на солнечном побережье (украинская «Сегодня» от 12.08.05), открывалась фотографией Аллы Дудаевой на фоне портрета ее мужа со словами «Виктор Ющенко похож на Джохара». Конечно, популярная «Сегодня», как и полагается современной газете, подает «эксклюзивное интервью» в окружении множества других новостей: тут и жилкомуслуги, и поток беременных в роддомах, и начало охотничьего сезона, и новая «навороченная» станция метро в Киеве. Но изюминка выпуска: «Алла Дудаева, вдова первого президента Чечни, в эксклюзивном интервью «Сегодня» рассказала о чувстве юмора Шамиля Басаева, о роли Билла Клинтона и т.д.»

Кто же такая Алла Дудаева в представлении «Сегодня»? Терпящая в Стамбуле неудобства бытовой жизни бедная вдова с тремя детьми, художница-интеллигентка, автор книги «о своем муже и первых годах чеченской независимости» (слово «независимость» акцентируется в статье постоянно). В Турции Алла Дудаева не имеет «ни вида на жительство, ни статуса политического беженца» – попробуйте не посочувствовать! Вопрос «почему Турция не хочет это сделать?» не обсуждается. Единственное обязательство Аллы Дудаевой, согласно газете, «не делать политических заявлений, не общаться с турецкими СМИ и вообще не будоражить общественную жизнь страны...». Отлично! Турецким СМИ – нельзя, а украинским – можно. Конечно, особенно после интервью американскому телеканалу Шамиля Басаева.

И все сделано, чтобы выразить сочувствие «бедной» вдове, «известному художнику», написавшей более 200 картин. И так расставлены все акценты.

Напомню читателю основные приемы психологической войны: подавать только знакомые факты в символическом зонтике аудитории, при этом одни факты выставлять, о других – умалчивать, смещать акценты – пусть читатель, получая знакомую информацию, понемножку начинает сомневаться. Достаточно того, что читатель взволнован и дезориентирован – цель достигнута.

Например, символический зонтик читателя включает фигуру Шамиля Басаева. Ставим вопрос смело и в лоб: «Алла, вы согласны, что Шамиль Басаев – террорист?» – И какой мягкий и неагрессивный, по-женски располагающий ответ:

– Может быть, смотря что скрывается за этим словом (видите как: у одних террорист – бандит и убийца, у других – «борец за

независимость», но шедевр – дальше). Даже если и террорист, то не международный...

Значит, быть международным террористом – плохо, а просто террористом (читай: российским) – позволительно...

Далее: журналист Евгений Ихельзон, конечно, не задает неудобных вопросов о Буденовске и Беслане. Ведь расположение к человеку вызывают, как известно из науки риторики, просто сами факты общения:

– Когда вы общались последний раз с Басаевым?

Ответ столь же мягкий:

– Очень давно. Больше трех лет назад он написал мне письмо. Я не помню его содержания ..., но на конверте был такой адрес: «Чечня, поселок Грозный, улица Лесная, блиндаж № 1, бельэтаж, Шамилю Басаеву». Он всегда отличался оригинальным чувством юмора.

Возьмите себе на заметку, теоретики и практики психологической обработки сознания собственного народа: не говорить, что террорист – это террорист, нет – он просто человек, как вы и я, которому пишут письма, у него «оригинальное чувство юмора», он «пожелал мне счастья и здоровья». Вот он какой, оказывается, – тот, по чьему приказу убиты 331 человек в Беслане (из них 186 детей), не помяная Буденовска...

Интересно, вспомнит ли «Сегодня» в завтрашнем или послезавтрашнем, «юбилейном» бесланской трагедии номере факты убийства маленьких школьников и их родителей по приказу «юмориста» Басаева в первые сентябрьские дни прошлого года?

Поскольку вспомнили Беслан, поговорим о Первом сентября.

О чем говорить Первого сентября?

Каждое утро я проходил два-три раза мимо Гурзуфской школы, Библиотеки имени Пушкина, мимо школьного киоска с тетрадками и карандашами, пытаюсь представить, как здесь начнут учиться через неделю-другую. Первое сентября – вообще мой любимый день в году: испытываешь особое волнение от будущей встречи с новыми учениками, но главное, от предвкушения нового знания, в котором и истина, и красота.

Поскольку любого учителя или директора школы волнует вопрос, с какими мыслями и словами он войдет Первого сентября в класс, несколько лет назад я опубликовал в «Учительской газете» статью «Вам – слово!» с советами и даже примерной речью учителя или директора на линейке или в классе в День Знания. И вот – нахожу созвучие...

Министерство образования Украины, как сообщает «Сегодня» (17.08.05), в позапрошлом году дало тему – «Знание – это сокровище, умение учиться – ключ к нему» (замечательно, и есть о чем поговорить!); в прошлом – «Жизнь ребенка – самая большая ценность» (несколько странно, ибо что детям говорить о них же как о «ценности»?); Но сегодня в старших классах Украины предлагают провести урок-диспут «Почему Украина сделала европейский выбор?», «С европейскими народами к миру и взаимопониманию», «Мы – граждане Европы».

М-да! Вот уж политсеминарчик так политсеминарчик... Кажется, это одно из светлых пятен в новейшей истории: нет больше политсеминаров и политинформаторов, объясняющих «острые моменты современности». Но, впрочем, хороший учитель тем и хорош, что сумеет поговорить на любую тему. Только вот говорить он будет только правду.

И тогда хочется задать вопрос (а он возникнет не только у меня): что такое «европейский выбор»? Между чем и чем Украина выбирала? Между Европой и Азией? Нет. Может, между Европой и Африкой? Или между Европой и Латинской Америкой? Очевидно, что намек на выбор между Европой и Россией... Но если стыдно будет в этом признаться (все-таки ощущение кровного родства двух народов ничем неистребимо), то у ловкого оппонента всегда есть ход: Россия – тоже Европа. Но в таком случае сама постановка вопроса о «выборе» теряет всякий смысл. Если же вы, воспитатели новой Украины, все-таки разделили Россию и Европу, то не слишком ли торчат ваши уши?

Но формы учебной работы – уже «новые», евро-американские. Американская риторика (основа американизма как идеологии и стиля жизни) никогда не предполагает открытого навязывания своей идеи. Ее надо преподать в альтернативном выборе на софистическом уроке-диспуте, где дальше двух биномов информации вам, дорогие диспутанты, пойти не дадут. Попробуйте сказать что-то принципиально отличное от идеологии американизма – вы получите мягкий отпор или фигуру умолчания. Потом контакты с вами сойдут на нет.

А почему бы не назвать первый урок «Гостеприимная Украина открыта всем?» или «Украина дружит со всеми народами?» Кстати, в России предлагается тема, как я выяснил сегодня у наших учителей, «Россия – Родина моя». А у Украины Родиной скоро будет Евросоюз? Да мало ли тем (счастье, любовь, добро, истина, знания, этика, нравственность), в которых нуждаются современные взрослеющие дети?

Конечно, я далек от мысли вмешиваться в «чужой огород», но

мы – коллеги и ответственны за будущее, здоровый «дух» наших детей. А если вы начинаете учить детей софистике, то что получите в будущем? В дискуссии, как известно, главное – уточнить обсуждаемые понятия. Слово «Европа» в вашем контексте одни объяснят как «Англия, Франция, Германия», другие – как ближняя «Польша» или «Грузия» (тоже Европа), ну а если кто будет возражать из россиян, так и Россию с натяжкой подключим. Нехай буде!

К сожалению, такие же обманные софистические ходы слышны и в рассуждениях представителей власти. Вот слова крымского премьера Анатолия Матвиенко: «Когда мы говорим о поддержке украинцев, это не значит, что мы против татар или русских. Не должно быть противостояния народов...» (КП на Украине, 20.08.05). Правильно: противостояния быть не должно, но говорим мы только о «поддержке украинцев», хотя по элементарной логике, все люди имеют право быть «поддержанными». Вы говорите: «Политика в отношении национальных меньшинств должна быть толерантной», но в руководимом вами Крыму 58% русских, 26% украинцев и 12% татар, тем не менее, русские стоят в пикетах, чтобы отстоять свое право обучаться на родном языке.

В Гурзуфском Доме-музее А.С. Пушкина я купил последний экземпляр книги профессора Таврического национального университета имени В.И. Вернадского Владимира Павловича Казарина «Вера, язык, слово» (Симферополь, 2003). Именно с этой книгой, а не с цитированной выше прессой, я провел свой крымский отпуск. Замечательны мысли ученого о «неразрывном единстве русского и украинского начал» в нашей общей культуре, о том, что Украина имеет «особые права на русский язык», ибо как «культура Украины – органическая часть мира русской культуры», так и русскую культуру невозможно представить без этнических украинцев Гоголя, Шевченко, Горенко (Анны Ахматовой).

Сегодня необходимо говорить о философии языкового взаимодействия, согласно которой, чем больше языков и культур (при наличии родной) знает человек, тем богаче его личность и духовный мир. Сегодня на Украине словно специально создается ущербная картина «поддержки» так называемого «государственного» языка и культуры. Директор Музея Пушкина в Гурзуфе рассказывала мне о том, что начинают приходить украинские дети, спрашивающие (может быть, провокационно): «А кто такой Пушкин?»

Вообще мы должны понимать, что ввести человека в состояние образовательной и культурной дикости довольно легко – мы это ощущаем по содержательному уровню наших СМИ, преобра-

зующих жизнь с ориентацией на молодежь как наиболее податливую часть общества. Поэтому следующий сюжет – о молодежи и празднике жизни, который мы ей обещаем.

«Шо ишишь? У кармані – шиш!»

13 августа в Ялте был День города, куда мы приплыли катером из Гурзуфа. Кто не любит праздничной толпы, разлитого во всех глазах веселья и объединяющего настроения? Предвкушал праздник и я с моими юными дочерьми, не чуждыми молодежным вкусам (впрочем, кто из нас не воспитан в прыгающих ритмах?), когда шел в людском потоке по набережной на площадь, где грохотала музыка, а справа стоял огромный флагман и музыка, казалось, лилась со всех сторон... Наконец, удалось разглядеть слева вдали эстраду, но экран-то – вот он, напротив, – и по нему бегают, прыгают, машет руками, кричит, орет, вопит в сумасшедше барабанном бое... Пусть простит меня Олег Скрипка (популярный, как я понял потом, прочитав в «Сегодня» и посмотрев по ТВ, певец и рок-музыкант), но именно всеобщего веселья почему-то не было, хотя, как справедливо пишет «Сегодня», «он успевал петь, подбадривать народ и бегать по сцене». Согласен: играли действительно так, что «стены дрожали», но «в громе ваших барабанов я спокойно проходил» (Г. Ив́анов)... В.О. Ключевский как-то сказал о воздействии словом (но то же и музыкой): «Иной ступает всей ступней, а шаги его едва слышны, другой крадется на цыпочках, а под ним пол дрожит». Современная попса и рок-музыка не понимают, что до сердечных глубин надо доходить не грохотом, а сердцем ...

Как филологу мне хотелось услышать и понять какие-нибудь слова, но вместо слов были одни междометия (неужели этим можно покорить молодежь?): «Вау! Йе! О-кей!» Всей площади предлагалось вместе с певцом кричать: «А-а-а! О-о-о! У-у-у!» Неосмысленность происходящего откровенно удручала. Единственное, что я понял, поскольку повторялось неоднократно: «Шо ишишь? – У кармані шиш!» И, конечно, не дай Бог словечко по-русски. Хотя, кажется, по-украински надо бы сказать «шукаеш»...

...И вспомнился мне Брюссель, где я оказался 16 июля сего года после десятидневных курсов русского языка в маленьком Дерне (70 км от столицы Евросоюза). Мой спутник после долгой прогулки указал рукой на площадь возле здания бельгийского парламента, где были толпы народа и играла музыка: «Не хотите посмотреть, что там такое?»

Музыка. Праздничный вечер накануне Дня независимости.

Такая же площадь, такой же экран, какой увижу в Ялте (даже меньше и скромнее). Подходим: ритмичная мелодичная музыка, на сцене – молодой человек (ну прямо бельгийский Скрипка) показывает с девушкой простейшие танцевальные движения, которые тут же в веселом ритме повторяет танцующая парами вся площадь. И все танцуют!.. Он, видимо, объясняет: «Рука наверх. Поворот. Берем за талию. Прыжок!..» Все радуются и смеются: как просто, оказывается, быть счастливыми в огромной толпе – не обезумевшей от воплей попсы (по странному совпадению ансамбль Скрипки даже называется «Вопли Видоплясова»), а весело и задорно танцующей.

Кстати, в Брюсселе, как объясняли мне мои влюбленные в русский язык ученики (бельгийцы, голландцы и французы), все говорят по-французски, а на северо-западе во Фландрии – по-голландски, точнее, на фламандском диалекте голландского. Конечно, есть некоторое противостояние, взаимные шутки и «подколы» относительно характеров и национального поведения. Но в государстве, ставшем столицей Евросоюза, куда «уже постучались» украинцы, два государственных языка. И Бельгия формально разделена прежде всего на Фландрию, где говорят по-голландски, и Валонию, которая ближе к Франции и где соответственно все говорят по-французски. И в основном все знают два языка, и никому в объединенной Бельгии не позволено раскачивать лодку, поскольку все понимают, что в объединении и уважении – сила. И в пикетах никто не стоит.

Оптимистические вопросы к завтрашнему диспуту с «Сегодня»

Каждый из нас по-своему благодарен судьбе за связь с Украиной. И у каждого своя Украина. У меня, например, чудная теща с деревни Золотаревка на Черкашине. А дети мои выросли на днепровском берегу и на золотом песочке в Русской поляне. И я, единственный «москаль» в ленинградском батальоне ПВО, был окружен сплошь харьковчанами, запорожцами, хлопцами с Винницы, Горловки, Киева, а вымуштрован старшиной Левенцом, над которым «Кривое зеркало» сегодня смеется, а я бесконечно благодарен по прошествии многих гражданских лет. И пел я в вокальном классе «Гуде вітер вельми в поле», а мои однополчане писали мне в тетрадку «Знов зозули голос чути в лісі...» А глава моей докторской диссертации – о преподавании риторики в Киево-Могилянской Академии. Не набиваюсь, но поищите-ка себе такого друга в Евросоюзе...

В заключение несколько вопросов к уважаемым коллегам, братьям и сестрам с Украины (все-таки есть не только Батьківщина, но еще и «братство»):

Дорогие коллеги из «Сегодня»! Ответьте, пожалуйста: если президент Виктор Ющенко, согласно мнению, помещенному в Вашей газете, «похож на Джохара Дудаева», а Джохар Дудаев, несомненно, завещал свое дело Шамилю Басаеву, то приравниваете ли вы Вашего президента к Шамилю Басаеву? Считаете ли вы последнего «юмористом» или все-таки террористом? Считаете ли вы, что Россия имеет такое же право на культурную и территориальную целостность, как Бельгия или Испания, где есть подобные национальные противоречия и «борцы за независимость»?

Уважаемые коллеги из Минобра Украины, но еще более коллеги-учителя! С праздником Первого сентября! Как бы мне хотелось узнать, от какого «выбора» загорелись глаза ваших учеников! Как известно из опыта человечества, глаза могут загореться от раздражения, гнева, злобы, когда надо что-то делить и «выбирать», а могут загореться и от любви, истины, добра, красоты, знания, соборного духа. У каждого свой ответ не в газете, а перед Богом...

И вопрос ко всем в сентябрьские и прочие дни: молитесь ли вы за убиенных в Беслане – жертв нашего «разделения» и «розни мира сего», рожденных бессмысленной национальной и языковой политикой? Помните ли вы слова молитвы к святым славянским братьям Кириллу и Мефодию о том, что паства, «соблазнами от иноверных прельщаемая, умаляется, а овцы словесные от волков мысленных рассеиваются и восхищаются»? Ясно ли нам, что «политика есть искусство объединять людей» (И.А. Ильин), а не разобщать, и само Слово человеческое, завещанное нам по образу и подобию Божию, должно служить единению и любви, а не розни и вражде?

P.S. Мои взрослые бельгийско-голландские ученики 15 июля сего года заканчивали учебный концерт словами: «И еще один дар дала нам ваша Россия: это ваш дивный, ваш могучий, ваш поющий язык!..» Сего дня дивлюсь я на небо тай думку гадаю: який язык (народ) не дивен и не могуч, чтобы не побороть «сладкоголосые» песни иных политиков и журналистов, препятствующих нашему единомыслию и единодушию, да в мире и тишине проживем?..

Москва.
29 августа 2005 года.

**«ВАШ И НАШ
ДИВНЫЙ, МОГУЧИЙ, ПОЮЩИЙ ЯЗЫК...»
(заметки российского преподавателя
о курсах русского языка в Бельгии)¹**

Преподавать язык без некоей вдохновенной и зажигательной идеи нельзя. Где-то в середине десятидневных курсов русского языка в маленьком бельгийском городке Дёрне, куда съезжаются слушатели разных возрастов, профессий, интересов из Бельгии, Голландии, Франции, США, после вечерних концертов и спевов в моем сознании решительно зазвучала «капустная» переделка русской народной песни «Ехал на ярмарку ухар-купец...» Опус предназначался для заключительного концерта и должен был называться «Песня бельгийско-голландского студента к родной матушке о курсах русского языка в Дёрне».

Теперь представьте: преподаватель с серьезным видом и книжками идет на занятия, раскланивается в приветствиях с коллегами и слушателями и никто не подозревает, что он думает в это время не только о парадигмах склонений и спряжений, но и напевает про себя нечто вроде:

*Матушка рóдная,
Дай воды холодных,
Курсы в Дерне
Свели меня с ума...*

(кстати, попробуйте-ка объяснить иностранцу, что слово «холодных» – женского рода, родит. падежа, ед. числа, созданное по аналогии с формами церковно-славянского языка типа «Великия и Малыя и Бelyя Руси»).

В песне предполагались посвящения всем преподавателям курсов. Нечто вроде:

¹ Статья опубликована в журнале «Русский язык за рубежом». – 2005. – № 3-4. С. 80–83.

*Матушка рóдная,
Дай воды холодныя,
Русские глаголы
Свели меня с ума.
Думал, что глаголы я
В разум не возьму;
Влада объяснила –
Я все теперь пойму.*

Влада – преподаватель первой начинающей группы (группы на курсах назывались по именам преподавателей), но такие же посвящения «бельгийско-голландский студент» должен был пропеть и Елене, обещавшей в «тридцать три слова» научить говорить по-русски, и моей коллеге из Института Пушкина Марине Шутовой, которая помогала освоить «русские звуки – одни сплошные муки», и Татьяне Ленточниковой, предлагавшей опытным слушателям блестящий курс русских mass-media («Русская Татьяна – high european класс, наш дерзкий дернский телевизионный ас»), и Елене Лубоцкой – «цветае-ахмато-прокофье-шостаково-блоко-бродской» (таково содержание ее литературного спецкурса), и даже Лизбет, нашей замечательной и бессменной хозяйственнице (tres belle и immortelle). Не говоря уже о «матушке Евгении» (Евгении Михайловне Шебальниковой), чей «гений» в руководстве курсами создал неповторимую обстановку деловитости и доброжелательности.

Даже если преподавателю хочется довести до сердца учеников возвышенную идею, невозможно делать это в прямо назидательной форме. Но как зажечь огонек в глазах и вдохновение – «так, неожиданно, слегка, сияющее дуновение божественного ветерка?...»

Вот вместе со слушателями готовим наше групповое выступление на концерте. Жанин Брус, преподавательница французского языка из Антверпена, говорит медленно, пытаясь копировать выразительную русскую интонацию и аккуратно произнося «трудные» слова:

– Дорогие российские преподаватели и друзья! Мы хотим обратиться к вам, перефразируя слова известного русского философа Ивана Ильина: «И еще один дар дала нам ваша Россия: это ваш дивный, ваш могучий, ваш поющий язык!»

Дальнейший текст распределяется между слушателями «как по маслу», т.е. каждый, как в пионерском монтаже (классическая форма!), получает свою фразу: и Хенк, специалист по космонавтике, и Жак, врач-кардиолог, и Магда, бывшая учительница французского, и француженка Вероника, просто мама двух малышек,

и весельчак-пенсионер Эмиль, и вошедший в конце курса двухметроворостый «банкир» Роберт, напоминающий Петра Великого:

– В нем вся она, *ваша* и *наша* Россия! / В нем все дары ее: и ширь неограниченных возможностей; / и богатство звуков, и слов, и форм; / и стихийность, и нежность; / и простота, и размах, и парение. / Все доступно *нашему* языку (пусть теперь он будет окончательно «нашим», общим – *В.А.*). Он сам доступен всему мировому и надмирному, / и потому властен все выразить, изобразить и передать.

Россия и русский язык у Ильина были только «нашими», теперь они становятся и «вашими», и «нашим» общим достоянием. У Ильина же сказано, что постичь Россию иностранцам можно только «почувствовав и осмыслив» ее язык.

Дальнейшее описание как концерта, так и занятий едва ли мыслимо, ибо как описать взаимный контакт, рождающийся в желании услышать другое мировоззрение, культуру, философию жизни? Вот в тексте занятия встречается фраза: «Пора, красавица, проснись...» Конечно, комментируешь, что это, мол, Пушкин, мол, строчки «Мороз и солнце! День чудесный...» знает каждый российский школьник. Но какой простор преподавателю для отработки русской интонации! Ведь для иностранца волшебная мелодика русской речи так и остается часто тайной за семью печатями: мы неподражаемо поднимаемся голосом вверх и так же стремительно, контрастно, глубоко опускаемся вниз.

На следующее утро Жанин приносит перевод «Зимнего утра» на фламандский язык. А затем и русский текст всего стихотворения с признанием в том, что каждый вечер она учит наизусть несколько новых строчек русских стихов.

Так рождается идея продолжения концертного выступления. *Роберт*: «Мы хотим пригласить вас на занятие в нашу группу. Для тех, кто летом любит утром поспать, звучит стихотворение «Зимнее утро». Три-четыре! (Дальше – хором) Мороз и солнце! День чудесный. Еще ты дремлешь, друг прелестный...»

От заключительного концерта хочется вернуться к началу курсов! Для успешного преподавания едва ли не самый трудный момент – та самая «лиха беда – начало», когда необходимо правильно и точно начать, впервые взглянув в глаза другу другу. И здесь есть свои камни преткновения в современном русском этикете приветствия и обращения. Обратите внимание на то, что имена своих коллег-преподавателей я привел без отчества: «Елена, Марина, Татьяна...» В этом мода и стиль новой демократической эпохи, когда деловые партнеры, политики, журналисты, препода-

ватели начинают именоваться без отчеств, на западный манер. Но кто из русских школьников или студентов позволит себе обратиться к преподавателю не «Елена Владимировна», а «Елена», или кто осмелится директору завода или крупной фирмы сказать «Андрей», а не «Андрей Николаевич»? Облегчая задачи себе и нашим иностранцам, мы частенько предлагаем им упрощенную модель общения. Решаюсь мягко предложить моей «сильной» группе выполнение более строгих правил русского речевого этикета с объяснением всех наших сложностей:

– Честь имею представиться! Меня зовут Владимир Иванович. Называйте меня по имени-отчеству – так, как это принято у русских. Впрочем, в неформальной обстановке, «за дружеской беседой, где пир идет горой», конечно, можете называть меня и Владимир, и Володя... Вообще внимательно смотрите, кто, к кому и как обращается, ведь у русских существует богатая система суффиксов и индивидуальных обращений.

Рассказываю, что для мамы и жены я могу быть и Володя, и Володенька, и Вова, для детей я – папа и «папсик», для друзей – по-разному... А вот с вашими именами можно делать самые разные превращения – главное, смотреть, принимаются ли ваши словесные изобретения партнерами по общению. Попутно вспоминаю Владимира Набокова: кодом счастливой семьи являются «индивидуальные словечки» (своеобразное семейное аргю), которые люди находят друг для друга.

После нескольких дней занятий замечаю, что я сам начинаю экспериментировать с именами моих слушателей. Постепенно «влюбляясь» в них, я начинаю раздаривать им разные «любимые» суффиксы: Магда становится Магдочкой, Анс иногда бывает Ансик, Жанин – Жанинкой, семидесятилетний Эмиль – Эмильчик (по глазам семидесятилетнего жизнелюба я вижу, что к нему можно так обратиться), Вероника – Вероничкой, только вот с Хенком и Жаком словообразовательные опыты трудны, но кардиолог Жак становится то Жан Жаком Руссо, то Жаком Шираком. Конечно, для них я так и остался «Владимиром Ивановичем», реже «Владимиром», хотя произнести такие «длинные» слова, чувствую, решаются не все.

Столь же трудна проблема *ты* и *вы*. Конечно, педагогическая официальность и аристократизм общения требуют *вы*, но Жанин напоминает: «Пустое *вы* сердечным *ты* она, обмолвись, заменила...» Значит, и здесь срабатывает не только формальная правильность этикета, но и закон уместности в переходе с *вы* на *ты* в конкретных отношениях собеседников. При учете того «образа говорящего», который выбирает себе каждый из нас.

Вспоминаю аристократов духа: своего университетского учителя Николая Ивановича Либана, который на втором курсе обращался ко всем студентам по имени-отчеству (это создавало особый стиль общения); академика Виноградова, главу русистики XX века, который даже в отношениях с собственной женой не переходил на *ты* (такова была степень взаимной любви и уважения). В то же время я знаю множество замечательных педагогов, которые в отношениях с учениками и коллегами незаметно переходят на *ты*, отмечая этим возникающую духовную и человеческую близость. Не знаю, прав ли я педагогически и этикетно, но когда началась отработка звуков в подготовке концерта, то в этой почти спортивной работе почему бы не обратиться даже к пожилому ученику на *ты*? Так ближе, дружественнее, контактнее... И происходит это как бы спонтанно, без подготовки.

Занятия фонетикой как отработкой правильного произношения напоминают мне спортивный зал. Только тренируются мышцы не рук и ног, а языка и губ. Впрочем, если человек говорит «всем телом», то почему, отрабатывая звуки и интонацию, надо работать только над «языком» и интонацией? Ведь когда человек увлеченно рассказывает, доказывает, убеждает, «говорят» его глаза, руки, поза, все тело. Так рождается идея тренировки не за партой, со сложенными руками, а – стоя, с сопровождающими произношение текста мимикой и жестами.

– Встаньте, пожалуйста! Произнесите полный ряд русских звуков: МЫ – МЭ – МА – МО – МУ. Хорошо открывайте рот (на концерте Эмиль скажет: «па-ась!»), руками покажите движение голоса, как будто вы утверждаете нечто. А теперь то же самое три или пять раз: мымымы – мэмэмэ – мамама – момомо – мумуму.

Все это выполняется хором и индивидуально. Не только у иностранцев, но и у русских далеко не идеальное произношение. У европейцев же язык как бы сдвинут вперед, поэтому они произносят вместо русского «мы» эдакое среднее «ми/ы», вместо «мэ» – «ме/э», а вместо мягких «ми» и «ме» – «мьи» и «мье».

Поэтому на тренировке требую показывать руками движение языка:

– МА – язык назад! Ладонями к себе покажите, как язык идет назад! МЯ – язык резко пошел вперед! МБЯ – волновым движением кистей рук покажите, как плавно произносятся сразу три звука [м'ja].

– А теперь – скороговорки! Научимся прежде всего хорошо открывать рот: Не крАснА избА углАми, А крАснА пирогАми! Руками покажите на углы комнаты – и интонация сама поднимет-

ся вверх, а теперь предложите пироги – и голос сам максимально опустится вниз...

Как трудно и интересно заниматься языком! Получается сразу не все: тут надо работать и головой, и руками, и всем сердцем; и хором – со всеми вместе, и индивидуально, вскрывая в каждом его речевой талант.

И еще пустичок – пусть читатель попробует на себе. Основа хорошей речи – в постановке дыхания. Помните сократовское «я знаю, что я ничего не знаю»? Произнесите на одном дыхании, показывая жестом главные слова и движение голоса: «Тот, кто ничего не знает и знает, что он ничего не знает, знает больше, чем тот, кто ничего не знает и не знает, что он ничего не знает».

Далее начинаются «большие» тексты, которые могут разучиваться даже иностранцами в десять минут наизусть, поскольку в них присутствует игровая идея-задумка и яркое действенное слово. Так, буквально к третьему прочтению благодаря жестовым указкам на части тела разучивается стихотворение Маршака «Одна дана нам голова, а глаза два, и уха – два, и два виска, и две щеки, и две ноги, и две руки...» Но на пушкинский полтавский бой («швед, русский колет, рубит, режет...») и девчоночью «Скакалочку» десяти дней курсов, как и наших сил, уже не хватает. Значит, это – на перспективу...

А на концерте мы поем еще «Алфавитную песенку», «Отца Серафима» (переделку интернациональной «Frege Jasque»), «Дважды два четыре», «Песенку о московском метро». Другие группы разыгрывают «У церкви стояла карета», поют некрасовско-шалапинскую «Легенду о двенадцати разбойниках». За кажущейся развлекательностью – большой и серьезный смысл привлечения все большего числа европейцев к «нашему» дивному и могучему языку.

Если же говорить о «серьёзе», то мой послеобеденный спецкурс для дёрнских слушателей назывался «Счастье и смысл жизни по-русски»... Если «счастье – это когда тебя понимают», то мои слушатели понимали очень многое на том беспощадно сложном языке, который я им иногда предлагал: пословицы В.И. Даля, афоризмы о счастье русских писателей, евангельское толкование блаженства... Но «все доступно нашему языку», если это язык дружелюбия, поисков истины и добра. Особого «русского» рецепта счастья, конечно, нет, но «счастье тому бывает, кто сам себе умом и трудом помогает». «Счастье без ума – дырявая сума», поэтому счастье в познании, любви, стремлении постичь другое мировоззрение, другую жизнь, другого человека. Счастье – и судьба, и удача, и успех. И в Дёрне мы были счастливы.

Вот почему мой «бельгийско-голландский студент» пел в подражание Шаляпину:

*Матушка рóдная,
Дай воды холодная,
Курсы в Дёрне
Свели меня с ума.
Если буду думать:
Пойду иль не пойду,
Ноги меня в Дёрн
Сами приведут.*

Москва и Подмосковьё
25 июля 2005 года.

ДНЕВНИК МАССОВОГО КОММУНИКАНТА ЗА 2006-й ГОД

Предисловие к ненаписанной книге

Публикуемый ниже дневник задумывался как часть книги «Русская словесность в 2006 году». Книга была собрана, но не вышла в свет, потому что главный редактор известного издательства посчитал ее «коммерчески нецелесообразной» и, скорее всего, «посчитал» (а директора обязаны считать) справедливо. Книге предшествовало следующее предисловие.

Эта книга представляет собой временной срез состояния русской словесности на 2006 год. Она задумывалась и вынашивалась давно. В ее именовании повторены названия известных статей В.Г. Белинского, но в содержании и истолковании понятия *словесность* автор будет скорее полемизировать с известным критиком, нежели соглашаться. Дело в том, что задачей В.Г. Белинского было продвинуть и утвердить художественную литературу (словесность) и определенных выдающихся авторов в ней, встав как критику над ними.

В данной же книге *словесность* понимается как *совокупность всех видов и жанров словесных произведений*, а значит, в ней должны быть проанализированы и состояние нашей разговорной речи, и наша деловая речь, и ораторское искусство, и наука, и,

конечно, художественная литература, но, главное, в ней должна получить отражение (насколько возможно) речь средств массовой информации. Именно СМИ задают тон в сегодняшней речевой жизни общества, формируя совокупность идей, которыми мы живем, значит общество должно осознать, какими идеями и словами оно создает стиль своего бытия. Я давно замысливал вести «Дневник массового коммуниканта» – посмотрим, получится ли этот опыт.

Слово *словесность* имеет еще несколько значений, чрезвычайно важных для нашего самоосознания в историческом пространстве. Словесность означает *словесный дар, природное дарование*, которое призван развить в себе каждый человек, ибо человек по определению есть *существо словесное*, воспринявшее дар слова от Превысочайшего Создателя. Как мы развиваем этот божественный дар и куда движемся и к чему придем, не может не волновать всякого сознательно мыслящего человека.

Кроме того, *словесность* есть *совокупность словесных наук*. Именно такое понимание было свойственно русской филологической науке в середине XIX века, включавшей теоретическое знание и практические умения учений о речи: грамматики, риторики, логики, поэтики. Именно словесность ближе всего к исходному пониманию *филологии* как науки о Слове-тексте, включающем все средства его создания, передачи, хранения и воспроизведения.

Книга должна иметь краткую историческую часть (научную и общепонятную), научную часть (с ясным описанием основных качеств современной словесности и главных ее культурообразующих текстов), описанием основных видов современной словесности. Естественно, что данное описание будет по причинам чисто техническим несколько выборочным, поскольку автору необходимо уложиться во времени (книга начата в канун Нового 2006 года и должна быть закончена к 1 декабря 2006 года, чтобы быть изданной в самом начале 2007 года). Венчает книгу вышеназванный «Дневник», фиксирующий наблюдения над современной русской речью в 2006 году.

Предполагаю, что дневник будет писаться с перерывами, ибо «на каждый чох не наздравкаешься»... Тем не менее, автор ставит именно такую задачу: записывать, по возможности, все свои поступающие теле-, радио- и пресс-впечатления... – ведь жизнь современного массового коммуниканта как раз и состоит в этом прессинге информационных воздействий.

А затем, Е.Б.Ж. (как подписывался Лев Толстой – «если буду жив»), 1-го декабря я позволю директору издательства (имя рек) и предложу эту книгу.

Итак, вот фрагменты этого дневника. Поскольку стиль современных СМИ не только не изменился, но развивается в том же направлении, читателю будет любопытно видеть, как заскорузло и застойновато мы живем...

Кстати, о термине «массовый коммуникант».

Назовем массовым коммуникантом человека, погруженного в стихию современных электронных СМИ: телевидение, радио, прессу. Этот человек обладает определенными новыми (по сравнению с книжным человеком) качествами, которые зависят от особенностей фактуры речи СМИ. Я определяю эти качества как следующие:

1. Подчинение СМИ как авторитетному виду речи, который воздействует на всех, ответное же воздействие на СМИ самого человека крайне ограничено.

2. Невозможность эффективного размышления над тем, что сообщается в СМИ, поскольку думать некогда.

3. Разорванность сознания массового коммуниканта, который переключает свое внимание произвольно с предмета на предмет независимо от собственной воли, а в связи с намерениями данного органа СМИ.

31 декабря 2005 г. В преддверии

С Новым годом! С новым годом русской словесности, великого русского языка!.. Проверьте вашу реакцию, дорогой читатель! Какие чувства в вас заговорили, когда я русский язык назвал «великим»? Не «бесит» ли вас от «великости» русской культуры и русского слова? Вы отвыкли от высоких слов за время нашей идеологической и экономической перестройки, лишь где-то в глубине наших душ признаваясь самим себе, что мы говорим на великом и могучем языке. Да, не надо ложно высоких слов, но разве не осознает каждый из нас, что без высоких помыслов жить невозможно? Может быть, оттого и сера наша жизнь, что мы не в состоянии через Слово определить высоту своих стремлений и оттого они так мелки и приземлены?

Чем мы провожаем старый год?

Мы провожаем его воспоминаниями и опорой на старое, культурно-значимое. Который год по Первому каналу идет «Ирония судьбы». Который год мы не можем оторваться от этого фильма. Значит, фильм становится классикой и формирует своим содержанием, отношениями людей, той волшебной сказкой, в которую может превратиться жизнь благодаря честному стремлению, жажде любви и вере в чудо... Но ты, массовый коммуникант, ты все-

гда можешь переключиться на другой канал – переключись, и ты увидишь все то же: бандитское противостояние, бои русских новокриминальных парней по японскому образцу, которые уже давно никого не впечатляют; все то же «кривое зеркало» с теми же однообразными «бабками» и шутками (вроде бы также классическими); тот же набор классических «шутков-развлекателей» (Петросян, Шифрин, Винокур, «русские бабки» и т.д.). ...Возвращаясь вновь к Андрею Мягкову и Барбаре Брыльской и вновь со слезами на глазах переживаешь неожиданность их решений и веришь в то, что чудо возможно.

Не в силах придумать что-то новое, телевизионщики начинают ворошить старое, опуская художественное чудо до обыденщины – так всегда бывает с теми, кого оставляет вдохновение: они зовут постаревшую Барбару Брыльску, погрустневшего Юрия Яковлева и ... начинают разрушать сказку, благодаря которой творилась для многих людей реальность. Начинают фантазировать и спрашивать: а вообще-то в дальнейшем поженились главные герои или нет? Ну, конечно, у новомыслящих бездарных современников они «сначала отложили свадьбу на годик, а потом и расстались, а Ипполит, тот в корне изменился и опять пришел к Наденьке...». Так легче обывателю, современному телевизионщику, он не способен поверить в высокое, ему нужно все снизить до своего уровня понимания изменности человеческих отношений.

Потом вспоминаешь вчерашнего (от 30 декабря), уставшего, всеми любимого Эльдара Рязанова, говорившего о тех, кого он так любил и кто ушел: ушел Бурков, эрудированный и широко образованный, ушел Булат Окуджава, которого он, Рязанов, считал «духовным вождем». Перечисление было длинным – это уже не тот зажигательный говорун-Рязанов, который воспламенял всех своими речами. А, может, это плата за ложь, которую нельзя допускать ни под каким видом и которая затем возвращается к тебе потом потерей энергии и пессимизмом?

...Всем памятен Рязанов в ином виде словесности – политический агитатор и интервьюер Бориса Николаевича Ельцина, кандидата в президенты на второй срок, который четыре года спустя всю новогоднюю речь также построит на глаголе: «Я ухожу...».

В нашей словесности «артист в России больше, чем артист», – может быть потому, что другие виды словесности (кроме поэтической и театральной) не пользуются такими привилегиями и покровительством как правительственного, так и народного сознания. Но категория уместности остается – и уместно ли не понимать своего места: «Пирог должен пекти пирожник, а сапоги точать сапожник», политик должен уметь говорить за себя сам, а

артист должен заниматься художественным творчеством, не опускаясь до бытовизма и рассказов о своей семейной жизни.

К сожалению, за девяностые и начало нынешнего десятилетия не удалось создать ничего подобного «Иронии судьбы». Ну что ж, этим как раз и отличается классика – невозможностью ее переиграть, как невозможно переписать Пушкина или написать музыку лучше Чайковского... Пишется ли классика сейчас? Несомненно. В СМИ подается что-то поверхностное, сиюминутное, пена, которую взбили сегодняшние продюсеры и бравые ребята-молодцы, искатели сегодняшней популярности. А художники, скорее всего, сидят взаперти и вынашивают свои гениальные произведения, по которым будут учиться потомки. Знает ли автор этих строк или хотя бы может предположить таких художников? Я лишь могу предположить и, возможно, о них напишу кое-что в моей книге.

Пока скажу лишь о том несомненном и культурно значимом, чем отмечен уходящий год: это, конечно, десятисерийный фильм «Мастер и Маргарита». Впервые за многие годы телевизионного удушья и пустоты, где царствовали и продолжают царствовать сериалы от «Просто Марии» до «Няни Вики», создано значительное произведение, в котором чувствуется вдохновение его творцов – каждого в блестящем актерском ансамбле. Появление «Мастера» на телеэкране внушает уверенность в том, что, несмотря на всю спрутовость и молохообразность телевидения, перемальвающего высокие вкусы в порошок вульгарности и обыденщины, возможны новации и изобретения – надо только приложить старания. И они возможны в эпоху всеобщего, кажущегося нравственного и эстетического разложения, в эпоху «всеобщего похаменья», которое предлагает и отстаивает масскультура.

Значит, люди истосковались по настоящему, и это настоящее, духовное, высокохудожественное может быть им предложено. И тогда улицы пустеют не от футбола или просто Марии, а от лучшего русского романа XX века... Впрочем, оценку и роману, и фильму предстоит дать позднее: о нем пишут (уже опубликовала большую подборку откликов ЛГ) и будут писать, а я позволю себе реагировать на то, на что успею. Ведь в соответствии с названием Дневника я объявил себя массовым коммуникантом, а массовый коммуникант – это человек, живущий сиюминутным. Но сиюминутное в массовой продукции имеет нередко многовековую традицию – так, скажем, для меня нет ничего слаще занятий с рукописями 17–18 веков, но я оставляю их для сегодняшне-сиюминутного, чтобы увидеть в нем историко-культурное, значительное, важное, провидческое для нашего будущего.

Сегодня Новый год. Вновь выступление Президента. Инте-

ресно, какой стиль предложит Владимир Владимирович на этот раз. Я анализировал стиль его выступлений в ночь на 2000-й год, как впрочем, и стиль его предшественника (Риторика. Вводный курс. – М., 2006. – С. 242–243). Теперь стиль ВВП сложился вполне: его любит большинство, ему доверяют (а завоевание доверия – главная цель ратора). Наш президент (как и прежний генсек) выступает нечасто – такова культурно-речевая традиция: ни царь-батюшка, ни генсек, ни Президент не будут, подобно американскому президенту, сотрясать воздух частыми выступлениями перед народом. Это Борису Николаевичу американские советники насоветовали еженедельно по вторникам с получасовой речью выступать по третьему каналу – ну и каков результат подражания другу Биллу? Просто никто не слушал – и речь «главного» обесценилась.

Выступления российского лидера возможны либо по великим праздникам (у нас это Новый год и День Победы), из повторяющихся нововведений – это диалог с народом, диалог в прямом эфире, который теперь организуется не только в январе.

...А пока эфир гудит и сотрясается от «старых песен о главном»: все те же лица и имитация «потрясающей радости» от всего происходящего. Каналы борются за рейтинги, артисты тужатся изобрести что-то новое. «Что ночь грядуща нам готовит?»

1 января 2006 г.

Праздничное разнообразие каналов удивительно однообразно: все тот же Винокур с «Кривым зеркалом», юрмальская юморина.

В кинотеатрах – блокбастер «Дневной дозор». Все рады за отечественный прорыв в кинопрокате.

Главное событие, о котором говорят в новостях: прекращение российских поставок газа на Украину.

Каждый национальный праздник сопровождается каким-либо неплохим патриотическим фильмом. По первому каналу – «Турецкий гамбит», остросюжетный военно-патриотический детектив, который с неослабным интересом можно смотреть ... один раз. Но второй уже смотреть не хочется, понимая, что это выдумка, развесистая клюква постдемократических времен, неправдоподобная художественная фантазия на основе исторических фактов, которых никогда не было.

Я смотрел этот фильм 16 августа в Крыму в день своего рождения и было отрадно оттого, что наконец-то возможен сам патриотический фильм, хотя в нем множество художественного «вражья», которое необходимо теперь для того, чтобы возбудить внимание сегодняшнего зрителя, который обкушался спецэффектами

и неожиданностями. Ведь нас уже давно ничто не «потрясает», хотя писатели и продюсеры делают вид, что изобрели, создали нечто необыкновенное: ну кто поверит, что можно с такой точностью стрелять и попадать прямо в горло юному солдатику? Как можно летать на воздушном шаре, спастись чудом и оказываться вновь и вновь рядом с дамой своего сердца? В советские времена «привирали», но сочиняли как-то по-скромному, все-таки стыд был, а сейчас «художественно врем» по-крупному... Впрочем, пробовали ли вы создать что-то простое, подлинно художественное? Увы, нет.

Хотя фильм по булгаковскому роману, текст которого невозможно сделать антихудожественным, вселяет надежду.

2 января

11.30–12.00 – Очередной американский взросло-детский фильм по телеканалу «Россия» к позднему праздничному завтраку россиян («Скуби-Ду»). Очередная фантазия с говоряще-нарисованной собакой, ужасами и приключениями героев, которые кричат, падают, разбиваются и тут же поднимаются целы и невредимы. Вот откуда у нынешних российских детей отсутствует понимание физической реальности вместе с отсутствием понимания того, что другому человеку может быть больно (ведь в подобных фильмах больно не бывает!), но заодно уж и привычка к американскому юмору: рвотно-утробные звуки (это к завтраку!), долгое пуканье главного героя перед собакой (сзади подходит его подруга, реагирует носиком, не понимая, в чем дело – предполагается, что все должны покатываться со смеху от туалетного юмора). Возможно, американская аудитория и покатывается, с интересом смотрит на все эти привидения и приключения. Для русского зрителя это уже давно вчерашний, наскучивший день. От скольких людей я слышал удивленно-раздраженные возгласы: «когда же все это кончится!..» Но это не кончается подобно тому, как не кончались советские пропагандистские компании. Идеологические мифологемы, стиль жизни не меняются просто так... Но мы-то помним, чем все это кончилось для советской идеологии...

...Но надо же что-то смотреть за завтраком! Герой классической русской литературы «смотрел в окно да мух давил» – и взгляд у него был пустой и духовно умерший. Насколько более интеллектуально возрожденным стал современный человек, как в этом американском фильме, говорящий об Интернете и ... пукающий? Почему-то компьютерный словарь отметил, что последнего слова в русском языке нет.

23.00 – Первый канал ОРТ. Особенности национального праздника «Операция с Новым годом». Подана в журнале ТВ Парк как «комедия». Комедия состоит в том, что показано сумасшествие современного общества. Действие происходит в больнице: идиот-генерал (его, конечно, играет известный актер), к которому пришли подчиненные и принесли в чемоданчике – ну что они могут принести? Конечно, выпивку... Идиотически поприветствовали, отрапортовали и ушли. Другой больной звонит, обрабатывает медсестру, рассказывая ей хорошим научным языком, какие бывают типы любвей, комплексов и т.д. Дежурный в это время обзванивает всех знакомых медсестер, желая «вытащить их к себе из “гинекологии” в “клинику”...» – никто не соглашается. Один из сумасшедших берется ему помочь и готов привести по звонку «хоть английскую королеву»... К третьему приходит папа и что он может принести в новогодней русской комедии? Конечно, выпивку. В палате лежит четвертый больной... с открытым ртом. Комментарий: побили... Его спрашивают: «Пить будешь? Моргни!..» – Моргает. Ему вливают в открытый рот...

Наверное, нужно смеяться. И так все вокруг да около только этого: пьянка и секс, секс и пьянка. Это называется комедия на российском ТВ в новогодние праздники. Спрашивается: смотреть ли дальше этот «сумасшедший дом», показываемый российскому телезрителю? Хорошо, что реклама... Можно спать. Спокойной ночи!

Реклама кончилась. Следующая сцена на общероссийском телеканале:

- Семенов, ты по какой системе будешь водку пить? По инь?
- Нет, по янь...

Сумасшедший продолжает рассказывать наизусть блестящим литературным языком про «бедрa и груди»... Так, спокойной же ночи!..

Сцена у генерала: хороший, аргументированный язык, договаривается о гинекологии, откуда должны привести девочек. Вот Вам, господин Президент, господин министр обороны, и реализация Ваших начинаний в области возрождения Российской армии. После такой массивной пропаганды на главном российском телеканале ваша армия, несомненно, будет выглядеть еще более авторитетной в глазах россиян. Раз Главнокомандующие крепко спят, пора и нам – Спокойной ночи!..

3 января

Завершился газовый конфликт.

«Особенности национальной охоты» продолжают – какая грустная пьянка... Все то же.

4 января

Внимательный просмотр теленовостей говорит, что отбор тем гипнотически крутится вокруг происшествий или внезапных сенсаций, которые по преимуществу трагичны, драматичны или грустны. Между тем, так создается народное настроение. Откуда же ему взяться, если сегодня главное – это insult Шарона, вчера – крушение ледового катка в Баварии, сегодня – обрушилась мечеть в Мекке, вчера – трагическая гибель 12 шахтеров в Америке (после того, как их объявили спасшимися), сегодня – самое большое количество погибших от терактов в Ираке и т.д.?

Что делать – надо удивлять народ цифрами, количеством убитых, покалеченных, внезапностью болезней и прочим этаким... На «хорошие новости» на наших новостях наложен запрет. Спрашивается, откуда взяться здоровой психике у человека, смотрящего наше ТВ? А вы еще мечтаете о возрождении России и строите национальные проекты в области здравоохранения, господин Президент и Государственная Дума?

Впрочем, вчера был разрешен газовый кризис. Выступление президента было твердым, деловым, решительным, вселяющим уверенность. Россиянам приятно было смотреть. Почему г-н президент не посмотрит, что делается в духовной сфере? Чем обрабатывается общественное сознание? Потому что прежде всего интересы экономики – сначала материя, потом дух... И мы еще смеем говорить, будто куда-то ушли от советского материализма и атеизма!

Последняя неделя рождественского поста – упаси Боже, сказать что-либо по нашим телеканалам о Боге! Галкин, Винокур, «бабки» и только в новостях: «православные отмечают Рождество...» Дальше – тишина...

Ющенко (его бы по правилам русского языка надо склонять!) грозят импичментом и отставкой. Воистину, когда человек делает что-то неправое, Господь отнимает у него и разум, и силы. Ему кажется, что он все может, между тем, у Ющенко нет ни энергетики, ни изобретательности. Потухший взгляд и только изображение президентской амбиции. Какой неудачный имидж...

Как осуществляется сегодня руководство страной? ВВП появляется регулярно на телеэкране во время новостей – и этого достаточно, чтобы всем чувствовать себя уверенно и спокойно.

И в заключение – Анна П. ... (25 час по ТВЦ): «7 января – Рождество по Юлианскому календарю». Не в России, не православное Рождество, которое будет отмечать страна и, что там ни говори, а также и весь народ. Но «толерантность» и «политкорректность» требуют, чтобы затем сразу же было сказано: «8 января – заканчивается хадж в Мекке...» Большевизм не просто не умер, но «дело Ленина живет и побеждает»...

7 января

Утром в притворе храма прочитал в Поздравлении Св. Патриарха «Известиям»: «...как в гостиницу не пустили Марию с младенцем Христом, так и мир не принял Христа...».

То же и на ТВ: первые каналы в день Рождества не показывают ничего (!) напоминающего Рождество. Все те же Винокур, Галкин, «Праздничный вечер на Первом» (опять «кривые зеркала») и Большая премьера «Ледниковый период». И такое же «ледниковое» отношение к Богу, боязнь с этой тематикой выйти к зрителю, и только в Новостях: «Православные сегодня отмечают Рождество...»

21.30 – Максим Галкин. Концерт в Кремле. – Галкину 26! Пародии – животики надорвешь... Пародии – самый популярный жанр в сегодняшнем телеэфире. Характерно, что пародии ну не любят те, на кого их делают: Виталий Яковлевич не одобрил пародию на него; также не одобрит Жириновский – это лакмусовая бумажка: способен ли человек воспринять пародию на себя...

Поздно ночью. «Француз». Русский человек вновь показан идиотом: на изображении простых человеческих чувств вскрыты все низменное... Что нужно человеку? Просто любить... Но если это типичный современный преуспевающий русский, то это бандит с большим кошельком, если это она, то она бедна, мечтает о романтике, но романтика нет, поэтому придется выходить за идиота с деньгами. Вообще-то у нас почему-то если с деньгами, то либо идиот, либо бандит...

Но вот приехал француз! Француз, согласно легенде наивных создателей, – конечно, миллионер, он интеллигентен (в русском смысле – у французов это слово имеет другой смысл), тонок, галантен, услужлив. Одним словом, все, о чем может мечтать провинциальная барышня. Он «засыпает» от первого стакана, а русский вливает себе в горло бутылку...

Где вы видели таких русских? Перебираю своих знакомых – как людей с высшим образованием, так и попроще – ну нет! не

вливают... Значит, миф о пьяном идиотизме и мещанских нравах русской провинции придуман такими же склонными к пьянству, ленивой безмозговости и пошлomu мещанству людьми (фильм создан в 2003 году режиссером В. Сторожевой. В ролях: Т. Монфрей, М. Голубкина, Г. Сукачев, Е. Вуличенко.

Родители героини – «простые» и приличные русские провинциалы: папа, уже принявший «на грудь», пытается выпроводить француза, мама – напротив, вспоминает весь набор русских мифологем о французском характере: Ив Монтан, «французские каштаны, парижские бульвары...». А на декоративных, выстроенных в павильоне улицах все пляшут, вливают, поливают, орут, вопят, то есть поют, и опять вливают. Бутылка – основной предмет киношной бутафории.

10 января

19.50 – Маршрутное такси – место, где тебя также достанет массовая информация. «Шансон». Розенбаум: мелодии нет, есть аранжировка, есть ритм и имитация чувств. Бездна здоровья, тела, глотки и так мало духа. И все очень претенциозно: «Хит-парад! Шансон года! Вип-персоны...» И Розенбаум: «Я проснулся после спячки, После ночи сам не свой. В моем сердце сибирячка...»

«Шансон» в Кремле. Достойное место – как солдаты в Зимнем.

12 января

21.15 – Столица. Райкин – гениальный артист. Искусство – в умении что-то делать. За всем – большая работа, которая довела умение до совершенства, легкости и простоты. За всем – великий труд, репетиции, размышление и вдохновение. Все старое и классическое смотрится как новое и молодое.

Галкин как современный популярный артист не дает *новых* программ, в сущности главное – игра слов, придуманных кем-то, и пародирование. Галкин – природно талантлив, но далее вопрос: как ты распорядишься талантом? И то сказать: когда в современном производственно-технологическом процессе требуется создавать еженедельные программы типа вроде «Как стать миллионером?», ни о каком творчестве думать не приходится. Галкин может предположить, что ему нужно просто появляться перед публикой – и этого уже достаточно для успеха. Для сиюминутного – да! Но не более того...

21 января

Россия. Новости. Сегодня в Кремлевском дворце отмечается

100-летие со дня рождения Игоря Моисеева. В прямом эфире – концерт великого ансамбля, т.е. кусочек его.

А после «новостей» пошлейшее шоу с визгами и криками публики: конкурс псевдобальных танцев: десять пар, сладострастные движения, полуобнаженные танцовщицы, которым якобы кричит восторженная публика.

И, конечно, модные телеведущие: постаревший и сильно по-дурневший (извините!) Юрий Воробьев и, конечно, Анна Ковальчук, просящая очередного танцора потанцевать с ней и сладострастно задыхающаяся от прикосновения к нему...

Члены жюри объясняют танцорам их ошибки: не попадают в такт и подобное. Как грустно! А публику, конечно, приглашают голосовать по телефону – так формируются вкусы. А где-то сейчас Игорь Моисеев со своим незабываемым ансамблем.

19.50 – На НТВ очень милосердный фильм о глухонемых и слепоглухонемых. Православный храм, где собираются глухонемые: «Ты знаешь, здесь очень красиво...» Значит, могут...

Суббота, 18 февраля

НЕ телевизор. Церковь. Вечерний храм в Переделкине. Молодая мать с ребенком на руках, еще две маленькие девочки и мальчик Прокопий – все маленькие и забавные. Девочка, ниже подсвечника, поправляет свечи...

Кто видит на TV, как молится в субботний вечер, накануне воскресного праздника, страна? TV страшно включить: ансамбль советской армии (имени Александрова?) поет «16 тонн» – шлягер Пита Сигера. Конечно, мальчишками мы тоже пели... Но какое несоответствие стиля: красивые русские лица молодых офицеров – и кривлянья под американцев!.. Полное отсутствие вкуса и чувства прекрасного. Наверное, предполагается, что это обогащение репертуара... А публика вновь беснуется от восторга, точнее, вновь видно, как по приказу режиссера за столиком во главе с Валерием Леонтьевым отбивают ладони. Надо держать зрителя за полного идиота, чтобы не понимать, какая это откровенная «подстава».

Едва ли не единственная субботняя передача, позволяющая вздохнуть: «Постскрипtum» Алексея Пушкиова. Действительно ли в руководстве каналов сидят люди, искренне полагающие, что о серьезном с нашей публикой говорить нельзя?

19 февраля

Опять Максим Шевченко – «Судите сами!». Спор вокруг формы ЖКХ. Апофеоз дурной риторики, крика и обмана. Глав-

ное: всем кричать и никого не слушать, изображая демократизм обсуждения. Задача, поставленная Максиму продюсерами и им самим: не дать говорить, сбивать с мысли, зритель не успевает опомниться и сориентироваться в сказанном «товарищем Зюгановым», как новая уловка ведущего попросту не позволяет вести диалог.

А для того, чтобы диалог не состоялся, чтобы не дай Бог «коммуняки» не просияли на теленебосклоне, всегда готова очередная Мария Арбатская: она встанет и задаст свой иронический вопрос. Правды никто не ищет.

«Поможет ли реформа не замерзнуть нам в наших квартирах?»

Что делает Максим? Нарочито нагнетает страсти, ему необходимо, чтобы были взаимные перебивы, чтобы начался именно ор, имитация горячего спора, где не будет возможности главного: честного разговора, бесстрастного и логичного.

Что делает для этого Максим? На правах ведущего влезает в речь каждого – и для него уже не существует никаких авторитетов: ни женщин, ни лидеров партий – в такой ситуации «дурь каждого» не может быть видна (требование Петра Великого к сенаторам)...

8 марта

Утром опять пародии. Пародия – самый популярный жанр на ТВ. Когда нет творческой смелости сделать что-то свое, приходится пародировать прошлое – то прошлое, которое было когда-то славным и передовым, а теперь, в неспособности говорить что-то свое, яркое и зажигательное, только и остается, что иронизировать над старыми фильмами, актерами и спустя часа четыре вновь полностью «крутить» эти старые фильмы и им ... умиляться.

Вечер, около 6-ти. Опять «Служебный роман». Обратим внимание на то, что советскую классику гоняют по выходным на Первом канале около шести, а вот ближе к восьми уже начинают гнать «зарубеж»: всякие «титаники», «утомленные солнцем» и прочее, согласно новой идеологии, более важное, значительное и кульминационное. С родственниками за пиршественным столом смотрим «Служебный роман» – я «в шестьдесят второй раз», а мой старший родственник – в восемьдесят третий. Странно, что невозможно смотреть сериалы, где, кажется, разворачивается действие и интересно за ним следить, но все ходы настолько банальны и известны, что скука может не сводить скулы только в том случае, если ты сознательно подчиняешь свою психику и ин-

теллект, отдаешь их во власть глупейшему сюжету и примитивным героям а ля «Не родись красивой» или «Моей прекрасной няне...»

Странно, что оторваться невозможно от киноклассики. Странно и то, что создатель этой классики Эльдар Рязанов (как и многие его товарищи в эпоху перестройки) взялся за политику и сыграл там свою самую плохую роль... Достаточно вспомнить его интервью с Б.Н. Ельциным накануне голосования во втором туре президентских выборов. Наши режиссеры и актеры не понимают природы своего искусства и места в жизни, все они хотят быть народными пророками, вождями (самый яркий пример сегодня – суровый Говорухин). Но кино – одно, а политика – другое, природа первого искусства – вымысел, природа второго – реальность, проза. Однако русская культурная традиция, существенно влияющая на современные СМИ, требует, чтобы артист становился политиком. Увы, опыты печальны: кухарки и непрофессионалы начинают руководить государством.

И ведь наверняка Эльдар Александрович найдет оправдание своим действиям и скажет, что ему не стыдно за себя, агитировавшего на Ельцина, потому что искусный ритор всегда найдет оправдание своим действиям. Увы, и Ельцин, и Рязанов были политическими разрушителями, неспособными сказать новое энергичное слово в политике. Теперь, видимо, обоим можно почивать на лаврах.

Самое главное то, что в искусстве последних времен, являемом на телеэкране или в кино, увы, ничего не достигнуто. Хотя не исключено, что где-то, в катакомбах, творит сейчас новый Тарковский (и Андрей, и Арсений), и мы все изумимся красоте и гениальности нового творения, когда оно будет показано просто и скромно. Как не перестаешь изумляться «Зеркалу» или «Иванову детству», или книге Николая Болдырева, написанной об Андрее Тарковском. Сидит себе человек где-то в Челябинске и пишет тома в полтыщи страниц, набранные мелким кеглем. А тут по «Культуре» Швыдкой «говорит как пишет...».

9 марта

Вернувшись с поздней лекции и поужинав, включил телевизор без десяти секунд одиннадцать, чтобы послушать «Вести»: мужики (сразу видно: наши герои-менты) вваливаются стремительной кучей в ванную, где что-то случилось. Герой-мужик истошно орет: «Оля-а-а!» – в ванной окровавленная обнаженная молодая женщина, перерезавшая себе вены... Достойный сюжет для спокойного сна россиян: разве наш человек заснет, если не

посмотрит перед сном пару-тройку подобных сцен? Воистину красноречие, как определял его граф Сперанский, сохранило свою природу и на современном телевидении: оно есть «дар потрясать души!..» Люби своего телезрителя как душу и трясги его как грушу...

Соответствующие «Вести»: инфляция превысила за месяц полугодовую норму, Фрадков на заседании правительства привычно грустен и непривычно красноречив, а главный «обвиняемый» министр финансов Андрей Кудрин болен и на заседание не явился (ему обещают «секир-башку»). Молдавия готовит блокаду Приднестровью, вспоминают о двухстах трупах, которые в 92-м году складывали в холодильные камеры на колесах, и камер не хватало (вот очередной сюжет о «трупах»), а последний сюжет – интервью с министром здравоохранения Зурабовым, который закончил словами об охране «здорового образа жизни».

По «Культуре» Швыдкой, стравив некую певицу с Паляевым в вопросах любовных драм, держит долгую и скучную речь о любви. Агрессия певицы столь сильна, что публика шокирована столкновением. Швыдкой никак не может найти слова, чтобы успокоиться самому и начинает долго, скучно и неправдоподобно говорить о могучей силе любви... Странно это слышать от Швыдкого.

На НТВ американские сержанты пристреливают очередного бандита. «Сержант, все мертвы!..»

Спокойной ночи, дорогие россияне!..

11 марта

Около 10.30. Канал «Культура»: «Библейский сюжет». Передача о Тарковском: «Зеркало» и Арсений Тарковский. Режиссер Всеволод Константинов, ведущий Дмитрий Менделеев. Как много, оказывается, сейчас, сегодня, нынче людей, которые то же ищут, также чувствуют, также понимают действительность и то же любят. После моего чтения книги Болдырева «Андрей Тарковский» (я читаю ее уже несколько месяцев и наслаждаюсь этим собеседованием с автором) вдруг такое совпадение тех же поисков и мыслей в телесюжете... Слов не нахожу. Надо выйти и погулять.

Любопытно, что показать такое даже по «Культуре», можно только в часы «второй категории» (так было оценено «Зеркало» у Госкино), т.е. Тарковские (утренние часы – вторая категория) – на состязание со Швыдким (вечерние часы – первая категория) никак не тянут...

Утро 14 апреля, четверг, 9.25

После достаточно мирных утренних новостей с президентом, наводнениями в Европе, музеем чеченского художника у себя во дворе ... бандитские рожи наших братков. Чего только не придумают фантазеры-режиссеры! Действие в африканской пустыне, где три дебильных лица вылезают из иномарки и родная рязанско-деревенская рожа начинает обсуждать с братками план захвата данной африканской земли. Им навстречу выходят полуобнаженные африканцы с автоматами Калашникова, впереди – вождь, который начинает вести с братками переговоры. Говорят по-английски. Африканский вождь настроен решительно – он против продажи земли, но браток-переговорщик просит у друга дать ему «ксиву» с печатью – некий эфэсбэшный пропуск, который якобы магически подействует на идиота-африканца, на него, мол, гипнотически действует всякая печать. Лицо мужественного вождя искажается подобострастной улыбкой, он что-то говорит своим полуобнаженным, и те стреляют вверх из всех автоматов, салютуя браткам!..

Следующая сцена умилительна глупостью и несовместимостью с каким-либо вкусом и здравым смыслом. В некий африканский отель, организованный на киностудии «Мосфильм», вваливается браток с двумя девицами (чьи профессии сомнения не вызывают) – вульгарность телодвижений настолько антихудожественна, что это не вызывает ни улыбки, ни хотя бы робкого намека на желание продолжать смотреть. Но смотришь – что же будет дальше? Браток разваливается на диване – девицы по обе стороны. Глядя коленку одной из девиц, браток говорит:

– М-да, Пушкин ведь тоже из этих краев. «У лукоморья дуб зеленый, Златая цепь на дубе том...» – браток прочитывает стихок, выученный в начальной школе. Таков юмор наших режиссеров. Но шедевр дальше: цапая другую коленку, он продолжает философствовать:

– Пушкин – это наше всё.., – цитирует браток известную фразу и это уже не просто насмешка, а откровенное издевательство, когда то, что с благоговением произносил какой-нибудь великий поэт или критик, теперь звучит из издевательских уст братка, глядящего по коленке проститутку.

Есть ли в этой стране министр культуры, министр по массовой информации, министр госбезопасности? Почему национальные святыни можно оплевать, охаять, сделав это незаметно, под видом «художественного телевизионного» фильма? Если это либерализм, то он бессмыслен. Если это художественное творчество, то оно ан-

тихудожественно. Главное, оно безнравственно и бесчеловечно, потому что самоубийственно: развращая народ, оно калечит души, делая их апатичными ко всякому слову и образу.

Смотреть «это» далее невозможно. Но народ наверняка смотрит. Потому что для многих телевизор – это так, шум, на фоне которого происходит существование.

И этот народ вы хотите возродить, господин Президент? На Вашем телевидении происходит ежедневное убийство человеческих душ, здесь, как в сортире, «мочат» национальные достоинства, но ни министру культуры, ни министру массовой информации в нынешней системе ценностей не разрешается возвысить голос в защиту культуры и духовных ценностей.

И вы хотите «победить словом», господин Президент? Каким «словом»? «Словом» братка? Покажите человека, который бы не сказал сегодня, что наше «художественное» телевидение насквозь гнило, потому что два его основных направления суть *криминал* и *пошлость*. На криминале специализируются «Убойная сила», «менты», чьи отвратительные лица «своих» ребят уже невозможно выдержать, потому что сколько бы им ни работать в милиции, но на них написаны бездуховность и бессловесность. Ведь в американских полицейско-криминальных детективах точно также полицейский немногим отличается от бандита – и тот, и другой просто игроки в занимательной умственной игре: «Я убегаю – ты догоняешь, или ты убегаешь – я догоняю...».

Но едва ли не страшнее убийство пошлостью какой-нибудь Кати Пушкаревой (Нелли Уваровой), в фильме о которой ежевечерне жутится один и тот же надоедливый сюжет, который просто надо не заканчивать до бесконечности. Вот на этой неделе уже 142-я серия.

На телеканалах происходит ежедневная война против вашего народа, а вы делаете вид, что ничего не видите.

21 апреля, пятница

Президент в программе «Время» говорит о СПИДе: надо «пропагандировать здоровый образ жизни, моральные ценности». Затем показано заседание у президента с обсуждением программы борьбы и профилактики СПИДа. Для того чтобы видеть реальные результаты этой пропаганды, достаточно подойти к любому киоску возле метро или на улице – на первом плане там сегодня самая популярная газета, во всяком случае, эта газета выставляется на самое видное место. Газета называется SPEED, и если непонятно, на какую скорость намекается в газете, то достаточно прозрачен намек на СПИД, с которым – что? Борется газета?

Ее «порнографичность» очевидна любому юнцу: на сегодняшней – обнаженная в полный рост женщина (понятное дело, «стринги» это не одежда) приникла к такому же обнаженному мужчине. Оба весело и нагло приглашают «побыстрее» (speed все-таки) к ним присоединиться.

23 апреля, Пасхальное воскресенье

Самое время Познеру обсудить проблему презервативов, в качестве примера, конечно, предлагая американскую модель: АВС (что в переводе «воздержание – безопасность? – презерватив»). Познер классически агрессивен (как всегда агрессивно зло), а некая дама из Госдумы утверждает, что две трети наших девочек имеют сексуальные связи до 16 лет – мысль эта, как и большинство мыслей в СМИ, попросту внушается публике на веру или на испуг. Некий академик, директор Института, скромно и путанно говорит нечто о народных обычаях, боязливо защищается депутат Госдумы, которая (Слава Богу!) поставила наконец-таки слабый заслон этому бреду.

Сексуальные просвещенцы не понимают, что они поражают прежде всего душу, помыслы, внушая человеку: «Вот о чем надо думать: секс, плотская радость...». Из этих людей никогда не будут ответственные отцы и матери, они будут думать только о собственном удовольствии. А «воздержание» по-американски рассудочно, оно не касается души, по-русски надо говорить о целомудрии как чистом состоянии души и тела.

4 мая

Фильм финско-русский. Конец войны. Финн – интеллигент и русский Иван – немножко идиот, которого зовут «Псёлты» (потому что послал финна «Пошёл ты» и так услышалось финну).

6 мая

В «Кривом зеркале» переодетые в тряпки шуты вдруг начали читать стихи Блока – и абсолютно серьезно. Впечатление диссонанса и полной бессмыслицы, поскольку ничуть не соответствует тому образу передачи, который она приобрела: если ты шут и развлекатель, нельзя рядиться в тогу поэта-мыслителя.

Сюжет «Враг ты мне или не враг?» Немцы на СТС рассказывают, что «лучше бы не вспоминать эту войну» (некий киношкин Иоханнес Рапп). Пропаганда ведется незаметно: вот какие милые люди, эти немцы. Они уже не вспоминают, а мы почему-то и зачем-то все помним и помним... Нет-нет, прямо, конечно, наше эСТЭС-овское телевидение так не говорит. Оно просто не дает

«альтернативной», как теперь любят говорить, точки зрения. Как в советское время – просто вот «лучше не вспоминать...».

Другой рассказывает, что влюбился в русскую переводчицу.

О Боже! Наконец-то заговорили о русском языке. В передаче «Народ хочет знать» Кира Прошутинская, Андрей Дементьев, два основных оратора Людмила Борисовна Нарусова, председатель Комитета Госдумы по информационной политике, и Отар Кутанашвили, журналист необыкновенной ярко грузинской эмоциональности.

Эксперты: Евгений Бунимович, Максим Кронгауз (РГГУ). Надо ли защищать русский язык?

20 августа, воскресенье

Первый канал Российского телевидения.

21.20 – «Плохая компания». Комедийный боевик. США.

23.30 – «Отчаянный». Боевик. США.

1.30 – «Умереть некогда». Детектив. США.

Но и днем в **13.20** – «Коммандо». Боевик. США.

Только по Первому каналу в одно воскресенье четыре американских боевика!.. Как спрашивал Леонид Ильич Брежнев: «Иде я нахожусь?» Как говаривал Ваня Рублев у Хармса: «Нас всех тошнит...» В какой тоталитарно брежневской стране и в какое хармсовское время можно было представить такую тотальную обработку мозгов?

Вопросы задать некому и бесполезно, ибо ответа не будет. Поэтому смотрим программу дальше: та же картина и на телеканале «Россия»:

9.05 – «Бетховен 3». Семейная комедия, США.

23.00 – «Медвежатник». Драма. США.

3.15 – «Гора» Сериал. США.

Разбавлено российским триллером «Ситуация 202» в **20.45**.

Похваляется новыми программами ТВ «Центр», но и там:

16.45 – «Моя большая греческая свадьба». Комедия. США – Канада; **21.35** – «Жена астронавта», США.

О НТВ и говорить не приходится. Покажите воскресный вечер в последние полтора десятка лет, когда на НТВ не было бы американского фильма. Ныне – «Приключения Плуто Нэша», комедия; **0.25** – «Селена», драма, США; **2.55** – «Поля смерти», Великобритания – США.

И так *каждое* (!) воскресенье. Несчастные телевизионщики... Они в полном коллапсе! Загнали себя в угол! Мозги у этих теле-

мальчиков, лазящих еженедельно по американским задворкам, дальше американских боевиков ничего не видят...

Смена стиля назрела. Чаша терпения телезрителя давно переполнена, и маразм либеральной телеидеологии и политики давно всем очевиден. Однако спросить не с кого: кто составляет сетку телепередач и отбирает весь этот американский бред, неизвестно. И в этом загадка новой филологии, к которой не обращаются филологи, продолжающие изучать суффиксы и приставки, но никак не находясь в гуще языковой жизни общества.

3 сентября

22.40 – Статья из Интернета. Вчитайтесь в этот новый, чудный, фактографический, бездарный стиль! Очаруйтесь им, почувствуйте, какие ценности описывает автор! Не Эллочка ли людоедочка спустилась к нам с литературного Парнаса? «Шикарный парниша» на шикарном белом лимузине... в элитном доме... и она в шикарном платье...

Дочь Касьянова вышла замуж

Пять самых громких свадеб этого года. Фотолента

Вечером в пятницу Наталья Касьянова, дочь бывшего премьер-министра России Михаила Касьянова, вышла замуж. Ее избранником стал Андрей Клиновский, сын руководителя известной строительной компании. Молодые расписались в одном из самых престижных загсов Москвы, а потом отпраздновали рождение новой семьи вместе с тремя сотнями гостей. Молодые подъехали к Кутузовскому загсу на шикарном белом лимузине и быстро прошли внутрь. С ними были несколько самых близких друзей. Основная часть гостей – а это около 300 человек – ждала в элитном доме торжеств «Сафиса». Там же ждали и родители молодых. Наталья Касьянова была в шикарном платье. – Стоит 12 тысяч долларов, – шепнул мне молодой человек, оказавшийся знакомым невесты.

Личность жениха, а теперь уже мужа Натальи Касьяновой до последнего момента держалась в секрете. Только в день свадьбы выяснилось, что это Андрей Клиновский. Его отец Тимур Клиновский руководит строительной фирмой «Агрокомплекс “Торки-2”», которая занимается застройкой престижных районов Подмосковья. Его личное состояние оценивается почти в 100 миллионов долларов. Андрей в этом году закончил Московский институт международных отношений, где учился вместе с дочерью Бориса Немцова Жанной. Андрею 23 года, он старше Натальи Касьяновой на 2 года. Невеста тоже студентка МГИМО. Когда молодожены вышли на крыльцо, вокруг собралась целая толпа. Андрей бережно держал в руке папку со свидетельством о браке. Кто-то принялся кидать под ноги супругам красные лепестки роз, кто-то аплодировал, кто-то улюлюкал. Пошел мелкий дождь, и

по толпе прошел гул, что это хорошая примета, предвещает долгую и счастливую семейную жизнь.

Однако дождь изменил планы молодых – они не пошли гулять по городу, а сразу отправились в дом торжеств. Там в числе прочих их ждал Борис Немцов с дочерью Жанной. Больше известных и узнаваемых личностей не было – то ли Михаил Касьянов не пригласил, то ли пригласил, но не пришли. Львиную часть гостей составляла так называемая «золотая молодежь». По некоторым данным, бюджет банкета составил несколько десятков тысяч долларов.

Светлана Соколова

Задачи журналиста, поставленные заказчиком:

1. быть фактографичным – он (или она) бытописатели, фиксируют только то, что происходит (кто, где, когда, в чем пришел, на чем приехал и т.д.)

2. фиксировать для такого же, как он, филистера и обывателя, в каких роскошных условиях происходит событие. Низость мысли выдают именно прилагательные, которых не так уж много, но которые сплошь завышенно «шикарные»: «в одном из самых престижных загсов», «на шикарном белом лимузине», «в элитном доме», «в шикарном платье», «руководит застройкой престижных районов Подмосковья»;

3. синтаксис таких текстов приспособлен для насекомых. Здесь не может быть сложных предложений, все высказывания на уровне простых предложений и восторженных вскрикиваний.

Чувствует ли читатель, этих текстов, что его-то как раз и держат за идиота, которого может интересовать только такая «жвачно-насекомая» информация? Жизнь светского общества давно оскоминой сидит у всякого нормально мыслящего человека, но журналистская традиция настолько тотально обработана заказчиком, что журналист по инерции пишет эти хроники. Общество же как бы разделено журналистом натрое: существует престижно-шикарная элита, личное состояние которой может оцениваться в 100 миллионов долларов; существуешь ты, читатель, которому предлагается все это читать и думать: а ты не таков, и тебе не повезло, но если ты молод, стремись к тому же (а это не трудно: ври больше, хватай крепче, стань звездой, авось повезет...); но существует и прослойка между «элитой» и читателем-пользователем Интернета – это сам журналист. Он тоже приобщен к этой около миллионной элите и иногда даже позволяет себе элементы иронии: «Кто-то принялся кидать под ноги супругам красные лепестки роз, кто-то аплодировал, кто-то улюлюкал...» Но бедный писатель! Все, что ему позволяет современная журнальная словес-

ность, это разговорный стиль, в котором даже слово «кидать» заменяет литературное «бросать».

Кстати, автор этой книги – земляк Миши Касьянова, он учился в нашей школе, которую окончили мои дети, а его жена гуляла на свадьбе моего брата в 73-м. И что? Что такого изменилось в природе Миши Касьянова, что заставляет вас писать о нем?

В громе ваших барабанов я спокойно проходил,

В стадо золотых баранов не попал, не угодил.

А хотелось, не скрываю: слава, деньги и почет, –

В каторге я изнываю, черным дням веда подсчет...

Это Георгий Иванов, который завершает стихотворенье: «Ну, а все-таки поверьте, вспомните и вы меня...»

И вот так: уже и слабо помнят тех, кто был там, около власти и в «почете», а кому досталась «посмертная слава...» Ценности массовой информации – земные и преходящие, она упорно не хочет (видимо по своей природе она к этому не приспособлена!) говорить о вечном, высоком, нравственном, возвышаться в духе. Мели, Емеля, твоя Интернет-неделя...

5 сентября

8.30 – Захотелось создать телевидением настроение на будущий день. Смотрел до **8.45**. Больше не смог. После Новостей, где президента показали в Греции подписывающим документы с президентами Болгарии и Греции чувство некоторой уверенности в том, что страна жива. Новости поражают пасмурностью и жестокостью – другого в этом мире для россиян не приготовлено: в СИЗО заключенные захватили в заложники начальство. Интервью, конечно, с родственниками, которые (а какое мнение может быть у родственников?) почти оправдывают случившееся: значит, были причины для захвата... Остальное банально: транспортные пробки и т.д.

Наконец, продрался сквозь рекламы, которые на двух третях каналов... Вот, нашел! Какое-то кино, видимо, сериал. «Сестры». И буквы эдак быстренько и весело прыгают и слагаются в титры. Неужели, наконец, что-то сделано в утреннем ритме и стиле, позволяющем еще надеяться на то, что живем?

...Горящая машина, на асфальте лежит женщина, пожарник огромной пеной тушит машину – это легко ему удастся. К женщине подбегает другая, они обнимаются, одна почему-то оказывается с кинокамерой, обе ревут и орут на плечах друг у друга.

– Что теперь делать?

– Хорошая жизнь накрылась...

Странно, что не сказала «медным тазом».

Следующий кадр: больница. В палате лежит пожилая симпатичная женщина, другая (видимо, дочь) ходит по палате и нервно говорит... В дверь, осторожно подмигивая, суется мужчина – это пожилой герой-любовник Александр Лазарев – и ты, Брут, подрабатываешь дешевыми сериалами? Больная спрашивает: это Коля? – Нет, не Коля, – отвечает молодая. – Нет, я знаю, это Коля...

Плач и крики.

В сериале каждый третий эпизод после катастрофы и больницы обязан быть о сексе. Молодые люди (два брата-сексопата) обсуждают возможности карьеры. Следующая сцена в ресторане: брат, что помоложе, беседует с той, что была в больнице. То предлагает ей пойти танцевать (она отказывается – и на все отказы он будет говорить «Хорошо!»), то прогуляться (отказ – «Хорошо!»), то «останемся здесь», но это факт – и это уже «хорошо». Она понимает, что потихонечку находится уже в сетях молодого ловеласа. Боже! Можно ли вынести эту тоску от однообразия приемов, сюжетов и бездарной игры?

Так в плаче, крике и сексе заканчивается телевизионное утро.

23.10 – Не посмотреть ли «Вести»?

Контрольный срез (так называю переключение с канала на канал и снятие сиюминутной информации):

Россия: «А не убили ли ее?» Очередной сериал, который узнаваем даже не по тексту, а по лицам – они всегда унылы, пасмурны, критичны, они всегда хорошо одеты, но, странное дело, несчастны – значит, счастье в чем-то другом, не в деньгах...

Переключаюсь на *Первый*: Интересно, аж жуть! Современное телевидение берет своего зрителя в рукавицы мгновенно – показывает очередной сюжет о наших промахах и неудачах. На этот раз – катастрофа с «Союзом-11»: гибель трех космонавтов в 1971 году. И все, как всегда во всех этих репортажных сериалах, что идут каждый вечер, основано на правде, фактах... Только разве не ясно каждому профессионалу, что и факты отбираются, и сюжет компонуется, и акценты расставляются? Результат все тот же: жить не хочется...

Как пелось в блатной песенке семидесятых: «Спите, граждане, до следующей субботы, спокойной ночи! Спокойной ночи!»

16 сентября, воскресенье

В Интернете на аське висит: «Фестиваль любви». Фестиваль любви может быть только в эпоху массовой информации.

22 сентября

23.45 – По каналу «Россия» идет фильм, чрезвычайно точно характеризующий бессмысленность и попросту отсутствие всякой осмысленной идеи. Когда создателям фильма нечего сказать зрителю, начинается дикий разгул фантазии, не имеющий ничего общего с юмором.

Парня-жениха разыгрывают, якобы его невеста превратилась в корову. В это время невеста сидит с неким другом в соседней комнате и наблюдают за реакцией жениха на ее записку о ее якобы превращении в корову. Парень берет корову и идет знакомить с ней своих родителей.

Родители, конечно, обыкновенные русские уродливые семьины: папа перед знакомством с невестой пропускает уже «седьмую рюмку», а мама, конечно, ждет сына с будущей невестой. И вот сын приводит ... корову. Мама падает в обморок, папа говорит, что, слава Богу, это же не фотомодель... Маму в обмороке отпаивают ... чем можно отпаивать русскую маму, по мысли современных кинематографистов? – только водкой. Мама приходит в себя. Смотреть ли дальше? Но ведь увиденного достаточно.

После этого попробуйте не предположить, что на канале Россия отсутствует пропаганда скотоложества... И то сказать, отговориться всегда возможно.

Так и есть: «Они же уже заперлись с невестой в спальне...» Напившийся папа говорит настоящей невесте, которая в порыве сказать всю правду приходит в его квартиру: «Они заперлись с невестой (т.е. с коровой) в спальне. Не стоит им мешать в такой романтический момент...»

Пьяные папа и мама Муравьева (достойная роль для популярной актрисы!) валяются в углу. Жених в спальне спорит с коровой, устраивая ей сцену.

По пожарной лестнице друг лезет смотреть в окно, что происходит в спальне, рассказывает стоящей внизу невесте, что происходит: «подходит к ней сзади и т.д.» Наконец, падает сверху вниз, ну конечно, в мусорный ящик.

Жених гуляет с коровой, а друг ползет собакой по кустам. Невеста сидит где-то взаперти. Трюк отыгран, давно уже не смешно, но создатели фильма остановиться уже не могут: зрителя по-прежнему еще долго мучают одной и той же шуткой.

Человек на телеканале «Россия» нарочито уродлив. А на «Домашнем» странный разговор очкастого интеллигента и очкастой дамы. Конечно, их интересует только «это». Уродливое и недоброе отношение к человеку...

25 сентября

Просматриваю программу на неделю. На ТВЦ (кажется, там какие-то нововведения), каждый вечер с понедельника по четверг с **22.20** до **23.00** цикл передач «Мифы о России». Названия: понедельник – «Мифы о России. О русском пьянстве и грязи»; вторник – «Мифы о России. О лени и дураках»; среда – «Мифы и России. Кровавость и жестокость русской истории»; четверг – «Мифы о России. Народ безмолвствует».

Почему мифы? Почему бы не сделать передачи: «Правда о России. О русской трезвости и чистоте»; «Правда о России. О русском трудолюбии и уме»; «Правда о России. Величие и милосердие русской истории и русских; и наконец, «Правда о России. Глас народа – глас Божий?».

Нет, не сделают, потому что телевидение насаждает мифы, заинтересовано в мифах, придумывает и заказывает мифы, ибо, по единогласно придуманному мифу, с интересом смотрится только отрицательное...

И хотя караул у телевизора давно устал, т.е. народ устал и почти каждый здравомыслящий человек у телевизора вопит: «Караул!.. Устал!..» Устали от вашей лжи, от ваших мифов, от очернения собственной страны, от вашего нежелания услышать голоса своих же сограждан, когда можно врать на родную страну, называя ложь альтернативным мнением и призывая к толерантности.

Воз еще долго будет там, потому что победить эту бездну лжи и неверия в самих себя, захлестывающую эфир, невозможно без смены психологического настроения, который дает только Слово, то «долговечное царственное Слово» *правды*, а не мифов.

Запись в какую-то из суббот...

Наступила очередная суббота – и вновь страшно включить телевизор. Вечером создатели первого канала словно считают обязательным «потрясти» зрителей очередным шоу, в котором создали нечто настолько необычное, чего раньше человечество не наблюдало. Между тем на экране очередная банальность, пошлость и вульгарность.

Приемы же, которые используют создатели передач, стары даже для данного очередного шоу:

...Вновь Андрей Малахов и Яна Чурикова. До банальности бездарная композиция шоу-передач. Из всех учебников композиции известно, что всякое действие должно иметь развитие, нельзя начинать с кульминации. Ну не с чего так орать и хлопать в ладоши, бесноваться только с того, что любимые ведущие появились на экране. Да в общем-то, если посмотреть на лица, то никто

и не беснуется, просто смех и восторги заэкранные, фанерно-подставные. Современному зрителю, которого держат за дурака и «быдло», как бы подсказывают, где надо смеяться – сам он ну никак не может догадаться. И этот идиотский заэкранный смех (явная «подстава») звучит во многих передачах, например, в «украинской» няне Вике – апофеозе пошлости, банальных шуток. Но ощущение такое, что публика ну просто покатывается со смеху. Между тем, никакого восторга нормальный человек не испытывает, но, правду надо сказать, видимо, привыкает к тому, что теперь ему подсказывают: «Вот здесь смейся...»

Итак, начинается все с «рева трибун», как будто Малахов и Чурикова перекрикивают несмолкаемые овации трибун Дворца спорта. И оно видно, что молодежь, заполнившая столики, получает приказ от режиссера «хлопать в ладоши» и «улыбаться», потому что, если бы не поддержка трибун, не было бы никакой нужды так кричать и самим ведущим. Главное, ведущие также не понимают силы человеческого слова, сказанного тихо и проникновенно – ведь именно такое слово доходит до глубины души сильнее всего... Но когда сказать нечего, то народ приходится обманывать криком, надо его «заводить», в результате получается однообразие сплошного «ора», который и стоит у ведущих во всех их субботних программах на Муз ТВ. Этот «ор» в течение двух-трех часов, понятное дело, могут выдержать только молодые уши, особенно уши, не слышащие теперь ни русского романса, ни душевной песни, ни даже бардовской лирики. Впрочем, слышали, и даже отреагировали бы со всей свойственной русскому человеку душевностью, только не тут-то было: не даст этот «малаховский» молах (безымянный, безавторский, безответный) современному молодому массовому зрителю и слушателю ни русской песни, ни романса, ни мелодии, ни человеческого лица, ни человеческой души...

Выходит Ян Арлазоров, популярный модный артист, с ним четыре столь же популярные девицы – ансамбль, и начинается пошлейшее ползание по арлазорскому телу то одной девицы, то другой. Смотреть на «это» ресторанно-дешевое сексуально разнузданное шоу, которое пытаются втюрить публике как новое искусство, и скучно, и грустно, и отвратительно...

Потом начинается якобы «юмор»: к девицам подсаживается «юмористка» и начинается диалог про их «попки». Слово «попки» и его синоним «задница» вообще одно из наиболее любимых и частотных слов на нашем телевидении, повторяющем американский слэнг и видящем в этом свое демократическое новаторство. Слово «попка» обязательно во всех переводных диалогах

американского хулигана, пытающегося задеть сексуально привлекательную красотку, слово «задница» обязательно в переводных мультфильмах, в диалогах бандитов и наркоманов, неслучайно оно звучит и в речи академика ТВ Владимира Познера, закончившего как-то свою очередную передачу сентенцией о «голой заднице», с которой мы якобы жили в некие времена.

И так что ни возьми в «Большой премьере»: вот вышел юморист, пародирующий школьные сочинения. Вроде бы смешной текст, но поэтические приемы становятся ясны уже ко второму абзацу. И «ржать»-то уже никому неохота, но за кадром все кто-то закатывается, кому-то ну просто дурно делается от смеха, оператор (чувствуется по скольжению камеры) выхватывает редкие улыбающиеся (ну уж никак не ржущие) лица, но даже за этими лицами просматривается скукота, которую не скроешь...

Суббота, 11 ноября

В нашем институте закончилась V Международная олимпиада по русскому языку для школьников стран СНГ и Балтии. Праздник русского языка, счастливые лица ребят и учителей, организаторов... По «России» показали полторы минуты, по ТВЦ – чуть дольше. Конечно, спасибо и на том – ведь могли и вообще не приехать.

Сопоставляя различные сюжеты в эти дни, думалось: почему сюжет с катастрофой автобуса, в которой погибли две юные россиянки-спортсменки, заслуживает такого внимательного «обсасывания» в течение нескольких дней? Вот вам показали, как разбросаны вещи по шоссе, на траве, вот разбитая машина, вот завернутые в целлофан трупы... А вот спасшиеся – они в больнице. Интервью со спасшимися. Конечно, нужно показать спасшихся в автокатастрофе (родителям спокойнее!..), может, и самим выжившим так веселее. Но почему от нашего телевидения так несет «мертвечиной»: разбитые машины, разбросанные вещи, целлофан?..

Почему вы не покажете, какими счастливыми бывают люди, приезжающие в Россию, любящие Россию, живущие Россией, думающие о ней и говорящие о ней искренние, простые и великие слова? В вас живет пресловутая толерантность, боязнь услышать что-либо хорошее о родной стране? Но ведь всякое доброе слово объединяет, радует, окрыляет...

Россия – счастье, Россия – свет,
А, может быть, России вовсе нет?
И над Невой закат не догорал?
И Пушкин на снегу не умирал?..

25 ноября

Вечер на российском телевидении. «Россия». Пропагандируемый с регулярной постоянностью «Титаник». Входишь в комнату – и ... «А-а-а..!» Летящие в ледяную бездну океана люди – самые выразительные кадры фильма. Современному человеку, не взвизывающему на западную стену храма, где изображены картины страшного суда, необходимы телевизионные потрясения-потряски. Впрочем, они перебиваются рекламой пива, автомобилей, шампуней, майонеза, значит, все эти «титаники» – так это, выдумка, художественная фантазия, которой и верить-то особенно не стоит...

И, конечно, «первый российский фильм ужасов “Ведьма”...»

26 ноября

Вновь «Титаник» (см. 8 марта), подаваемый как «лучший фильм всех времен и народов»! Так внушается массовой информацией очередной миф... А почему «Титаник»? Почему не «Летят журавли»? Почему не «Баллада о солдате»? Почему не «Служебный роман» как фильм о любви? Почему не «Война и мир» как киноэпопея? Разве в искусстве есть что-нибудь лучшее? Разве Шекспир лучше Пушкина? Или Чайковский лучше Бетховена? Нет – и Пушкин, и Шекспир, и Чайковский, и Бетховен! Но только не в массовой информации: здесь надо творить мифы!!! Низким «сексуальным» баритоном вам внушают: «Ва-пер-вы-я-а-а... на Первом канале – бэссмертный фильм всех времен и народов!.. на первом!.. канале!!!»

...Почему у нас теперь не «летят журавли»?

1 декабря. Дома

После Международной конференции по русскому языку в странах СНГ и Балтии, где участники говорили о том, что образ России создается во многом благодаря нашему ТВ (а что же можно увидеть на вашем Первом канале? – в основном «криминальную Россию...»). И вот вам имидж России, о которой мы рассказываем, язык которой призываем изучать. Включаю утром – и что? Все то же:

На Первом канале бесконечный детектив с до странности небываемым героем (все тот же стрижено-небритый), который расследует преступления банды... Я начал смотреть со сцены в сумасшедшем доме, где два омерзительных, но время от времени приходящих в сознание сумасшедших рассказывают ему о том, что «Сашу убили...», потом сумасшедший рассказчик вспарывает матрац и достает оттуда толстую папку (это при том, что за ним

следят...), герой выходит из палаты и, поскольку он герой, идет дальше. Вот он входит в квартиру, дверь которой почему-то открыта (ждешь, что должно быть очередное преступление, кто-то кого-то подкараулит, набросится), в ванной плавают фотографии, на раковине кровь... Входит в комнату, там, в красном свете фотолампы, прикрученный к стене вверх руками молодой фотограф, истекающий кровью – в середину груди воткнута острым концом длинная расческа!.. Вас, дорогие россияне, надо потрясти очередной, невиданной жестокостью, надо, чтобы вы удивились, потряслись, содрогнулись...

Героя, понятное дело, подстерегают, хватают, отвозят в лес, бьют одетые в смокинги дяди (ну, до смешного похожие на переодетых американских гангстеров – те же смокинги, галстуки, темные очки – только говорят по-русски), объясняют ему, избитому и валяющемуся в грязи, что он должен вернуть какую-то «кассету» и папку. Главный бандит просит какого-то Петю «достать» из героя все, что он знает. Но после того, как вся группа уезжает, у героя откуда ни возьмись, после жестокого избития ногами и руками, просыпаются невиданные силы, он вдруг кидает через голову охранника Петю и начинает жестоко музуть Петю убийными ударами: оба – в грязи, оба кряхтят, наконец герой (с русской фамилией и душой – Алексей Николаев) подминает противника и, оседлав Петю с разбитым носом, спрашивает, на кого тот работает...

Следующая сцена: герой по коридору тянет охранника Петю с приставленным к горлу пистолетом по коридору – все шарахаются в стороны! (образец действий для юношей, обдумывающих житье и мечтающих работать террористами!) – доходит до кабинета... губернатора Хомякова!..

Губернатор Хомяков, конечно, хилый мужичонка, за спиной которого пропагандистский портрет к выборам, на столике, за который усаживается герой, еще неотмытый от грязи, – символ России, треколорный флажок, который губернатор переставляет подальше, но взгляд зрителя улавливает это срежиссированное движение (это вам, господа политики и президенты, чтобы вы знали, в какой России вы живете). Затем начинается обыкновенная бандидтско-геройская перепалочная торговля, в конце которой губернатор обещает уходящему герою, что его «достанут».

...Наш герой ползет домой. Но его крепкая фигура и грязные джинсы по-прежнему свидетельствуют о непотопляемости авианосца. Его окликает сидящий на скамейке скукоженный лысый мужичонка:

– Николаев!

Герой садится.

– Я тя очень прошу, – просит мужичонка, оказавшийся главным в городе эфэсбэшником, – забери свой рапорт обратно. Доведи это дело до конца...

После торговли герой, который лишь в грязной рубашончке, но по-прежнему фортовенький такой (после смертельных-то ударов!) соглашается.

И так далее...

Переключился на другую программу: «Я хочу выяснить, кто ее изнасиловал...»

На следующую: «Городок!» Городок – одна из наиболее глупейших и пошлейших программ нашего времени. Где все вымазано одной, обезумевшей от желания глумиться над самими собой краской, когда чем глупее, тем смешнее, для смеха места не остается. Сегодняшний сюжет – День энергетика! Обратим внимание на грязный фон «Городка»: это как бы наша жизнь.

Вот одна из сцен: толстый и безусый важно расхаживает вдоль машины. Его спрашивает тонкий и усатый (фамилии этих артистов известны – к сожалению, несмотря на их популярность, я их не знаю):

– Дай бензинчику!

Тот отвечает:

– А у меня – на другом топливе, работает без бензину.

– На каком?

Как написал бы классик, читатель, конечно, догадался, на каком. И только такой ответ может быть на российском телевидении в российской городке, который смотрят теперь в СНГ и Балтии наши изучающие русский язык ученики:

– На спирту!..

– Эй, мужики! – зовет толстый-безусый. – Ну-ка, подтолкните!

И пьяницы, стоящие у грязного подъезда, начинают толкать машину.

Описывать ли дальнейшие сюжеты? Они столь же бессмысленны и псевдокомичны.

И все это – примеры жизни для юношества, перчатка, ежедневно бросаемая Нашим министрам обороны, ФСБ, президенту. Смотрите и знайте, кто вы! И вы, Владимир Владимирович, позавчера сказали, что «будущий год будет годом русского языка»? Какого? Из «Городка» или из очередного бандитского сериала?

Конечно, не все так грустно. Но безобразие все-таки впечатляет. Может быть, поэтому о нем и написал.

Продолжение следует.

8 декабря. Томск.

Закончились лекции на кафедре русского языка Томского Государственного университета по риторике. Лекция-концерт в актовом зале ТГУ, который я завершаю словами «Утренней песни» Николая Заболоцкого «...и понял я в то золотое утро, что счастье человечества бессмертно», и далее: «Дорогие друзья! Верьте, что вы живете в великой стране, что мы говорим на великом русском языке, что «счастье человечества возможно...».

Но Томск замер. Арестовали мэра. Только об этом и шепот. После полуночи в желании увидеть записанные телевизионщиками фрагменты концерта смотрю телевизор, но все двадцать минут – только о самом волнующем для томичей: аресте мэра.

Пугающие кадры суда: привозят больного мэра, юный адвокат просит об изменении меры пресечения, т.е. освобождении из-под стражи. Мэр бормочет: «Я действительно плохо себя чувствую...» Юный прокурор возражает. Юный судья удаляется для принятия решения. У него осталось всего семь минут до времени, когда истечет трехдневный срок задержания. Судья выходит и начинает зачитывать решение, а в это время врач делает мэру массаж сердца, который не помогает. Мэра укладывают на лавку, а молодой судья продолжает скороговоркой читать, и видно, как он напуган и не успевает... Заседание продолжается еще три часа в отсутствии журналистов.

Показывают сына мэра, в офисе которого делают обыск, дочь мэра, у которой изымают хранившиеся в сейфе пятьдесят долларов и пятьсот тысяч рублей. Диктор просит телезрителей ответить на вопрос: Сочувствуете ли вы мэру? Три варианта ответа: да / нет / безразлично. Безразличных, в сущности, не будет, а остальные голоса почти поровну с небольшим перевесом несочувствующих.

В заключение двадцатиминутки показывают, как машина скорой помощи въезжает в сизо, куда привозят мэра, так и не помещенного в кардиоцентр. Аргументация суда с опорой на мнения врачей: здоровью мэра ничто не угрожает, это всего лишь следствие стресса, а также, возможно, «некоторых дурных привычек». Замечательный эзопов язык! Так значит, все-таки не все говорится?.. Гадайте, граждане телезрители, о каких таких «привычках» сказали врачи. Кто умный, тот «додумает», а мы представимся непонимающими.

Можно вообразить, что творится в душах сегодняшних томичей (в том числе тех, с которыми я сегодня так радовался и наслаждался: сначала музыкальным вечером в актовом зале университета, потом на кафедре – в сердечном чаепитии).

Чем же продолжит Томское телевидение телевизионный вечер? В советское время продолжили бы «Лебединым озером». Сегодня показывают какой-то бессмысленный фарс: «квартира Задова», где идиот Задов (отвратительно знаменитый усатый актер, фамилии которого не помню) прячет от жены женщину – снежного человека – «йэту». Сложился театрално-телевизионный стиль бессмысленных кривляний, на который без сочувствия просто нельзя смотреть. Смеяться этому невозможно, ибо все, что играют актеры, есть изображение чувств с наигранной мимикой, паданием в обмороки, криками... бездарно-бессмысленное действо, которое лишь усугубляет настроение...

А по Первому каналу оптимистический фильм, ладно сделанный и скроенный: группа сербов в горах убивает американского солдата и начинает охотиться за его товарищем, который убегает, связывается со «своими» по рации. Ну, конечно, все закручено, ему помогают, а какой-то бюрократ-адмирал мешает (ну, совсем как в старых советских фильмах про героев и бюрократов – стоило ли покупать у американцев то же самое?). И ясно, чем кончится все это действо: так и оказалось через два часа, когда случайно переключился на Первый: герой среди своих, а адмирал уволен со службы...

Мне показалось, что я сегодня посмотрел фильм «Мрак и отчаяние в постсоветской телевизионной империи»...

До самолета на Москву три с половиной часа...

26 декабря

Программа «Время». Последнее заседание Госсовета посвящено культуре. Швыдкой говорит о необходимости принести культуру в сельские клубы, которые оказались разбомбленными за годы перестройки. Примеры и сравнения, которые он приво-дил, к сожалению, странны...

Как всегда, очень убедителен Путин. Вдохновенно и долго говорит о том, что будущий год объявлен Годом русского языка. О русском языке, его консолидирующей силе говорят и другие. Вот только понимаем ли мы, что значат язык, слово, речь для обустройства нашей жизни?

2007–2008 – 08.07.2009

Конечно, автор вел какие-то записи в течение этого времени, но отсутствие их публикации – свидетельство того, что в империи СМИ за это время мало что изменилось. И то сказать: чтобы нечто менять, необходимо, чтобы изменилось сознание, родилась новая мысль, вдохновенная идея – благородная, честная, краси-

вая... «А что такое вдохновение? Так, неожиданно, слегка, сияющее дуновение божественного ветерка...» Божественное «дуновение» за прошедшие годы почти не посещает наше телевидение, хотя... хотя... Если захотеть, в каждом человеке-творце сияет образ Божий, способность к словесному отражению Добра, Истины, Красоты.

Была надежда на изменения стиля СМИ после президентских выборов, но она не состоялась. Понятно, почему: империя СМИ представляет собой такой гигантский молот, который перемалывает любое благородное начинание в приспособление к общему массовому стандарту и вкусу.

Надо писать статью «Философия СМИ и стиль жизни РФ». Современные СМИ предлагают определенный стиль мысли, речи, поведения, но сама фактура речи, коллективный способ ее создания, массовая аудитория располагают к тому, чтобы содержание и стиль речи были как можно более вульгарными, усредненными, опрошенными, одновременно агрессивными, злонравными, ибо всё это, по мысли создателей, и вызывает интерес. При отсутствии руководства этими самыми мыслями (точнее, помыслами) мы так и будем владеть дискомфортное существование, ибо комфорт, к которому стремится современный человек, не может быть только материальным – есть еще понятие информационного комфорта, который и создает благоприятную среду для существования людей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кто сказал тебе, что нет на свете благородного, честного, чистого, красивого, объединяющего и возвышающего языка? Кто сказал, что все продается, покупается, перевернуто, изолгано, исковеркано? Разве не от каждого из нас зависят чистота помыслов, инициативность идей, благопристойность и выразительность слов, уважительность поведения, уместность поступков и созданное всем этим настроение? Кто сказал тебе, что это – слова, слова, слова?..

За мной, читатель – оратор – молчальник – словесник! Он по-прежнему такой же великий, могучий, правдивый, свободный, дивный, поющий, нежный и радующий. Жизнь продолжается, а вместе с нею и наш язык. Скажи мне слово – и я скажу, кто ты...

ФОТОМГНОВЕНЬЯ ЖИЗНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Полагаю, что книгу о языке уместно закончить «безглагольными» фотографиями о русском языке и моих контактах с коллегами, учителями и учениками. Пусть они выразят радость нашей жизни в русском языке – русской речи – русском слове.

В. Аннушкин

Кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации
Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. 5 марта 2007 г., 15.40

Она же, 16.00

Счастливые взгляды после X Международной конференции по риторике
в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1 февраля 2006 г.

Улыбки после X Летней школы риторики и культуры речи
в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Июнь 2005

Здравствуй, институт!

Коридорная подготовка конкурса «Юный оратор» на III Международной олимпиаде школьников стран СНГ и Балтии по русскому языку, Апрель 2004 г.

Ведущий конкурса «Юный оратор»

Победители конкурса «Юный оратор»

С любимой ученицей на Международной конференции в Шанхае
«Триста лет русскому языку в Китае», 28–30 октября 2008 году

Обмен подарками с руководителем китайской коллективной монографии
«Русская риторика» профессором Фан Цзя Вэем

Курсы риторики: показ в свободном полете

Открытие Московского риторического клуба. Первая встреча. 30 июня 2009 г.

Содержание

Предисловие	3
Предисловие от автора	5
РУССКИЙ ЯЗЫК	7
Русский язык и духовное состояние общества	7
Когда язы́ки, распри позабыв	14
<i>Язык – речь – слово</i> в духовной литературе и современном образовании	24
Язык и дух народа как реальность сегодняшних СМИ	43
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – СЛОВО – ЛОГОС	45
Предмет филологии как науки (обзор концепций)	45
Словесность	56
Русский концепт <i>Слово-Логос</i> и его китайские аналоги <i>Дао</i> и <i>вэнь</i>	62
Слово и образ – основа отечественной культуры	70
Безмолвие – общение – общительность в русской духовной культуре	83
РУССКАЯ РИТОРИКА – КРАСНОРЕЧИЕ – ОРАТОРИКА	93
Риторика	93
Красноречие	101
Ораторика	108
Методология риторического образования	115
Обзор методологических концепций	115
Риторика в составе гуманитарных дисциплин	142
Спорные вопросы и постулаты риторического образования	154
Методологические принципы и концепция риторического образования	160
Политика как искусство речи и политическая риторика	174
НАСЛЕДУЯ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ	185
Русская риторика в свете русской истории	185
Задачи освоения и изучения «Краткого руководства к красноречию» М.В. Ломоносова	205
Филологические взгляды А.П. Сумарокова	217
Н.Ф. Кошанский – филологический учитель Пушкина	228
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА	240
О новой толерантности, русском терпении и речевой культуре педагога	240
Язык семьи	254
13 счастливых дней в Крыму	263
« <i>Ваш и наш</i> дивный, могучий, поющий язык...» (заметки российского преподавателя о курсах русского языка в Бельгии)	272
ДНЕВНИК МАССОВОГО КОММУНИКАНТА ЗА 2006-й ГОД	279
Послесловие	312
ФОТОМГНОВЕНЬЯ ЖИЗНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	313